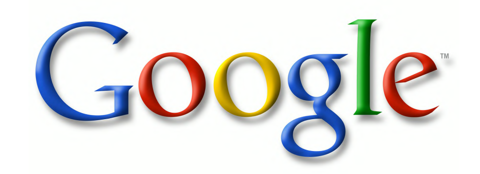

THE SLAVIC COLLECTION

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

В. А. СОЛЛОГУБА.

ТОМЪ V.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО КНИГОПРОДАВЦА
А. СМИРДИНА (сына).
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было узаконенное число экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ, С. Петербургъ 11 іюля 1855 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

ТИПОГРАФІЯ КРАЙЯ.

БІОГРАФІЯ

ГЕНЕРАЛА

КОТЛЯРЕВСКАГО.

—

ПОСВЯЩЕНО

ЕГО СВѢТЛОСТИ

КНЯЗЮ МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ.

Главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ.

Посвятивъ свои тифлисскіе досуги на составленіе біографіи генерала Котляревскаго, я исполнилъ приказаніе Вашей Свѣтлости, приказаніе, которое такъ согласовалось съ моимъ задушевнымъ желаніемъ оставить по себѣ нѣсколько словъ въ память благоговѣйнаго чувства, внушеннаго мнѣ кавказскимъ войскомъ. Нельзя быть на Кавказѣ свидѣтелемъ постоянныхъ подвиговъ русскаго оружія и глядѣть равнодушно на исполинскую борьбу между природой и людьми. Нельзя, посреди стольких смиренныхъ призваній и блестящихъ отличій, не слѣдить душою за труднымъ дѣломъ кровопролитнаго миротворенія, совершаемаго въ здѣшнемъ краѣ. Какъ ни хороши горы въ величественныхъ картинахъ, въ живописной ихъ жизни, но сердечная наша заботливость прикована не столько къ Кавказу, сколько къ судьбѣ русскихъ на Кавказѣ, къ значенію успѣховъ ихъ, къ ихъ долѣ и дѣйствіямъ, къ препятствіямъ, ими побораемымъ, къ побѣдамъ, съ трудомъ и славою ими одержаннымъ.

Вглядываясь въ военные кавказскіе нравы, я могъ убѣдиться, что упорная и непрестанная борьба образуетъ здѣсь часто людей особаго рода, особаго закала, для которыхъ война не эпизодъ въ жизни, а самая жизнь. Отчужденные отъ прикосновенія быта общественнаго, они сосредоточиваютъ, въ строгомъ исполненіи служебнаго долга, всю свою

дѣятельность, всѣ свои сердечныя попеченія. Для нихъ полкъ замѣняетъ и далекую родину и милое семейство, наблюденіе за подчиненными озабочиваетъ ихъ будничные дни, а праздники ихъ въ тревогахъ и схваткахъ съ непріятелемъ. Такіе люди рождаются съ особымъ тяжелымъ назначеніемъ, но они совершаютъ великіе подвиги, и совершаютъ ихъ не хвастливо, не запальчиво, не ожидая ни похвалъ, ни извѣстности, встрѣчая смерть и перенося жизнь, потому-что такъ быть должно и иначе быть не можетъ. Такихъ людей легко насчитать можно немало въ храбрыхъ рядахъ кавказскаго войска. Они потомки тѣхъ славныхъ сподвижниковъ Вашихъ, Гулякова, Карягина, Лисаневича, Котляревскаго, которые первые привѣтствовали Васъ на военномъ поприщѣ, въ томъ самомъ краѣ, на той самой войнѣ, что нынѣ поручены заслугамъ Вашимъ Престолу и отечеству.

Въ памяти Вашей живо сохранились эти люди другаго времени образцы людямъ времени настоящаго; но больше всѣхъ и ярче всѣхъ остался вамъ памятенъ Котляревскій, подлѣ величественнаго образа Вашего наставника въ военномъ дѣлѣ, незабвеннаго въ Грузіи князя Циціанова. Вамъ угодно было, чтобъ, хотя въ нетвердыхъ чертахъ, были выражены подвиги, отличія и рѣдкія достоинства вашего товарища, которому вы нѣкогда подали руку помощи на полѣ сраженія, и который, будучи вамъ обязанъ спасеніемъ, самъ спасъ впослѣдствіи и Грузію и всѣхъ русскихъ за Кавказомъ.

Но съ непритворнымъ сожалѣніемъ я долженъ сознаться, что біографія генерала Котляревскаго мною по волѣ Вашей Свѣтлости составленная, не оправдываетъ вполнѣ того, чего слѣдовало бы отъ нея ожидать. Надо быть очевидцемъ событій, чтобъ придать имъ, при описаніи, яркость, картинность и жизнь. Сухія реляціи, архивная пыль сохраняютъ лишь холодный остовъ минувшаго. Кто не видалъ, кто не прочувствовалъ того, что онъ выражаетъ, не въ силахъ передать вполнѣ удовлетворительно случаевъ, имъ самимъ неиспытанныхъ.

Я познакомился съ жизнью генерала Котляревскаго только послѣ его смерти. Мнѣ оставалось прослѣдить его дѣйствія по актамъ и бумагамъ. Въ трудѣ подобнаго рода единственныя достоинства: точность и совѣстливость. Каждое слово должно подтверждаться исторически вѣрнымъ источникомъ; а преувеличеніе, свойственное писателямъ, отнюдь не можетъ быть допущено.

Въ этомъ отошеніи, смѣю сказать, что книга, Вашей Свѣтлости представляемая, соотвѣтствуетъ правилу, меня руководившему.

Событія, въ ней описанныя, подтверждаются свѣдѣніями, извлеченными изъ бумагохранилищъ Вашей Канцеляріи и Генеральнаго Штаба, изъ разсказовъ очевидцевъ, изъ немногихъ матеріаловъ, полученныхъ отъ людей достовѣрныхъ.

Я позволилъ себѣ только, чтобъ выпуклѣе выставить личность генерала Котляревскаго, помѣстить въ его біографіи легкій очеркъ главныхъ про-

исшествій, современныхъ его службъ. Значеніе заслугъ его можетъ быть оцѣнено только въ общей связи обстоятельствъ его времени.

Самъ же онъ ничего не оставилъ, кромѣ мѣстъ, имъ завоеванныхъ, кромѣ доброй по себѣ памяти. Онъ принадлежалъ къ числу людей молчаливыхъ, непровозглашающихъ о себѣ, предпочитающихъ дѣла словамъ, и твердо вѣрныхъ своему призванію. Такъ онъ жилъ, такъ онъ и умеръ.

Жизнь его, какъ извѣстно Вашей Свѣтлости, раздѣлилась рѣзко на три части:

въ первой онъ свыкался съ войною,

во второй онъ побѣждалъ какъ начальникъ отряда,

въ третьей онъ былъ, по собственнымъ его выраженіямъ, живымъ мертвецомъ и доживалъ вѣкъ свой страдальцемъ.

Біографія его должна была, слѣдовательно, раздѣлиться на три главы:

1-я отъ 1782—1811,
2-я отъ 1811—1813.
3-я отъ 1813—1852.

Въ эти три главы я собралъ всѣ, въ рукахъ моихъ бывшіе, матеріалы. Но они, по сказаннымъ причинамъ, не составили полной біографіи, а только краткое описаніе происшествій, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ показаться баснословными тому, кто не знаетъ Кавказа, не знаетъ, какихъ людей образуетъ его суровая, неугомонная война.

———

I.

(1782 — 1810 г.)

—

Въ Купянскомъ Уѣздѣ Харьковской Губерніи, находится большое казенное село Ольховатка, гдѣ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, проживалъ бѣдный священникъ изъ дворянъ, отецъ Стефанъ Котляревскій. Благочестивая жизнь служителя Церкви прошла бы, конечно, незамѣченная, еслибъ Провидѣніе не назначило ему, въ награду его смиренной безвѣстности, сдѣлаться отцомъ человѣка, стяжавшаго себѣ громкое имя въ ряду кавказскихъ воиновъ. 12-го іюня 1782 года, ольховатскій священникъ былъ обрадованъ рожденіемъ сына, нареченнаго при святомъ крещеніи Петромъ.

Съ самаго дѣтства молодой Котляревскій оказывалъ рѣдкія способности, для образованія которыхъ онъ и былъ отправленъ въ Харьковскій Ду-

ховный Коллегіумъ. Въ Коллегіумѣ онъ уже на 10-ти лѣтнемъ возрастѣ находился въ классѣ риторики, но не имѣлъ еще тогда въ жизни никакой опредѣленной цѣли, какъ вдругъ странный и вовсе неожиданный случай указалъ ему на его настоящее призваніе.

Однажды, въ 1792 году, во время зимней вьюги и одной изъ тѣхъ метелей, которыя такъ опасны въ степяхъ, два заблудившіеся путника остановились въ Ольховаткѣ, прося убѣжища отъ непогоды. Одинъ изъ путниковъ былъ самъ начальникъ губерніи, харьковскій гражданскій губернаторъ, другой, подполковникъ Лазаревъ, ѣхавшій по дѣламъ службы изъ Донской Земли, гдѣ онъ квартировалъ съ четвертымъ батальономъ бывшаго Кубанскаго Егерскаго Корпуса. Бѣдные жители села, помѣщаясь въ простыхъ хатахъ, не осмѣлились пріютить столь именитыхъ путешественниковъ, а проводили ихъ къ дому священника. Отецъ Стефанъ принялъ ихъ съ русскимъ радушіемъ. Сверхъ всякаго чаянія, метель не только не утихла, но еще усилилась и продолжалась цѣлую недѣлю. Неожиданные гости должны были понеобходимости оставаться все это время узниками въ домѣ сельскаго священника Къ счастію, отецъ Стефанъ былъ человѣкъ умный и образованный: время прошло незамѣтно. Страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ люди, по званіямъ своимъ столь далекіе другъ отъ друга, сблизились и подружились. Въ то время молодой Котляревскій находился у

отца, тоже въ гостяхъ, вѣроятно, по случаю праздниковъ—умный и бойкій мальчикъ, его познанія, не по лѣтамъ, его рѣзкіе и благородные отвѣты чрезвычайно понравились Лазареву. Лазаревъ не былъ еще женатъ, не имѣлъ дѣтей. Ему пришла въ голову мысль отплатить священнику за недѣльный постой счастіемъ его сына. Съ этой цѣлью онъ предложилъ отцу Стефану, чтобъ онъ отдалъ ему молодаго риторика на попеченіе, обѣщая, что онъ его запишетъ къ себѣ въ батальонъ и будетъ заботиться о немъ, какъ о близкомъ родственникѣ (1). Подобное предложеніе смутило и тронуло бѣднаго священника. Онъ долго колебался, долго отнѣкивался и наконецъ принужденъ былъ согласиться. Между-тѣмъ метель кончилась и Лазаревъ уѣхалъ.

Прошло полтора года. Мирное существованіе жителей Ольховатки и ихъ пастыря давно приняло свое обычное теченіе. Начинали уже забывать о бывшемъ нѣкогда посѣщеніи; отецъ Стефанъ уже думалъ, что полковникъ Лазаревъ пошутилъ, но Лазаревъ помнилъ свои обѣщанія. Въ маѣ мѣсяцѣ 1793 года является въ домъ священника сержантъ, объявляя, что онъ присланъ за фурьеромъ Котляревскимъ, который, числясь уже въ строю, требуется на Царскую службу. Дѣлать было нечего, молодой фурьеръ обнялъ отца, вѣроятно, поплакалъ въ послѣдній разъ, принявъ пастырское и родительское благословеніе, и отправился съ своимъ вожатымъ въ штаб-квартиру батальона, пе-

реведенную съ Дона въ Моздокъ. Въ Моздокѣ и Наурѣ Котляревскій началъ службу, познакомился съ солдатскимъ бытомъ (2). Промыслу угодно было, чтобъ онъ вступилъ въ тотъ самый корпусъ, который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, былъ образованъ Суворовымъ, этимъ безсмертнымъ образцомъ всѣхъ русскихъ генераловъ.

Лазаревъ сдержалъ вполнѣ свое слово. Онъ принялъ Котляревскаго въ свой домъ, старался о его образованіи, снабжалъ его хорошими книгами, въ-особенности историческими, въ которыхъ онъ могъ изучать дѣянія древнихъ полководцевъ, и до самой своей смерти заботился о немъ, какъ о родномъ своемъ сынѣ. Котляревскій сохранилъ до гроба благоговѣйную благодарность къ памяти своего благодѣтеля, оказавшаго своею заботливостью о пріемышѣ истинную услугу всему государству. Годъ спустя послѣ опредѣленія на службу, Котляревскій былъ произведенъ въ сержанты и вскорѣ потомъ, въ 1796 году, ему довелось впервые услыхать свистъ непріятельскихъ пуль.

Въ Персіи царствовалъ грозный эвнухъ Ага-Магометъ-Ханъ, опустошавшій Грузію гибельными нападеніями. Христіанское населеніе за Кавказомъ, стѣсняемое со всѣхъ сторонъ мусульманствомъ, теряло мало-по-малу свое вліяніе и свои владѣнія. Персія явно простирала свои замыслы на все Закавказье, образовавшее нѣкогда, за исключеніемъ Грузіи, сперва Ширванскую Провинцію, потомъ отдѣльное ширванское владѣніе и наконецъ раздро-

бившееся на нѣсколько ханствъ, хотя не вполнѣ подвластныхъ, но, по единовѣрію, преданныхъ персидскому владычеству.

Упоенный своими удачами, Ага-Магометъ-Ханъ отважился оскорбить русскаго контр-адмирала, и замышлялъ о союзѣ съ Портой противъ Россіи. Къ этимъ достаточнымъ для разрыва причинамъ присоединялись и другія высшія соображенія — о защитѣ измученной Грузіи, о пользахъ Русской торговли (²). Братъ шаха, Муртаза-Кули-Ханъ, владѣтель богатой прикаспійской провинціи Гилянъ, испугавшійся мести Аги Магомета за то, что не хотѣлъ уступить ему лошади, купленной за 4000 червонцевъ, бѣжалъ въ Петербургъ, прося заступничества. Вскорѣ затѣмъ война между Россіей и Персіей была объявлена и графъ Зубовъ прибылъ въ Кизляръ, въ качествѣ главнокомандующаго. Съ нимъ прибылъ и Муртаза-Кули-Ханъ, посягавшій на персидскій престолъ. Немедленно начались военныя дѣйствія. Въ Дагестанѣ уже находился трехтысячный отрядъ, подъ начальствомъ генерал-майора Савельева, который безуспѣшно покушался овладѣть Дербентомъ. Къ этому важному пункту, занятому нѣкогда Петромъ Великимъ, устремилась русская армія, раздѣлившись на двѣ части. Первую, самую значительную, повелъ графъ Зубовъ внизъ по каспійскому берегу; вторая, подъ начальствомъ генерала Булгакова, должна была, пройдя обходомъ чрезъ трудныя табасаранскія ущелья, подойдти къ крѣпости съ противо-

положной стороны (*). Въ этомъ отрядѣ находился 4-й батальонъ Кубанскаго Корпуса съ Лазаревымъ, а въ солдатскихъ рядахъ, съ ружьемъ на плечѣ, шелъ сержантъ Котляревскій.

Ему суждено было быть свидѣтелемъ всѣхъ событій той продолжительной борьбы, которая начиналась съ грознаго нашествія, продолжилась потомъ неутомимой битвой горсти храбрыхъ противъ цѣлаго государства, и кончилась наконецъ двумя изумительными побѣдами, которыми уже самъ Котляревскій заключилъ свое военное поприще. Молодой сержантъ имѣлъ случай познакомиться и съ трудной походной жизнью и съ кавказской природой и съ азіатской войной и съ азіатскимъ вѣроломствомъ. Онъ перестрѣливался съ лезгинами на той странной войнѣ, гдѣ за каждымъ кустомъ сидитъ невидимый непріятель, выбирающій свою жертву въ цѣпи, охраняющей колонну, тогда-какъ самая колонна разстилается и вьется змѣей по изгибамъ сдвинутыхъ утесовъ. Онъ присутствовалъ при осадѣ Дербента, при сдачѣ крѣпости. Онъ видѣлъ, какъ Шихъ-Али-Ханъ дербентскій, испуганный появленіемъ русскихъ, сдался графу Зубову и былъ принятъ съ почестью нашимъ войскомъ, за которымъ слѣдовалъ какъ почетный плѣнникъ. Онъ видѣлъ, какъ, восхищая всѣхъ своимъ лихимъ наѣздничествомъ и джигитовкой, Шихъ-

(*) Въ походѣ участвовалъ артиллеріи капитанъ А. П. Ермоловъ.

Али-Ханъ однажды вдругъ поскакалъ на крутую гору, на вершинѣ которой показались люди, его ожидавшіе, и плѣнникъ скрылся въ виду цѣлой арміи. Другой владѣтель Мустафа ханъ ширванскій, оказавшій впослѣдствіи русскимъ истинныя услуги, но не довѣряя еще имъ въ то время, тоже бѣжалъ. Ханство его было передано его престарѣлому дядѣ Касимъ-Хану, изъявившему совершенную преданность русскимъ и непреминувшему взбунтоваться при первой возможности. Для молодаго человѣка, желавшаго узнать мѣстные обычаи, случай представлялся самый удобный. Хотя экспедиція не ознаменовалась важными битвами, но событія, ея сопровождавшія, были во многомъ поучительны, въ особенности для познанія войны на Востокѣ. Послѣ опасной переправы чрезъ страшную рѣку Самуръ, самую стремительную и самую широкую изъ всѣхъ кавказскихъ рѣкъ, русское войско, занявъ на пути ханства Кубинское и Бакинское, дошло до Муганской Степи. Отсюда отдѣлился отрядъ, подъ начальствомъ генерала Корсакова, вверхъ на помощь грузинскому царю Ираклію. Отрядъ, съ которымъ находился и Котляревскій, дошелъ до Ганжи. Ганжинскій ханъ сдался безъ сопротивленія. То былъ тотъ самый Джаватъ-Ханъ, который впослѣдствіи такъ отчаянно защищался противъ князя Циціанова. Такимъ образомъ экспедиція продолжалась успѣшно. Встревоженный Ага-Магометъ-Ханъ не смѣлъ еще двинуть своихъ полчищъ противъ угрожавшаго ему

гибелью вторженія, какъ вдругъ кампанія окончилась самымъ неожиданнымъ образомъ. 24 декабря получено въ главномъ лагерѣ извѣстіе о кончинѣ царствующей Императрицы. Въ то же время полки получили отъ воцарившагося Императора Павла I-го, нежелавшаго продолжать войны съ Персіей, приказаніе возвратиться въ свои штаб-квартиры. Графъ Зубовъ сдалъ командованіе начальнику Кавказской Линіи графу Гудовичу, и войска немедленно выступили въ обратный путь. Неизлишнимъ замѣтить, что Военная Коллегія не утвердила наградъ, назначенныхъ графомъ Зубовымъ. Сержантъ Котляревскій, надѣявшійся представленію М. Лазарева, на производство въ офицеры долженъ былъ продолжать еще два года службу въ нижнихъ чинахъ. Только въ 1799 году онъ былъ произведенъ въ подпоручики; а такъ-какъ 4-й батальонъ Кубанскаго Корпуса былъ переименованъ въ 17-й Егерскій Полкъ (*), то шефъ новаго полка, его благодѣтель, Г. Лазаревъ выбралъ его шефскимъ адъютантомъ. Котляревскому было тогда 17 лѣтъ. Онъ уже славился въ полку характеромъ стойкимъ, умомъ свѣтлымъ и проницательнымъ, и рѣдкой любознательностью, но не имѣлъ еще случая отличиться. Вскорѣ этотъ случай представился. 17-й егерскій полкъ получилъ приказаніе поспѣшить въ Грузію, не прежнимъ окольнымъ путемъ, а прямо черезъ горы. Съ

(*) Нынѣ Эриванскій Карабинерный.

было впослѣдствіи расширить блистательными побѣдами. Переходъ совершился поздней осенью и съ большими затрудненіями. И теперь, когда устройство дорогъ на Кавказѣ такъ неусыпно озабочиваетъ правительство, и теперь, послѣ огромныхъ трудовъ и огромныхъ издержекъ, переправа черезъ горы не всегда безопасна въ зимнее время надъ зіяющими безднами, подъ висящими на темени горныхъ вершинъ лавинами; но тогда изъ мрачнаго Дарьяльскаго Ущелья вилась только протоптанная осетинами тропинка по страшнымъ крутизнамъ, по которымъ одни туры скачутъ безъ боязни. Отрядъ шелъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ горахъ стояла стужа и поднялись страшныя метели. Тутъ всѣ ужасы кавказской природы выказались во всемъ грозномъ своемъ величіи. Тутъ молодой Котляревскій имѣлъ случай свыкнуться съ тѣми неудобствами, съ тѣми препятствіями, которыя Кавказъ громоздитъ на встрѣчу смѣльчакамъ, отважно на него идущимъ. Отрядъ спустился наконецъ на живописную Арагвскую Долину и прибылъ въ Тифлисъ 26 ноября 1799 года. Самъ царь встрѣтилъ его въ трехъ верстахъ отъ города съ духовенствомъ и дворянствомъ, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Болѣе 10 тыс. народа вышли привѣтствовать своихъ избавителей веселыми восклицаніями, сопровожденными пляской лезгинки и шумнымъ трескомъ зурны. Чтобъ подать примѣръ своимъ вельможамъ, царь предложилъ каждому изъ штаб-офицеровъ свое собственное жилище; но

обстоятельства были такія, что самъ онъ жилъ въ двухъ комнатахъ, очистивъ свой домъ для помѣщенія состоящаго при немъ въ качествѣ уполномоченнаго, или русскаго министра Коваленскаго.

Коваленскій былъ такимъ образомъ представителемъ въ Грузіи русскаго правительства. Лазаревъ въ то же время являлся военнымъ начальникомъ, отвѣтствующимъ за безопасность края. Отъ этого между сими двумя лицами, по безпрестаннымъ столкновеніямъ, возникли взаимныя неудовольствія, въ которыхъ выразились ихъ личные характеры. Коваленскій, какъ человѣкъ свѣтскій, заботился о визитахъ, о соблюденіи формъ; Лазаревъ, какъ солдатъ, шелъ прямо къ цѣли, не безпокоясь о соблюденіи свѣтскихъ приличій. Онъ принялъ на себя учрежденіе карауловъ, заботы о продовольствіи отряда и мимо Коваленскаго настойчиво требовалъ отъ грузинскаго царя исполненія относительно сего продовольствія обѣщаній. Коваленскій негодовалъ за такое къ нему неуваженіе и жаловался инспектору Кавказской Линіи генерал-лейтенанту Кноррингу, что Лазаревъ посылалъ своего адъютанта (Котляревскаго) прямо къ царю Георгію, и что сей адъютантъ былъ такъ грубъ, что не хотѣлъ получить отповѣдь царскую черезъ его докладчика, но требовалъ допуска къ царю непремѣнно, и его высочество, по обычному своему къ россіянамъ благоснисхожденію, рѣшился велѣть сего адъютанта допустить, хотя былъ занятъ важнымъ дѣломъ и находился еще въ своей спальнѣ. Отнюдь

этимъ переходомъ начинается для Котляревскаго цѣлая безпрерывная цѣпь сраженій и событій, въ которыхъ онъ принималъ все болѣе-и-болѣе дѣятельное участіе, но для уразумѣнія которыхъ необходимо бросить бѣглый взлядъ на тогдашнее состояніе Закавказья.

Грузія изнывала отъ внѣшнихъ враговъ и внутренней неурядицы. Большая часть всего края принадлежала духовенству, остальная должна была содержать царя съ его придворными, многочисленное дворянство и войско, которое набиралось за нѣсколько дней передъ начатіемъ войны. Храбрый, но безпечный народъ, предпочитающій молодецкія схватки, говоръ зурны и шумныя пирушки медленнымъ успѣхамъ трудолюбія, близкое сосѣдство татарскихъ ханствъ съ одной стороны, лезгинскихъ скопищъ съ другой, и вѣчное опасеніе отъ сокрушительныхъ нападеній турокъ и персіянъ — все это неминуемо условливало паденіе нѣкогда славнаго, но въ то время изнеможеннаго и раздѣленнаго царства, оставшагося безъ регулярнаго войска, безъ казны, безъ порядка и безъ силы.

Ничто такъ рѣзко не опредѣляетъ этой печальной эпохи, какъ условіе, заключенное царемъ Иракліемъ II-мъ съ Омаръ-Ханомъ аварскимъ, по которому послѣдній обязывался защищать Грузію отъ лезгинъ за 5000 руб. въ годъ. Но и эта скудная сумма не могла быть выплачена исправно, и лезгины продолжали попрежнему грабить беззащитныхъ.

Наконецъ нашествіе на Тифлисъ въ 1795 году

персидскаго войска, подъ предводительствомъ Ага-Магомета-Хана, было послѣднимъ ударомъ для Грузіи. Персіяне грабили городъ шесть дней сряду, рѣзали жителей, разоряли церкви, утопили митрополита Досиѳея въ Курѣ и увели съ собой до 3000 плѣнныхъ. Къ этимъ всѣмъ бѣдствіямъ присоединилась моровая язва, чтобъ довершить всѣ злополучія, которыя можетъ только выстрадать государство.

Вопль отчаянія былъ слышанъ до Петербурга. Императрица Екатерина II послала графа Зубова остановить дерзость персіянъ. Мы уже видѣли подробности этого похода. Между-тѣмъ Екатерина II-я скончалась, скончался тоже 80-ти лѣтній Ираклій. Сынъ его Георгій XIII поручилъ своему посланнику въ Петербургѣ, князю Чавчавадзе, просить воцарившагося Императора Павла о присылкѣ отряда войскъ ему на помощь.

Просьба грузинскаго царя была уважена. 17-й егерскій полкъ, при четырехъ орудіяхъ, получилъ приказаніе перейдти черезъ горы, подъ предводительствомъ генерал-майора Лазарева. Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ русскіе воины уже четыре раза переходили на короткое время черезъ Кавказскій Хребетъ, но съ прибытіемъ Лазарева, русскіе не покидали болѣе Грузіи. Итакъ молодой Котляревскій, находившійся при Лазаревѣ шефскимъ адъютантомъ, какъ-бы съ первымъ своимъ шагомъ былъ свидѣтелемъ укрѣпленія за русской державой Закавказья, котораго границы ему суждено

нельзя предполагать, чтобъ молодой Котляревскій, въ этомъ случаѣ, съ явнымъ недоброжелательствомъ изложеннымъ, отступилъ отъ должной почтительности къ державному старцу, и саномъ своимъ и лѣтами и личными достоинствами требующему глубокаго уваженія. Этотъ случай доказываетъ только то, что Котляревскій, будучи еще 18-ти лѣтъ, употреблялся по секретнымъ важнымъ дѣламъ. Самъ Коваленскій сознавался, что ему осталось неизвѣстно какого рода объясненія были между Лазаревымъ и Георгіемъ XIII. Впрочемъ, Лазаревъ былъ въ то время дѣйствительно въ совершенномъ разстройствѣ духа, лишившись молодой жены, на которой онъ только-что женился. Онъ былъ воспитанникъ Кадетскаго Корпуса, принадлежалъ къ дворянской фамиліи Казанской Губерніи и хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, на которомъ писалъ къ генералу Кноррингу свои оправданія противъ обвиненій Коваленскаго. Лишившись жены, онъ сосредоточилъ всѣ свои заботы въ служебныхъ обязанностяхъ, которымъ вскорѣ долженъ былъ принести жизнь свою въ жертву. Коваленскій доносилъ на него, что онъ оштрафовалъ подполковника Карягина вычетомъ мѣсячнаго жалованья, подъ претекстомъ небытія на разводѣ одинъ разъ, но что настоящая причина была та, что Карягинъ былъ у него, Коваленскаго съ визитомъ. Вскорѣ за тѣмъ Коваленскій былъ отозванъ и Лазаревъ до прибытія генерала Кнорринга принялъ его дѣла. Въ то же время вступилъ въ

Тифлисъ полкъ генерал-майора Гулякова (*) для подкрѣпленія и подъ начальство Лазарева, принявшаго такимъ образомъ подъ свою команду до 3000 человѣкъ при семи орудіяхъ. Съ прибытіемъ новаго полка и съ отъѣздомъ Коваленскаго, кругъ дѣятельности Лазарева значительно расширился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занятія Котляревскаго. Онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю военную и гражданскую переписку отряднаго начальника, и это достаточно свидѣтельствуетъ о его способностяхъ, тѣмъ болѣе, что положеніе Лазарева было совершенно исключительное. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ имѣть наблюденіе за внутренними политическими интригами, съ другой, за охраненіемъ Грузіи отъ внѣшнихъ враговъ.

Въ тифлисскихъ архивахъ сохранилось много бумагъ того времени, писанныхъ и отмѣченныхъ бойкой рукой Котляревскаго. Самыя важныя, какъ, напримѣръ, относительно членовъ царской семьи, относительно моровой язвы и проч., собственноручныя и написаны ясно, коротко и опредѣлительно. Онѣ очевидно сочинены не Лазаревымъ, а самимъ Котляревскимъ и указываютъ на какомъ практическомъ поприщѣ онъ имѣлъ случай образовать свой слогъ, пріобрѣсть точныя понятія о людяхъ и событіяхъ. Но опытность, пріобрѣтенная имъ въ письменныхъ дѣлахъ, скоро

(*) Впослѣдствіи Кабардинскій, а нынѣ Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева.

должна была пополниться другою, болѣе славною опытностью, которую онъ пріобрѣлъ трудами и кровью въ походахъ и битвахъ.

Георгій XIII былъ при смерти. Онъ оставлялъ 8 сыновей и 7 братьевъ отъ втораго брака царя Ираклія. Изъ числа сихъ послѣднихъ предпріимчивый царевичъ Александръ, недовольный спасительнымъ для Грузіи посредничествомъ русскихъ, бѣжалъ въ Персію, а потомъ присоединился къ Омаръ-Хану аварскому, всегда готовому воспользоваться неурядицею своихъ сосѣдей. До 20,000 лезгинъ спустились съ безплодныхъ Дагестанскихъ Горъ и вошли въ Кахетію. Ихъ готовились встрѣтить 10,000 грузинъ, предводительствуемыхъ царскими сыновьями Іоанномъ и Багратомъ. Лазаревъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь съ двумя батальонами и артиллеріей и соединился съ ними въ крѣпости Сигнахъ, въ 101 верстѣ отъ Тифлиса. Лезгины были уже отъ нихъ въ 15-ти верстахъ и расположились лагеремъ на берегахъ Алазани. Такъ прошло шесть дней, въ теченіе которыхъ поручикъ Котляревскій съ 10-ю казаками былъ посланъ по ущельямъ для развѣдыванія о непріятельскомъ движеніи. По доставленнымъ имъ свѣдѣніямъ, Лазаревъ устремился съ обоими батальонами, построенными въ два каре, къ рѣчкѣ Іорѣ, впадающей справа въ Алазань. Непріятель, находившійся тогда на правой сторонѣ Іоры, возвратилъ немедленно отрядъ свой, посланный для завладѣнія ближайшими деревнями, и, поспѣшно переправясь черезъ рѣку, бросился

близь села Кагабети, на правый флангъ егерскаго баталъона, бывшаго подъ личною командою Лазарева. Пушечные выстрѣлы скоро заставили лезгинскую конницу отказаться отъ напраснаго покушенія и обратиться къ конницѣ грузинской, мужественно выдержавшей напоръ, причемъ егерскій батальонъ открылъ сильный огонь, которымъ билъ во флангъ противниковъ. Въ самомъ пылу сраженія Лазаревъ посылалъ Котляревскаго къ царевичу Іоанну, для нужныхъ переговоровъ, и Котляревскій отважно и точно исполнялъ данныя ему порученія. На лѣвомъ флангѣ мушкетерскій батальонъ, подъ командою генерал-майора Гулякова, между-тѣмъ не оставался безъ дѣйствія: онъ двинулся впередъ и завязалъ жаркую перестрѣлку съ лезгинской пѣхотой. Бой продолжался около трехъ часовъ и кончился совершеннымъ пораженіемъ непріятеля, который обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ до 1,500 человѣкъ убитыми. Въ числѣ раненыхъ находился самъ царевичъ Александръ. Съ нашей стороны потеря была самая ничтожная (4).

Лазаревъ, донося о сей блистательной побѣдѣ своему прямому начальнику генерал-лейтенанту Кноррингу, не преминулъ засвидѣтельствовать объ отличной службѣ своего адъютанта, вслѣдствіе чего Котляревскій былъ награжденъ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, и 8-го декабря того же года произведенъ въ штабс-капитаны.

Отрядъ благополучно возвратился въ Тифлисъ и засталъ весь городъ въ волненіи. Георгій XIII-й

скончался въ то самое время, когда онъ просилъ о принятіи Грузіи въ русское подданство. Отвѣта изъ Петербурга еще не было. Генералъ Лазаревъ, на основаніи полученныхъ имъ инструкцій, немедленно объявилъ собранію царевичей, князей и духовенства волю Государя Императора, чтобы, до полученія Высочайшаго соизволенія, не былъ избираемъ преемникъ престола. Тщетно Давидъ, старшій сынъ Георгія, и Іулонъ, старшій его братъ, начали оспоривать права свои и угрожали междоусобіемъ взволновать и безъ того злополучное царство. Лазаревъ и русское войско остановили ихъ гибельныя для Грузіи попытки. Съ минованіемъ близкой опасности, начинались несбыточныя мечтанья. Многочисленные члены царской семьи начали волновать народъ. Хотя царевичъ Давидъ былъ провозглашенъ правителемъ Грузіи, но дядя его Іулонъ не признавалъ его преимущества. Вслѣдствіе своихъ замысловъ, онъ, вмѣстѣ съ братьями, Вахтангомъ, Миріаномъ и Парнаозомъ, отправился въ Карталинію, желая склонить тамошнее дворянство на свою сторону. Лазаревъ тотчасъ поручилъ Котляревскому ѣхать въ Мухрань, гдѣ находилось это сборище. Молодой адъютантъ и тутъ исполнилъ свое порученіе осторожно и успѣшно. Онъ донесъ, что карталинскіе князья, съ которыми онъ бесѣдовалъ, отозвались, что, присягнувъ Іулону, они не могутъ признать царевича Давида; но что если благоугодно будетъ Его Императорскому Величеству, чтобъ ни тотъ, ни дру-

гой царемъ не былъ, то они на сіе согласны, и послѣднюю кровь для Его Величества пролить желаютъ ([5]).

Наконецъ получено съ возвратившимися послами соизволеніе русскаго Императора на подданство Грузіи и обнародованъ Высочайшій манифестъ 18 января 1801 года о присоединеніи Грузинскаго Царства къ Россійской Имперіи. Однако Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, не довольствовался этимъ государственнымъ актомъ. Свѣтлая душа его, соболѣзнуя къ народнымъ страданіямъ, хотѣла удостовѣриться, что Грузія дѣйствительно не въ силахъ была защищаться отъ внѣшнихъ враговъ и внутренней борьбы, и что присоединеніе къ Россіи было единодушнымъ желаніемъ и единственнымъ спасеніемъ грузинскаго народа. Таковое безпримѣрное въ исторіи удостовѣреніе поручено было генералъ-лейтенанту Кноррингу.

Въ маѣ 1801 года, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ отправился въ Грузію въ качествѣ главнокомандующаго и губернатора. Въ Кайшаурѣ, у Кавказскаго Хребта, онъ былъ встрѣченъ почетнымъ грузинскимъ дворянствомъ, въ Пасанаурѣ—главными чинами и князьями, а въ Ананурѣ—духовенствомъ въ облаченіи, съ крестами и хоругвями. Такъ торжественно вступилъ первый представитель императорской власти въ Тифлисъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ русскимъ войскомъ. Онъ скоро убѣдился въ немощи Грузіи и, вслѣдствіе его донесенія, воспослѣдовало окончательное присоединеніе

Грузинскаго Царства къ Россійской Имперіи манифестомъ 12 сентября 1801 года.

Россія, внявъ скорбному моленію злополучнаго народа, пріютивъ ого подъ широкія крылья русскаго орла, получила безпрекословно полныя права надъ присоединеннымъ царствомъ, но въ то же время приняла и священныя обязанности. Отнынѣ безопасность Грузіи становилась долгомъ русскаго оружія. Исторія скажетъ, какъ оно исполнило долгъ свой, вступивъ въ исполинскую борьбу съ кавказской природой и не щадя ни издержекъ, ни трудовъ, ни крови. Еще до обнародованія втораго манифеста, Лазаревъ получилъ приказаніе отправиться въ Бамбакскую Провинцію, объѣхать границу, вытребовать бѣжавшихъ къ эриванскому хану жителей 33 татарскихъ деревень, съ 6-ю агаларами, и укоренить между татарами русскую власть посредствомъ присяги. Порученіе, продолжавшееся съ 30-го іюня по 15-е августа, было исполнено удачно. Бѣжавшихъ изъ-подъ власти Россіи татаръ прикрывалъ небольшой персидскій отрядъ, высланный изъ Эривани. Между нимъ и отрядомъ Лазарева завязалось небольшое дѣло, почитаемое началомъ той продолжительной 12-ти лѣтней войны, на которой Котляревскій подвизался съ перваго до послѣдняго выстрѣла. Въ этой первой стычкѣ персіяне были опрокинуты, а укрывавшіеся татары снова водворены на мѣстахъ своего жительства, при должныхъ предосторожностяхъ и обезпеченіяхъ. Въ донесеніи своемъ Ла-

заревъ отозвался, что онъ успѣхомъ своимъ обязанъ содѣйствію своего адъютанта штабс-капитана Котляревскаго, трудившагося неусыпно и неимѣвшаго никакого себѣ помощника (6).

Вскорѣ послѣ того генералъ Кноррингъ былъ отозванъ и на мѣсто его прибылъ прославившійся въ польскую кампанію генерал-лейтенантъ князь Циціановъ. Мужъ доблестный и прозорливый правитель, князь Циціановъ оставилъ по себѣ на Кавказѣ незабвенное имя. Исполненный благороднѣйшихъ стремленій, онъ вполнѣ олицетворялъ и военной опытностью и личной храбростью и рѣзкимъ умомъ и знаніемъ людей, достойнаго представителя высшей власти въ краѣ, вновь присоединенномъ. Съ самаго прибытія въ Грузію, онъ возстановилъ спокойствіе тѣмъ, что согласилъ членовъ грузинскаго царственнаго дома выѣхать въ Россію. Эта неизбѣжная въ тогдашнихъ обстоятельствахъ государственная мѣра встрѣтила нѣкоторое сопротивленіе отъ партіи злоумышленниковъ, котораго генералъ Лазаревъ сдѣлался жертвою. Настаивая по долгу службы, о скорѣйшемъ выѣздѣ одной изъ царицъ, онъ былъ предательски зарѣзанъ въ ея покояхъ и Котляревскій лишился своего благодѣтеля, оставившаго ему послѣднимъ наставленіемъ свой примѣръ: не щадить жизни для исполненія своей обязанности. Удаливъ виновниковъ внутреннихъ волненій, князь Циціановъ прекратилъ чуму, покорилъ, чрезъ храбраго генерала Гулякова, Джаробѣлоканскій Округъ, вѣчно из-

вергавшій хищныхъ лезгинъ на Грузію, присоединилъ добровольно Мингрелію и, впослѣдствіи, Имеретію къ Россіи, заключилъ дружественные союзы съ нѣкоторыми ханами и владѣльцами, а другимъ, для безопасности границъ, рѣшился доказать неотразимую силу русскаго оружія. Къ югу отъ Грузіи бывшее нѣкогда значительное Владѣніе Ширванское, уже съ полвѣка, какъ выше сказано, раздробилось на нѣсколько самовластныхъ ханствъ, изъ которыхъ Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Бакинское и Карабахское, по вліянію надъ ними персіянъ, образовали опасное сосѣдство. Ганжинскій Джаватъ-ханъ, уже разъ покоренный отрядомъ генерала Корсакова, отказался отъ данной присяги и съ дерзостью отвѣчалъ на требованія князя Цыціанова. Русское войско уже было нѣсколько усилено въ Грузіи. Князь Цыціановъ лично принялъ начальство надъ отрядомъ и двинулся къ Ганжѣ. Весьма замѣчательно то, что онъ предлагалъ предъ тѣмъ Котляревскому взять его къ себѣ въ адъютанты, послѣ насильственной смерти Лазарева; но Котляревскій отказался съ благодарностью отъ завидуемой чести. Быть-можетъ, онъ не хотѣлъ измѣнить памяти своего благодѣтеля; быть-можетъ, онъ опасался извѣстной запальчивости князя Цыціанова, будучи самъ довольно - вспыльчиваго свойства. Онъ предпочелъ служить въ строю (7) и принялъ командованіе ротою 17-го егерскаго полка. Когда князь Цыціановъ выступилъ и въ шесть маршей дошелъ до

селенія Загами, къ главному отряду примкнули, подъ командою полковника Карягина, два батальона егерей, между которыми находился и произведенный въ капитаны Котляревскій съ своею ротою.

Князь Цыціановъ, не имѣя чертежа города, рѣшился лично обозрѣть его и занять его ферштаты или сады. 1-й эскадронъ Нарвскаго Драгунскаго Полка, татары и легкое войско, подъ начальствомъ генералъ-майора Портнягина, 2-й батальонъ 17-го Егерскаго Полка подъ начальствомъ полковника Карягина, и батальонъ Кавказскаго Гренадерскаго Полка подполковника Симоновича подъ его личнымъ начальствомъ, при семи орудіяхъ, двинулись къ предмѣстьямъ города, и несмотря на то, что каждый садъ, по восточному обычаю, былъ окруженъ высокой землебитной стѣной, весьма удобной для защиты, всѣ сады, на разстояніи 1½ верстъ, были взяты въ-теченіе двухъ часовъ. Въ сраженіи, между прочими, отличились: флигель-адъютантъ графъ А. Х. Бенкендорфъ и Преображенскаго Полка поручикъ графъ М. С. Воронцовъ. Котляревскій, шедшій передъ ротой и пытавшійся безъ лѣстницъ вскарабкаться на наружныя укрѣпленія, былъ въ то время раненъ пулею въ ногу. Такъ-какъ онъ не могъ уже идти одинъ, его взяли подъ-руки, съ одной стороны, молодой графъ Воронцовъ, а съ другой, егерь Котляревскаго роты Иванъ Богатыревъ, тутъ же убитый пулею въ сердце. Котляревскій до глубокой старости вспоминалъ объ этомъ случаѣ, послужившемъ нача-

ломъ его неразрывной 48-ми лѣтней дружбы съ настоящимъ кавказскимъ намѣстникомъ.

Князь Цыціановъ, какъ истинно-великій человѣкъ, не посѣтовалъ на бѣднаго армейскаго капитана, отказавшагося отъ чести быть его адъютантомъ. Онъ выставилъ въ донесеніи своемъ къ Государю заслуги своихъ храбрыхъ сподвижниковъ, а паче всѣхъ, какъ писалъ онъ, раненаго 17-го Егерскаго Полка капитана и кавалера Котляревскаго, оказавшаго храбрость, достойную вознагражденія (8). Такимъ образомъ первый шагъ къ покоренію Ганжи, совершенный 2-го декабря 1803 года, былъ блистательный; второй долженъ былъ быть ударомъ рѣшительнымъ. Цыціановъ дожидался его цѣлый мѣсяцъ, пять разъ требовалъ сдачи со всѣхъ сторонъ осажденнаго города, предложилъ даже Джаватъ-Хану оставаться владѣльцемъ и данникомъ Россіи, но Джаватъ-ханъ съ дерзостью отклонилъ миролюбивыя предложенія. 3-го января назначенъ былъ приступъ. Большая часть войска была раздѣлена на двѣ колонны; резервъ и артиллерія сосредоточивались на великолѣпномъ ганжинскомъ майданѣ, обсаженномъ еще со временъ Шахъ-Абаса чинарами, и отдѣленномъ только мостомъ отъ крѣпостной стѣны опоясывающій городъ. Татарской же конницѣ назначено было держать цѣпь около садовъ. При такой диспозиціи, колонны двинулись съ двухъ сторонъ къ городу, несмотря на сопротивленіе непріятеля, придумавшаго зажечь между земляныиъ валомъ и

каменной оградой свернутыя бурки, обмоченныя въ нефть, чтобъ лучше видѣть и вѣрнѣе поражать осаждающихъ. Полковникъ Карягинъ, которому поручено было вести фальшивую атаку, кинулся на лѣстницы, влѣзъ на стѣну, въ одинъ мигъ овладѣлъ башнею и пушками, и отправилъ по стѣнѣ майора Лисаневича съ батальономъ, который, овладѣвъ еще двумя башнями, отперъ ворота побѣдителямъ. Другая колонна, подъ предводительствомъ генерала Портнягина, овладѣла тремя другими башнями и въ $1\frac{1}{2}$ часа городъ былъ взятъ. Самъ Джаватъ-ханъ былъ убитъ въ числѣ 1,500 защитниковъ крѣпости. Въ плѣнъ взято 8,585 мужчинъ и 8639 женщинъ, которыхъ, равно какъ и дѣтей, щадили и оберегали съ примѣрнымъ состраданіемъ.

По взятіи города, князь Циціановъ возвратился въ Тифлисъ, оставивъ въ Ганжѣ для гарнизона 17-й Егерскій полкъ и поручивъ Карягину охранять, кромѣ Ганжинскаго Владѣнія, Шамшадиль, Самуху, и заняться чрезъ штабъ и обер-офицеровъ переписью людности и имущества жителей, а равно и доходовъ, собираемыхъ ханомъ.

Вскорѣ затѣмъ Ганжа, въ доказательство, что она на-вѣки останется за русскими, переименована въ Елисаветополь. Князь Циціановъ пожалованъ, за блистательную побѣду, генераломъ-отъ-инфантеріи, а въ числѣ обер-офицеровъ, капитанъ Котляревскій - орденомъ Св. Анны 3-го класса Въ то же время возвращено ему старшинство,

котораго онъ лишился при уничтоженіи чиновъ (*), пожалованныхъ графомъ Зубовымъ, и, для уравненія съ сверстниками, произведенъ въ майоры. Между-тѣмъ возмутившіеся джарскіе лезгины, при чемъ убитъ храбрый Гуляковъ, были приведены къ покорности генерал-майоромъ княземъ Орбеліаномъ; а Имеретія, равно какъ и Мингрелія, вступили въ подданство Россіи.

Взятіе Ганжи влекло неминуемо за собой уклоненіе отъ персидскаго вліянія ханствъ: Шекинскаго, Ширванскаго, Карабагскаго. Преемникъ Ага-Магометъ-Хана, убитаго въ столицѣ Карабага, Шушѣ, персидскій шахъ Фетъ-Али (именованный въ то время русскими Бабаханомъ), ужаснулся нависшей надъ нимъ грозѣ и готовился на отчаянное сопротивленіе. Честолюбивый и надменный сынъ его Аббасъ-Мирза двинулся съ многочисленнымъ войскомъ, при которомъ находился царевичъ Александръ, къ Эривани, и самъ шахъ готовился за нимъ слѣдовать. Эриванскій ханъ обратился къ князю Цыціанову съ просьбою о помощи противъ персіянъ и князь Цыціановъ, желая отдалить отъ Грузіи театръ войны, поспѣшилъ къ нему. Все русское войско заключалось изъ 6000 человѣкъ, 12 орудій, и регулярной и нерегулярной конницы. Персіяне, втрое многочисленнѣе, были разбиты на голову, близь Эчміадзинскаго Монастыря и, по вторичномъ покушеніи, отброшены за Араксъ.

Одержавъ надъ ними побѣду, князь Цыціановъ

требовалъ отъ эриванскаго хана условленной сдачи крѣпости и присяги на подданство; но эриванскій ханъ обратился тогда къ персидскому шаху и просилъ его. помощи противъ русскихъ. Князь Циціановъ съ своимъ отрядомъ снова одержалъ надъ персіянами блистательную побѣду близь деревни Каламру, взявъ непріятельскій лагерь, 4 знамя и 7-мъ фальконетовъ.

Затѣмъ князь Циціановъ хотѣлъ еще овладѣть Эриванью, но, внявъ рѣшенію военнаго совѣта, долженъ былъ возвратиться въ Тифлисъ, куда и прибылъ 22-го сентября. Тутъ онъ занялся успокоеніемъ снова взволновавшагося края и склонилъ къ добровольной покорности Шурагельское Султанство и ханства Карабагское и Шекинское, для охраненія которыхъ, а вмѣстѣ и для соблюденія ихъ въ должной зависимости отрядилъ небольшія команды. Въ Карабагъ былъ назначенъ майоръ Лисаневичъ, а въ Шекинское или Нухинское Владѣніе князь Циціановъ назначилъ майора Котляревскаго, намѣсто заболѣвшаго майора Якимова.

Любопытнымъ документомъ того времени осталось рѣзкое о семъ назначеніи предписаніе на имя полковника Карягина, человѣка, посѣдѣвшаго въ бояхъ, и о которомъ самъ князь Циціановъ всегда отзывался съ величайшимъ уваженіемъ. Но положеніе дѣлъ было такое, строжайшая дисциплина, рѣшимость начальниковъ, повиновеніе подчиненныхъ были дотого единственнымъ залогомъ не только обыкновеннаго военнаго порядка, но, можно сказать, об-

щаго опасенія, что Цицiановъ строго напоминалъ о должномъ ему повиновеніи. Такъ на представленіе Карягина, о замѣнѣ заболѣвшаго Якимова, онъ отвѣчалъ, что онъ самъ бы зналъ кого откомандировать, и что не Карягину къ нему представлять и назначать, и что, давая ему объ этомъ замѣтить, онъ предписываетъ отправить командиромъ въ отрядъ, находящійся въ Нухинскомъ Владѣніи, майора Котляревскаго ([10]).

Это самое доказываетъ лестное мнѣніе главнокомандующаго о Котляревскомъ, на котораго возлагалось довольно щекотливое порученіе. Съ одной стороны, слѣдовало обращаться съ ханомъ съ должнымъ почетомъ, при добровольномъ его поступленіи въ русское подданство; съ другой, надо было наблюдать за его дѣйствіями, которыя, такъ-какъ, по бывшимъ примѣрамъ, ханское вѣроломство было достаточно извѣстно, могли бы вдругъ измѣниться во вредъ русскимъ и потребовать рѣшительныхъ мѣръ. Самъ же нухинскій Селимъ-Ханъ отозвался, что, при движеніи отряда къ Нухѣ, безъ дѣла не обойдется. Котляревскій, принявшій команду, дѣйствовалъ съ величайшей осторожностью, и несмотря на приказаніе князя Цицiанова идти къ Нухѣ, удержался отъ этого, хотя и могъ навлечь на себя гнѣвъ главнокомандующаго, нетерпѣвшаго, какъ выше доказано, разсужденій подчиненныхъ ([11]). Котляревскій осторожностью своей способствовалъ свиданью Селимъ-Хана съ княземъ Цицiановымъ. Такимъ образомъ присое-

диненіе Нухинскаго Ханства воспослѣдовало безъ кровопролитія, и въ октябрѣ мѣсяцѣ Котляревскій получилъ позволеніе прибыть въ Елисаветополь, откуда онъ, вмѣстѣ съ 17-мъ Егерскимъ полкомъ, долженъ былъ отправиться въ Карабагъ, совершить одинъ изъ блистательнѣйшихъ походовъ, которымъ можетъ славиться на кавказѣ русское войско.

Князь Циціановъ распорядился, чтобъ каспійская флотилія, десантомъ на персидскій берегъ отвлекла часть непріятельскаго войска, готовившагося снова на вторженіе въ русскія границы. Но снаряженіе флотиліи было такъ медленно, что, прежде всякаго со стороны ея дѣйствія, 70,000 персіянъ вступило въ Эриванское Ханство. Однимъ корпусомъ предводительствовалъ самъ шахъ; другой, предводимый Аббасъ-Мирзою, сталъ у Карадага, противъ Карабагскаго Ханства, отдѣливъ отъ себя одинъ отрядъ къ Эривани, а другой, подъ начальствомъ сардаря Пиръ-Кули-Хана, къ Карабагу. Въ Карабагѣ находился майоръ Лисаневичъ, съ 300 челов. русской пѣхоты и 200 татарской конницы. Къ нему немедленно были посланы на помощь изъ Елисаветополя 4 роты 17-го Егерскаго Полка и 100 челов. Тифлисскаго Мушкатерскаго Полка, при двухъ орудіяхъ, подъ командою Карягина. Съ нимъ находился, какъ старшій послѣ него, майоръ Котляревскій.

Объ этомъ походѣ нельзя не упомянуть въ подробности, такъ-какъ въ немъ однимъ изъ главныхъ лицъ былъ Котляревскій, такъ и потому,

что походъ этотъ составляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ, хотя и малоизвѣстныхъ подвиговъ русскаго оружія.

Численность войскъ на Кавказѣ была въ то время еще столь мала, что весь Карабагъ, удобнѣйшій, для персіянъ, театръ войны охранялся какъ сказано 300 русскими. При вѣсти о громадномъ на нихъ нападеніи, князь Цыціановъ послалъ въ помощь Лисаневичу до 600 человѣкъ, полагая, что, по соединеніи двухъ отрядовъ, образуется сила въ 900 человѣкъ, а что 900 человѣкъ достаточно будетъ для удержанія персидскихъ полчищъ. Самъ же князь Цыціановъ оставался въ Елисаветополѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи свободнаго войска не болѣе 350 человѣкъ Полковникъ Карягинъ спѣшилъ такимъ образомъ соединиться съ майоромъ Лисаневичемъ, но на полдорогѣ къ Шушѣ, пройдя рѣчку Шахъ-Булахъ, онъ наткнулся, 24 іюня, на 3 тысячи персіянъ изъ авангарда, предводимаго Пиръ-Кули-Ханомъ. Отрядъ построился въ каре и продолжалъ идти, занимая охотниками возвышенія и подвигаясь подъ выстрѣлами по труднымъ гористымъ мѣстностямъ. Послѣ шести часовъ сраженія, персіяне отстали, и Карягинъ расположился лагеремъ при рѣчкѣ Аскаранѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ тоже стоялъ лагеремъ весь персидскій авангардъ, состоявшій изъ 10,000 человѣкъ. Было пять часовъ пополудни. Едва лишь солдаты начали отдыхать отъ утомительнаго перехода и

долгой битвы, какъ въ 6 часовъ ихъ окружилъ Пиръ-Кули-Ханъ, уже со всѣми своими войсками. Снова сомкнулся каре, на который персидская конница съ крикомъ и угрозами кидалась нѣсколько разъ, при сильной фальконетной стрѣльбѣ. Но ничто не могло пробить стальной ограды и желѣзной воли неустрашимой горсти храбрыхъ воиновъ. Нѣсколько разъ непріятельская конница пыталась ихъ опрокинуть, къ ней подоспѣла и пѣхота, но всѣ усилія остались тщетными, и персіяне отступили послѣ трехчасоваго нападенія. Такимъ образомъ русскій отрядъ выдержалъ, 24 іюня въ теченіе 9 часовъ, напоръ непріятеля, сперва въ пять разъ, а потомъ болѣе чѣмъ въ 15-ть разъ его сильнѣе. Когда наступила ночь, персіяне расположились лагеремъ подлѣ русскаго отряда, устроивъ на многихъ мѣстахъ фальконетныя батареи съ сильными прикрытіями, и стараясь отрѣзать у русскихъ воду. Карягинъ сознавая, что онъ въ блокадѣ, тотчасъ составилъ изъ обоза четырехфасное укрѣпленіе, обрывъ оное глубокими шанцами; находившуюся съ задняго фаса мечеть обезопасилъ сильнымъ пикетомъ и, несмотря на то, что былъ уже самъ раненъ, что отрядъ былъ уменьшенъ наполовину, что лошади были почти всѣ перебиты, что соединиться съ Лисаневичемъ не было никакой надежды, все продолжалъ отчаянную оборону. Непріятель повидимому хотѣлъ принудить его сдаться, не думая, чтобъ онъ еще долго могъ выдержать. Такъ-какъ рѣчка

Аскаранъ текла съ лѣваго фаса русскаго отряда, персіяне усилили батареи по ея теченію, чтобъ окончательно отнять у русскихъ воду и тѣмъ покончить дѣло. 25-е число прошло въ маловажныхъ стычкахъ. 26-го, ночью, 100 человѣкъ русскихъ сдѣлали вылазку, отбили устроенныя по рѣкѣ пять батарей, изъ которыхъ Котляревскій взялъ три; но такъ-какъ не было людей, чтобъ ихъ удержать за собой, то они эти батареи тутъ же разорили. Между-тѣмъ взятые въ плѣнъ два персіянина объявили, что самъ Аббасъ-Мирза уже находится съ своимъ войскомъ на прежнемъ мѣстѣ расположенія авангарда, то есть въ 4-хъ верстахъ, и что онъ на другой день намѣренъ истребить остающихся русскихъ своей артиллеріей. Дѣйствительно, на другой день, 27 іюня, на разсвѣтѣ, показался Шахъ-Зада, или Аббасъ-Мирза съ безсметными толпами. Открылась пушечная пальба и персидская конница ринулась на горсть русскихъ и снова встрѣтила упорное, стойкое сопротивленіе, свойственное русскому солдату. Пушечные и фальконетные выстрѣлы продолжались цѣлый день, хотя и наносили болѣе вреда обозу и лошадямъ, нежели людямъ. Не менѣе того положеніе было отчаянное. Пикетъ у мечети былъ уничтоженъ, число непріятелей все умножалось, такъ-что до 15 тысячъ человѣкъ окружало шаткое укрѣпленіе, въ которомъ остатки отряда защищали честь русскаго оружія. Карягинъ, сверхъ двухъ контузій, былъ раненъ пулей въ спину, Котляревскій—пулею въ лѣвую но-

гу навылетъ, подпоручикъ Кармазановъ убитъ, капитаны: Татаринцовъ, Парфеновъ и Клекинъ, штабс-капитанъ Вихляевъ, поручики: Ладинскій, Смагинъ, князь Тумановъ, Павленка и Кулябка 2-й; подпоручики: Жудковскій и Гудимъ-Левковичь ранены; нижнихъ чиновъ убито было 90 человѣкъ, ранено 167. Остальные, утомленные четырехсуточнымъ боемъ, изнемогали. Котляревскій предложилъ тогда бросить обозъ въ добычу непріятелю, пройдти на пробой сквозь персидскую армію къ небольшой шахъ-булахской крѣпости и ею овладѣть. Другаго средства къ спасенію не было. Согласившись съ нимъ, Карягинъ приказалъ оставить всѣ пожитки и смертельно-раненыхъ, и, взявъ проводниковъ карабагскаго армянина юзбашу (старосту) Аванеса, впослѣдствіи составившаго разсказъ объ этомъ памятномъ походѣ ([12]), рѣшился идти на крѣпость. Въ ночь 27-го на 28 отрядъ выступилъ; солдаты везли на себѣ орудія. На трехъ оставшихся лошадяхъ ѣхали раненые Карягинъ, Котляревскій и одинъ офицеръ; другихъ раненыхъ несли на рукахъ. Сперва все шло благополучно. Ночная экспедиція миновала главный отрядъ, но встрѣтилась вскорѣ съ персидскимъ объѣздомъ. Началось въ ночномъ мракѣ дѣло; русскіе все подвигались впередъ и, отразивъ непріятеля, къ разсвѣту были уже у стѣнъ Шахъ-Булахъ. Персіяне, между-тѣмъ, какъ разсчитывалъ Карягинъ, бросились грабить обозъ и тѣмъ способствовали спасенію русскаго отряда.

Въ реляціи своей Карягинъ довольствуется двумя словами: «крѣпость взята». Дѣйствительно крѣпость была взята, и взята штурмомъ. Начальствовавшіе въ ней Эмиръ-Ханъ и Ифіала-Ханъ убиты, гарнизонъ изъ 150 человѣкъ, и войска, находившіяся съ двухъ сторонъ въ лѣсу, окружающемъ холмъ, на которомъ расположена крѣпость, разбиты и разсѣяны, и побѣдители заперлись въ новомъ, уже надежнѣйшемъ укрѣпленіи. При штурмѣ Котляревскій былъ опять раненъ въ лѣвую руку картечью. Въ крѣпости русскіе встрѣтили новаго, сильнѣйшаго врага, угрожавшаго имъ голодною смертью. Солдаты должны были ѣсть траву и лошадиное мясо впродолженіе семи дней. Скудный провіантъ, доставляемый Аванесомъ, далеко не былъ достаточенъ для ихъ продовольствія, а кругомъ крѣпости стояло персидское войско. Карягинъ получилъ тогда свѣдѣніе, что Баба-Ханъ, т. е. самъ шахъ идетъ на него къ Шахъ-Булаху съ тѣмъ, чтобъ атаковать его, или уморить съ голоду. Ни о Лисаневичѣ, ни о карабагскомъ владѣтелѣ Ибрагимъ-Ханѣ не было никакой вѣсти. Въ столь критическихъ обстоятельствахъ оставалось еще одно средство: бросить Шахъ-Булахъ и овладѣть въ 25 верстахъ другою крѣпостью, Мухрату, которая, по гористому мѣстоположенію, была удобнѣе для защиты; но, чтобъ достигнуть этой цѣли, нужно было обмануть непріятеля. Карягинъ и Котляревскій разставили на ночь 9 іюля по мѣстамъ часовыхъ, и персіяне,

персіяне, узнавъ о приближеніи главнокомандующаго, возвратились въ свои предѣлы.

Несмотря на полученные въ іюлѣ мѣсяцѣ раны, Котляревскій участвовалъ, уже въ августѣ, въ экспедиціи по ту сторону Карабага, для усмиренія бунтующихъ капанцевъ и другихъ народовъ, предавшихся Персіи. Экспедиція увѣнчалась полнымъ и скорымъ успѣхомъ. По приведеніи мятежниковъ къ должному повиновенію, Котляревскій, получивъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ позволеніе прибыть въ Елисаветополь, откуда, въ ноябрѣ, выступилъ противъ Бакинскаго Ханства отрядъ подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго. Князь Циціановъ, недовольный неудачной попыткой генерал-майора Завалишина овладѣть крѣпостью Баку десантомъ со стороны моря, рѣшился взять ее лично. Въ этомъ походѣ Котляревскій командовалъ авангардомъ, состоявшимъ изъ 150 егерей 17-го Егерскаго Полка съ однимъ орудіемъ, 100 гренедеръ Тифлисскаго Пѣхотнаго Полка съ однимъ же орудіемъ, и 100 линѣйныхъ казаковъ; а весь отрядъ князя Циціанова состоялъ не болѣе какъ изъ 2100 челов. при 10 орудіяхъ; но страхъ отъ имени русскаго былъ такъ великъ, что Ширванское Ханство (нынѣ часть Шемахинской Губерніи) добровольно покорилось Россіи, и ханъ присягнулъ на вѣрноподданство. Этотъ владѣтель, по имени Мустафа-Ханъ, о которомъ было помянуто, отличился тѣмъ отъ своихъ собратій, что остался вѣренъ своей присягѣ и не склонил-

ся ни на какія убѣжденія со стороны персіянъ. Котляревскій, видя его прямодушіе, впослѣдствіи подружился съ нимъ, велъ съ нимъ переписку и благодѣтельствовалъ его семейству.

Всѣмъ извѣстна трагическая кончина князя Циціанова, измѣннически убитаго въ то время, когда онъ довѣрчиво выѣхалъ принимать ключи крѣпости изъ рукъ Гуссейнъ-Кули-Хана. Смерть незабвеннаго въ Закавказьѣ начальника измѣняла положеніе дѣлъ. Приступъ былъ отложенъ до другаго времени и отрядъ печально возвратился.

Но до прибытія еще новаго главнокомандующаго, генерала-отъ-инфантеріи графа Гудовича, и помощника его, генерала-отъ-инфантеріи Булгакова, Котляревскій нашелъ время снова отличиться.

Владѣтель Карабага, Ибрагимъ-Ханъ, забывъ прежнюю непріязнь свою съ персіянами, недовольный принятой имъ обязанностью платить Россіи дань въ 8,000 червонцевъ, и присутствіемъ въ столицѣ своей, Шушѣ, русскаго отряда, подъ начальствомъ майора Лисаневича, обратился къ персидскому шаху (женатому на его дочери), прося его защиты противъ русскихъ. Вскорѣ 20,000 Персіянъ, подъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, перешли Араксъ и снова вступили въ Карабагъ, другіе два отряда двинулись, одинъ по направленію къ Елисаветополю, подъ начальствомъ Гуссейнъ-Кули-Хана, и расположился у устья рѣки Джагама, а второй, подъ начальствомъ царевича Александра, у Торчая, близь озера Гокча. Майоръ

Лисаневичъ, видя, что Ибрагимъ-Ханъ выходитъ на встрѣчу къ персіянамъ и расположился уже лагеремъ за городомъ, нашелъ себя вынужденнымъ дѣйствовать рѣшительно. Видя, что карабахцы обращаются къ оружію, Лисаневичъ приказалъ стрѣлять въ самого хана. Ибрагимъ былъ убитъ и сынъ его, Мехти-Кули-Ханъ, тутъ же провозглашенъ карабагскимъ владѣтелемъ.

Между-тѣмъ командовавшій временно войсками и озабоченный покореніемъ Дербента, генерал-лейтенантъ Глазенапъ откомандировалъ въ Карабагъ генералъ-майора Небольсина, съ двумя батальонами Троицкаго Мушкетерскаго Полка, и съ командою 17-го Егерскаго, подъ начальствомъ Котляревскаго.

Отрядъ встрѣтилъ непріятеля 8-го іюня, между Шахъ-Булахомъ и Аскераномъ, и подвинулся на 16 верстъ, посреди открывшагося по немъ огня, причемъ Котляревскій, по засвидѣтельствованію начальника отряда генерал-майора Небольсина, шелъ съ егерями впереди и съ неустрашимостью поражалъ непріятеля, открывалъ свободный ходъ нашему каре, во всѣхъ мѣстахъ поспѣвая своимъ распоряженіемъ.

13-го числа происходило упорное сраженіе близь хонашинскаго дефилея. Аббасъ-Мирза, раздраженный постоянными неудачами, потребовалъ отъ войска своего, состоявшаго, изъ 16-ти тыс. человѣкъ конницы и 4 тыс. пѣхоты, клятвеннаго обѣщанія побѣдить русскихъ, или умереть. Но, не смотря на

выгодную позицію, на данную клятву, персіяне, послѣ пятичасовой упорной борьбы, бѣжали за Араксъ, оставивъ до 1,000, человѣкъ убитыми. Весь же русскій отрядъ состоялъ изъ 1644 человѣкъ. Во время сраженія Котляревскій съ своими егерями былъ командированъ на лѣвый флангъ, гдѣ сбилъ сильнаго непріятеля съ первой высоты, но самъ былъ окруженъ и почти совершенно отрѣзанъ отъ каре; однакожъ, съ свойственной ему неустрашимостью, заставилъ непріятеля отступить. Четыре раза персіяне овладѣвали высотами, откуда могли громить русскій отрядъ, и четыре раза Котляревскій сбивалъ ихъ съ позицій; наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство и тѣмъ довершилъ побѣду ([15]).

Въ одно время съ Небольсинымъ, подполковникъ князь Эристовъ разбивалъ въ предѣлахъ Грузіи персидскій отрядъ, подъ начальствомъ царевича Александра.

Окончивъ со славой свое порученіе, Небольсинъ выступилъ изъ обезопасеннаго Карабага и вошелъ въ Шекинское Ханство, гдѣ взялъ Нуху и разбилъ бунтующаго Селимъ-Хана, который принужденъ былъ бѣжать въ Персію; но въ этомъ походѣ Котляревскій не участвовалъ; онъ оставленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, начальникомъ находившагося въ Шушѣ отряда, на мѣсто Лисаневича, возбудившаго негодованіе карабагцевъ по случаю смерти Ибрагимъ-Хана. Это назначеніе послужило, сколько кажется, поводомъ къ служебнымъ непріятностямъ, въ которыхъ

Котляревскій былъ конечно виноватъ, но которыя вполнѣ опредѣляютъ его характеръ. Котляревскій, произведенный въ то время въ подполковники, не только не дѣйствовалъ противъ своего предмѣстника, но, напротивъ того, заступился за него, и оскорбилъ Карягина, которому поручено было произвести надъ Лисаневичемъ слѣдствіе. Подобный поступокъ возбудилъ справедливый гнѣвъ графа Гудовича ([16]), и въ-теченіе 1807 года Котляревскій, по вытребованіи его въ Тифлисъ, не имѣлъ случая отличиться; однакожь вождь, предводительствовавшій противъ турокъ и стяжавшій на Кавказѣ жезлъ фельдмаршала, конечно, не могъ не отдать справедливости человѣку, уже заслужившему уваженіе всего края. Котляревскій былъ произведенъ въ полковники, и въ 1808 году снова обратилъ на себя вниманіе новыми подвигами.

Несмотря на взятіе Г. Булгаковымъ крѣпости Баку, на пораженіе лезгинъ генерал-майоромъ княземъ Орбельяномъ, на взятіе Анапы у турокъ, и личной побѣды фельдмаршала надъ ними при Гумри; несмотря на неоднократное наказаніе черкесовъ, пламя войны въ Закавказьѣ не угасало. Персіяне, ободренные возникшей между Россіей и Турціей войною, выступили къ Нахичевани.

Фельдмаршалъ двинулъ немедленно противъ нихъ трехтысячный отрядъ, подъ начальствомъ генерал-майора Небольсина. Отрядъ бодро перешелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ самую ненастную погоду, чрезъ каменистыя крутизны и снѣжныя вершины

карабагскія, выходя изъ ущелья близь деревни Карабаба, былъ встрѣченъ 28 октября Аббасъ-Мирзой. Персидская пѣхота, раздѣленная на двѣ половины, шла съ 12-тью орудіями, а конница прикрывала оную впереди и по флангамъ, оставя свой центръ противъ нашего въ $1^1/_2$ версты. Персидскіе всадники, бросавшись впередъ, атаковали русскихъ егерей, усиливаясь обскакать ихъ въ тылъ, но были удержаны огнемъ орудій и стрѣлками, а между-тѣмъ и персидская пѣхота подоспѣла и, какъ донесъ Небольсинъ, колеблема была наша побѣда. Троицкій полкъ бѣгомъ и артиллерія на рысяхъ подоспѣли къ мѣсту сраженія въ помощь нашему лѣвому флангу, на который особенно напиралъ непріятель. Но лѣвымъ флангомъ командовалъ Котляревскій. При первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, онъ сбилъ его съ первой выгодной высоты, занялъ ее и устроилъ на ней батарею, при помощи которой сильно поражалъ персіянъ; когда же непріятель чрезмѣрно стремился отрѣзать эту возвышенность, Котляревскій неоднократно опрокидывалъ персіянъ штыками, подавая своимъ мужествомъ и храбростью примѣръ подчиненнымъ, и, по долговременномъ, упорномъ сраженіи, продолжавшемся отъ 8 ми часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, принудилъ штыками непріятеля бѣжать, оставя одну пушку и, сверхъ-того, преслѣдовалъ его болѣе трехъ верстъ. Обращенные въ бѣгство персіяне, кромѣ отбитой Котляревскимъ пушки, лишились еще двухъ другихъ и оставили на мѣстѣ до 300 тѣлъ ([17]).

Русскій отрядъ занялъ безъ сопротивленія нахичеванскую крѣпость, гдѣ и оставался по 1-е декабря. Получивъ приказаніе вернуться къ Елисаветополю, Небельсинъ выдержалъ четырехдневное сраженіе съ персіянами, которые, по азіатскому обычаю, разсчитывая на выгоды, представляемыя отступленіемъ, надѣялись разгромить русскій отрядъ. Но и тутъ побѣда осталась за русскими. Непріятель сбитъ съ занимаемыхъ имъ высотъ и принужденъ былъ бѣжать, посадивъ пѣхоту на лошадей, причемъ русскіе преслѣдовали его болѣе пяти верстъ. По окончаніи этой экспедиціи, Котляревскій съ 6-ю ротами 17-го Егерскаго Полка возвратился въ Карабагъ, безопасность котораго вскорѣ поручена ему была замѣнившимъ въ 1809 году графа Гудовича генераломъ-отъ-кавалеріи Тормасовымъ. Тормасовъ лично озаботился обезпеченіемъ границъ со стороны Турціи. Взятіе Поти, временное усмиреніе Имеретіи и Абхазіи были послѣдствіями его распоряженій. Для защиты же Грузіи отъ нападенія персіянъ, Тормасовъ оставилъ въ вѣдѣніи Небольсина четыре баталіона, раздѣленные на два отряда, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ Лисаневича, охранялъ Елисаветопольскій Округъ, а другой, подъ начальствомъ Котляревскаго ([18]), наблюдалъ за безопасностью Карабага. Этимъ назначеніемъ опредѣляется новая эпоха въ жизни Котляревскаго — эпоха его командованія отдѣльными отрядами.

II.

Между-тѣмъ новая, но тайная сила вдругъ стала поддерживать персіянъ противъ русской державы. Прибывшее въ Персію англійское посольство, вытѣснивъ французскую миссію и генерала Гардана, покушавшагося проложить Наполеону путь въ Индію, обратило всѣ старанія свои на поддержаніе войны Россіи съ Турціей и Персіей. Персіянамъ обѣщалось за то построеніе флота на Каспійскомъ Морѣ и даже пожертвованіе части Индіи (1). Но, кромѣ этихъ мечтательныхъ обѣщаній, были приняты другія, существенныя мѣры. Англійскій кабинетъ не щадилъ денегъ и подарковъ. Въ 1810 году онъ выслалъ персіянамъ 20 тыс. ружей, нѣсколько пушекъ и многихъ офицеровъ, которые тщательно продолжали дѣло,

начатое еще съ 1805 года французами, образованіе регулярнаго персидскаго войска, или сарбазовъ. Въ числѣ офицеровъ были и артиллеристы, для управленія пушками, и инженеры, для устройства и возобновленія укрѣпленныхъ мѣстъ. Подобныя услуги чрезвычайно нравились честолюбію и высокомѣрію Аббасъ-Мирзы, тогда-какъ расточаемое золото принималось охотно не только персидскими сановниками, но и самимъ шахомъ, который, занимаясь сочиненіемъ стиховъ, искалъ только удовольствій въ своемъ гаремѣ и новой пищи для своего ненасытимаго любостяжанія. Англійскимъ же вліяніемъ поддерживались смуты въ Имеретіи, откуда Тормасову удалось вывести бунтующаго царя Соломона, возмущенія въ горахъ и всѣ безпокойства, чинимыя царевичемъ Александромъ. Турція, съ своей стороны, дѣйствовала неутомимо, отправивъ въ Тегеранъ посольство съ богатыми подарками и распространяя повсюду, даже въ Дагестанѣ, возмутительные противъ русскихъ фирманы. Въ то же время переписка о заключеніи перемирія, или даже мира между Россіей и Персіей не прекращалась. Персіяне просили позволенія отправить посла въ Петербургъ и, выигрывая время, отклоняли Тормасова отъ намѣренія идти на Ахалцыхъ. Овладѣніе ахалцыхской крѣпостью было важно для спокойствія Грузіи, со стороны лезгинъ, въ числѣ 3;000 нанимавшихся у ахалцыхскаго паши, и чинившихъ повсюду разбои горскихъ осетиновъ, Имеретіи и самой

Персіи, которая обыкновенно через это мѣсто имѣла сношенія съ горцами, съ кабардинцами и даже съ чеченцами, возбужденными въ то время пребывавшимъ въ Ахалцыхѣ царевичемъ Александромъ. Разбитый на-голову княземъ Орбельяномъ при Поти, трапезонтскій сераскиръ паша, боясь вернуться въ Трапезонтъ, изъ опасенія себѣ смерти, обратился къ Ахалцыхскому Пашалыку, наслѣдственному своему владѣнію, изъ котораго былъ выгнанъ за 9-ть лѣтъ передъ тѣмъ Селимъ-Пашею. Такимъ образомъ, между двумя пашами возгорѣлась междоусобная война, которою весьма удобно было бы воспользоваться; но Тормасовъ былъ задержанъ обѣщаннымъ перемиріемъ съ Персіей. Послѣ долгихъ промедлительныхъ переписокъ, мѣсто для переговоровъ назначено было въ Карабагѣ, въ крѣпости Аскерань, куда Тормасовъ прибылъ 19-го апрѣля, а на другой день уполномоченный отъ персидскаго двора, хитрый дипломатъ, Каймаканъ мирза Безюркъ (2). Переговоры продолжались 18-ть дней, и сперва приняли благопріятный оборотъ, несмотря на возникшія затрудненія относительно Талышинскаго Ханства, надъ которымъ Персія оспоривала свое владычество, вопреки дарованному ему Россіею покровительству. Но полученныя Каймаканомъ секретныя бумаги, по вліянію англійскаго посольства, вдругъ измѣнили его тонъ: онъ началъ требовать безусловной уступки Талышинскаго Ханства, измѣненія въ титулѣ главнокомандующаго, вознагражденія отъ шир-

ванскаго хана за отбитыя у персіянъ стада, обѣщанія не подымать оружія противъ Ахалцыхскаго и Карскаго пашалыковъ и наконецъ, чтобъ два карабагскіе округа: Мигри и Гюнея, прилегающіе къ Араксу, были вовсе отданы Персіи. Право на нихъ мирза Безюркъ основывалъ на томъ, что Абулъ-Фетъ-Ханъ, братъ карабагскаго владѣтеля Мехти-Кули-Хана, еще въ прежніе годы отданный отцомъ своимъ, Ибрагимъ-Ханомъ, въ аманаты Персіи и тамъ противъ воли отца своего впослѣдствіи оставшійся, владѣлъ прежде сими округами и иногда собиралъ еще съ нихъ подать, дѣлая на нихъ набѣги изъ отданнаго ему шахомъ въ удѣлъ пограничнаго Карадага. Это могъ онъ дѣлать тѣмъ безнаказаннѣе, что непремѣнныхъ русскихъ войскъ не было въ столь далекой мѣстности, отдѣленной цѣпью почти непроходимыхъ горъ, отъ расположеннаго въ центрѣ Карабага отряда. Слабый Мехти-Кули-Ханъ, попавшійся, такъ сказать, между натискомъ двухъ сильныхъ непріятелей, не смѣлъ обнаруживать своего предпочтенія ни къ которому изъ нихъ. Онъ уже четыре года не получалъ никакой дани отъ округовъ, богатыхъ шелководными произведеніями; но такъ-какъ весь Карабагъ уже принадлежалъ, съ 1805 года, Россіи, то и Мигри и Гюнейскій Уѣздъ по тому праву не могли быть отсуждены отъ ханства. Кромѣ-того, Мигри, какъ крѣпость неприступно-устроенная самой природой, находясь на лѣвомъ берегу Аракса, въ 26 верстахъ отъ торговаго города Ордубада, въ

100 верстахъ отъ Тавриза, могла почитаться преддверіемъ Адербейджана.

Само собою разумѣется, что непомѣрныя и дерзкія требованія мирзы Безюрка не могли согласоваться съ достоинствомъ русской державы. Уполномоченные, по обмѣнѣ вѣжливостей и полномочій, разъѣхались, и вскорѣ искренность персидскаго правительства была обнаружена извѣстіемъ о союзѣ, заключенномъ Персіей съ Портой противъ Россіи.

Тормасову оставалось только принять дѣятельныя мѣры для обороны, тѣмъ болѣе, что наступало теплое время, когда азіатцы, по обыкновенію своему, предпринимаютъ экспедиціи и чапаулы (ночные набѣги), распуская потомъ свои полчища при наступленіи зимы. Готовясь встрѣтить съ двухъ сторонъ сильнаго непріятеля, Тормасовъ раздѣлилъ войска свои на три отряда (³). Первый, подъ командою генерал-лейтенанта барона Розена, состоявшій изъ 6 эскадроновъ драгунъ, 8-ми батальоновъ пѣхоты, трехъ казачьихъ полковъ и грузинской конницы, при 10 орудіяхъ, сосредоточивался при Саганлугѣ; второй, заключающій 2 эскадрона драгунъ, 4 батальона пѣхоты, 2 казачьихъ полка и татарскую милицію, подъ начальствомъ генерал-майора Портнягина, долженъ былъ охранять двѣ провинціи: Бамбакскую и Шурагельскую. Третій отрядъ, порученный генерал-майору Небольсину, заключался въ двухъ полкахъ, Троицкомъ Мушкетерскомъ, который стоялъ при урочищѣ Чердахлы, и въ 17-мъ Егерскомъ, рас-

положенномъ въ Карабагѣ такимъ образомъ, что двѣ роты изъ онаго находились въ Шушѣ, двѣ на Тертерѣ, а третьему батальону велѣно было выступить подъ начальствомъ полковника Котляревскаго, для занятія спорной крѣпости Мигри, въ которой персіяне тотчасъ укрѣпились, по окончаніи аскеранскихъ переговоровъ. Къ отряду Небольсина причисленъ былъ еще донской казачій Попова № 16 полкъ, и, кромѣ того, Тормасовъ отнесся къ ханамъ ширванскому, шекинскому и карабагскому съ требованіемъ, чтобъ они собрали свою конницу (4); часть оной передали Небольсину, а посредствомъ другой охраняли свои границы, и даже дѣлали нападенія на непріятельскія земли, чтобъ отгонять скотъ и забирать жителей, которыхъ Тормасовъ соглашался принимать въ замѣнъ платимой ханами дани. Татарская милиція употреблялась вообще съ большою пользой въ авангардныхъ и маловажныхъ стычкахъ, для фуражировки и для чапауловъ. Котляревскому было назначено взять съ собой 250 карабагцевъ; но, несмотря на всѣ требованія и даже угрозы Тормасова, Мехти-Кули-Ханъ медлилъ сборомъ своихъ всадниковъ и выслалъ ихъ Котляревскому не болѣе 40.

Въ то время Тормасовъ получилъ извѣстіе, что персіяне, подъ предводительствомъ старшаго шахскаго сына, Магомедъ-Али-Мирзы, приближаются къ Карабагу. Тормасовъ разрѣшилъ вслѣдствіе того Небольсину двинуться къ Тертеру (5).

Полковнику же Котляревскому, писалъ онъ: «прикажите немедленно занять Мигри и Гюней, и дѣлать около тѣхъ мѣстъ поиски надъ непріятелемъ, не давая ему отнюдь держаться на этой сторонѣ Аракса. Не связываю ему рукъ переходить и за Араксъ, если представится возможность побить непріятеля, или воспользоваться выводомъ оттоль обывателей, либо отгономъ скота. Во всякомъ случаѣ, полковникъ Котляревскій долженъ имѣть вѣрную связь съ Небольсинымъ и съ Агѣевымъ чрезъ казачьи посты или ханскую милицію, и крайне остерегаться, чтобъ сообщеніе это не было прервано непріятелемъ.»

Послѣ неудачной своей попытки о заключеніи мира съ персіянами при Аскерани, главнокомандующій вернулся въ Грузію, гдѣ ожидалъ его новый, чувствительный ударъ. Имеретинскій царь Соломонъ, привезенный въ Тифлисъ и тѣмъ окончившій продолжительныя смуты въ Имеретіи, признавшей владычество Россіи, бѣжалъ въ ночь 10 мая, переодѣвшись слугою и обманувъ стражу. Бѣглый царь нашелъ пристанище въ враждебной для русскихъ ахалцыхской крѣпости, у шерифа-паши, и бунтъ, благополучно оконченный, снова возгорѣлся.

Вскорѣ затѣмъ пришло увѣдомленіе, что четыре сильные персидскіе отряда, сформированные во время аскеранскихъ переговоровъ, открыли наступательныя дѣйствія. Одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ Пиръ-Кули-Хана, перешелъ Араксъ,

по Худоперинскому Мосту; другой показался у аскеранской крѣпости; третій, подъ начальствомъ Керимъ-Хана, прибылъ уже въ Циціаны, а самъ Аббасъ-Мирза, съ братомъ своимъ Маммадъ-Али-Ханомъ и 10-тысячнымъ войскомъ, приближался съ Нахичевани. Тормасовъ съ ужасомъ вспомнилъ тогда о ввѣренныхъ Котляревскому людяхъ, и, отмѣнивъ занятіе Мигри, поспѣшно предписалъ (6) о скорѣйшемъ возвращеніи батальона. Но предписаніе было написано 24 іюня, а 15-го, почитаемое за неприступное, Мигри было уже взято русскими.

Вотъ какимъ образомъ:

Котляревскій понималъ всю трудность возложеннаго на него порученія. Къ Мигри лежали двѣ дороги: одна, огибая горы, внизъ по Араксу, другая внизъ по теченію рѣки Мигри. Персіяне, ожидая нападенія, успѣли укрѣпить ихъ засѣками и батареями. Самое же Мигри, расположенное у подошвы двухъ кряжей высокихъ отвѣсныхъ скалъ, съ устроенными на нихъ батареями и сильнымъ двухтысячнымъ гарнизономъ, предвѣщало почти непоборимую защиту. Котляревскій разсудилъ, что если онъ пожертвуетъ частью батальона на пути, то взятіе штурмомъ укрѣпленій сдѣлается невозможнымъ. Кромѣ того, желая сберечь и людей, онъ рѣшился, миновавъ извѣстныя дороги, и не бравъ съ собою пушекъ, пройдти наискось карабагскихъ хребтовъ, по горнымъ тропинкамъ, мѣстами, почитаемыми непроходимыми и потому оставленными непріятелемъ безъ защиты.

12-го іюня, въ часъ пополудни онъ выступилъ изъ лагеря съ 3-мъ батальономъ, т. е. съ 400 солдатами 17-го Егерскаго Полка и 40 всадниками карабагской конницы. Отрядъ то спускался въ ущелья, то карабкался на утесы, надъ пропастями, и прибылъ въ ночь на 15 іюня къ мѣстечку Гярову, лежащему въ пяти верстахъ отъ Мигри. Въ Гяровѣ Котляревскій оставилъ вьючный обозъ подъ прикрытіемъ карабагцевъ, а самъ двинулся впередъ. Осмотрѣвъ мѣстность и убѣдясь въ необходимой въ дѣйствіяхъ послѣдовательности, онъ раздѣлилъ отрядъ свой на три части, послалъ по лѣвому хребту майора Дьячкова съ 150 егерями, по правому съ таковымъ же числомъ пошелъ самъ, а посерединѣ противъ селенія отправилъ 100 человѣкъ. Приступъ начался въ 3 часа пополудни. Подвигаясь въ такомъ порядкѣ, Котляревскій успѣлъ раздѣлить непріятельскія силы, атаковавъ ихъ съ трехъ сторонъ, и овладѣлъ передовыми высотами. Тогда онъ остановился въ ожиданіи ночи на полутора ружейномъ выстрѣлѣ отъ главныхъ укрѣпленій. Когда же ночь наступила, онъ взялъ 100 человѣкъ изъ находившихся съ нимъ на правомъ кряжѣ, и спустившись тихо съ горы, соединился съ егерями, отправленными противъ селенія; для развлеченія же непріятеля, остальнымъ 50-ти, подъ командою поручика Роговцова, онъ велѣлъ податься впередъ и производить фальшивую тревогу противъ непріятельскихъ укрѣпленій праваго кряжа. Майоръ Дьячковъ, съ своей

стороны, долженъ былъ штурмовать находившіяся влѣво 5-ть батарей, какъ только услышитъ сигналъ объ атакѣ селенія. Отъ этого отважнаго и стремительнаго приступа дожно было рѣшиться дѣло. Медлить не было возможности, тѣмъ болѣе, что два сильные персидскіе отряда, одинъ со стороны Аракса, другой съ Нахичивани, бѣжали на помощь осажденнымъ. Котляревскій, дѣйствуя постепенно, хотѣлъ сперва преодолѣть меньшія препятствія, чтобъ потомъ, воспользовавшись смятеніемъ непріятеля, приступить къ тѣмъ, которыя требовали самыхъ напряженныхъ усилій. Въ 9 часовъ утра селеніе было занято. Въ то же время Дьячковъ овладѣвалъ тремя батареями, а Котляревскій, поспѣшая къ нему на помощь, овладѣлъ двумя остальными. Занявъ такимъ образомъ два важные пункта, самое селеніе и весь лѣвый кряжъ, отдѣливъ небольшую часть отъ отряда для ихъ защиты, Котляревскій со всѣми оставшимися людьми устремился на правый хребетъ. Ободренные успѣхомъ, егеря грудью и штыками вытѣснили непріятеля изъ укрѣпленій, заняли самое большое изъ нихъ, въ которомъ гарнизонъ не разсудилъ уже дожидаться штурма, и остановились только передъ послѣдней рѣшительно-недоступной батареей Сабетъ. Эта батарея, овладѣніе которою Котляревскій оставилъ для вѣнчанія дѣла, была устроена на самой срединѣ кряжа, на утесѣ изъ дикаго камня въ три сажени вертикальной высоты. Въ ней заперся съ 200 персіянами извѣстный

Абулъ-Фетъ-Ханъ. Покушаться взять ее штурмомъ было бы тщетно, по невозможности приставить къ утесу лѣстницы. Котляревскій, зная, что гарнизонъ не могъ держаться безъ помощи и воды, окружилъ бетарею со всѣхъ сторонъ и отвелъ воду. Ожиданіе его оправдалось. На другую ночь гарнизонъ покинулъ батарею, бросаясь съ отчаяніемъ съ утесовъ. Затѣмъ дѣло было кончено. Русскіе заняли всѣ укрѣпленія, а персіяне, оставивъ до 300 человѣкъ убитыми, искали спасенія въ бѣгствѣ. Малочисленность русскаго отряда не позволяла ни брать плѣнныхъ, ни отрѣзать пути бѣгущимъ за Араксъ, иначе весь гарнизонъ остался бы въ рукахъ побѣдителей. Въ реляціи о семъ необыкновенномъ подвигѣ сказано, что съ нашей стороны убито 6 человѣкъ, ранено 29 и, въ томъ числѣ, самъ Котляревскій пулею въ лѣвую ногу.

Главнокомандующій ожидалъ съ безпокойствомъ вѣсти объ уничтоженіи батальона посланнаго въ Мигри. Получивъ, вмѣсто того, извѣстіе о геройскомъ подвигѣ, онъ все-таки опасался за горсть храбрыхъ, оставленныхъ посреди непріятельскихъ полчищъ. Онъ предписалъ Небольсину вытребовать изъ Мигри Котляревскаго съ его командою, по приводѣ къ присягѣ на вѣроподданство Россіи, 723 оставшихся на мѣстѣ семействъ (7).

Но между-тѣмъ подобная предосторожность становилась совершенно лишнею. Котляревскій, съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ успѣлъ уже довершить побѣду.

Когда поспѣшавшія на помощь Мигри персидскія войска прибыли 17-го іюня, Мигри было уже въ рукахъ русскихъ. Аббасъ-Мирза, узнавъ о томъ, съ бѣшенствомъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, чтобъ они или выгнали пришельцовъ, или сами легли-бы подъ мигринскими утесами. Къ находящемуся уже подъ Мигри отряду, въ 1000 чел., подъ начальствомъ дѣда своего Амиръ-Хана, и остаткамъ мигринскаго прежняго гарнизона онъ придвинулъ еще часть войскъ, бывшихъ съ нимъ близь Нахичевани, поручивъ ее Ахметъ-Хану Беглярь-Беку тавризскому и мирзѣ Асану сыну Каймакана мирзы Безюрка. Къ нимъ присоединилъ онъ еще 1500 человѣкъ, присланныхъ отъ шаха, такъ-что по обѣ стороны Аракса сосредоточилось противъ Котляревскаго до 10-тыс. человѣкъ. Но Котляревскій, зная и непріятеля, и недоступность взятаго имъ мѣста, и духъ своихъ солдатъ, отозвался въ рапортѣ Небольсину, что онъ надѣется дать отпоръ непріятельскимъ силамъ, хоть-бы и самъ Аббасъ-Мирза ими предводительствовалъ ([8]).

Болѣе всего нуждался отрядъ Котляревскаго въ провіантѣ. Двѣ роты, подъ командою майора Терешкевича, спѣшили изъ Шуши въ Мигри съ необходимыми запасами. Узнавъ о томъ изъ перехваченныхъ писемъ, Ахметъ-Ханъ перешелъ черезъ Араксъ съ 5000 отборнаго войска. 3000 онъ расположилъ за мигринскими садами, а 2000 отправилъ противъ Терешкевича. Но Кот-

ляревскій успѣлъ выслать къ нему 160 егерей съ майоромъ Дьячковымъ и транспортъ прибылъ благополучно въ крѣпость, миновавъ непріятеля. Тогда персіяне вздумали-было отвести воду; но это Котляревскій тоже предвидѣлъ, а потому и укрѣпилъ рѣчку двумя батареями. Штурмовать же крѣпость персіяне не рѣшались, сознавая свое безсиліе. Надѣясь только на свою многочисленность, они окружили сады и горы вогругъ Мигри и довольствовались безполезной перестрѣлкой. Вскорѣ, однакожь, они убѣдились, съ пріѣзжавшими къ нимъ для осмотра мѣстности англійскими офицерами, что всѣ ихъ усилія останутся тщетными. 3-го іюля Ахметъ-Ханъ донесъ Аббасъ-Мирзѣ, что взять Мигри невозможно и получилъ разрѣшеніе отступить.

5-го числа, въ 3 часа пополудни персіяне потянулись къ Араксу тремя большими колоннами. Этого Котляревскій только и ожидалъ. Въ 9-ть часовъ вечера, съ наступающей ночью, онъ самъ выступилъ изъ укрѣпленія съ 460 егерями и 20-ю казаками. Персидская конница съ фальконетами успѣла уже переправиться черезъ Араксъ. По сю сторону рѣки на небольшой возвышенности ожидали переправы болѣе 3000 регулярной пѣхоты и 1260 джибраильцевъ. Котляревскій тихо спустился на равнину, окружающую непріятеля.

Тутъ онъ раздѣлилъ свой отрядъ на три части: майору Дьячкову приказалъ обходить справа, майору Терешкевичу слѣва, самъ пошелъ въ срединѣ. Такъ подкрался онъ въ темнотѣ съ трехъ

сторонъ къ непріятелю, увѣренному въ своей силѣ и неразставившему даже карауловъ. Русскіе были уже на ружейномъ выстрѣлѣ, когда испуганный непріятель открылъ огонь. Тогда егеря, по командѣ, дружно ударили въ штыки. Персіяне, атакованные со всѣхъ сторонъ, или падали подъ ударами, или бросались, въ смятеніи, въ Араксъ, куда провожали ихъ выстрѣлы. Паническій страхъ, обуявшій ихъ, былъ такъ великъ, что и расположенные уже по ту сторону Аракса войска бросились бѣжать въ горы. Въ реляціи дѣла сказано, что нельзя опредѣлить съ точностью урона непріятеля, по его чрезвычайности. За исключеніемъ 500 человѣкъ, которымъ при самомъ началѣ атаки удалось бѣжать къ Ордубаду, всѣ прочіе или падали подъ штыками, или бросались въ Араксъ, но изъ послѣнихъ едва-ли третья часть спаслась, потому-что они бросались всѣ вдругъ, и отъ великаго ихъ стѣсненія въ Араксѣ и отъ нашихъ пуль, большая часть изъ нихъ погибла. Число отряда едва было достаточно, чтобъ успѣвать колоть, а въ плѣнъ брать не доставало рукъ. Все оставшееся непріятельское оружіе Котляревскій приказалъ потопить въ Араксѣ, потому-что не на чемъ было свезти его съ берега. Съ нашей стороны показано убитыми 4 человѣка, ранеными 13, изъ которыхъ 4 во время пятидневной осады, столь безуспѣшно предпринятой персіянами.

Эта вторая побѣда имѣла то важное послѣдствіе, во-первыхъ, что она убѣдила персіянъ, что они

не въ силахъ отнять у русскихъ Мигри, во-вторыхъ, что она разсѣяла тучу, нависшую надъ Карабагомъ и, можетъ быть, надъ Грузіей, между-тѣмъ Небольсинъ, основываясь на предписаніяхъ главнокомандующаго, все еще требовалъ, чтобъ Котляревскій выступилъ изъ Мигри. Но Котляревскій представилъ, что если оставить Мигри, то снова овладѣть имъ съ прежней маловажною потерею будетъ невозможно: персіяне, по выходѣ русскихъ, еще болѣе усилятся въ укрѣпленіяхъ, въ краѣ же возстановляется спокойствіе, а жители возвращаются на свои мѣста. Опасности отъ непріятеля, въ особенности по прибытіи двухъ ротъ, невидно. Провіантъ есть; но, чтобъ перевезти его вмѣстѣ съ больными и ранеными, нѣтъ подводъ. Требованіе же подводъ отъ карабагцевъ привлечетъ вниманіе персіянъ, которые, при обратномъ слѣдованіи отряда по дурнымъ дорогамъ, не преминутъ воспользоваться своимъ преимуществомъ.

Возраженіе Котляревскаго доказывало то, что онъ не былъ только отважнымъ храбрецомъ-солдатомъ, но соединялъ въ себѣ всѣ качества полководца; предусмотрительность, осторожность, попеченіе о ввѣренныхъ ему людяхъ и въ то же время, въ случаѣ надобности, рѣшительность и неустрашимость почти непостижимыя. Замѣчательно, что почти въ одно время съ отзывомъ Котляревскаго, Небольсинъ получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе: отнюдь не выводить отряда изъ Мигри, на томъ основаніи, что обстоятельства измѣнились,

и чтобъ не дать персіянамъ случая хвалиться отступленіемъ русскихъ.

Заслуги Котляревскаго не могли оставаться безъ вознагражденія. Бывъ еще 14 іюня назначенъ шефомъ Грузинскаго Гренадерскаго Полка, онъ, за взятіе Мигри, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса, а за пораженіе персіянъ—золотою шпагой съ надписью: *за храбрость*. Однако же, несмотря на новое свое назначеніе, онъ оставленъ былъ въ мѣстности, имъ завоеванной, до окончанія кампаніи, и получилъ приказаніе привести Мигри въ такое положеніе, чтобы оно было совершенно обезпечено отъ нападеній непріятеля. На это Котляревскій отозвался, что Мигри такъ укрѣплено персіянами и природою, что совершенно неприступно ни для какого числа персидскихъ войскъ. Куда бы ни потребовалось обращать команды, онѣ всегда будутъ въ безопасности отъ непріятельскихъ нападеній, и прибавить къ лучшему положенію нечего. Орудіе изъ Шуши было доставлено. Объ Аббасъ-Мирзѣ получено было извѣстіе, что онъ отправился къ Эривани, откуда персіяне готовились предпринять противъ русскихъ новое нападеніе, но уже со стороны Ахалцыха, по соединеніи съ турками. Со стороны же Карабага опасности больше не предстояло. Персіяне думали объ оборонѣ, а не о наступленіи, укрѣпляли дорогу къ Ордубаду и оставались по ту сторону Аракса, дѣлая отъ времени до времени незначительныя движенія. Между-тѣмъ раны и

труды разстроили здоровье мигринскаго героя. Тормасовъ написалъ къ нему тогда, что, принимая истинное участіе въ его болѣзненномъ состояніи, онъ, съ полнымъ уваженіемъ къ отличному его служенію, разрѣшаетъ ему, сдавъ команду майору Дьячкову съ должнымъ наставленіемъ, прибыть въ Тифлисъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Котляревскій сдалъ свою команду и отправился къ главной квартирѣ, откуда Тормасовъ намѣревался идти на Ахалцыхъ. Тормасовъ былъ несомнѣнно человѣкъ государственный и опытный военачальникъ; но счастье не всегда ему благопріятствовало. Несмотря на побѣду, одержанную генерал - квартирмейстеромъ маркизомъ Паулуччи надъ соединенными турецкими и персидскими войсками подъ стѣнами ахалкалакской крѣпости, аркизъ Паулуччи не отважился идти на самую крѣпость. Тормасовъ предпринялъ тогда, по окончаніи несчастнаго имеретинскаго возмущенія, давно замышляемую ахалцыхскую экспедицію. Но тутъ онъ встрѣтилъ новаго, неожиданнаго врага: въ войскѣ обнаружилась моровая язва, и Тормасовъ долженъ былъ отказаться отъ удачно:начавшагося предпріятія и отступить. Котляревскій, принявшій отъ генерала Симоновича грузинскій гренадерскій полкъ (*), участвовалъ тоже въ этой экспедиціи, но имени его въ реляціяхъ не упоминается.

(*) Нынѣ Его И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ 1811 году онъ находился въ Гори съ частью полка своего и заботился о внушеніи ему строгой дисциплины. Это время ознаменовано было только незначительнымъ случаемъ: прибытіемъ въ Осетію изъ Персіи молодаго 16-ти лѣтняго царевича Левана. Бѣдный мальчикъ, несмотря на увѣщанія посланнаго къ нему духовника, вздумалъ идти по слѣдамъ царевича Александра, скрывался въ горахъ, возмущалъ селенія и наконецъ былъ зарѣзанъ разбойниками на пути къ Ахалцыху. Возникшія по сему предмету, близь Гори, нѣкоторое волненіе и поиски заняли нѣсколько времени Котляревскаго.

Впрочемъ, положеніе всего края было самое трудное: чума не прекращалась; въ Имеретіи свирѣпствовалъ голодъ; Грузіи угрожало тѣмъ же; со всѣхъ сторонъ горѣла война; соединенныя персидскія и турецкія войска съ новыми силами готовились идти на русскія границы. Къ счастью, неожиданное обстоятельство остановило этотъ новый напоръ. При свиданіи эриванскаго сардаря и эрзерумскаго сераскира, началась, обыкновенная при такихъ случаяхъ, джигитовка, во время которой одинъ наѣздникъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ сераскира и смертельно его ранилъ. Собранныя войска разбѣжались въ смятеніи и снова нависшая надъ Грузіей туча разсѣялась. Съ другой стороны, второе покушеніе Аббазъ-Мирзы отнять у русскихъ Мигри осталось безъ успѣха, чѣмъ оправдались слова Котляревскаго.

Не менѣе того опасность угрожала со всѣхъ сторонъ, и Тормасовъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ живо, ярко и вѣрно изображалъ тогдашнее положеніе дѣлъ. «Сосѣдство Персіи объяснялъ онъ (9), само-по-себѣ не могло быть для насъ опасно. Персидскій шахъ, незаконно попавшій на престолъ, уже тѣмъ возбудилъ общій ропотъ, не говоря о томъ, что разорялъ тяжкими поборами своихъ подданныхъ. Сорокъ сыновей его не могли быть подпорой государству, а скорѣе поводомъ къ будущимъ междоусобіямъ. Персія становилась опасною только какъ орудіе Франціи, Англіи или Порты. Для русскихъ на Кавказѣ военныя дѣйствія были очень затруднительны отъ самой обширности театра войны, на 1,500 верстъ, вдоль цѣпи горъ, между двумя морями. Оборона необходимыхъ для безопасности укрѣпленій побуждала раздроблять войска, и Персія (какъ отзывался Тормасовъ), видя англійское золото и не видя отъ русскихъ достаточно страха, съ каждымъ днемъ становилась высокомѣрнѣе въ своихъ требованіяхъ и опаснѣе по своему вліянію». Тормасовъ предлагалъ принять мѣру рѣшительную, просилъ о присылкѣ новой дивизіи для занятія линіи и гарнизоновъ, съ тѣмъ, чтобъ, привыкшія уже къ азіатской войнѣ, войска вступили въ самое сердце персидской земли, прогнали всѣхъ совѣщателей, опредѣлили новыя границы и заставили персіянъ подчиниться вліянію Россіи. Такимъ образомъ Персія становилась неопасною для рус-

скихъ, неудобоисполнимость обѣщаній англичанъ доказывалась, и персіяне увидѣли бы, гдѣ имъ должно искать своихъ настоящихъ союзниковъ. Кромѣ этого похода, Тормасовъ предлагалъ выстроить въ Талышинскомъ Ханствѣ, близъ Ленкорани, сильную русскую крѣпость, охраняемую двумя батальонами. По мѣстоположенію своему, подобная крѣпость могла бы служить ключомъ къ богатой персидской провинціи Гилянъ, и, сохраняя сосѣдній край въ страхѣ, указала бы ему на его настоящія отношенія къ Россіи, на отношенія, исключительно торговыя. Талышинскій владѣтель Миръ-Мустафа-Ханъ, отклонившій предложенія породниться съ шахомъ, и дѣйствовавшій притомъ съ азіатскимъ двуличіемъ, соглашался на построеніе крѣпости; но Тормасову не довелось видѣть пользы мѣръ, предугаданныхъ его прозорливостью. Котляревскому суждено было привести ихъ впослѣдствіи въ исполненіе, внушить персіянамъ надлежащій ужасъ, изгнавъ ихъ навсегда изъ Талышинскаго Ханства.

Самъ же Тормасовъ отказался отъ труднаго управленія, и прежній его подчиненный, генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1811 г. прибылъ изъ Петербурга на его мѣсто. Маркизъ Паулуччи, вознамѣрился, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ, овладѣть ахалкалакской крѣпостью, и тѣмъ довершить одержанную имъ нѣкогда подъ стѣнами крѣпости побѣду. Имѣя въ виду, кромѣ того, важность сего пункта для рус-

скихъ границъ, новый главнокомандующій, зная по опыту его неприступность, рѣшился овладѣть имъ въ-расплохъ, но помнилъ, что въ 1807 году графъ Гудовичъ не могъ не только взять крѣпости съ осьми-тысячнымъ отрядомъ, но потерялъ при томъ три орудія и 2000 человѣкъ. Для взятія Ахалкалака нуженъ былъ, слѣдовательно, неустрашимый и распорядительный начальникъ отряда. Штурмъ Мигри указывалъ на Котляревскаго. Маркизъ Паулуччи послалъ въ Гори, находящагося при немъ за адъютанта, подполковника Степанова съ секретными инструкціями. Вмѣстѣ съ Степановымъ прибылъ въ Гори надежный проводникъ Агаларъ подпоручикъ Эліасъ-Ага, хорошо знавшій всѣ горныя тропинки. Котляревскому предстоялъ почти тотъ же подвигъ, какъ при взятіи Мигри. Минуя извѣстную дорогу вверхъ Куры, по боржомскому ущелью, онъ долженъ былъ пробраться вершинами Тріалетскихъ Горъ вплоть къ самой крѣпости, расположенной на ровной возвышенности. Но въ настоящей экспедиціи было то новое затрудненіе, что она должна была совершиться зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда на горныхъ хребтахъ морозъ и стужа бываютъ невыносимые. По полученіи приказанія, Котляревскій немедленно отправился. Взявъ съ собою на вьюкахъ складныя лѣстницы, онъ выступилъ изъ Гори въ ночь съ 3-го по 4-е декабря съ однимъ батальономъ своего полка и сотнею казаковъ. Переправясь черезъ Куру, онъ примкнулъ къ другому батальону, расположенному близъ

рѣки, и такимъ образомъ, съ двумя батальонами, при 100 казакахъ, безъ орудій, но съ твердой надеждой на себя и на людей своихъ, пошелъ на новое трудное дѣло. 4, 5 и 6-е число отрядъ выстрадалъ сильныя метели, проходя черезъ горы по глубокому снѣгу. 7-го числа на разсвѣтѣ онъ вошелъ въ Ахалцыхскій Пашалыкъ и, будучи уже въ 25 верстахъ отъ Ахалкалакъ, скрывался въ ущельяхъ горъ. Ближе подступить не было возможности. Крѣпость, окруженная со всѣхъ сторонъ волнообразной безлѣсной мѣстностью, была совершенно обезопасена отъ дневнаго внезапнаго нападенія; самыя укрѣпленія, въ видѣ неправильнаго четыреугольника, съ бойницами и возвышавшейся надъ ними двухъярусной цитаделью, защищались глубокимъ оврагомъ. Но Котляревскій принялъ свои мѣры. Какъ только наступила ночь, онъ раздѣлилъ отрядъ на три колонны, каждую въ 200 гренадеръ при 20 стрѣлкахъ; одну повелъ онъ самъ, другія поручилъ подполковникамъ Степанову и Ушакову. Сверхъ того, для занятія двухъ деревень близь крѣпости, равно какъ и для фальшивыхъ атакъ, отдѣлена была особая рота на три части, каждая изъ 20 человѣкъ. Подойдя къ крѣпости за двѣ версты, Котляревскій далъ отдохнуть людямъ цѣлый часъ. Вдали уже были слышны оклики крѣпостныхъ часовыхъ. Въ глубокую ночь отрядъ снова двинулся, и гарнизонъ только тогда бросился къ ружью, когда русскіе начали переходить черезъ высокій каменистый оврагъ, близь

мыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. «Провидѣніе» донесъ Котляревскій, «спасло нашъ отрядъ тѣмъ, что онъ не былъ открытъ въ границахъ пашалыка. Никто не воображалъ, чтобъ войско могло перейдти въ столь суровое время черезъ снѣговыя горы. Солдаты же» прибавилъ онъ, «оспоривали первенство, кому первымъ идти на приступъ. Подбѣжавъ къ крѣпости, они, несмотря на свою усталость, въ одно мгновеніе ока приставили къ стѣнѣ лѣстницы; было 3 часа пополуночи; капитанъ Шультенъ, бросившись съ первыми гренадерами на ближайшую батарею, на которой было два орудія, мгновенно ею овладѣлъ, а потомъ устремился на другія двѣ батареи съ тремя орудіями, и тоже стремительно ихъ занялъ. Турки защищались отчаянно, но русскіе солдаты, разсвирѣпѣвъ, кололи ихъ безъ пощады. Въ полтора часа времени крѣпость и цитадель, указанная проводникомъ отряда, очищены. На батареяхъ взято 16 орудій разной величины, до 40 пудовъ пороха и большое количество разныхъ снарядовъ; кромѣ того, взяты два знамя, изъ коихъ одно изорвано при сопротивленіи знаменщика, а другое отослано въ Тифлисъ.»

8-го декабря утромъ, какъ только кончилось дѣло, Котляревскій отправилъ къ маркизу Паулуччи, достойно заслужившаго сіе отличіе, капитана Шультена, о которомъ мы будемъ имѣть случай упоминать еще не разъ впослѣдствіи. Въ реляціи сказано, что со стороны нашей убитъ 1 унтеръ-офицеръ, ранены: штабс-капитанъ Сагиновъ 2-й,

унтер-офицеровъ 2, рядовыхъ 26. Таковой нечувствительный уронъ Котляревскій относилъ храбрости и стремленію офицеровъ и солдатъ, при штурмѣ ихъ одушевлявшихъ.

Маркизъ Паулуччи, тотчасъ отправилъ Шультена къ Государю съ донесеніемъ о сей побѣдѣ ([10]). Въ то же време онъ ходатайствовалъ о награжденіи чиномъ генерал-майора Котляревскаго, какъ достойнаго носить сіе званіе по отличнымъ его воинскимъ талантамъ, благоразумію и опытности, которыя онъ оправдалъ на самомъ опытѣ, довершивъ примѣрное воинское дѣйствіе, при столь не примѣтной почти потерѣ.

По взятіи крѣпости, въ тотъ же день, т. е. 8 декабря, Котляревскій написалъ ахалцыхскому шерифъ-пашѣ о размѣнѣ плѣнныхъ, чтобъ вступить съ нимъ въ дальнѣйшіе, неудавшіеся, впрочемъ, переговоры, о принятіи пашею русскаго подданства. За симъ онъ отпраздновалъ по-своему побѣду, испросивъ, въ ознаменованіе оной, помилованіе храброму унтер-офицеру, въ минуту забывчивости оказавшему во фронтѣ грубость ротному командиру. Строгій блюститель военной дисциплины, Котляревскій самъ отдалъ провинившагося подъ военный судъ, но, движимый человѣколюбіемъ, составлявшимъ всегда его отличительное свойство, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ избавить своего подчиненнаго отъ строгаго наказанія. По исполненіи этого сердечнаго долга, слѣдовало озаботиться и о продовольствіи оставляема-

го гарнизона. Это было тѣмъ труднѣе, что всѣ окрестные жители обратились въ бѣгство съ стадами и имуществомъ. 9-го декабря Котляревскій выступилъ съ двумя ротами въ селеніе Катехи, въ 20 верстахъ отъ Ахалкалакъ, и соединился тамъ съ опоздавшимъ батальономъ 46-го Егерскаго Полка. Этому батальону, подъ командою майора Данилова, велѣно было во время штурма крѣпости овладѣть окрестностью и обеспечить продовольствіе отряда. Но батальонъ опоздалъ, а жители успѣли убѣжать. Тогда, имѣя единственную заботу объ отысканіи хлѣба, Котляревскій оставилъ въ Катехи одну роту, батальону же велѣлъ идти къ крѣпости, между-тѣмъ уцѣлѣвшія двѣ деревни, изъ 30-ти семействъ состоявшія, между крѣпостью и Катехи, перемѣстилъ въ форштатъ.

«10-го числа отправился я», какъ донесъ Котляревскій, «съ казаками Ежова Полка изъ крѣпости къ сторонѣ Гумри, верстъ за 15, и занялъ три деревни, изъ которыхъ жители ушли, куда и отправилъ команду въ 200 человѣкъ для отысканія хлѣба, а въ селеніе Катехи послалъ, при двухъ ротахъ, полковыхъ, артельныхъ и казачьихъ лошадей, чтобъ перевезти хлѣбъ и съ тѣмъ вмѣстѣ взять роту 46-го Егерскаго Полка, которой не можно было тамъ долго оставаться, потому-что ахалцыхскій паша, собирая войска, приближался туда, переселяя всѣ деревни къ Ахалцыху. Равномѣрно и для того нужно было взять сію роту, чтобъ усилить гарнизонъ за выступленіемъ моимъ».

«Такимъ образомъ 9-го и 10-го числа удержанъ я былъ отъ выступленія для дальнѣйшихъ поисковъ за бѣгущими жителями, чтобъ захватить скотъ, каковаго доселѣ я и набираю въ порцію солдатамъ для поддержанія ихъ въ безпрерывныхъ движеніяхъ по сильному здѣсь снѣгу и холоду».

«Теперь посылаю двѣ роты 46 Егерскаго Полка въ ближайшія деревни отыскивать хлѣбъ, и какъ скоро возвратятся, то я, хотя то было бы въ ночь, располагаю сего числа выступить съ 800 чел. ввѣреннаго мнѣ полка, съ присоединеніемъ и егерей, при двухъ трехъ фунт. орудіяхъ и съ 150 казаками Ежова и Данилова полковъ. Намѣреніе мое устремиться въ деревни Челдырскаго Округа, куда убралась часть жителей здѣшнихъ деревень, другая же обратилась къ Ахалцыху. Я въ сей экспедиціи буду всячески стараться найдти скота больше, и хлѣба, и ежели бы встрѣтились турки, то ихъ бить, особливо не встрѣтится ли самъ паша. Притомъ же и для того иду, чтобъ наказать разбойниковъ, въ Грузіи грабежъ дѣлающихъ, которые болѣе въ томъ округѣ укрываются. Сожалительно только то, что при мнѣ нѣтъ татарской конницы, которая способнѣе нашихъ казаковъ для отгона скота, особливо, когда и казаковъ весьма мало».

«Лезгины, въ окрестности Ахалкалакъ по деревнямъ квартировавшіе, услыша о взятіи крѣпости, всѣ ушли къ пашѣ, и они-то, какъ жители говорятъ, погнали селенія».

«При батальонѣ 46 Егерскаго Полка нѣтъ ни лекаря, ни медикаментовъ, почему необходимо нужно поспѣшить присылкою его сюда, пока я здѣсь съ своими батальонами.»

13-го декабря Котляревскій донесъ, что, при предпріятіи своемъ, онъ успѣлъ захватить только до 1000 барановъ и 60 штукъ рогатаго скота, болѣе же не могли сдѣлать, ибо окрестные ахалкалакскія деревни и челдырскія удалились къ карской границѣ, къ крѣпости Ардаганъ. «Подойдя къ челдырскому ущелью» писалъ онъ, «гдѣ разсчитывалъ я найдти скотъ, усмотрѣлъ далеко идущія оттоль уже послѣднія семьи и стада къ Ардагану. По чрезмѣрно-каменистому ущелью, по которому протекаетъ быстрая и глубокая рѣка, не имѣя достаточной конницы, не было возможности ихъ догнать. Съ большимъ рискомъ посланы были на противную сторону казаки, которые чрезъ шесть часовъ едва могли взойдти между скалами, и, по перестрѣлкѣ съ турками, могли отбить только до пятисотъ барановъ. Между-тѣмъ солдаты по ущельямъ ведя перестрѣлку съ турками, въ неприступныхъ норахъ укрывающимися, тоже, сколько могли найдти, отогнали скота. За невозможностью продолжать поиски, я возвращаюсь въ Ахалкалакъ. Барановъ было отбито до двухъ тысячъ; но, при перегонѣ чрезъ рѣку множество потонуло и много на гору не вышли. Изъ сего скота производится порція солдатамъ и казакамъ, дабы только не довести ихъ къ изнуренію; а часть

располагаю оставить для 46 Егерскаго Полка баталіона, оставляемаго въ гарнизонѣ, ибо безъ сего сей батальонъ долженъ былъ бы терпѣть нужду, тѣмъ болѣе, что хлѣба не отыскивается нигдѣ, почему необходимо выслать сюда до 50 четвертей.»

«Батальоны ввѣреннаго мнѣ полка, десятидневный провіантъ употребили 12-го числа, а теперь довольствуются находимымъ здѣсь. Почему, дабы не встрѣтить голода, располагаю я 15 числа слѣдовать въ Гори. Буде же до того времени прибудетъ татарская конница, то со всѣмъ усиліемъ предприму сходить къ Ардагану, либо къ Ахалцыху, дабы отбить скотъ и прокормить нѣсколько дней солдатъ; остерегаюсь паче всего не допустить къ половинной дачѣ, которая обыкновенно, при безпрерывныхъ трудахъ и холодѣ, убійственна для войскъ; но для гарнизона уже хлѣба запасти совершенно отъ меня не зависитъ.»

Оставляя завоеванную имъ крѣпость, Котляревскій снабдилъ поставленнаго имъ въ коменданты майора Барщова подробной инструкціей (*).

(*) Инструкція господину майору Барщову.

Оставляя васъ съ батальономъ въ крѣпости Ахалкалакахъ, предписываю къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

1-е) Содержать гарнизонъ во всегдашней дисциплинѣ и военной осторожности, чтобъ непріятель, при какихъ бы то ни было силахъ, не могъ гарнизону и крѣпости сдѣлать вреда.

9-й § этой инструкціи относится къ ожидаемымъ отвѣтамъ отъ ахалцыхскихъ турецкихъ чиновниковъ, которыхъ маркизъ Паулуччи поручилъ Котляревскому склонить къ принятію русскаго подданства. Повидимому подобное порученіе не весьма нравилось молодому полковнику. Оно доказывается тѣмъ, что, приступая къ исполненію воли своего начальника, немедленно послѣ приступа 7-го декабря, онъ донесъ ему, что отправилъ письмо къ шерифъ-пашѣ, но только о раз-

---

2-е) Всѣ крѣпостныя орудія привесть въ такое состояніе, чтобъ они могли дѣйствовать, и для сего, пересмотря оныя съ артиллерійскимъ офицеромъ, коему я далъ предписаніе, ежели найдутся на какой батареѣ неисправныя, то ихъ снять и замѣнить съ тѣхъ батарей, на коихъ находятся по два орудія, дабы, въ случаѣ нападенія, дѣйствіе было со всѣхъ батарей.

3-е) Дабы сдѣлать крѣпость совершенно оборонительною, какъ надлежитъ быть крѣпости пограничной, срыть немедленно всѣ домы, въ форштатѣ находящіеся, и выровнять мѣсто, чтобъ, въ случаѣ атаки непріятеля, не было ему ни малѣйшаго ложемента; лѣсъ домовъ тѣхъ употребить на поправку квартиръ, а остальной на дрова гарнизону.

4-е) При посылкѣ на фуражировку отряжать команды не слабыя, но всегда не менѣе 100 человѣкъ съ штаб-офицеромъ, или надежнымъ капитаномъ, подтверждая имъ о всегдашней осторожности, дабы непріятель никогда и нигдѣ не могъ имѣть ни малѣйшей поверхности и ничѣмъ воспользоваться. Съ

мѣнѣ плѣнныхъ, полагая, что таковое письмо послужитъ поводомъ открытію переписки, безъ чего онъ почиталъ неблаговиднымъ войдти ему первому съ возложеннымъ на него порученіемъ.

Письмо же заключалось въ слѣдующемъ: «Высокостепенному и Высокопочтенному Шерифъ-Паше Ахалцыхскому, при засвидѣтельствованіи должнаго почтенія.

«Богъ даровалъ побѣду войскамъ Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя

сими командами посылать казаковъ, коихъ оставляю при офицерѣ 50 человѣкъ.

3-е) Снабдивъ гарнизонъ отысканнымъ здѣсь провіантомъ пшеницы 73 четв. и ячменя 82 четв. предписываю выдавать оный пока доставится изъ Грузіи достаточно хлѣба, смѣшивая пополамъ. Это не можетъ быть вредно для здоровья солдатъ, потому болѣе, что жители здѣшніе употребляютъ ячмень вмѣсто пшеницы.

6-е) Оставляя 400 барановъ, предписываю отдѣлить изъ нихъ 50 для офицеровъ ввѣреннаго вамъ гарнизона. Прочіе 350, для сбереженія провіанта, выдавать солдатамъ такъ, чтобъ фунтъ мяса каждому солдату отпускаемъ былъ вмѣсто четвертой части хлѣба.

7-е) Какъ жители форштата и собранные мной съ другихъ деревень отправляются въ Грузію, то Ваше Высокоблагородіе всемѣрно должны стараться отыскивать болѣе хлѣба въ ямахъ въ форштатѣ и ближайшихъ деревняхъ, и, сколько чего отыскано будетъ, рапортовать г. главнокомандующему. Успѣхъ же въ

моего подъ крѣпостью Ахалкалаки. При семъ разѣ взято въ плѣнъ подданныхъ вашихъ 47 человѣкъ; я предлагаю Вашему Высокостепенству именемъ Его Превосходительства г-на главнокомандующаго въ Грузіи, и кавалера, генерал-лейтенанта Маркиза Паулуччи отпустить ихъ на вымѣнъ русскихъ солдатъ, находящихся въ вашемъ пашалыкѣ, вмѣсто каждаго вашего человѣка по два солдата нашихъ. Съ симъ отправляю я одного изъ числа плѣнныхъ, взявъ съ него честное слово, что онъ ко мнѣ возвратится.

семъ отнесется къ вашей чести и попеченію вашему о солдатахъ.

8-е) Мельницы имѣть во всегдашнемъ сбереженіи, дабы непріятель не могъ ихъ попортить, и для сего посылать въ ночь караулъ; буде же возможно, то перенесть ихъ всѣ подъ ружейный выстрѣлъ.

9-е) На случай присылки къ вамъ людей съ письмами и словесными порученіями отъ паши, или другихъ чиновниковъ, обходясь съ ними съ вѣжливостью, прилично состоянію каждаго, не давать никакихъ отвѣтовъ безъ представленія г. главнокомандующему. Впрочемъ, между разговорами, можете имъ внушать, что если они не покорятся, то Его Превосходительство не остановится на взятіи одной крѣпости Ахалкалакъ, не оставитъ завладѣть пашалыкомъ.

10-е) Обо всемъ относиться должны вы прямо къ г. главнокомандующему, посылать же съ донессніемъ до открытія настоящей коммуникаціи или по 10 конныхъ казаковъ, отправляя ихъ въ ночь, или по два пѣшихъ секретными дорогами.

Плѣнный, однакожъ, не возвратился и Котляревскій написалъ еще слѣдующее письмо:

Высокопочтенному и проч.

«Начальникъ мой, главнокомандующій въ Грузіи генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Пауличчи не остановится на томъ, что крѣпость Ахалкалаки взята: онъ намѣренъ завладѣть всѣмъ Ахалцыхскимъ пашалыкомъ, и для сего введетъ сюда сильное войско.

«Ежели Ваше Высокостепенство хотите сохранить себя, сохранить свой народъ, его стада и имѣніе, и ежели хотите истребить вашего врага Селимъ-Пашу, то поспѣшите вступить въ переговоры съ моимъ генераломъ, и отправьте къ Его Превосходительству вѣрнаго вашего чиновника. Я знаю намѣреніе моего начальника, и искренно

11-е) Для экстренныхъ издержекъ препровождаю къ вамъ 100 червонцевъ, въ коихъ ежемѣсячно имѣете представлять отчетныя вѣдомости Его Превосходительству г. главнокомандующему.

12-е) Ежели будутъ выбѣгать къ вамъ жители, то вы ихъ, принимая, располагайте въ крѣпости, и при удобномъ случаѣ отправляйте въ Грузію. Наконецъ я долженъ сказать, что какъ хорошимъ выполненіемъ всего здѣсь прописаннаго вы можете обратить къ себѣ болѣе довѣрія г. главнокомандующаго, такъ за малѣйшее отступленіе противу онаго, можете подвергнуться суду.

Полковникъ Котляревскій.

Декабря 15 дня 1810 года.

желаю, чтобы вы присоединились къ Имперіи Великаго Государя, и потому о семъ вамъ пишу; а впрочемъ, воля ваша.»

Къ этому письму приложены были слѣдующія строки:

«Почтенные чиновники Ахалцыхскаго Пашалыка Ахметъ-Бекъ, Маммедъ Ага, Мустафа Ага, Мутъ Ага, свидѣтельствую вамъ должное почтеніе.

«Посылаемое присемъ къ высокопочтенному шерифъ-пашѣ письмо, прошу васъ доставить вѣрно и меня извѣстить.

«Въ семъ письмѣ я пишу» (слѣдуетъ изложеніе письма):

«Я знаю, что вы, почтенные чиновники, поддерживаете пашалыкъ, что вы люди важные, и потому совѣтую вамъ, не теряя времени и своего счастья, стараться наклонить пашу, чтобы онъ предалъ себя и владѣніе свое подъ сильную державу моего Всемилостивѣйшаго и Великаго Императора. Я васъ увѣряю, что ежели вы въ семъ дѣлѣ, для владѣнія вашего полезномъ, будете помогать, то останетесь вы и семейства ваши счастливы, имѣніе ваше останется при васъ и получите большія милости отъ моего Государя. Впрочемъ, воля ваша.»

Исполнивъ такимъ образомъ все, что́ отъ него зависѣло, Котляревскій выступилъ 16 декабря. 368 душъ захваченныхъ имъ семействъ отправилъ въ Грузію съ майоромъ Даниловымъ, обезпечивъ ихъ продовольствіе вмѣстѣ съ плѣнными. Въ ночь

передъ выступленіемъ, 11 человѣкъ изъ плѣнныхъ покушались бѣжать; 8 изъ нихъ пойманы казаками, а три скрылись. «Я содержалъ ихъ особо (донесъ тотчасъ Котляревскій), изъ сострадáнія къ нимъ, и потому, не относя никому вины побѣга ихъ, подвергаю себя справедливому взысканію Вашего Превосходительства, имѣя долгъ вмѣстѣ съ тѣмъ донести, что, въ страхъ другимъ и въ наказаніе тѣмъ, которые снисходительность употребили во зло, я одного изъ пойманныхъ разстрѣлялъ, а прочихъ наказалъ плетьми».

Затѣмъ Котляревскій возвратился въ Гори. Ему назначались двѣ лестныя награды: генеральскій чинъ на 29-мъ году отъ рожденія, и пожалованіе отличившихся батальоновъ георгіевскими знаменами. Но Котляревскій не дождался въ Гори этихъ отличій: онъ скоро долженъ былъ уѣхать для новыхъ, еще труднѣйшихъ дѣлъ, и не возвращался болѣе.

Отсутствіе отважнаго генерала и твердаго правителя становилось съ каждымъ днемъ ощутительнѣе въ Карабагѣ. Персіяне, несмотря на свое числительное превосходство, не отваживались выходить на равнины, на чистое поле, помѣряться съ русскими, а, по азіатскому обычаю, вели войну, похожую на разбой въ большомъ размѣрѣ: отбивали скотъ, уводили оплошныхъ жителей и поспѣшно скрывались потомъ за Араксъ. Для подобныхъ дѣйствій Карабагъ представлялъ самую выгодную мѣстность. Вскорѣ послѣ того, какъ

русское войско совершало на турецкой границѣ блистательный подвигъ, на персидской оно претерпѣвало прискорбную неудачу. Полчища Аббасъ-Мирзы нечаянно нахлынули въ Карабагское Ханство и окружили, близь Султанбута, троицкій батальонъ подъ командою майора Джине; съ батальономъ находился самъ Мехти-Кули-Ханъ; но Карягина не было уже на свѣтѣ, Котляревскій не успѣлъ еще пріѣхать. Майоръ Джино честно исполнилъ долгъ свой, пожертвовавъ жизнью. Съ нимъ убитъ капитанъ Гумовичь; но принявшій команду другой капитанъ вступилъ съ Аббасъ-Мирзой въ переговоры и сдался въ плѣнъ. Ханъ успѣлъ скрыться. Истребленіе русскаго батальона преисполнило персіянъ самой высокомѣрной радостью, а подвластныхъ Россіи татаръ — совершеннымъ недоумѣніемъ.

Въ то время маркизъ Паулуччи возвращался изъ Дербента, куда ѣздилъ по случаю присоединенія къ Россіи Кюринскаго Ханства. Узнавъ въ Кубѣ о вторженіи Аббасъ-Мирзы въ Карабагъ, онъ тотчасъ назначилъ Котляревскаго начальникомъ отряда въ 1000 человѣкъ, которому слѣдовало сосредоточиться въ Новой Шемахѣ, во владѣніи ширванскаго Мустафы-Хана.

Котляревскій немедля поскакалъ къ мѣсту своего новаго назначенія и, прибывъ 9-го февраля въ Новую Шемаху, отправилъ къ главнокомандующему слѣдующій собственноручный рапортъ.

«Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ донести Вашему Превосходительству, что майоръ Джине, 8 дней уже, разбитъ Аббасъ-Мирзою, у коего войскъ, по словамъ бывшихъ въ оныхъ, не менѣе 12 т. съ 10 ю орудіями, которыми управляли англійскіе офицеры.

«Много семействъ угнато персіянами, а Мехти-Кули-Ханъ, бѣжавшій, неизвѣстно гдѣ теперь находится. Крѣпость Шуша благополучна.

«Въ Елисаветополѣ также не было чапаула. Аббасъ-Мирза съ того мѣста, гдѣ разбилъ батальонъ, прошелъ вчерась къ Шахъ-Булаху. Вѣрный нашъ пріятель Мустафа-Ханъ принимаетъ большое участіе во всемъ происшедшемъ, крайне жалѣетъ, что такъ случилось и непоколебимъ въ своемъ усердіи. Онъ получилъ также письмо отъ мирзы Безюрка и словесныя порученія, въ которыхъ ему обѣщаютъ весьма много. Письмо показывалъ мнѣ и представитъ оное Вашему Превосходительству. Онъ спрашивалъ меня, будутъ ли къ нему войска вмѣсто батальона кабардинскаго; говоритъ, что ему нужно, ибо персіяне не упустятъ сдѣлать къ нему чапаулъ, какъ скоро наши войска пойдутъ въ Карабагъ. Я отвѣчалъ, что прійдутъ, и полагаю весьма полезнымъ батальонъ 46 полка изъ Дербента прислать сюда, какъ для того, чтобъ успокоить ханство, такъ и на случай нашихъ дальнѣйшихъ предпріятій, безъ которыхъ, кажется намъ, нельзя будетъ удержать за собою совершенно обнаженный Карабагъ.

«Я пріѣхалъ сюда весьма поздно, браня всѣхъ казаковъ, которые не прибудутъ прежде завтрашняго дня. Казаки и троицкіе не могутъ быть сюда прежде 11-го числа, отъ чрезвычайно дурной дороги. Кабардинскій батальонъ выступаетъ изъ Матрасовъ завтра чуть-свѣтъ, и я пойду съ нимъ къ переправѣ, гдѣ уже приказано ханомъ дѣлать паромъ (*). Мнѣ больно очень, что я не могъ доставить Вашему Превосходительству пріятнѣйшихъ извѣстій.

«Надѣюсь на помощь Бога, что Онъ избавитъ меня дѣлать впередъ подобныя донесенія. По переправѣ черезъ Куру, я буду располагать движенія мои по обстоятельствамъ и, если нужно, дождусь всего отряда. Ханъ весьма жалѣетъ, что васъ здѣсь нѣтъ. Я буду говорить съ нимъ еще завтра, и прежде моего отъѣзда отсель донесу, если получу какія свѣдѣнія».

11-го февраля Котляревскій отправилъ еще слѣдующее донесеніе.

«Послѣднія извѣстія изъ Карабага состоятъ въ томъ, что Аббасъ-Мирза пошелъ къ Араксу. О разбитіи батальона Троицкаго Полка говорятъ только, что онъ дрался одинъ день, а на другой, когда подбиты были оба орудія, сдался въ плѣнъ; я въ первомъ рапортѣ моемъ не доносилъ о семъ, потому-что никакъ не могъ вѣрить, чтобъ безъ

(*) Черезъ Куру.

самой крайности сдались русскіе; теперь же извѣстіе это подтвердилось и я не могу уже умолчать о томъ предъ Вашимъ Превосходительствомъ.«

«Батальонъ Кабардинскаго Полка вчерась въ цѣлый день едва дошелъ въ Новую Шемаху, а сегодня идетъ далѣе. Изъ Кубы еще никто не пришелъ; сегодня ночью могутъ прибыть сюда едва-ли, по мерзкой дорогѣ. Я ѣду сейчасъ въ Зардобъ, гдѣ можно будетъ болѣе узнать о всѣхъ обстоятельствахъ.

«Вѣрному Мустафѣ Хану, чрезъ отпущеннаго отъ персіянъ бывшаго захваченнымъ въ 1806 году ширванскаго одного бека, который привезъ письмо отъ мирзы Безюрка, обѣщано на словахъ, если онъ пристанетъ къ странѣ персіянъ, дать сто тысячъ тумановъ, возстановить Селимъ-Хана и еще другія обнадеживанія; но онъ остался твердъ къ намъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, хотя обѣщали, сверхъ-того, отдать ему Нухинское Владѣніе, и что онъ могъ быть намъ весьма вреденъ. Я полагаю, что пріѣздъ Вашего Превосходительства, поселившій въ немъ довѣренность къ вамъ, много подѣйствовалъ, кромѣ того, что онъ и прежде былъ вѣренъ. По Курѣ, начиная отъ Сальяна и до Зардоба, вездѣ конница ханская, чтобъ никто не могъ воровскою пертіею прорваться по бакинской дорогѣ, а самъ ханъ будетъ провожать васъ до Зардоба.

«Джафаръ-Кули-Агѣ Аббасъ-Мирза отдалъ Карадагъ и 15-ть тысячъ тумановъ. Отъ вѣрнаго Мустафы-Хана я не требовалъ съ собою конницы; но когда нужно будетъ, я увѣренъ, что онъ не откажетъ ни въ чемъ, а безъ нужды требовать отъ него считаю излишнимъ. Прошу Ваше Превосходительство, относительно предполагаемаго вами чапаула, поговорить съ нимъ откровенно, ибо намъ безъ его конницы сдѣлать за Араксомъ ничего нельзя; а если вы по секрету ему поговорите о чапаулѣ, то тѣмъ больше еще выиграете его довѣренность, и онъ всѣми силами служить будетъ, ибо сей человѣкъ, для добраго съ нимъ обращенія вашего и для довѣрія, готовъ дѣлать все, а безъ этого не сдѣлаетъ ничего. Впрочемъ, простите мнѣ, что я пріемлю смѣлость писать о семъ: это дѣлаю потому, что вы любите правду и откровенность вашихъ подчиненныхъ.

«По пріѣздѣ въ Зардобъ, я пошлю къ М. Кивковичу дать мнѣ знать объ обстоятельствахъ и о провіантѣ, и всѣмъ разбѣжавшимся по лѣсамъ и въ Нуху карабагцамъ, чтобъ они собирались въ свои мѣста, также и въ Елисаветополь, чтобъ дали знать о тамошнихъ обстоятельствахъ. Прежде надобно собрать карабагцевъ и успокоить ихъ, а потомъ предпринимать, если что возможно будетъ.»

Маркизъ Паулуччи, проѣхавъ чрезъ Баку, прибылъ къ отряду 12 февраля и, посѣтивъ Мустафу-Хана, пошелъ съ отрядомъ къ Зардобу. Но

новыя несчастныя обстоятельства требовали присутствія главнаго начальника въ Грузіи: въ Кахетіи вспыхнуло давнообдуманное возмущеніе. Нѣкоторые грузинскіе дворяне начали поддерживать права новаго претендента царевича Григорія. Ксанскіе жители и Карталинія видимо колебались. Лезгины угрожали изъ-за Кахетіи соединиться съ кахетинцами. Не только ханства, но и дистанціи татарскія, узнавъ о пораженіи русскаго баталіона, начали оказывать нерѣшительность. Такимъ образомъ къ внѣшнимъ двумъ сильнымъ врагамъ присоединялись внутреннія смуты. Англичане, хотя и утверждали, что льстятъ Персіи только для того, чтобъ отвратить вліяніе французовъ, но не менѣе того явно вредили русскимъ. Англія назначала Персіи по 100,000 тумановъ, т. е. по 3 мил. руб. сереб. въ годъ, и въ числѣ этой суммы, въ концѣ 1811 года, снова выслано 12 орудій, 12-тыс. зарядовъ, 12-тыс. ружей, и сукна на обмундировку 12-тыс. человѣкъ. Англійскій министръ въ Персіи извѣстилъ, впрочемъ, маркиза Паулуччи, что присланныя еще 20 пушекъ остановлены имъ въ Бендеръ-Бушерѣ до подтвержденія извѣстія о мирѣ между Англіей и Россіей.

При такихъ обстоятельствахъ главнокомандующій долженъ былъ поспѣшить въ Тифлисъ. Онъ оставилъ карабагскій отрядъ на попеченіе Котляревскаго, а самъ поѣхалъ въ столицу Грузіи, откуда донесъ, что всѣ возникшія смуты очевидно послѣдствія общаго заговора, но что этотъ заго-

воръ уже разстроенъ его успѣхомъ въ Дагестанѣ, склоненіемъ къ вѣрности ширванскаго хана, и движеніемъ нашихъ войскъ къ границѣ Карабага, откуда Аббасъ-Мирза, забравъ жителей и плѣнныхъ, поспѣшно отступилъ за Араксъ.

Принявъ командованіе отрядомъ, Котляревскій началъ распоряжаться.

Первымъ его дѣйствіемъ, по прибытіи въ край, хорошо ему знакомый, было возстановленіе довѣрія къ русской неустрашимости. Для этой цѣли онъ рѣшился перейдти за Араксъ, разбить непріятеля, возвратить угнанныхъ въ прошедшее время карабагцевъ и отбить непріятельскія стада (11).

Сознавая самъ, что подобное предпріятіе сопряжено съ большими затрудненіями и съ малой надеждой на успѣхъ, онъ имѣлъ въ виду пользу службы и честь русскаго оружія. 250 егерей изъ ротъ, расположенныхъ между Шушою и Мигри, при одномъ орудіи, должны были 14-го марта, подъ командою полковника Живковича, въ сутки пройдти 70 верстъ и занять на Араксѣ Худоперинскій Мостъ, недавно исправленный персіянами. Тутъ должны были къ нимъ примкнуть 200 егерей, вышедшіе 14 го числа изъ Шуши, подъ начальствомъ майора Дьячкова. Самъ же Котляревскій, съ 800 гренадерами, 200 казаками и тремя орудіями, долженъ былъ 12-го числа идти форсированными маршами съ берега Куры, гдѣ былъ расположенъ лагеремъ, къ Араксу, и 15-го

числа, на разсвѣтѣ, переправиться въ бродъ двумя частями ниже Худоперинскаго Моста. Такимъ образомъ думалъ онъ, съ разсвѣтомъ 15-го марта, поставивъ въ глазахъ непріятеля три отряда, дѣйствовать съ быстротою на трехъ пунктахъ; для дальнѣйшихъ же операцій соединиться за Араксомъ, оставивъ у моста надежное прикрытіе.

Эта отважная и хорошо-обдуманная экспедиція встрѣтила, однакожь, вовсе-неожиданное препятствіе. Когда войска достигли Аракса, они нашли, что переправа въ бродъ, отъ сильныхъ дождей и оттепели, сдѣлалась совершенно невозможною, а что Худоперинскій Мостъ сломанъ партіей разбойниковъ, замедлившей прибытіе полковника Живковича. Котляревскій принужденъ былъ ограничиться дѣйствіями по сю сторону рѣки, разбивъ еще, при слѣдованіи къ ней, двѣ партіи разбойниковъ и взявъ изъ нихъ плѣнныхъ 23 человѣка. Затѣмъ онъ распорядился взятіемъ неприступнаго, по мнѣнію персіянъ, мѣстечка Киръ-Каха, возвратилъ до 400 семействъ, бѣжавшихъ къ персіянамъ, и, въ томъ числѣ, важное селеніе Тугъ, находившееся на дорогѣ между Шушею и Араксомъ, отбилъ до 15 т. штукъ рогатаго скота и наказалъ возмущавшихъ край разбойниковъ. Такъ и не при совсѣмъ-удавшейся попыткѣ онъ нашелъ средство внушить прежній, исчезавшій страхъ къ русскому оружію, доказавъ, какъ онъ самъ отозвался, непріятелю внѣшнему и внутреннему, что мы не слабы и что есть еще въ Карабагѣ довольно

войскъ бить его. По возвращеніи изъ экспедиціи, Котляревскій приступилъ къ мѣрамъ предосторожности для успокоенія взволнованнаго края. Опасаясь вліянія ханскаго брата и другихъ лицъ, онъ нѣкоторыхъ приказалъ задержать въ шушинской крѣпости, другихъ отправилъ въ Елисаветополь. Отъ жителей же и кочующихъ курдовъ, промышлявшихъ разбоемъ, отобраны аманатами, то есть въ залогъ вѣрности, лучшія семейства. Маркизъ Паулуччи выставилъ движеніе Котляревскаго съ самой блистательной стороны и исходатайствовалъ ему орденъ св. Анны 1-й степени, и столовыхъ денегъ 1200 руб. ассигнаціями въ годъ. Въ то же время возмущеніе въ краѣ было нѣсколько усмирено. Турки, предпринимавшіе штурмъ ахалкалакской крѣпости, были отбиты, благодаря предписаннымъ Котляревскимъ предосторожностямъ. Аббасъ-Мирза не отклонялся отъ мира. При такомъ положеніи маркизъ Паулуччи, вызванный въ Петербургъ, сдалъ командованіе генерал-лейтенанту Ртищеву.

Ртищевъ неохотно принялъ тяжкую обязанность. 1812 годъ памятенъ для всей Россіи; въ Грузіи онъ тоже былъ годомъ мучительнаго испытанія. Человѣкъ уже приклонныхъ лѣтъ, генералъ Ртищевъ не отличался ни рѣшимостью, ни особенными воинскими доблестями, но твердо уповалъ на Бога и, полагаясь на Его святую волю, началъ дѣйствовать съ свойственной его лѣтамъ осторожностью. Принявъ отъ маркиза Паулуччи

непосильную ношу, Ртищевъ облегчалъ ее молитвою. Онъ добродушно вѣрилъ въ возможность склонить персіянъ къ миру, при тогдашнихъ обстоятельствахъ; вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать наступательно, что одно могло спасти край, вступилъ съ Аббасъ-Мирзою и съ англійскимъ посланникомъ Узлеемъ въ продолжительную, вѣжливую и безполезную переписку. Сиръ Узлей прислалъ въ Тифлисъ племянника своего Гордона, который былъ принятъ со всевозможной почестью. Ртищевъ предложилъ ему даже осмотрѣть наши войска и предписалъ о томъ всѣмъ отряднымъ начальникамъ, между прочими, и Котляревскому, которому не нравились подобные знаки довѣрія и уваженія. Разсказываютъ, что онъ одного англійскаго офицера, присланнаго къ нему для осмотра лагеря, принялъ безъ галстуха ([12]), приказавъ солдатамъ сдѣлать то же и ссылаясь на жаркую погоду. Этотъ случай былъ, вѣроятно, съ Гордономъ. Котляревскій хорошо зналъ и персидскую искренность и расположеніе англійскихъ чиновниковъ. По окончаніи экспедиціи и до пріѣзда Гордона, онъ отправился въ Мигри, гдѣ осматривалъ батальонъ и изыскивалъ средства для возвращенія плѣнныхъ. На обратномъ пути онъ узналъ, что четырехтысячный персидскій отрядъ прибылъ къ Худоперинскому Мосту съ намѣреніемъ напасть на селеніе Хензеракъ, въ которомъ находилась одна русская рота въ 60 человѣкъ. Котляревскій немедленно туда поспѣшилъ и, удо-

стовѣрясь, что персидская конная партія съ бѣжавшимъ изъ Карабага Гуссейнъ-Кули-Бекомъ дѣйствительно появлялась близь Хензерака и другаго селенія, Гіоруса, онъ устремилъ роту противъ непріятеля. Движеніе это было столь удачно, что персіяне разбѣжались, а самъ Гуссейнъ-Кули-Бекъ, служившій имъ проводникомъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ Котляревскій расположился лагеремъ у рѣчки Агъ-Угланъ, чтобъ лучше наблюдать за движеніями персіянъ. Но Ртищевъ все не отчаявался въ успѣхѣ мѣръ кротости и убѣжденія. Онъ отправилъ въ Персію адъютанта своего Попова и надворнаго совѣтника Фрейганга съ письмами, въ которыхъ онъ жаловался на наступательныя дѣйствія персіянъ во время переписки о мирѣ, и снова предлагалъ о прекращеніи войны. Поповъ и Фрейгангъ не были допущены до Тегерана, а остановлены въ Тавризѣ Аббасъ-Мирзой, который принялъ ихъ, впрочемъ, очень ласково. Въ неоднократныхъ съ ними разговорахъ, онъ отозвался даже, что не только согласенъ отправить къ Ртищеву одного изъ своихъ приближенныхъ, но самъ желаетъ имѣть съ нимъ свиданіе на границѣ. Въ доказательство своей искренности, онъ распустилъ на 20 дней свои войска и вызвался даже выдать г. Ртищеву 6 офицеровъ и 100 рядовыхъ изъ взятаго въ плѣнъ батальона. Но прибывшій въ то время въ Тавризъ изъ Тегерана англійскій министръ С. Узлей привезъ полномочіе отъ шаха для участія въ пе-

реговорахъ, и обхожденіе Аббасъ-Мирзы мгновенно измѣнилось. Персидскій чиновникъ къ Ртищеву не отправленъ, плѣнные не выданы, сборъ войска снова начался.

Вскорѣ былъ объявленъ миръ съ Турціей, и Ртищеву защита границъ облегчилась вполовину... Но въ то же время Наполеонъ вступалъ въ Россію. Войска за Кавказомъ не комплектовались, смуты внутреннія не утихали; персіяне готовились всѣми своими силами напасть на Грузію. Ртищевъ могъ выставить противъ нихъ только три небольшіе отряда; первый со стороны Эривани, подъ начальствомъ генерал-майора Лисаневича, второй, подъ начальствомъ генерал-майора барона Клодта фон-Юргенсбурга, для храненія елисаветопольской дистанціи, а третій, въ Карабагѣ, подъ командованіемъ Котляревскаго. Ртищевъ опасался за Нуху, откуда путь былъ открытъ къ Тифлису. Переписка же о переговорахъ продолжалась, изобличая и лицемѣріе персіянъ и добродушное благородство Ртищева. Котляревскій стоялъ на стражѣ, не довѣряя обманчивымъ обѣщаніямъ и негодуя на свое принужденное бездѣйствіе. Онъ заботливо слѣдилъ за малѣйшими движеніями непріятеля и наблюдалъ за повиновеніемъ карабагцевъ. Такъ, пріѣзжавшаго къ Мехти-Кули-Хану хаджи, или духовную особу, съ фирманомъ отъ шаха, онъ велѣлъ схватить и отправить за границу. Дававшій сему посланцу прибѣжище, начальникъ карагар-

скихъ курдовъ, Асетъ султанъ, бѣжалъ съ 150 семействами къ персіянамъ. Карабагцы явно волновались. Котляревскій чувствовалъ, что пора быть удару рѣшительному. Наконецъ Аббасъ-Мирза показался съ войскомъ близь урочища Султанъ-Чесаръ, въ 12-ти агачахъ отъ Аракса. Котляревскій тотчасъ донесъ, что онъ готовъ его встрѣтить какъ должно; но Аббасъ-Мирза повернулъ къ границамъ Талышинскаго Ханства и въ то же время выслалъ въ лагерь Котляревскому важнаго персидскаго чиновника Наджавъ-Кули-Хана, для будущихъ переговоровъ о мирѣ. Такимъ образомъ онъ остановилъ движеніе Котляревскаго, настоятельно-просившаго разрѣшенія сдѣлать диверсію на Талышъ, а самъ, остановившись при урочищѣ Сарыкамушѣ, вступилъ въ сношенія съ талышинскимъ ханомъ Миръ-Мустафой.

Пріѣздъ Наджавъ-Кули-Хана 10-го августа въ лагерь былъ лукаво обдуманъ. «Я посему (донесъ въ тотъ же день Котляревскій) не могу предпринять перейдти Араксъ, дабы не прервать чрезъ то переговоры, но между-тѣмъ поспѣшаю донести, что Аббасъ-Мирза, какъ видно, желаетъ выиграть время. Онъ уже сдѣлалъ чапаулъ въ Талышъ и перевелъ нѣсколько кочеваго народа. Теперь же присланнымъ сюда для переговоровъ ханомъ, связавъ мнѣ руки воспользоваться разрѣшеніемъ сдѣлать диверсію, можетъ на-

клонить совершенно къ себѣ Миръ-Мустафу-Хана, имѣя для устрашенія его много войска».

14-го увгуста Котляревскій снова писалъ къ генералу Ртищеву, что Аббасъ-Мирза вступилъ уже въ Талышъ, что со стороны Гиляна приближается персидское войско, что народъ возмущается беками и что Миръ-Мустафа-Ханъ ведетъ съ персіянами переговоры. Переговоры же съ русскими начинаются только для того, чтобъ дать персіянамъ возможность покорить Талышъ, а уже потомъ продолжать дѣйствіе противъ Карабага, Нухи и Грузіи. «Посему весьма нужно бы мнѣ (присовокупилъ онъ) переправиться черезъ Араксъ и дѣйствовать для диверсіи Талышинскому Владѣнію. Чтобъ не прервать переговоровъ, я объяснился съ Наждавъ-Кули-Ханомъ, что движеніе Аббасъ Мирзы къ талышамъ показываетъ совсѣмъ противное миру желаніе. Онъ отвѣчалъ, что Аббасъ-Мирза не намѣренъ дѣйствовать непріятельски противъ талышей, но что нѣкоторые, будто-бы непринадлежавшіе прежде Талышинскому Ханству, беки просили его о защитѣ противъ Миръ-Мустафы-Хана, и потому онъ хочетъ ввести ихъ въ права владѣльцевъ. Видя, что это не что иное, какъ персидская хитрость, и что персіяне считаютъ Талышъ себѣ принадлежащимъ, я объяснилъ ему, что въ то время, когда посылается посланникъ для переговоровъ, не должно происходить ничего подобнаго; что Талышинское Ханство находится подъ покровительствомъ Всеми-

лостивѣйшаго Государя моего и охраняется русскими войсками; что, наконецъ, если Аббасъ-Мирза поступитъ хотя малѣйше непріятельски съ владѣніемъ, покровительствуемымъ Россіею, тогда не долженъ онъ винить, что и съ нимъ поступлено будетъ худо».

Въ то же время Котляревскій написалъ талышинскому хану, что, въ случаѣ надобности, окажетъ ему помощь. Капитан-лейтенанту Веселаго отправилъ должныя наставленія и разослалъ повсюду лазутчиковъ.

Рапортъ свой г. Ртищеву онъ заключилъ слѣдующими словами: «Если черезъ пять дней не получу разрѣшенія на счетъ пріѣзда сюда Наджавъ-Кули-Хана, то отправлю его въ Шушу, а самъ пойду, не взирая ни на что́, за Араксъ, ибо я считаю, ежели Аббасъ-Мирза успѣетъ какимъ-нибудь образомъ овладѣть Талышинскимъ Ханствомъ, то это сдѣлаетъ такой вредъ, котораго невозможно будетъ поправить. Притомъ пребываніе Аббасъ-Мирзы у Сарыкамушъ опасно для насъ и со стороны той, что когда сдѣлается онъ съ Миръ-Мустафой-Ханомъ, то можетъ обратиться противъ Сальянъ, взять оное мѣстечко и, переправясь тамъ черезъ Куру, пройдти частью Ширванскаго Владѣнія въ Нухинское, и это для него гораздо выгоднѣе, чѣмъ идти туда черезъ Карабагъ, гдѣ не можетъ обойдтиться, чтобъ не быть принужденнымъ драться съ отрядомъ, мнѣ ввѣреннымъ, готовымъ повсюду его встрѣчать и преслѣдо-

вать. Для сего также весьма нуженъ переходъ мой за Араксъ, дабы отвратить его отголь; ибо, допустивъ ему переправиться черезъ Куру въ Сальянъ, уже трудно и почти невозможно удержать, чтобъ онъ не разорилъ часть Шириванскаго Ханства и не овладѣлъ Нухинскимъ, откуда беки безпрестанно просятъ его прійдти избавить ихъ отъ рукъ Джафаръ-Кули-Хана. Въ предосторожность же писалъ я къ Мустафѣ, хану ширванскому, чтобъ онъ имѣлъ въ Сальянѣ свои войска съ хорошими чиновниками и увѣдомлялъ бы меня обо всемъ; а такъ-какъ сіе мѣсто недалеко отъ Баки, то не благоугодно ли Вашему Превосходительству приказать командировать отголь каспійскаго батальона одну роту.»

Не свидѣтельствуютъ ли строки эти, кáкъ понималъ Котляревскій и противниковъ своихъ и самую войну? Онѣ тѣмъ болѣе важны, что могутъ послужить объясненіемъ къ послѣдующимъ событіямъ, доказать всю предусмотрительность молодаго генерала, не разъ жертвовавшаго собой для пользы отечества.

Ртищевъ все еще думалъ о возможности заключить миръ. Разсчитывая на обѣщанное свиданіе съ Аббасъ-Мирзою, онъ выступилъ съ трехтысячнымъ отрядомъ изъ Тифлиса, и, соединясь съ отрядомъ Котляревскаго, прибылъ на одинъ переходъ отъ Аракса къ урочищу Каракюпахъ, гдѣ расположился лагеремъ 9-го сентября. На встрѣчу къ нему выѣхалъ Наджавъ-Кули-Ханъ. Самъ же онъ отправилъ къ Аббасъ-

Мирзѣ, оставившему часть войска близъ Талыша и отступившему къ Тавризу г. м. Ахвердова съ просьбой назначить мѣсто для свиданія. Ахвердовъ былъ принятъ довольно-вѣжливо, но мирза Безюркъ требовалъ, чтобъ онъ явился къ Аббасъ-Мирзѣ не иначе, какъ въ персидскомъ платьѣ или въ красныхъ чулкахъ; на что̀ Ахвердовъ, конечно, не согласился. Онъ былъ допущенъ къ Аббасъ-Мирзѣ не иначе, какъ по свиданіи съ С. Узлеемъ, и возвратился въ русскій лагерь съ извѣстіемъ, что Аббасъ-Мирза, вопреки обѣщанію, отказывается выѣхать на границу, а требуетъ, чтобъ генералъ Ртищевъ выѣхалъ къ нему на ту сторону Аракса, за 80 верстъ въ глубь Персіи. Другое извѣстіе, которое привезъ Ахвердовъ, поразило Ртищева: французы были въ Москвѣ. Ртищевъ, какъ русскій, какъ природный москвичъ, горько заплакалъ, узнавъ о погибели своего роднаго города, но сохранилъ должное достоинство при всѣхъ окружавшихъ его злополучіяхъ. Котляревскій понималъ, что персіянамъ нужно было отвѣчать пулями и штыками. Ртищевъ все надѣялся на склоненіе къ миру и, отвергнувъ приглашеніе ѣхать къ Аббасъ-Мирзѣ, предложилъ вступить въ переговоры посредствомъ повѣренныхъ. Поэтому возникла новая переписка и произвольно назначено Аббасъ-Мирзою перемиріе на двадцать дней. Мѣстомъ для съѣзда повѣренныхъ избрано было укрѣпленіе Асландузъ, по ту сторону Аракса.

Уполномоченными опредѣлены, со стороны Персіи, сынъ мирзы Безюрка, мирза Абулъ-Касимъ, и секретарь англійскаго посольства г. Морьеръ (*), со стороны Россіи генерал-майоръ Ахвердовъ и коллежскій совѣтникъ Могилевскій, правитель канцеляріи управляющаго краемъ. Ртищевъ думалъ заключить миръ на томъ основаніи, чтобъ все оставалось in statu quo. Талышинское Ханство, независимое, охранялось бы русской державой, причемъ Россія признала бы шаха законнымъ Аббасъ-Мирзу его наслѣдникомъ и сдѣлала бы нѣкоторыя незначительныя уступки. Въ такомъ смыслѣ и составлена была инструкція 24 сентября, съ которой уполномоченные отправились въ Асландузъ.

24-го же Котляревскій представилъ Ртищеву при рапортѣ письмо, писанное капитан-лейтенантомъ Веселаго ([13]) къ находящемуся въ Ширванѣ майору Швецову. Въ письмѣ было сказано, что все Талышинское Ханство въ возмущеніи, что 10 тыс. персіянъ, подъ предводительствомъ Сардаръ-Амиръ-Хана, вошли въ Ленкорань, что къ нимъ примыкнули почти всѣ талышинцы, и что талышинскій ханъ нашелъ убѣжище въ русскомъ отрядѣ. При такихъ дѣйствіяхъ нельзя было ожидать отъ персіянъ готовности къ миру. Во время асландузскихъ переговоровъ дерзость

(*) Извѣстный своимъ путешествіемъ, и въ особенности романомъ: «Хаджи-Баба».

ихъ дошла до возможной крайности. Они требовали, чтобъ Россія уступила Персіи всѣ присоединенныя провинціи, т. е. Дербентскую, Кубинскую, Бакинскую, ханства Карабагское, Ширванское, Шекинское, области Елисаветопольскую и Шурагельскую. Послѣ двухъ засѣданій, переговоры кончились и Ахвердовъ возвратился.

Котляревскій все это предвидѣлъ и неоднократно просилъ Ртищева воспользоваться сборомъ двухъ отрядовъ и атаковать Аббасъ-Мирзу посреди его лагеря. Котляревскій одушевляся притомъ увѣренностью въ самого себя и въ русскую храбрость; но Ртищевъ боялся гибельныхъ послѣдствій неудачи. Мало-по-малу между начальникомъ и подчиненнымъ возникло взаимное неудовольствіе. Старческая осторожность перваго приводила въ негодованіе обдуманную рѣшимость втораго. Объ этомъ неудовольствіи сохранился въ изустномъ преданіи слѣдующій анекдотъ ([14]): Однажды за обѣдомъ у главнокомандующаго Котляревскій доложилъ ему, что, несмотря на условленное перемиріе, персіяне не перестаютъ, какъ онъ выразился, пошаливать, т. е. отбиваютъ скотъ и разбойничаютъ, по восточному обычаю. Противъ этого генералъ Ртищевъ хладнокровно отозвался, что слѣдовало приказать полковнику Донскаго Полка Попову, чтобъ онъ отрядилъ своихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать грабителей черезъ рѣку. Котляревскій возразилъ, что дѣло идетъ не съ обык-

новенными разбойниками, а съ персидскою конницею и съ персидскимъ войскомъ, что, потому, небольшая команда казаковъ не въ силѣ ихъ удержать, что она будетъ непремѣнно истреблена. Генералъ Ртищевъ наставилъ на своемъ и началъ говорить, что трудно быть генераломъ, въ особенности молодымъ; что генералу надо знать прежде всего молчать передъ старшимъ и повиноваться его приказаніямъ, прибавивъ къ этому, относясь къ Котляревскому, что онъ еще молодъ въ настоящемъ чинѣ. Котляревскій отвѣчалъ не менѣе вспыльчиво, что молчать не слѣдуетъ тамъ, гдѣ надо говорить правду, и, въ заключеніе, онъ присовокупилъ, что, замѣтивъ еще, до личнаго знакомства, изъ полученныхъ имъ предписаній нерасположеніе къ нему главнокомандующаго, онъ проситъ уволить его вовсе отъ службы. Ртищевъ сухо отвѣчалъ, что право просить объ отставкѣ предоставлено каждому дворянину. Затѣмъ и обѣдъ и разговоръ кончились. Молодой человѣкъ (15), находившійся тогда въ лагерѣ, въ качествѣ дипломатическаго чиновника, присутствовалъ при этомъ спорѣ и возвратился послѣ обѣда въ кибитку, гдѣ онъ стоялъ съ генераломъ Ахвердовымъ. Онъ разсказалъ ему о случившемся происшествіи. Ахвердовъ, пораженный послѣдствіями, какія могла бы имѣть потеря такого человѣка, какъ Котляревскій, выждалъ часъ послѣобѣденнаго отдыха Ртищева и отправился къ нему въ палатку. Неизвѣстно, что̀ было гово-

рено между ними, но чрезъ нѣсколько времени Ртищевъ вышелъ изъ палатки и, громко позвавъ состоявшаго при немъ на ординарцахъ офицера, приказалъ ему ѣхать къ Котляревскому, объявить, что будетъ къ нему къ чаю. Отрядъ Котляревскаго былъ расположенъ за главнымъ лагеремъ. Вслѣдъ за тѣмъ Ртищевъ отправился, по данному обѣщанію, и когда Котляревскій вышелъ къ нему на встрѣчу, Ртищевъ съ рѣдкимъ благородствомъ началъ просить у него со слезами извиненія. «Простите, Петръ Степановичъ (сказалъ онъ), я виноватъ; забудемъ все. Теперь ли службу оставлять, когда любезное отечество на оную призываетъ каждаго своего сына? Вы лучше меня знаете мѣстныя обстоятельства и самую сторону; дѣлайте все, что́ благоразуміе ваше велитъ вамъ, во всемъ разрѣшаетесь, а мнѣ надо идти назадъ для другихъ распоряженій: критическое положеніе края отзываетъ меня отсель къ Тифлису. Одного прошу не дѣлать и запрещаю, зная вашу отвагу и примѣрное мужество: вы, можетъ-быть, не потерпите, смотря на персіянъ, собирающихся у Аракса, и вздумаете переправиться въ виду цѣлой ихъ арміи, а чрезъ неудачу, отчего храни Богъ, и край погибнетъ». Эти слова слышалъ стоявшій у дверей драгунскій офицеръ, который о нихъ тогда и разсказалъ. Обычайная осторожность Ртищева и опасенія отваги Котляревскаго внушили ему подтвердить свое приказаніе чтобъ, по слабости

своего отряда, Котляревскій отнюдь не переходилъ за Араксъ, а старался бы вредить сколько возможно непріятелю, оставаясь по сю сторону рѣки; ибо всякая потеря, при неудачныхъ покушеніяхъ, должна была быть отнесена на его отвѣтственность. Однакожъ упрямоэнергическій характеръ молодаго генерала не подчинился, какъ видно будетъ впослѣдствіи, этому приказанію. Безпристрастье исторіи не можетъ умолчать объ этомъ обстоятельствѣ. Самая увѣренность въ успѣхѣ, самое вѣрнѣйшее познаніе мѣстностей и непріятеля не могутъ извинить самоуправства и ослушанія, столь противныхъ въ общемъ порядкѣ подчиненности, и даже преступныхъ въ дѣлѣ военномъ, основанномъ на строгой дисциплинѣ. Конечно, человѣкъ пылкій, молодой, рѣшительный, проницательный и хорошо постигающій всю важность положенія, въ которомъ находились и русское войско и русская власть за Кавказомъ, не могъ соглашаться съ колебаніемъ старца, изнемогавшаго подъ бременемъ всемѣстныхъ злополучій и личной отвѣтственности; но, къ счастью, этотъ старецъ, донынѣ еще мало оцѣненный, былъ человѣкъ рѣдкаго благородства, и смирился въ виду общаго бѣдствія передъ военнымъ геніемъ своего подчиненнаго. Къ счастью тоже, Котляревскій, какъ-бы свыше вдохновенный, загладилъ свой проступокъ одной изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ, которою можетъ только гордиться лѣтопись русскаго войска.

Извѣстія, отзывавшія Ртищева изъ Карабага въ Тифлисъ, были самыя прискорбныя. Царевичъ Александръ, нѣкоторое время неизвѣстно гдѣ скрывавшійся, вдругъ очутился въ Кахетіи, гдѣ снова возгорѣлось возмущеніе, при содѣйствіи лезгинскихъ обществъ; въ то же время взбунтовались всѣ горцы по военно-грузинской дорогѣ, такъ-что всякое сообщеніе съ Россіей было отрѣзано, и русскую почту отвозили къ бунтующему царевичу. Къ этому надо присовокупить, что чума не прекращалась, что во всемъ краѣ свирѣпствовалъ голодъ, и за коду (*) хлѣба платили по два руб. сер. Высылка денегъ изъ Россіи прекратилась, какъ потому, что французы были въ Москвѣ, такъ и потому, что сообщеніе было уничтожено. О прибытіи новыхъ войскъ и думать было нечего. Появленіе царевича Александра въ Кахетіи объясняло и высокомѣріе персіянъ, и хитрообдуманные ихъ замыслы. Генерал-майоръ князь Орбельянъ, замѣнившій Ртищева во время его отсутствія, доносилъ, что не отвѣчалъ за безопасность Тифлиса, и что лезгины уже джигитуютъ въ Авлабарѣ (**).

Ртищевъ долженъ былъ, слѣдовательно, поспѣшить съ отрядомъ въ Грузію. Отбытіе его изъ Карабага было ознаменовано случаемъ, который

(*) 2 пуда 10 фунтовъ.

(**) Предмѣстье Тифлиса.

вполнѣ обрисовываетъ характеръ Котляревскаго и вліяніе того ужаса, который онъ уже умѣлъ внушить. Карабагскій владѣтель Мехти-Кули-Ханъ, видя тревожное удаленіе главнаго русскаго отряда, съ другой стороны приближеніе къ границамъ многочисленнаго персидскаго войска, началъ оказывать къ русскимъ явное пренебреженіе. Онъ не только, по существующему обычаю, не почтилъ генерала Ртищева свиданіемъ передъ его выѣздомъ изъ Карабага,. не проводилъ его съ почетомъ, но, оставаясь въ крѣпости своей, Шушѣ, началъ преслѣдовать бековъ, извѣстныхъ по преданности къ россійскому правительству. Котляревскій не вытерпѣлъ подобной обиды. Намъ разсказывалъ очевидецъ заѣхавшій тогда для покупокъ въ Шушу, какъ молодой генералъ, бывшій лихимъ наѣздникомъ и славно говорившій по-татарски, проскакалъ мимо него, въ сопровожденіи одного только казака, прямо на ханскій дворъ, гдѣ Мехти-Кули-Ханъ, сидя на тахтѣ предъ бассейномъ, съ восточною важностью курилъ кальянъ въ кругу своей придворный челяди. Доскакавъ до него, Котляревскій закричалъ съ лошади по-татарски; «асажагамъ?» (т е. я тебя повѣшу). Несмотря на то, что ханъ былъ окруженъ цѣлой толпой, всегда вооруженной и всегда готовой, по одному мановенію своего властелина, истерзать человѣка. Но Котляревскій, не обращая на то вниманія, слѣзъ съ лошади и, махая нагайкой, продолжалъ грозить и

выговаривать. Испуганный ханъ спросилъ только съ замѣшательствомъ, чѣмъ онъ заслужилъ таковой гнѣвъ. «Какъ чѣмъ? (кричалъ Котляревскій) а развѣ ты ни во что не ставишь русскаго сардаря (*), что не удостоилъ къ нему даже пріѣхать и проститься съ нимъ, когда тебѣ слѣдовало явиться къ нему и провожать его при отъѣздѣ? а развѣ ты не началъ безвинно придираться къ бекамъ, намъ преданнымъ?» Въ увѣренности и храбрости есть что-то поражающее, недающее опомниться. Вмѣсто сопротивленія, ханъ началъ оправдываться и извиняться; тотчасъ же велѣлъ навьючить нѣсколько катеровъ (*) различными сластями и провизіей, по восточному обычаю, и отправился догонять главнокомандующаго, котораго онъ настигъ уже въ Тертерахъ, по дорогѣ къ Елисаветополю. Тутъ, по обмѣнѣ учтивостей, онъ представилъ свои подарки и простился съ нимъ, какъ слѣдовало съ русскимъ сардаремъ.

Со всей достовѣрностью полагать можно, что такимъ рѣшительнымъ поступкомъ Котляревскій, хорошо знавшій азіатскій характеръ, остановилъ готовое возмущеніе, которое бы могло быть пагубно въ то время для русскихъ, но которое, вскорѣ послѣ пораженія персіянъ, сдѣлалось невозможнымъ. Эту предварительную, такъ сказать, побѣду Котляревскій одержалъ однимъ собствен-

(*) Военачальника.

(*) Мулъ, употребляемый для вьюковъ.

ьымъ своимъ лицомъ, благодаря спасительному страху, имъ внушенному, страху, столь сильному, что до сего времени пугають еще его именемъ карабагскихъ дѣтей.

Проводивъ начальника, остановивъ угрожающій мятежъ, генералъ Котляревскій остался, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ Аббасъ-Мирзой. Видя, что персіяне продолжають переправляться черезъ Араксъ, и даже покушались отбить табунъ русскихъ лошадей, Котляревскій, призвавъ адъютанта и переводчика, сталъ диктовать первому, а последнему велѣлъ переводить письмо къ Аббасъ-Мирзѣ слѣдующаго содержанія (16). «Вы происходите отъ знаменитой фамиліи персидскихъ шаховъ, имѣете между родными столькихъ царей и даже считаете себя изъ родни небеснымъ духамъ: возможно ли, что при таковой знаменитости происхожденія, зная всю малочисленность русскаго отряда, Вы рѣшаетесь тайно воровать у него лошадей? Послѣ этого Вамъ неприлично называться потомкомъ знаменитаго рода». Письмо оканчивалось рѣзкими словами и просьбой о запрещеніи подобныхъ набѣговъ. Давъ одному изъ раненыхъ персіянъ свободу, генералъ вручилъ ему нѣсколько червонцевъ и письмо, съ приказаніемъ отдать его лично Аббасъ-Мирзѣ, подъ угрозой вѣчной мести, въ случаѣ ослушанія. На другой же день персіяне стали переправляться черезъ Араксъ и ставить свои палатки по сю сторону рѣки. Котляревскій уже думалъ отдохнуть отъ томящаго

его бездѣйствія. Но вдругъ, къ вечеру, персіяне сняли свои палатки и снова перешли обратно черезъ рѣку, какъ-бы подразнивъ русскихъ своимъ минутнымъ появленіемъ. Тогда Котляревскій рѣшился на подвигъ, повидимому безумный, по своей отвагѣ, но въ сущности обдуманный и обсужденный. Несмотря на свою отважную смѣлость, Котляревскій соединялъ въ себѣ и распорядительность военнаго начальника, и соображенія человѣка государственнаго. Онъ холодно обдумывалъ и дѣйствовалъ горячо. Этому онъ обязанъ своими всегдашними успѣхами. Причины же, заставившія его не выжидать уже болѣе нападенія Аббасъ-Мирзы, а атаковать его посреди его лагеря, изложены впослѣдствіи имъ самимъ въ любопытномъ документѣ, прекрасно объясняющемъ его дѣйствія и его самого. Отмѣна переправы персіянъ черезъ Араксъ навела тотчасъ Котляревскаго на мысль, что Аббасъ-Мирза хочетъ идти другимъ путемъ, и уже прямо на Грузію, черезъ Шекинское Ханство. 3,000 персіянъ подъ начальствомъ Пиръ-Кули-Хана, командовавшаго обыкновенно авангардомъ, выступили дѣйствительно по направленію къ Нухѣ съ тѣмъ, чтобъ возстановить изгнаннаго русскими прежняго владѣтеля Селимъ-Хана, и воспользоваться приверженностью къ нему прежнихъ бековъ. Кромѣ того, Аббасъ-Мирза отправилъ отрядъ къ мѣстечку Сальянъ, чтобъ открыть себѣ ходъ въ Ширванское Ханство и въ то же время приказалъ эриванскому сардарю дѣлать на-

паденія со стороны бамбакской и шурагельской дистанціи. Послѣдствіемъ сихъ распоряженій могло быть соединеніе Аббасъ-Мирзы съ царевичемъ Александромъ, общее возстаніе всѣхъ татарскихъ и горскихъ народовъ, и совершенная гибель русскихъ за Кавказомъ. Отвратить ее можно было уже не маловажными стычками съ разосланными отрядами, а рѣшительнымъ, неожиданнымъ и отчаяннымъ ударомъ въ самое сердце персидскаго войска. Котляревскій вознамѣрился тогда исполнить съ своими малыми силами то, на что́ генералъ Ртищевъ не отважился при соединеніи двухъ русскихъ отрядовъ. Рѣшившись на такой подвигъ, въ которомъ онъ рисковалъ и головой и честью, Котляревскій написалъ генералу Ртищеву слѣдующій рапортъ:

«....Отъ 10-го числа за № 7, я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству, что Аббасъ-Мирза отправилъ къ Курѣ Пиръ-Кули-Хана съ Селимъ-Ханомъ, а самъ намѣренъ атаковать отрядъ, мнѣ ввѣренный, и что, посему, я сообщилъ генерал-майору барону Клодту фон-Юргенсбергу, чтобы онъ съ отрядомъ поспѣшилъ къ деревнѣ Пиразы, для пересѣченія пути персіянамъ. Аббасъ-Мирза дѣйствительно 11-го числа началъ было переправу черезъ Араксъ, но въ тотъ же день опять отложилъ свое намѣреніе и расположился лагеремъ выше Асландуза, гдѣ строитъ новую крѣпость. Между-тѣмъ отправилъ часть войска изъ бывшихъ въ Талышахъ къ Сальяну,

а въ Карабагъ посылаетъ большія конныя партіи для грабежей, въ томъ предположеніи, чтобъ развлечь меня. По симъ обстоятельствамъ я рѣшился перейдти Араксъ и атаковать Аббасъ-Мирзу. Хотя сіе сопряжено съ крайнею трудностью, но польза и честь оружія россійскаго и положеніе дѣлъ того требуютъ: ибо цѣль Аббасъ-Мирзы состоитъ въ томъ, чтобъ раздѣлить силы мои и потомъ съ лучшею увѣренностью ударить; а когда не успѣетъ развлечь меня, то удерживать въ бездѣйствіи, продолжать грабежи и смотрѣть, что̀ сдѣлаютъ отряды, имъ посланные. Если Богъ поможетъ разбить Аббасъ-Мирзу, тогда всѣ его замыслы рушатся симъ однимъ ударомъ.

«Вашему Превосходительству притомъ долгомъ ставлю доложить, хотя я никакъ не надѣюсь, чтобъ Пиръ-Кули-Ханъ съ Селимъ-Ханомъ имѣлъ успѣхъ въ переправѣ черезъ Куру въ Шекинское Владѣніе, чего Джафаръ-Кули-Ханъ, при малѣйшей дѣятельности, позволить не долженъ, потому-что нельзя имъ иначе переправиться, какъ на лодкахъ, которыя всѣ въ рукахъ подданныхъ его, и онъ предваренъ мною, чтобъ имѣлъ по Курѣ конницу; но ежели бы, сверхъ всякаго чаянія, Джафаръ-Кули-Ханъ былъ столько оплошенъ, что позволитъ персіянамъ сдѣлать переправу, то, по разбитіи Аббасъ-Мирзы, они себя тамъ погребсти должны; до того же надѣюсь, что и генерал-майоръ баронъ Клодтъ фон-Юргенсбергъ не допуститъ ихъ до большихъ успѣховъ, а мнѣ изъ от-

ряда, имѣя предъ собою болѣе, чѣмъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, отдѣлить войскъ нельзя, пока съ нимъ не раздѣлаюсь.

«Сейчасъ увѣдомилъ меня Мустафа-Ханъ ширванскій, что къ Сальяну прибыли уже персіяне, и что хотя онъ послалъ туда своихъ 800 человѣкъ, но, безъ русскихъ, опасается, чтобъ не взяли сего мѣстечка; батальонъ же изъ Кубы еще не прибылъ. Когда Богъ дастъ разбить Аббасъ-Мирзу, то и сіи войска оттоль отступить должны.»

Къ офиціальному рапорту Котляревскій присоединилъ частное письмо, изъ котораго ясно видно, что онъ понималъ всю важность своей отвѣтственности. Письмо заключено слѣдующими словами:

«Столь ни отважнымъ кажется предпріятіе мое, но польза, честь и слава отъ меня того требуютъ, и я надѣюсь на помощь Бога, всегда поборающаго россійскому оружію, и на храбрость ввѣреннаго мнѣ отряда, что если останусь живъ, непріятель будетъ разбитъ; если же меня убьютъ, Ваше Превосходительство найдете распоряженія мои такими, по которымъ и послѣ смерти обвинять меня не можете.»

При отрядѣ, находившемся тогда при рѣкѣ Агъ-Угланѣ, содержался подъ надзоромъ карабагскій уроженецъ Муратъ-Ханъ; онъ вызвался указать дорогу и бродъ черезъ Араксъ. Котляревскій ему довѣрился, и вскорѣ раздался по лагерю барабанный бой, означавшій легкій походъ. Легкимъ походомъ называлось то, когда выступали съ че-

тырехдневною порціею сухарей, безъ шинелей, и съ 40 патронами на человѣка; остальные 20 вынимали для облегченія. Когда войско было въ сборѣ, Котляревскій обратился къ солдатамъ съ слѣдующей рѣчью:

«Братцы! намъ должно идти за Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять; но храбрый изъ васъ стоитъ десяти; а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ!»

Слова сіи были приняты съ восторгомъ; Котляревскій одушевлялъ всѣхъ отъ перваго штаб-офицера до послѣдняго солдата.

Въ то же время донесеніе о выступленіи войскъ за Араксъ отправлено къ главнокомандующему, но не съ обыкновеннымъ курьеромъ, хорунжимъ, по имени Холодновымъ, а съ бывшимъ при штабѣ каптенармусомъ, которому было приказано не торопиться. Котляревскій опасался, чтобъ генералъ Ртищевъ не донесъ на него въ Петербургъ при первой вѣсти о его неослушаніи, поразившемъ дѣйствительно Ртищева; но вслѣдъ за каптенармусомъ прискакалъ курьеръ Холодновъ уже съ извѣстіемъ о безпримѣрной побѣдѣ.

Выступая на неравный бой, Котляревскій написалъ еще слѣдующія бумаги: первая, заключающая распоряженія, въ случаѣ его смерти; вторая — диспозицію къ атакѣ, изобличавшую всю его опытность въ военныхъ дѣйствіяхъ съ азіатцами.

«Старшему по мнѣ штаб-офицеру.

1-е.

«Предпринявъ атаковать персіянъ за Араксомъ, я сдѣлалъ распоряженія, о которыхъ вамъ извѣстно; въ случаѣ смерти моей, Вы должны принять команду и исполнять по онымъ. Еслибъ случилось, что первая атака была бы неудачна, то Вы непремѣнно должны атаковать другой разъ и разбить, а безъ того не возвращаться и отнюдь не отступать. Когда непріятель будетъ разбитъ, то стараться перевесть на сію сторону кочующіе близъ Аракса народы, потомъ возвратиться. По исполненіи сей экспедиціи, Вы должны донести о семъ прямо главнокомандующему и представить диспозицію мою и приказъ, отданный въ отрядѣ 18 октября 1812 года.

Генерал-майоръ Котляревскій.»

2-е.

«Диспозиція къ атакѣ.

«Первое и второе каре составляютъ батальоны Грузинскаго Гренадерскаго Полка, чтобъ фузелерныя роты составили шестивзводное каре: взводы гренадеръ становятся на правую сторону перваго фаса, а взводы стрѣлковъ по лѣвую, такимъ образомъ первый фасъ дѣлается, для лучшаго напора въ штыки, о четырехъ взводахъ.

«Третье каре составляетъ рота Грузинскаго Гренадерскаго Полка, 200 человѣкъ Севастопольскаго и карабинерная рота 17-го Егерскаго Полка;

сія становится при семъ каре, такъ-какъ гренадерскія роты при первыхъ двухъ каре.

«Орудіямъ каждаго каре быть въ первомъ фасѣ; одному между взводомъ гренадеръ, а другому между взводомъ стрѣлковъ; въ каждомъ каре къ орудіямъ нарядить 20 человѣкъ самыхъ надежныхъ людей при офицерѣ и унтер-офицерѣ, которые должны быть неотлучно при оныхъ.

«Двѣ роты егерей съ майоромъ Дьячковымъ выстроиваются вправо отъ праваго каре, а рота, съ майоромъ Лентовскимъ, влѣво отъ третьяго каре, и составляютъ фланги.

«Въ походѣ двѣ роты егерей впереди; за ними рота гренадеръ перваго каре, потомъ два орудія; за ними колонна изъ средины, послѣ сего въ такомъ же порядкѣ другія два каре, а за оными рота егерей.

«По переправѣ чрезъ Араксъ, тотчасъ выстраиваются каре, и какъ оныя должны идти приказано будетъ.

«Казачьи полки идутъ въ авангардѣ, отдѣливъ 50 человѣкъ въ арьергардъ; а по переправѣ чрезъ Араксъ выстроиваются: Краснову вправо отъ перваго каре, а Попову между первымъ и вторымъ, равняясь съ задними фасами.

«По приближеніи къ лагерю, третье каре и рота егерей атакуютъ лѣвый флангъ непріятеля; а первое и второе каре стараются какъ наипоспѣшнѣе пробѣжать къ тылу лагерь непріятелей и

атаковать средину, гдѣ расположена ихъ пѣхота и артиллерія; двѣ роты егерей съ майоромъ Дьячковымъ должны пробѣжать и мгновенно атаковать палатку Шахъ-Сады, для чего дается проводникъ. Казачьи полки оба выстроиваются къ тылу непріятеля; тамъ, гдѣ ударитъ первое каре, колютъ и рубятъ всѣхъ бѣгущихъ.

«Атаковать въ штыки какъ можно быстрѣе, и тогда третій фасъ остается при орудіяхъ, гдѣ и знамена.

Всѣмъ приказывается стрѣлять какъ можно меньше, чтобъ никто не стрѣлялъ вверхъ и сзади; а когда пойдутъ въ штыки, тогда совсѣмъ не стрѣлять, кромѣ орудій, и то развѣ откроются имъ толпы непріятеля.

«Главный порядокъ атаки этой, въ случаѣ малыхъ какихъ отмѣнъ по обстоятельствамъ, о томъ будетъ особое приказаніе.

«За порядокъ и за исполненіе всего, здѣсь въ приказѣ поясненнаго, отвѣчаютъ господа штабофицеры.

Генерал-майоръ Котляревскій.

Октября 18-го дня 1812 года.»

Отрядъ, заключавшійся изъ 1,500 пѣхоты, (17) 500 конницы, при 6-ти орудіяхъ, выступилъ 18 октября противъ 30,000 персіянъ, изъ которыхъ было 14,000 регулярнаго войска, Котляревскій намѣревался напасть на непріятеля ночью; но, чтобъ обойдти персидскіе караулы, нужно было

переправиться черезъ Араксъ въ 15 верстахъ выше лагеря и совершить переходъ въ 70 верстъ. Такимъ образомъ начали переправляться чрезъ рѣку ужь на зарѣ 19-го числа. Первое орудіе прошло благополучно. Второе провалилось въ яму съ лошадьми и людьми, такъ-что успѣли вытащить однихъ только людей. Орудіе Котляревскій велѣлъ оставить въ рѣкѣ, сказавъ, что если кто-нибудь вернется, такъ тогда подберутъ. Собравшись на другомъ берегу, отрядъ сомкнулся въ каре и двинулся впередъ, предшествуемый татарской конницей и казаками. Въ такомъ порядкѣ устремился онъ прямо въ тылъ непріятелю со стороны Персіи. На пути встрѣчались персіяне, которыхъ брали безъ выстрѣла. Наконецъ показался персидскій лагерь и часть войска, бывшаго тогда на ученьи. Разсказываютъ, что когда стали вдали показываться наши татары, Аббасъ-Мирза сказалъ сидѣвшему подлѣ него англійскому офицеру: «Вотъ какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ». Англичанинъ, посмотрѣвъ въ зрительную трубу, передалъ ее Аббасъ-Мирзѣ и возразилъ хладнокровно: «Нѣтъ это не ханъ, а Котляревскій». Аббасъ-Мирза, желая скрыть свое смущеніе, замѣтилъ съ досадой, что «поросята сами лѣзутъ на ножъ»; но вскорѣ онъ испыталъ, что на него нападаютъ львы. Въ лагерѣ никто не подозрѣвалъ возможности столь смѣлаго покушенія. Русскіе были уже на довольно-близкомъ разстояніи, когда персидскіе солдаты бросились бѣжать въ разныя сторо-

ны, а потомъ, по призыву офицеровъ, стали строиться въ правильныя колонны.

Между-тѣмъ Котляревскій составилъ, для лучшаго напора въ штыки, три каре съ растянутыми передовыми фасами и расположа егерей по фасамъ, а конницу между каре. Приближаясь къ лагерю, Котляревскій замѣтилъ, что командовавшая непріятельской позиціей гора была занята только одной конницей. Первый свой ударъ онъ устремилъ въ ту сторону. Аббасъ-Мирза поспѣшно послалъ пѣхоту для защиты горы, но русскіе успѣли уже овладѣть ею совершенно, сбивъ персидскихъ всадниковъ и отрѣзавъ лагерь къ Араксу. Тогда Аббасъ Мирза, видя свою ошибку, выступилъ изъ лагеря со всѣми войсками и, обойдя гору справа, хотѣлъ отбить ее у русскихъ, но Котляревскій, оставя на горѣ по одному фасу съ каждаго каре и артиллерію, съ прочими силами спустился на встрѣчу непріятеля. Грянуло громовое ура и началась атака въ штыки столь стремительная, столь ожесточенная, что персіяне, объятые паническимъ страхомъ, обратились въ бѣгство, падая подъ ударами, и бросились искать спасенія въ величайшемъ разстройствѣ, за рѣчкой Дарауртъ. Такимъ-образомъ 36 фальконетовъ, весь персидскій лагерь со многими сокровищами и снарядами остались въ рукахъ побѣдителей, а персидская конная артиллерія обязана была спасеніемъ лишь добротѣ лошадей. Котляревскій, занявъ тогда позицію персіянъ, началъ помыш-

лять о совершенномъ ихъ истребленіи. Къ нему привели тогда находившагося въ плѣну у непріятеля русскаго унтер-офицера, который представилъ знамя персидскаго полка. Котляревскій разспрашивалъ его: какъ бы пройдти, чтобъ не дать возможности персидской арміи скрыться? Унтерофицеръ вызвался проводить той стороной, гдѣ у персіянъ не было пушекъ.» На пушки, братецъ! воскликнулъ Котляревскій, на пушки». Въ то же время пришли два солдата, казакъ и рядовой, сказать, что они видѣли въ лагерѣ огромный запасъ пороху. Дѣйствительно въ лагерѣ найдено 400 тюковъ лучшихъ патроновъ англійской работы. Всѣ лагерныя сокровища отданы были, по обѣщанію, проводнику Муратъ-Хану, за исключеніемъ патроновъ, которые одни только взяты Котляревскимъ. Между-тѣмъ Аббасъ-Мирза собрался при укрѣпленіи Асландузѣ, расположенномъ на горѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Дараурть впадаетъ въ Араксъ. Впродолженіе 19-го числа онъ присылалъ своихъ стрѣлковъ съ конною артиллеріею вести перестрѣлку, а ночью вышедшіе плѣнные пришли объявить, что онъ послалъ собрать всѣ свои отдѣльные отряды. Тогда Котляревскій тотчасъ велѣлъ войску готовиться и, поднявшись вверхъ по теченію, переправился передъ разсвѣтомъ черезъ Дараурть. 7-мь ротъ Грузинскаго Гренадерскаго Полка шли прямо отъ горъ со стороны Персіи, батальонъ егерей обходилъ къ Араксу, чтобъ ударить съ противоположной

стороны, а небольшое резервное каре шло вдоль по рѣчкѣ Дарауртъ; наконецъ казачьи полки были посланы къ Араксу для пресѣченія пути бѣгущимъ. Такъ подвигались тихо въ глухую ночь русскіе воины къ Асландузу ([18]). Къ общему удивленію, непріятель былъ такъ убѣжденъ въ своей неприступной силѣ, что не разставилъ даже нигдѣ пикетовъ. Персіяне, расположенные около .пылавшихъ костровъ, вдругъ увидѣли передъ собою грозныя лица русскихъ гренадеровъ и сверкающіе русскіе штыки. Смятеніе сдѣлалось невыразимое. Снова грянуло громомъ ура и началось кровопролитіе; вопли ужаса, крики побѣдителей, стоны умирающихъ, мольбы о пощадѣ потрясали воздухъ въ страшную ночь, освѣщаемую догоравшими огнями. Получивъ приказаніе не щадить никого, кромѣ самого Аббасъ-Мирзы, русскіе солдаты страшно ожесточились и кололи безъ сопротивленія. Тщетно самъ Котляревскій кричалъ: «полно, полно!» онъ не могъ остановить разсвирѣпѣвшихъ гренадеровъ. Близъ самого Котляревскаго раздался вдругъ голосъ: «Котляревскій, спаси меня! я Арсланъ-Ханъ!» Котляревскій бросился къ нему и спасъ ему жизнь. Этотъ Арсланъ-Ханъ командовалъ персидскимъ гвардейскимъ полкомъ и былъ извѣстенъ по своей храбрости. Но въ эту карающую ночь и самые храбрые персіяне остолбенѣли отъ ужаса. Единственнымъ для нихъ спасеніемъ оставалось, при объявшемъ ихъ страхѣ, самое асландузское укрѣпленіе, которое, находясь на вы-

сокой горѣ, было обнесено палисадами и окружено двумя глубокими рвами. Къ нему бросились персіяне, чтобъ найдти себѣ убѣжище; но Котляревскій бросился за ними на штурмъ и, по пятамъ ихъ, мигомъ овладѣлъ укрѣпленіемъ. Аббасъ-Мирза едва самъ не попалъ въ руки казаковъ и бѣжалъ къ Тавризу, въ сопровожденіи не болѣе 20 человѣкъ. Плѣнными взято 537 человѣкъ; 5 знаменъ, 11 пушекъ ([19]); 4 батальона персидской регулярной пѣхоты уничтожены почти совсѣмъ. Разсказываютъ, что, при повѣркѣ, раненыхъ и убитыхъ персіянъ насчитано до 9,000. Но Котляревскій въ донесеніи своемъ этого числа не выставилъ, и донесъ, что тѣлъ непріятельскихъ на мѣстѣ осталось 1200, и что четыре персидскіе батальона истреблены. Когда ему сказали потомъ о дѣйствительно-найденномъ числѣ убитыхъ непріятелей и спрашивали, не нужно ли приготовить дополнительное донесеніе, онъ отвѣчалъ: «Напрасно писать: не повѣрятъ». Въ числѣ убитыхъ находился и англійскій офицеръ Кристлей, командовавшій персидской артиллеріей. Затерянная въ водѣ, при переправѣ черезъ Араксъ, пушка отыскана и присоединена къ 11 взятымъ орудіямъ англійскаго литья, и даже съ надписью: «отъ Короля надъ Королями, Шаху надъ Шахами, въ даръ». Что̀ обозначало подарокъ англійскаго короля? Кромѣ того, въ лагерь явилось 57 ч. русскихъ солдатъ, бывшихъ въ плѣну у персіянъ.

Съ нашей стороны убито:

Оберъ-офицеръ	1.
Унтер-офицеровъ	3.
Рядовыхъ	22.
Казаковъ	2.

ранено:

Штаб-офицеровъ	2.
Унтер-офицеровъ	6.
Барабанщиковъ	2.
Рядовыхъ	79.
Казаковъ	10.

Въ числѣ ихъ тяжело раненъ храбрый майоръ Грузинскаго Гренадерскаго Полка Шультенъ, тотъ самый, который былъ первымъ при ахалкалакскомъ штурмѣ ([20]). Столь ничтожная потеря со стороны русскихъ можетъ показаться невѣроятною для того, кто не знаетъ азіатскаго характера, столь воспріимчиваго на разнородныя впечатлѣнія и всегда готоваго перейдти отъ одушевленной отваги къ оторопѣвшей робости. Отчаянный ударъ Котляревскаго, настигнувшій персіянъ въ-расплохъ, не далъ имъ опомниться, и успѣхомъ своимъ показалъ, какъ молодой генералъ умѣлъ постигать духъ народа, противъ котораго ему предназначено было защищать русскія владѣнія и достоинство русскаго имени.

Отправивъ донесеніе къ главнокомандующему, и на этотъ разъ съ извѣстнымъ ловкимъ курьеромъ Холодновымъ, Котляревскій остался 20 и

21 числа за Араксомъ, для разрушенія укрѣпленія Асландуза; а 28 возвратился снова къ прежнему своему лагерю близъ рѣчки Агъ-Углаиъ. Тутъ онъ узналъ, что персидскія партіи, отправленныя для разоренія Карабага, поспѣшно ретировались, не успѣвъ ни въ чемъ. Котляревскій посадилъ на лошадей 200 егерей и послалъ ихъ съ 200 казаками, при одномъ конномъ орудіи, къ Курѣ, для пресѣченія пути Пиръ-Кули-Хану изъ Шекинскаго Владѣнія, и въ то же время написалъ къ Мустафѣ ширванскому и Мехти-Кули-Хану карабагскому, чтобъ они и съ своей стороны послали свою конницу для истребленія оставшагося въ Закавказьѣ 3,000 персидскаго отряда. Въ то же время Котляревскій отдалъ по отряду слѣдующій приказъ:

«Благодареніе Богу! одержана побѣда надъ непріятелями за Араксомъ, подъ предводительствомъ самого наслѣдника Персіи, и взято штурмомъ укрѣпленіе Асландузъ. 11-ть орудій артиллеріи, 36 фальконетовъ, болѣе 500 плѣнныхъ и богатый лагерь—трофеи сей побѣды. Извѣщая о семъ войска, въ Карабагѣ расположенныя, пріятнѣйшимъ долгомъ считаю благодарить отъ всего сердца отрядъ, дѣйствовавшій въ семъ дѣлѣ, и сказать, что слава, пріобрѣтенная имъ столь знаменитою въ здѣшнемъ краѣ побѣдою, дѣлаетъ честь всѣмъ и каждому особенно.

«Исполняя долгъ мой, я желаю отдать справедливость подвигамъ каждаго, а потому предпи-

сываю господамъ частнымъ начальникамъ подать списки объ отличившихся офицерахъ и нижнихъ чинахъ, которые по Высочайшему Манифесту заслуживаютъ знаки военнаго ордена, съ отмѣткою, какія кто оказалъ отличія, для представленія начальству и испрошенія Всемилостивѣйшаго награжденія.

«Притомъ сколь пріятно мнѣ благодарить и отдавать справедливость достойнымъ, столь же прискорбно сказать, что въ числѣ отряда сего оказались и такіе, которыхъ проступки совсѣмъ противны чести русскаго офицера; но какъ справедливость начальника должна быть ко всѣмъ равна, то я не могу умолчать. Севастопольскаго пехотнаго полка майоръ П........ посрамилъ своё званіе: 19-го числа онъ получилъ контузію — и сказался больнымъ.

1812 года.

С. Загареджи.»

Последнее замѣчаніе показываетъ, какимъ духомъ одушевлялось войско подъ начальствомъ Котляревскаго, и почему оно могло выполнять подвиги, почти непостижимые. Цѣль неустрашимаго генерала была достигнута: всѣ планы Аббасъ-Мирзы рушились, и онъ вмѣсто навѣрно-разсчитанныхъ успѣхомъ, лишился своихъ знаменъ, пушекъ, фальконетовъ, богатаго лагеря, откуда едва спаслись его жены, своего лучшаго войска, асландузскаго укрѣпленія и самъ бѣжалъ со стыдомъ къ Тавризу. Но не въ томъ заключались главные

плоды неслыханной побѣды: она распространила спасительный ужасъ между ханскими и татарскими дистанціями, уже готовыми на мятежъ; она внушила общее на Востокѣ убѣжденіе въ непобоִримой силѣ русскаго оружія, въ непризнающей препятствій русской неустрашимости; она поставила русское имя на степень должнаго къ нему уваженія, и тѣмъ предохранила край отъ многихъ грозящихъ ему кровопролитій и бѣдствій. Славная Асландузская битва, довершенная вскорѣ Ленкоранскимъ штурмомъ, вела за собой долговременный миръ, въ которомъ наше правительство уже не принимало условій, а предписывало ихъ, какъ подобаетъ достоинству и могуществу русской державы. Радость въ отрядѣ была неописанная. Донесеніе, отправленное съ Холодновымъ изъ лагеря Аббасъ-Мирзы, 21 октября, начиналось слѣдующими восторженными словами:

«Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду «войскамъ Всемилостивѣйшаго Государя.»

Другая, болѣе подробная реляція отослана къ главнокомандующему, уже по возвращеніи въ Агъ-Углагъ 25 октября съ штабо-капитаномъ Быховцовымъ. Къ ней приложены были два письма.

1-е. «Ваше Презосходительство. Представляя отбитыя знамена и подробное донесеніе объ одержанной побѣдѣ, имѣю честь вновь поздравить Ваше Превосходительство съ оною, и всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго награжденія какъ штабъ и обер-офицерамъ, такъ и

всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые дѣйствительно оказали храбрость, однимъ только рускимъ воинамъ свойственную.

«Съ донесеніемъ моимъ къ Вашему Превосходительству отправляю я Грузинскаго Гренадерскаго Полка штабс-капитана Быховцева. Зная, сколь Ваше Превосходительство снисходительны къ нуждамъ офицеровъ, смѣю просить объ отправленіи его въ С. Петербургъ, дабы черезъ то сей хорошій офицеръ имѣлъ случай побывать въ домѣ своемъ.

«Въ числѣ плѣнныхъ есть одинъ полковникъ, о которомъ представляю къ Вашему Превосходительству рапортъ. Если угодно будетъ уволить его, то можно черезъ него имѣть большую пользу, а здѣсь онъ безъ всякой останется, и надобно еще издержать деньги на прокормъ его.

2-е. «Ваше Превосходительство. Получа свѣдѣніе, что нарочный, съ которымъ отправлено было мое прошеніе объ отпускѣ, пропалъ, я, въ увѣренности обѣщанія Вашего Превосходительства исходатайствовать мнѣ отпускъ, прошу покорнѣйше объ отправленіи другаго прошенія моего, которое есть въ Тифлисѣ. Ежели бы не крайняя моя необходимость, то я бы, конечно, не безпокоилъ Ваше Превосходительство; впрочемъ, и получа отпускъ, я всегда сдержу слово мое и останусь здѣсь до-тѣхъ-поръ, пока кончатся дѣла, и съ равнымъ рвеніемъ готовъ служить до послѣднихъ силъ.

«Вмѣстѣ съ симъ представляю я о Мигри. Ваше Превосходительство, сдѣлайте милость бросьте сіе мѣстечко и выведите батальонъ. Вѣрьте, что нѣтъ уже болѣе никакихъ способовъ удерживать оное, и ежели оное пропадетъ, то я ни передъ Богомъ, ни передъ Государемъ и ни передъ судомъ виноватъ не буду, ибо все то, что можно, уже сдѣлано.»

Къ поясненію этихъ писемъ надо знать, что батальонъ, расположенный въ Мигряхъ, встрѣтилъ такого врага, противъ котораго онъ былъ совершенно безсиленъ. Въ гарнизонѣ до того свирѣпствовала лихорадка, что изъ батальона осталось въ короткое время не болѣе 160 человѣкъ. Полковникъ, о которомъ упоминается въ первомъ письмѣ, былъ сынъ нахичеванскаго хана Шихъ-Али-Бека. Онъ просилъ свободы, чтобъ съѣздить за семействомъ въ Персію и возвратиться потомъ на жительство въ Карабагъ. Наконецъ многократная просьба объ отпускѣ была основана на совершенномъ разстройствѣ здоровья Котляревскаго, который чувствовалъ, однако, что присутствіе его необходимо.

Генералъ Ртищевъ отвѣчалъ на письма и на другія представленія.

«Съ великимъ удовольствіемъ получилъ я второе письмо Вашего Превосходительства. Поздравленіе меня съ знаменитою побѣдою, Вами одержанною надъ персіянами, дѣлающею особенную честь искусству и воинскимъ Вашимъ достоинствамъ, я

пріемлю съ искреннѣйшей благодарностью, и взаимно Васъ поздравляю, какъ единственнаго виновника сего отличнаго подвига. Весьма счастливымъ я себя почитаю, имѣя у себя такихъ достойныхъ, какъ Ваше Превосходительство, помощниковъ и ревностнѣйшихъ исполнителей по службѣ Всемилостивѣйшаго Государя, но въ особенности счастливымъ почту себя тогда, когда истинную мою къ Вамъ признательность и неограниченное усердіе къ пользамъ Вашимъ оправдаю самимъ дѣломъ, употребляя себя ревностнѣйшимъ ходатаемъ въ испрошеніи отъ щедротъ Монаршихъ справедливой награды, достойной Вашихъ блистательныхъ заслугъ.

«Поставляя пріятнѣйшимъ для себя удовольствіемъ дѣлать намъ угодное, я охотно по просьбамъ Вашимъ исполнилъ слѣдующее:

«Прошеніе Ваше на Высочайшее имя объ увольненіи въ отпускъ, прежде еще полученнаго отъ Васъ письма, было уже отправлено съ особымъ со стороны моей ходатайствомъ въ пользу Вашу. О Миграхъ, сходно съ желаніемъ Вашимъ, Вы получите съ симъ нарочнымъ мое предписаніе. Штабс-капитана Быховцева, съ знаменами и подробною реляціею къ Государю Императору я отправляю въ С. Петербургъ и дамъ ему позволеніе заѣхать въ домъ для свиданья съ родными. Объ оставленіи при Вашемъ отрядѣ трехъ пушекъ, изъ числа завоеванныхъ Вами у непріятеля, Ваше Превосходительство равномѣрно теперь же получите мое разрѣшеніе, которымъ, надѣюсь, будете

довольны. Гренадерскія роты Вашего полка будутъ въ-скорости къ Вамъ присланы, а плѣннаго полковника персидскаго Шахъ-Али-Бека я позволяю Вамъ, освободивъ, отпустить въ Персію на извѣстныхъ Вамъ условіяхъ. Однимъ словомъ, цѣня Ваши заслуги въ полной мѣрѣ и руководствуясь моею истинною къ Вамъ признательностью, я все, непревышающее моей возможности, готовъ для Васъ сдѣлать, и радъ весьма буду тому случаю, который представитъ мнѣ удобность сдѣлать Вамъ пріятное».

Подобный отзывъ приноситъ равную честь и начальнику, забывшему личныя неудовольствія, и подчиненному, умѣвшему заставить ихъ забыть.

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи своемъ къ Государю, Ртищевъ не только скрылъ ослушаніе Котляревскаго, но еще изобразилъ всю важность его заслуги. Въ общей картинѣ онъ представилъ коварно-замышленный планъ персіянъ, которые, во время перемирія, готовили конечную гибель русскимъ на Кавказѣ. Все было, по его словамъ, обдумано и хитро соображено: появленіе въ Кахетіи царевича Александра съ деньгами для поддержанія смутъ, приглашеніе лезгинъ на Алазанскую Долину, откуда они шли на Грузію, волнованіе кахетинскихъ дворянъ, занятіе Талышинскаго Ханства, бунтъ въ горахъ и, наконецъ, появленіе Аббасъ-Мирзы, который долженъ былъ все довершить. Но Котляревскій, предвидѣвшій ударъ, отразилъ его гибелью персидской арміи и тѣмъ уничтожилъ все

замыслы. Отдавая въ томъ полную ему справедливость, Ртищевъ заключилъ свое донесеніе Государю слѣдующимъ образомъ:

«Любя исповѣдывать всегда правду передъ моимъ Царемъ, не могу умолчать, что я считаю совершеннымъ для себя счастіемъ тотъ случай, когда передъ Высочайшимъ Вашимъ Престоломъ могу отдать безпристрастную справедливость истиннымъ заслугамъ и примѣрному усердію къ службѣ кого-либо изъ чиновниковъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ. Сей же случай, по важности пріобрѣтенной пользы для службы, есть таковой, что никто не дерзнулъ бы сокрыть истину; а потому всеподданнѣйше испрашиваю для генерал-майора Котляревскаго, за разбитіе 19 числа главныхъ персидскихъ силъ и овладѣніе всѣмъ лагеремъ, чина генерал-лейтенанта, а за пріобрѣтеніе 20-го числа всей непріятельской артиллеріи, за взятіе штурмомъ асландузскаго укрѣпленія и за совершенное разсѣяніе непріятельской арміи—ордена Св. Георгія 3-й степени, по статуту. Впрочемъ, сколь ни казалась бы сія награда великою, но по истинной справедливости она соразмѣрна заслугамъ, оказаннымъ симъ отличнымъ чиновникомъ, и сходственна съ благостью сердца Вашего Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что, при безпристрастномъ сужденіи моемъ, такой дворянинъ, какъ генерал-майоръ Котляревскій, неимѣющій никакого особаго покровительства, ни даже состоянія, кромѣ личныхъ своихъ достоинствъ, и исполненный

притомъ неограниченнымъ усердіемъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, достоинъ того, чтобъ ему былъ данъ ходъ по службѣ, дабы военныя дарованія его и опытность тѣмъ съ вящшею пользою могли быть употреблены для службы Вашего Величества.»

Согласно желанію Котляревскаго, съ дополнительнымъ донесеніемъ и восьмью знаменами отправленъ къ Государю штабс-капитанъ Быховцевъ. 36 фальконетовъ и 8 пушекъ доставлены въ Тифлисъ, а 3 пушки оставлены карабагскому отряду. 300 плѣнныхъ приведены въ Тифлисъ и распредѣлены въ Грузіи. Наконецъ Шихъ-Али-Бекъ получилъ свободу съ тѣмъ, чтобъ ѣхать за семействомъ и вернуться въ Карабагъ; но, какъ видно ниже будетъ, предположеніе это осталось безъ успѣха.

Представленіе Ртищева не только было уважено, но еще предупреждено. Разсказываютъ, что фельдъегерь, отправленный съ первымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, обѣдалъ, по тогдашнему обычаю, у главнокомандующаго и слышалъ его мнѣніе на счетъ заслуженныхъ Котляревскимъ наградъ. Когда же фельдъегерь былъ представленъ къ Государю, Его Величество изволилъ его спросить: «Что́ говоритъ Ртищевъ?» Фельдъегерь повторилъ слово-въ-слово имъ слышанное. Котляревскій немедленно же былъ награжденъ чиномъ и крестомъ, но въ то же время посланы Ртищеву знаки ордена Св. Александра Невскаго, и Ртищевъ всегда говорилъ съ призна-

тельностью, что этой Монаршей милостью онъ обязанъ Котляревскому.

Богъ видимо благословлялъ набожнаго старца, полагавшаго на Него все свое упованіе. Година испытанія миновалась. Вскорѣ послѣ асландузской битвы, генерал-майоръ князь Орбельянъ разбилъ на-голову лезгинъ и царевича Александра, бывшихъ уже въ 60 верстахъ отъ Тифлиса. Благоразумною медленностью Ртищевъ удержалъ нѣсколько оспориваемыхъ турками пунктовъ на Черномъ Морѣ; чума прекратилась; французы были изгнаны изъ Россіи; сообщенія возстановились снова; голодъ замѣнился обильнымъ урожаемъ; внутреннія смуты успокоились; внѣшніе враги были уничтожены, даже въ Дагестанѣ и Чечнѣ водворилось спокойствіе. Ртищева укоряли, что онъ никуда не ѣздитъ и день проводитъ въ молитвахъ: но молитвы его были услышаны и безпримѣрно-несчастливое его управленіе увѣнчалось безпримѣрнымъ успѣхомъ. 30 октября Котляревскій донесъ, что отрядъ Пиръ-Кули-Хана поспѣшно ретировался, и что ни въ Ширванѣ, ни въ Карабагѣ, ни въ Шекинскомъ Владѣніи непріятелей нѣтъ ни одного человѣка, а что Аббасъ Мирза съ остаткомъ войскъ своихъ отдыхаетъ въ персидскихъ владѣніяхъ, въ Мешкинѣ!

Но дѣло не могло еще почитаться конченнымъ: персіяне оставались еще въ Талышинскомъ Ханствѣ, которымъ столь коварно овладѣли во время асландузскихъ переговоровъ. Вытѣснивъ самого хана, они, съ помощью англійскихъ офицеровъ, укрѣ-

пились въ ленкоранской крѣпости и, ожидая русскихъ, сосредоточили въ неприступныхъ стѣнахъ свое лучшее войско. Овладѣніе этимъ пунктомъ, довершая побѣду, оканчивало войну. Кромѣ-того, необходимо было, для достоинства русскаго оружія, возвратить въ наши границы угнанныхъ непріятелемъ жителей. Первая попытка съ этой цѣлью осталась безъ успѣха, по случаю мѣръ, принятыхъ къ ихъ охраненію. Но во время отсутствія Котляревскаго, ѣздившаго на короткое время въ Тифлисъ, майоръ князь Абхазовъ сдѣлалъ удачное движеніе за Араксъ съ небольшимъ отрядомъ и привелъ съ собой въ Карабагъ 811 семействъ джабраильскаго кочеваго народа, съ частью другихъ карабагцевъ. Возвратившись въ отрядъ и отдавая полную справедливость князю Абхазову, Котляревскій написалъ къ главнокомандующему:

«Имѣю честь доложить, что я нахожу справедливымъ и полезнѣйшимъ для службы Государя, чтобъ приведенныя семейства не состояли болѣе подъ управленіемъ Мехти-Кули-Хана, но были бы подъ особеннымъ вѣдѣніемъ военнаго начальника въ Карабагѣ; ибо Мехти-Кули-Ханъ на нихъ теперь болѣе никакого права не имѣетъ. Они переведены силою оружія, да и впредь на подобные случаи положить правиломъ: если выведены будутъ изъ-за границы силою оружія, или добрымъ согласіемъ военнаго начальника, таковымъ не принадлежать Мехти-Кули-Хану, но быть въ непосредственномъ вѣдѣніи онаго (Воен. Нач.). Чрезъ

сіе можно заселить пустую степь карабагскую къ пользѣ государства; а отдавая подъ управленіе Мехти-Кули-Хана, не только никакой пользы не будетъ, но они разбѣгутся попрежнему. Впрочемъ, управленіе такихъ, которые бы вышли изъ-за границы по его собственному соглашенію справедливо.....»

Съ прибытіемъ Котляревскаго въ отрядъ начались приготовленія къ экспедиціи для освобожденія Талышинскаго Ханства. Выступленіе было замедлено ожиданіемъ 160 человѣкъ, получившихъ приказаніе покинуть Мигри и примкнуть къ отряду. Котляревскій выслалъ къ нимъ 350 человѣкъ на помощь и съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ прибытія; онъ сознавалъ, что время самое невыгодное и что сопротивленіе будетъ упорное. 6-го декабря онъ писалъ къ Ртищеву о томъ, что персіяне не довольствовались тѣмъ, что сдѣлали въ Лекоранѣ весьма важное укрѣпленіе, но заняли и укрѣпили на дорѓѣ крѣпость Аркеванъ, а небольшой русскій отрядъ, находящійся подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Веселаго, стѣснили въ Гамушаванѣ.

«Какъ скоро егеря выйдутъ (изъ Мигри)» оканчивалъ онъ, «то, оставя нужное число войскъ въ Карабагѣ и распорядя все такимъ образомъ, чтобъ въ отсутствіе мое ничего произойти не могло, я выступаю, не теряя ни одной минуты, и буду стараться исполнить все то, что̀ честь и слава русскаго оружія требуетъ, и что̀ только можетъ вну-

шить мнѣ рвеніе къ службѣ Его Императорскаго Величества.»

Остатокъ Мигринскаго Батальона прибылъ 17-го декабря, по небольшой стычкѣ съ преслѣдовавшимъ его непріятелемъ, и вмѣсто того, чтобъ дать ему отдохнуть, Котляревскій въ тотъ же день выступилъ. Онъ чувствовалъ, что въ его жизни наступала минута рѣшительная и роковая. Необъяснимое предчувствіе его смущало. Это доказывается письмомъ его отъ 17-го же декабря къ П. И Могилевскому, правителю канцеляріи генерала Ртищева: «И такъ, дождавшись егерей (писалъ онъ) наконецъ выступаю. Пожелайте мнѣ счастья. Экспедиція сія меня крайне тревожитъ. Время сдѣлало ее затруднительною слишкомъ. Теперь уже не диверсія, а освобожденіе Талышей. Диверсія тогда могла быть, когда только еще пошли персіяне въ Талыши, а теперь они уже давно занимаютъ и крѣпости и укрѣпленія. Прошу Бога о помощи и могу назваться слишкомъ счастливымъ, если Богъ дастъ кончить счастливо. Шихъ-Али-Бека и все его семейство погубила неосторожность Вашего кабинета. Я отпустилъ его на извѣстныхъ условіяхъ; но едва пріѣхалъ онъ въ Нахичевань, какъ взятъ подъ караулъ. Братъ его также лишенъ ханства и оба отправлены въ Тавризъ. Вотъ, что значитъ неосторожность! До пріѣзда моего въ Тифлисъ уже разсказали съ какимъ намѣреніемъ отпускаютъ его... Мнѣ крайне сіе жаль, но я не виноватъ, ибо у меня правило секретъ таить и отъ платья моего, не толь-

ко отъ людей. Не отъ меня вышла бѣда несчастному человѣку. Прощайте, пишите пожалуйста; пожалуйста пришлите русскихъ новостей.»

Сила отряда, предназначеннаго въ экспедицію, заключалась изъ 1,500 человѣкъ пѣхоты, 470 казаковъ и шести орудій...... Какъ выше сказано, они выступили 17 декабря изъ Агъ-Углана, 18-го переправились чрезъ Араксъ, 19-го прошли Муганскою Степью 80 верстъ, безъ воды и безъ дороги, солдаты то переходили топи и болота, вязнувъ въ нихъ по грудь, то переносили ужасные снѣга и метели. 20-го числа отрядъ встрѣтилъ кочующихъ народовъ шахсеванскихъ; прикрывавшія ихъ войска разбѣжались; большая часть людей и скотъ захвачены русскими. 24-го отрядъ вошелъ въ границы Талышинскаго Владѣнія, гдѣ расположены были всѣ семейства карабагскія, увлеченныя и передавшіяся персіянамъ послѣ истребленія Троицкаго Батальона. Сопровождавшіе ихъ 500 персидскихъ всадниковъ, мгновенно обратились въ бѣгство и присоединились къ непріятелю въ укрѣпленіи Аркеванъ. Часть авангарда сардаря Пиръ-Кули-Хана, встрѣтившаяся въ тотъ же день, равнымъ образомъ не рѣшилась вступить въ бой. 22-го числа Котляревскій оставилъ на рѣчкѣ Караясъ, для прикрытія карабагскихъ и шахсеванскихъ семействъ, 200 человѣкъ пѣхоты съ однимъ орудіемъ, 170 казаковъ, и карабагскую милицію, самъ жеустремился на Аркевань. Это укрѣпленіе было устроено англичанами, окружено рвомъ и имѣло,

какъ донесъ Котляревскій, родъ цитадели, которая для другихъ войскъ могла почитаться неприступною. Но страхъ, внушенный русскими, послѣ асландузскаго дѣла, былъ такъ великъ, что гарнизонъ, состоявшій, по прибытіи персидскихъ всадниковъ, изъ 1,900 человѣкъ, искалъ спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ, оставивъ русскимъ два орудія и всѣ снаряды, порохъ, патроны, бывшіе въ запасѣ. Котляревскій тотчасъ послалъ полковника Ушакова съ 400 пѣхоты и 300 казаками въ погоню за бѣглецами, которые были настигнуты за 15 верстъ и потеряли притомъ до 300 человѣкъ, и отбито у нихъ до 600 лошадей (21). Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Донскаго Войска войсковой старшина Красновъ 3-й. Со стороны русскихъ убитъ только одинъ рядовой и ранено 5, что легко объясняется бѣгствомъ персіянъ и страхомъ, ихъ обуявшимъ. По взятіи Аркевани, Котляревскій оставилъ въ укрѣпленіи 100 человѣкъ съ однимъ орудіемъ, всю оставшуюся у него конницу, по минованіи въ ней надобности, отправилъ къ командѣ, находившейся на рѣчкѣ Караясъ, и всю эту часть отряда поручилъ майору Дьячкову. Съ прочимъ войскомъ онъ отправился къ Ленкорани, гдѣ 4,000 человѣкъ отборнаго гарнизона, подъ начальствомъ сардаря Садыхъ-Хана, готовились къ отчаянной оборонѣ.

Въ то же время Котляревскій обратился къ талышинскому народу съ слѣдующею проклокламаціей:

«Народъ талышинскій!

«Войска великаго и всемогущаго въ свѣтѣ Императора Россійскаго пришли освободить васъ отъ рукъ персіянъ. Останьтесь спокойны въ домахъ вашихъ, и увѣрены, что имущество ваше неприкосновенно. Русскіе не персіяне и не разбойники: они не будутъ васъ грабить. Я требую отъ васъ только, чтобъ всякій, могущій носить ружье, обратилъ оное противъ притѣснителей, которые вскорѣ будутъ наказаны войсками Всемилостивѣйшаго Государя моего. Требую, чтобъ вы добивали остатки сихъ извергов̈ъ и пресѣкали имъ пути къ побѣгу, когда настигнетъ ихъ побѣдоносное оружіе. Обѣщаю вмѣстѣ съ симъ прощеніе тѣмъ изъ васъ, которые обманомъ и обольщеніями персидскими вовлечены предаться имъ добровольно. Таковые должны явиться ко мнѣ, или къ законному своему хану, не опасаясь никакого наказанія. Слово русское не есть слово персидское: русскій не знаетъ коварствъ и не имѣетъ нужды въ обманахъ.»

Прокламація Котляревскаго не осталась безъ успѣха. Многіе талышинцы, оставшіеся преданными своему хану, начали собираться и преслѣдовать въ лѣсахъ и горахъ бѣгущихъ персіянъ. Непріятель уже понималъ, что въ чистомъ полѣ онъ не въ силахъ выдержать натиска русскихъ штыковъ, и всю надежду свою полагалъ на грозную ленкоранскую крѣпость. 25-го декабря отрядъ прибылъ въ Гямушаванъ, гдѣ соединился съ небольшимъ отрядомъ капитана 1-го ранга Весела-

го, а 26-го остановился передъ Ленкоранью. Прежняя крѣпость, которой и слѣдовъ нынѣ не осталось, наводила, по словамъ очевидца, истинный ужасъ: валы ея и высокія каменныя стѣны увѣнчанныя зубцами, выказывали повсюду грозные зѣвы орудій, а кругомъ, со всѣхъ почти сторонъ, видны были обширныя болота. Но Котляревскій, непривыкшій признавать препятствій, тотчасъ же устроилъ батареи и открылъ канонаду. 27-го утромъ отправлено имъ къ сардарю Садыхъ-Хану письмо слѣдующаго содержанія:

«По волѣ главнокомандующаго, пришелъ я освободить Талышинское Владѣніе отъ рукъ персіянъ и, слѣдовательно, долженъ взять крѣпость Ленкорань. Зная Васъ сколько со стороны храбраго, столько же и благоразумнаго предводителя, считаю нужнымъ предувѣдомить, что сопротивленіе Ваше будетъ напрасно. Какой бы Вы отличный полководецъ ни были, но не лучше Аббасъ-Мирзы, и войска у Васъ не больше, какъ тогда было. Воины же великаго и всемощнагов ъ свѣтѣ Россійскаго Государя, находившіеся при разбитіи Аббасъ-Мирзы, и при взятіи Асландуза, теперь здѣсь, и, сверхъ-того, присоединены къ нимъ бывшіе до сего въ Талышинскомъ Ханствѣ. И такъ, когда сынъ Баба-Хана не могъ устоять противъ побѣдоноснагс оружія, то уже, конечно, Вы отразить ударъ несильны. Во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови, я предлагаю Вамъ, высокостепенный сардарь, согласиться сдать крѣпость.

Подумайте, что Вы, слѣдуя благоразумію, сохраните безвинно проливаемую кровь человѣческую, сохраните жизнь, достоинство и имущество Ваше и всѣхъ Вашихъ подкомандующихъ, а напротивъ, потеряете все, не внемля гласу здраваго разсудка. Впрочемъ, мой долгъ Вамъ сказать, а въ волѣ Вашей избирать; только послѣ сего я буду правъ передъ Богомъ и человѣчествомъ. На сіе ожидаю отвѣта черезъ три часа, и для того приказалъ на всѣхъ батареяхъ остановиться дѣйствовать».

Но защита ленкоранской крѣпости была поручена отборному гарнизону и храброму начальнику. Садыхъ-Ханъ отвѣчалъ съ достоинствомъ, что онъ очень понимаетъ обязанность щадить человѣчество, и гдѣ можно избѣгать кровопролитія. Но въ настоящемъ случаѣ, онъ рабъ долга, имѣя повелѣніе не сдавать крѣпости, чего бы то ни стоило. «Напрасно Вы думаете, Генералъ», писалъ онъ, «что несчастіе, постигшее моего Государя, должно служить мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою сраженія и знаетъ кому пошлетъ свою помощь».

Послѣ такого отвѣта, упорный и кровопролитный бой былъ неизбѣженъ. Снова открылась канонада. Для бо́льшаго вреда гарнизону, свезена была съ корабля трехпудовая мортира, изъ которой начали бомбардировать городъ. О траншеяхъ нельзя было и думать при силахъ и способахъ отряда. Самая пальба изъ орудій не имѣла большаго успѣха противъ земляныхъ стѣнъ: ядра

увязали въ землѣ не причиняя вреда. 29-го декабря Котляревскій рѣшился испытать послѣднее средство къ сдачѣ крѣпости, и написалъ слѣдующее увѣщаніе, ко всѣмъ ханамъ, султанамъ, чиновникамъ и войскамъ персидскимъ, въ крѣпости Ленкоранѣ находившимся :

«По волѣ главнокомандующаго прибывъ сюда съ войсками великаго въ свѣтѣ Императора, для освобожденія Талышинскаго Владѣнія отъ рукъ персіянъ, я долженъ непремѣнно взять крѣпость Ленкорань. Слѣдуя примѣру крѣпкаго и милосердаго сердца ангелоподобнаго Всемилостивѣйшаго Государя, и побуждаясь внушеніями собственной совѣсти моей не проливать напрасно крови, я предлагалъ командующему въ крѣпости Садыхъ-Хану о сдачѣ крѣпости; но онъ отвѣчалъ , что будетъ защищаться. Желая оправдать себя передъ тѣмъ Всемогущимъ Богомъ, передъ судомъ Коего равно и христіанинъ и мусульманинъ стать долженъ, и Который взыщетъ на томъ свѣтѣ всякую каплю крови, безвинно пролитую, съ виновнаго, обращаюсь къ вамъ. Прежде всего скажу, что здѣсь находятся всѣ войска, бывшія при разбитіи Аббасъ-Мирзы и при взятіи Асландуза, и къ нимъ присоединились и находившіеся въ Талышинскомъ Владѣніи. Всякій изъ васъ посудить можетъ, что когда Аббасъ-Мирза и Асландузъ не могли устоять противъ побѣдоноснаго оружія меньшаго числа воиновъ, чѣмъ теперь здѣсь находится, то будетъ ли достаточно силъ вашихъ отразить ударъ,

какой бы храбростью каждый изъ васъ преисполненъ ни былъ? Вы подумайте, что всякій русскій солдатъ не имѣетъ ни жены, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни богатства; онъ съ одной чистой душою вступилъ въ службу законнаго своего Государя, съ тѣмъ, чтобъ положить жизнь свою для пріобрѣтенія побѣды. Напротивъ, каждый изъ васъ имѣетъ женъ, дѣтей и родственниковъ, и жертвуетъ всѣмъ симъ и жизнью. Таковое неравенство въ силѣ и побужденіяхъ должно быть вамъ очевидно. Съ другой стороны, вы узнайте о положеніи вашемъ. Въ крѣпости Аркевани войскъ вашихъ уже нѣтъ: они разбиты совсѣмъ, также и всѣ находившіяся въ другихъ мѣстахъ Талашинскаго Владѣнія и близъ онаго прогнаны и разсѣяны. Сикурса и подвоза снарядовъ вы ожидать не можете, ибо всѣ пути оному пресѣчены. Самъ разбитый Аббасъ-Мирза къ вамъ быть не можетъ и спасти васъ не въ силахъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Садыхъ-Ханъ, изъ единаго тщеславія слыть храбрымъ человѣкомъ, хочетъ жертвовать всѣми вами для своего честолюбія. Но нѣтъ сомнѣнія, чтобы въ числѣ васъ не было бы много умныхъ людей, которые могутъ понимать свое положеніе и которые бы не понимали, что я требую сдачи крѣпости не оттого, что недостаточно у меня войска взять ее, но единственно оттого, чтобъ не дать отвѣта передъ Богомъ въ пролитіи крови человѣческой. Итакъ, да будетъ всякій изъ васъ увѣренъ, что я и всѣ войска, подъ командой моей

состоящія, не отступять отъ крѣпости, не покоривъ ее оружію великаго Россійскаго Государя. Начиная отъ меня и до послѣдняго солдата, или помремъ всѣ, или возьмемъ крѣпость. Богъ правды, видящій съ какимъ коварствомъ персидское правительство, войдя въ переговоры о мирѣ, заняло во время оныхъ Талышинское Владѣніе, будетъ намъ помощникомъ и наказаніемъ вѣроломныхъ поступковъ. Но да внушитъ вамъ Сей Всевидящій Творецъ мысль отвратить зло пролитія крови, и да не накажетесь вы за коварство Бабахана и его сына. Предлагая вамъ о сдачѣ крѣпости, я увѣряю твердымъ словомъ Русскаго, что жизнь, имѣніе и всѣ достоинства останутся при васъ. Не лейте напрасно крови, когда сохранить ее можете. Пощадите себя, женъ вашихъ, дѣтей и имущество. Я буду ожидать на сіе отвѣта вашего черезъ три часа».

Но отвѣта никакого не было. Тогда Котляревскій, видя упорство гарнизона и недостатокъ въ снарядахъ для продолженія блокады, рѣшился штурмовать крѣпость, причемъ предвидѣлъ, однако, какъ отозвался впослѣдствіи, много трудовъ, по неравенству въ силахъ и способахъ. «Но мнѣ, какъ Русскому» писалъ онъ къ генералу Ртищеву, «оставалось только побѣдить, или умереть, ибо отступить значило бы посрамить честь оружія Россійскаго, отдать навсегда въ руки Персіянъ Талышинское владѣніе и жертвовать притомъ потерею людей во время отступленія, отъ чрезвычай-

наго холода и голода и непріятеля, который по скверным дорогам могъ наносить большой вредъ.» Въ сихъ обстоятельствахъ Котляревскій, призвавъ Бога на помощь, назначилъ 31 декабря штурмъ крѣпости. Готовясь къ сему послѣднему подвигу, увѣнчавшему его военную жизнь, Котляревскій отдалъ приказъ, въ которомъ два слова, достаточныя, чтобъ выразить всю его жизнь, могутъ стать наравнѣ съ лучшими образцами военнаго краснорѣчія. Эти два слова сопутствуютъ всегда памяти храбраго генерала, ихъ кавказскія войска и донынѣ повторяютъ, зная, что тамъ, гдѣ они исполняютъ долгъ свой...» *отступленія не будетъ*».

Вотъ въ подлинникѣ приказъ 30 декабря и диспозиція къ атакѣ:

«Истощивъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію россійскому, какъ только силою штурма. Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что *отступленія не будетъ.* Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть: затѣмъ мы сюда присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ же ему, храбрые солдаты, что штыку русскому ничто противиться не можетъ; не такія крѣпости брали русскіе и не у

такихъ непріятелей, какъ персіяне; сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ первое: послушаніе; второе: помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону взять крѣпость; опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье: не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла, на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ.

«Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ Грузинскаго Гренадерскаго, 17-го Егерскаго и Троицкаго Полковъ; а малоопытные Каспійскаго Баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣютъ; впрочемъ, ежели бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струситъ, тотъ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ; и здѣсь, внѣ границы, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, несмотря на чинъ».

Диспозиція штурма:

«Составляются три колонны: первая изъ шести ротъ Грузинскаго Гренадерскаго, подъ командою Подполковника Ушакова; 2-я изъ 350 человѣкъ Троицкаго Пѣхотнаго Полка, подъ командою Майора Поваліишина; 3-я изъ 350 человѣкъ Грузинскаго Гренадерскаго и 17-го Егерскаго Полковъ,

подъ командою Майора Терешкевича. Въ 5-ть часовъ пополуночи колонны выступаютъ съ назначенныхъ имъ пунктовъ, имѣя впереди стрѣлковъ, и слѣдуютъ къ крѣпости, съ крайнею тишиною и скоростью; если непріятель не откроетъ огня, то стрѣлки отнюдь не стрѣляютъ; когда же отъ непріятеля будетъ сильный огонь, то стрѣлки тотчасъ бьютъ по непріятелю, а колонны наипоспѣшнѣе ставятъ лѣстницы и взбѣгаютъ на батареи и на стѣны; первая колонна штурмуетъ батарею и стѣну къ Гямушевану, ставя одну лѣстницу на батарею, а прочія тотчасъ отъ оной вправо; 3-я колонна беретъ батарею, лежащую противу моря къ рѣчкѣ, и штурмуетъ стѣну отъ оной вправо. Каждая колонна, какъ скоро возьметъ назначенную ей батарею, тотчасъ оборачиваетъ непріятельскія орудія и стрѣляетъ картечью въ средину крѣпости, между-тѣмъ очищаютъ стѣны отъ себя вправо и влѣво, а первая колонна отбиваетъ поспѣшнѣе ворота, дабы впустить резервъ; одна рота Грузинскаго Гренадерскаго Полка раздѣляется на двѣ части для фальшивыхъ атакъ; первая дѣлаетъ оную противъ батареи, къ рѣчкѣ лежащей; и ежели возможность будетъ, то беретъ сію батарею; другая отъ батареи непріятельской, назначенной штурмовать; 1-й колоннѣ тревожитъ непріятеля съ лѣвой стороны. Команды сіи выступаютъ вмѣстѣ съ колоннами и не тревожатъ непріятеля, пока не откроется сильный огонь по колоннамъ, тогда они поспѣшнѣе бѣ-

гутъ къ назначеннымъ мѣстамъ, и кричатъ ура и бьютъ тревогу. . . . .

«Барабанщики въ колоннахъ отнюдь не бьютъ тревогу, пока не будутъ люди на стѣнахъ; и люди въ колоннахъ не стрѣляютъ и не кричатъ ура, пока не влѣзутъ на стѣну; когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты нами, то въ средину крѣпости безъ приказанія не ходить, но бить непріятеля, только картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя, его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится, или сдастся; и если, прежде чѣмъ всѣ батареи и всѣ стѣны будутъ заняты, ударятъ отбой, то считать оный за обманъ, такой же, какъ непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ, сверхъ-того, знать, что наши отбой будутъ бить три раза, который повторять всѣмъ барабанщикамъ—и тогда уже прекращается дѣло.

«Господамъ лейтенантамъ Франку и Кремлу быть въ колоннѣ Терешкевича.

«Резервамъ на прежнихъ батареяхъ состоять изъ остающихся отъ штурма людей; такъ-какъ уже оказано въ приказѣ, что отступленія не будетъ, то остается теперь сказать, что если, сверхъ чаянія, которой-либо колонны люди замнутся идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью».

Въ 5-мъ часу пополуночи, согласно сему расположенію, войска (22) тронулись, но, не доходя еще до назначенныхъ имъ пунктовъ, были встрѣчены сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Самъ Котляревскій оставался на ближайшей бата-

ровъ, наблюдая за ходомъ дѣла. Не взирая на отчаянное сопротивленіе, войска спустились въ ровъ и поставили лѣстницы, но тутъ осажденные значительно превышавшіе ихъ числомъ ожидали ихъ съ пиками, рогатинами, подсвѣтами и ручными гранатами. Колонны остановились въ недоумѣніи; подполковникъ Ушаковъ и многіе офицеры были уже убиты, а число персіянъ на стѣнахъ поминутно увеличивалось. Когда Котляревскій, видя гибель отряда, бросился самъ въ ровъ и надъ трупомъ Ушакова началъ ободрять солдатъ. Вокругъ его валились толпами люди и длился жестокій убійственный бой. Надъ крѣпостью стояло красное зарево отъ неумолкающей пальбы и висѣвшихъ на стѣнахъ рѣшетокъ съ горючими веществами. Въ одинъ мигъ Котляревскій раненъ въ ногу. Придерживая рукою колѣно, онъ спокойно повернулъ голову, и продолжая ободрять войска, громко крикнулъ: «Сюда!»... Солдаты кинулись впередъ. Тогда двѣ пули снова поражаютъ Котляревскаго. Одна ударяетъ прямо ему въ лицо, обагряя его кровью, раздробляетъ ему челюсть; безъ чувствъ падаетъ онъ тогда на груду тѣлъ лежащихъ во рву, и въ эту минуту надъ головами осаждающихъ раздается крикъ побѣды и солдатское ура вмѣстѣ съ проклятіями персіянъ. Храбрый Майоръ Грузинскаго Гренадерскаго Полка князь Абхазовъ съ одной ротой успѣлъ овладѣть батареей. Непріятель уже увѣренный въ побѣдѣ, тщетно бросился, чтобъ ее отнять, самое

отбитое у нихъ орудіе встрѣтило ихъ картечью, а штыки отражали нападеніе. Въ это время вторая колонна овладѣла другой батареей и тотчасъ же обратила взятое орудіе противъ непріятеля, чѣмъ облегчила 3-й колоннѣ возможность овладѣть 3-й батареей. Солдаты въ пылу боя карабкались на стѣны и ухватывались за дула ружей, изъ которыхъ персіяне стрѣляли въ нихъ въ упоръ. Такъ-какъ персіяне не выпускали изъ рукъ ружей, то помогали сами тѣмъ осаждающимъ взобраться на стѣны, такъ, что въ скоромъ времени всѣ избѣгнувшіе смерти очутились въ срединѣ укрѣпленій. Тогда, по очищеніи трехъ стѣнъ, начался по срединѣ крѣпости отчаянный рукопашный бой. Сардарь Садыхъ-Ханъ и прочіе бывшіе съ нимъ десять хановъ, честной смертью искупили свое упорство, но звѣрскіе способы защиты до того ожесточили солдатъ, что плѣнныхъ не брали. Все падало подъ штыками. Видя свою неминуемую гибель, персіяне начали бросаться черезъ четвертую стѣну въ рѣчку Ленкорань, надѣясь тѣмъ снискать себѣ спасеніе. Но по ту сторону рѣчки, справа по теченію ихъ, ожидали два орудія съ прикрытіемъ 80-ти человѣкъ; слѣва, они наткнулись на роту, ходившую тоже съ орудіемъ въ фальшивую атаку. Несчастные бѣглецы попали такимъ образомъ между перекрестнымъ огнемъ. Число убитыхъ было такъ велико, что вода обагрилась ихъ кровью и рѣчка по выраженью рапорта Котляревскаго, сдѣ-

лалась кровавою. Самый штурмъ продолжался три часа ([23]).

По вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ похоронено талышинцами убитыхъ въ крѣпости и на берегахъ Ленкорани 3737 человѣкъ, въ число которыхъ не вошли унесенные теченіемъ рѣчки въ море.

У насъ убито штабъ и оберъ-офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 325; ранено офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ 584. Этимъ числомъ опредѣляется уже важность затрудненія при взятіи крѣпости.

Трофеями побѣды достались 2 знамя, 8 орудій англійской работы ([24]), сардарская булава и магазинъ съ провіантомъ.

Донося о штурмѣ генералу Ртищеву, Котляревскій присовокупилъ: «Я самъ получилъ три раны, и благодарю Бога, благословившаго запечатлѣть успѣхъ дѣла сего собственною моею кровью. Надѣюсь, что сей же самый успѣхъ облегчитъ страданія мои. Впрочемъ никакая потеря не можетъ сравниться съ важностью взятія крѣпости, о которой въ перехваченныхъ бумагахъ, сардарю Садыхъ-Хану, Аббасъ-Мирза писалъ, что ежели и цѣлыя горы войскъ возстали противъ него, онъ не долженъ колебаться, но защищать до послѣдней капли крови, сей ключь къ сердцу Персіи». Замѣчательно, что, послѣ взятія крѣпости, по весьма рѣдкому въ томъ краѣ явленію, выпалъ большой снѣгъ, какъ-бы въ ознаменованіе того, что русское небо усвоиваетъ землю, завоеванную русскими. Отъисканный въ грудѣ тѣлъ виновникъ

великой побѣды былъ отнесенъ въ Ямушаванъ, въ квартиру Веселаго. Изувѣченный, обезображенный, онъ, однакожь, не сдавалъ команды, а продолжалъ распоряжаться съ одра страданій. 8-го января онъ подписалъ рапортъ къ главнокомандующему, и принялъ всѣ нужныя мѣры для возвращенія отряда. Такъ-какъ, со взятіемъ крѣпости, ни одного персіянина въ Талышинскомъ Ханствѣ не оставалось, Котляревскій поручилъ майору Дьячкову отвести отрядъ въ Карабагъ, а Веселаго, попрежнему, остался въ Ленкорани. Аббасъ-Мирза, выступившій изъ Тавриза на помощь осажденнымъ, поспѣшно возвратился, узнавъ объ участи, постигшей войско его. Съ 19-го октября персіяне лишились 21-го орудія, 36 фальконетовъ, и, по собственному сознанію, болѣе 7,000 войскъ, въ томъ числѣ 6 батальоновъ регулярной пѣхоты, т. е. въ два мѣсяца болѣе, чѣмъ во всю войну.

Несмотря на тяжкія раны, Котляревскій послѣдовалъ за отрядомъ, о прибытіи котораго въ Агъ-Угланъ донесъ 29-го января. Въ то же время онъ снова просилъ объ отпускѣ на шесть мѣсяцевъ, для поправленія здоровья. Пока шла о томъ переписка, Котляревскаго привезли въ Тифлисъ. Ртищевъ немедленно одѣлся въ полную форму, надѣлъ александровскую ленту, полученную имъ за асландузскую побѣду и поѣхалъ навѣстить больнаго. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ писалъ онъ о немъ

19-го апрѣля 1813 года военному министру князю Горчакову:

«Могу увѣрить Ваше Сіятельство, что сей отличный заслугами чиновникъ, по благородному рвенію своему къ службѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора, при малѣйшей для него возможности, истощилъ бы послѣднія силы свои на усердное исполненіе Монаршей воли, дабы остаться при своей должности; но къ разстроенному и прежде его здоровью вдругъ новыя три раны, полученныя имъ въ послѣднюю экспедицію, при штурмѣ Ленкорани, изъ коихъ головная, по безпрерывнымъ выходящимъ костямъ, весьма тяжела, повергли его въ такое состояніе, что онъ время отъ времени ослабѣваетъ и лишается самой лестной для него надежды—быть способнымъ служить. Въ семъ положеніи его, по совѣту медицинскихъ чиновъ, остается еще къ поправленію его здоровья испытать послѣднее средство—минеральныя воды. А потому генерал-лейтенантъ Котляревскій, противъ охоты и своего рвенія къ службѣ Его Императорскаго Величества, вынужденнымъ нашелся, представленнымъ ко мнѣ, рапортомъ просить предстательства моего о Высочайшемъ увольненіи его къ минеральнымъ водамъ для излеченія ранъ. Я же, не могши не уважить въ полной мѣрѣ столь справедливой его просьбы, будучи самъ свидѣтель его страданій и день-ото-дня упадающаго здоровья, поставляю въ семъ случаѣ истиннымъ для себя долгомъ обратиться къ Вашему Сіятельству съ

вторичнымъ моимъ представленіемъ, полагаясь совершенно на благороднѣйшія чувствованія Ваши, умѣющія справедливо оцѣнить истинныя заслуги чиновниковъ, усердныхъ Его Императорскому Величеству, всепокорнѣйше просить Ваше Сіятельство, о благосклонномъ принятіи Вами участія въ положеніи генерал-лейтенанта Котляревскаго, и объ употребленіи сильнаго ходатайства Вашего передъ Государемъ Императоромъ, дабы онъ могъ осчастливленъ быть Высочайшимъ увольненіемъ въ отпускъ, впредь до излеченія отъ ранъ, съ полнымъ жалованьемъ и получаемыми имъ столовыми деньгами, какъ въ уваженіе его недостаточнаго состоянія, такъ еще болѣе для того, что онъ, проливши кровь свою при совершеніи имъ знаменитаго подвига, къ славѣ россійскаго оружія, потерялъ здоровье свое на службѣ Его Императорскаго Величества.»

До полученія еще отвѣта, генералъ Ртищевъ разрѣшилъ г. Котляревскому, видя его мученія, отправиться къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, но прежде имѣлъ счастіе адресовать ему слѣдующую бумагу.

«Генерал-лейтенанту Котляревскому.

«Отличный подвигъ совершенный Вашимъ Превосходительствомъ на пользу службы и къ славѣ россійскаго оружія, по всеподданнѣйшему представленію моему, удостоенъ особеннымъ къ Вамъ

Монаршимъ благоволеніемъ. Его Императорское Величество въ награду мужества и благоразумныхъ распоряженій, оказанныхъ Вами при взятіи штурмомъ важной ленкоранской крѣпости, и отнятіи у Персіянъ Ханства Талышинскаго, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать орденъ Св. Георгія 2-го класса.»

III.

(1813 — 1851 г.)

Котляревскій принадлежалъ несомнѣнно къ малому числу людей, заранѣе отмѣченнымъ перстомъ Провидѣнія для особаго, необычайнаго, призванія. Странный случай, извлекшій его изъ духовнаго сословія на военное поприще, его молчаливая и угрюмая молодость, его суровыя, твердыя, одушевленныя солдатскимъ прямодушіемъ, и непризнающія непоборимыхъ препятствій, непоколюбимое его присутствіе духа, отважная рѣшимость—все ясно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ избранъ Промысломъ для безпримѣрныхъ подвиговъ. Сынъ безвѣстнаго сельскаго священника, онъ умѣлъ обратить на себя вниманіе всей Россіи, даже въ то время, когда Россія, потрясенная Наполеономъ защищала собственную жизнь свою. Сынъ священника, онъ, на 31-мъ году отъ рожденія, по-

силъ георгіевскую звѣзду на генерал-лейтенантскомъ мундирѣ, положивъ конецъ тринадцати-лѣтней кровопролитной войнѣ съ персіянами; имя его произносилось непріятелемъ съ ужасомъ; русскими солдатами - съ благоговѣніемъ; главнокомандующій являлся къ нему съ благодарностью, какъ-бы подчиняя власть свою его заслугамъ. Но въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Провидѣнія предначертано было, чтобъ Котляревскій, совершивъ подвиги своего видимаго избранія, сошелъ бы во цвѣтѣ лѣтъ съ прославленнаго имъ поприща и въ мучительныхъ 39-ти лѣтнихъ страданіяхъ обратился бы снова къ жизни смиренной и душеспасительной, для которой былъ предназначенъ по своему рожденію. И въ этой новой долѣ, Котляревскій былъ снова избранникомъ тяжкаго призванія. Тридцать девять лѣтъ, какъ мученикъ, искупалъ онъ свою славу, и мало страдальцевъ выстрадали столько, сколько онъ! Первая половина его жизни прошла въ гордой борьбѣ съ непріятельскими силами, вторая же—въ томительной борьбѣ съ своимъ человѣческимъ безсиліемъ, съ своими неперестающими мученіями. Конечно, громкая пора его военной дѣятельности заслуживаетъ вниманія и удивленія; но едва-ли не занимательнѣе, не поучительнѣе вторая эпоха его жизни, когда крѣпкая природа его боролась съ недугами и язвами, когда мощный духъ его, непризнававшій прежде препонъ, мало-по-малу смирялся передъ очистительной силой страданій.

Что̀ испыталъ, что̀ перечувствовалъ тогда Котляревскій, то извѣстно Богу. Изъ разсказовъ очевидцевъ сохранилось немного подробностей о его болѣзненномъ затворничествѣ; сохранилось только одно глубокое, единодушное чувство благоговѣнія къ его молчаливой твердости, къ его покорности волѣ Господней.

Полученныя имъ тяжкія раны, въ особенности послѣднія, не позволяли ему продолжать службы. Подъ Ленкоранью всѣ почитали его убитымъ. Достойно удивленія, какъ онъ могъ остаться, такъ долго, потомъ въ живыхъ.

Тщетно приглашали его и онъ самъ порывался остаться въ кругу своихъ сподвижниковъ. Славный гюлистанскій миръ, которымъ Россія обязана ему, заключалъ войну съ Персіею. Съ заключеніемъ войны, насильственно оканчивалась, какъ-бы по миновавіи въ ней надобности, и военная дѣятельность молодаго военачальника. Гюлистанскомъ миромъ Персія уступала русской державѣ право свои на Ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, отказываясь притомъ отъ всякихъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Имеретію, Мингрелію и Абхазію. Гюлистанскимъ миромъ Котляревскій воздвигнулъ себѣ вѣчный и несокрушаемый памятникъ, послѣ чего, исполнивъ свое назначеніе, онъ отошелъ въ сторону, оставшись живымъ мертвецомъ.

Мы видѣли, какими наградами осыпалъ его Государь, съ какимъ почетомъ встрѣтилъ его главнокомандующій, но ничто не могло возстановить его здоровья. Весной 1813 года Котляревскій отправился на кавказскія воды, гдѣ получилъ Высочайшее разрѣшеніе на безсрочный отпускъ до излеченія раны, при сохраненіи получаемаго содержанія. Тогда онъ отправился въ Россію и съ того времени не видалъ уже болѣе Кавказа. Дарованное ему, послѣ Ленкорани, денежное награжденіе (20,000 червонцевъ), по представленію г. Ртищева, онъ отдалъ при сдачѣ полка, и какъ вступилъ въ край, безъ всякаго состоянія, такъ и оставилъ его.

Но вскорѣ потомъ онъ получилъ отъ Царскихъ щедротъ значительную сумму въ видѣ ссуды. Тогда онъ пріобрѣлъ отъ графа Гурьева небольшое имѣніе близъ Бахмута: Сельцо Александрово, гдѣ онъ и поселился, и началъ тотчасъ помышлять о построеніи церкви. Для скорбной жизни его молитва становилась лучшей отрадой; но, при сооруженіи храма, у него была еще другая цѣль: онъ думалъ объ отцѣ своемъ, объ ольховатскомъ священникѣ, котораго онъ нѣкогда такъ странно оставилъ по случаю зимней метели и посѣщенія Лазарева.

Мыслью о Богѣ, мыслью объ отцѣ своемъ, Котляревскій началъ свою затворническую жизнь, и вскорѣ имѣлъ счастье видѣть у себя отца своего, почтеннаго протоіерея, который переѣхалъ въ

с. Александрово, гдѣ дожилъ до самой глубокой старости. Съ того времени, началась для асландузскаго героя жизнь тихая, мирная, спокойная, однообразная и молчаливая.

Болѣе всего занимался онъ чтеніемъ и хозяйствомъ. Коротко-знавшіе его свидѣтельствуютъ, что онъ принималъ посѣтителей радушно и ласково, и никому просящему помощи не отказывалъ. По отзыву одного изъ друзей его, онъ не зналъ словъ: «Богъ дастъ», давалъ, что̀ могъ, и оттого, несмотря на доходы съ имѣнія и на казенное содержаніе, часто не имѣлъ десяти р. въ домѣ. Во всю жизнь свою онъ едва-ли и въ шутку, сказалъ неправду для какого-нибудь краснаго слова, и никогда ни о комъ дурно не отзывался. Правдивость, безкорыстіе и человѣколюбіе были его отличительными свойствами. На видъ онъ былъ угрюмъ, задумчивъ, и почти никогда не улыбался; но причиной тому были постоянныя страданія, которыя онъ старался всегда скрывать отъ приближенныхъ, и никто, до самой смерти, не слыхалъ, чтобъ онъ жаловался на мучительную боль, или роптал̀ъ на судьбу.

Впрочемъ, угрюмость не подавляла въ немъ порывовъ души чистой и любящей. Онъ всегда готовъ былъ оказать услугу, и когда подобная услуга была сопряжена съ затрудненіями, тогда пробуждалась въ немъ прежняя энергія; снова проглядывалъ тотъ упорный характеръ, который

стремился прямо къ цѣли, не зная отступленія. Тогда, въ скромныхъ предѣлахъ своей частной жизни, онъ дѣйствовалъ съ рѣшимостью, одушевлявшей его подъ Асландузомъ; тогда онъ неутомимо ѣздилъ, просилъ, ходатайствовалъ, писалъ къ начальникамъ отдѣльныхъ частей, къ министрамъ, даже къ самому Государю.

Въ 1816 году Котляревскій женился на дочери майора Енохина, но, къ довершенію его испытанія, онъ лишился молодой жены, вскорѣ умершей родами, и снова обреченъ былъ на одиночество. Это одиночество раздѣлялъ съ нимъ его однослуживецъ, раненый при Асландузѣ, майоръ Шультенъ, который впослѣдствіи женился на его племянницѣ и не покидалъ его до самой своей смерти. Полуживые остатки прошедшаго славнаго времени, оба изувѣченные, воины вели жизнь тихую, неоставившую слѣда никакими достопримѣчательными событіями. Страданія Котляревскаго были такъ сильны, что онъ могъ дышать свѣжимъ воздухомъ только лѣтомъ, въ теплую погоду, а зимою не выходилъ изъ комнаты. Въ 1823 году онъ ѣздилъ въ Петербургъ, и этой поѣздкой упрочилось нѣсколько его благосостояніе, сколько позволяла ему его привычная щедрость. Любопытнымъ доказательствомъ этой щедрости служитъ то, что онъ назначилъ лечившему его, послѣ взятія Ленкорана, полковому доктору пожизненную пенсію, которую, несмотря иногда на собственные недостатки, прежде всего отдѣлялъ и отсы-

залъ по назначенію всякій разъ, какъ получалъ свое содержаніе. Это продолжалось тридцать девять лѣтъ, и докторъ пережилъ своего благодѣтеля.

Во время краткаго пребыванія Котляревскаго въ Петербургѣ, Государь Императоръ Александръ Павловичъ, приказалъ сложить съ него числившійся на немъ въ казну долгъ; кромѣ того, онъ имѣлъ случай познакомиться съ графомъ Н. П. Румянцовымъ, который, принявъ участіе въ судьбѣ его, уговорилъ его развести въ бахмутскомъ имѣніи мериносовъ и упросилъ принять въ подарокъ племеннаго барана и нѣсколько овецъ.

Возвратившись въ с. Александрово, Котляревскій послѣдовалъ совѣту графа Румянцова, и хозяйственные его заботы увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ, такъ-что онъ могъ вскорѣ расширить кругъ своихъ благотвореній. Когда же стадо умножалось и родоначальникъ его издохъ, Котляревскій велѣлъ вылѣпить съ него изваяніе и поставить въ свой кабинетъ (1) Эта шутка была ничто иное, какъ потребность имѣть всегда передъ глазами напоминаніе объ оказанной ему услугѣ. По возвращеніи изъ Петербурга, страданія его еще усилились. Чтобъ имѣть о нихъ понятіе, достаточно знать, что въ разныя времена изъ праваго его уха вышло до сорока костей. Отъ этого все прекрасное лицо его было сведено въ правую сторону; праваго глаза онъ лишился еще подъ Ленкораномъ. Въ самое время усилив-

шихся его безропотныхъ страданій, ему суждено было испытать великую радость и великое горе. Благополучно царствующій нынѣ Государь, пожаловавшій, при коронаціи, Котляревскаго чиномъ полнаго генерала, удостоилъ его, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, слѣдующимъ рескриптомъ:

«Петръ Степановичъ!

«Отличное служеніе на поприщѣ военномъ, и «неоднократными опытами доказанное искусство и «храбрость ваши не преставали обращать на себя «вниманія въ Бозѣ почивающаго Брата Моего, ко«торый съ прискорбіемъ видя, что разстроенное «здоровье и раны, полученныя вами на полѣ че«сти, были дѣйствительными препятствіями къ «дальнѣйшему продолженію службы, принужденъ «былъ согласиться на временное ваше отъ оной «удаленіе. Отдавая всегда должное уваженіе за«слугамъ вашимъ, и зная всю пользу, которую «опытность и храбрость ваша могутъ принести «отечеству, при возникающихъ нынѣ непріязнен«ныхъ дѣлахъ съ персіянами, Я льщу Себя на«деждою, что время уврачевало раны ваши, и «успокоило отъ трудовъ, понесенныхъ для славы «Россійскаго оружія, и что, при настоящихъ об«стоятельствахъ, вы не откажете Мнѣ вступить «на то поприще, на коемъ вы подвизались съ та«кимъ успѣхомъ. Увѣренъ, что одного имени ва«шего достаточно будетъ, чтобы одушевить вой«ска предводительствуемыя вами, устранить вра«га неоднократно вами пораженнаго и дерзающа-

«то снова нарушить тотъ миръ, которому откры-
«ли вы первый путь подвигами вашими».

«Желая, чтобъ отзывъ вашъ былъ согласенъ «съ Моимъ ожиданіемъ, пребываю вамъ благо-«склонный.»

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

Николай.

«Въ Москвѣ.

Августа 17 д. 1826 года».

Подобное Всемилостивѣйшее приглашеніе преисполнило душу Котляревскаго чувствомъ радости и безпредѣльнаго благоговѣнія! Какъ подданный, какъ воинъ, какъ полководецъ, какъ русскій, онъ удостоивался самой лестной, самой высокой награды; но, въ то же время, какъ ни былъ еще онъ бодръ духомъ, но онъ чувствовалъ, что силы ему измѣнили. Открывшіяся раны, невозможность находиться на свѣжемъ воздухѣ, обращали героя въ затворника. Онъ вынесъ новое тяжкое испытаніе, которое, для такого человѣка, какъ онъ, было хуже всѣхъ физическихъ мученій. Онъ выстрадалъ рѣшительное сознаніе, что не можетъ отозваться на призывный голосъ своего Государя, не можетъ снова повести на бой своихъ любимыхъ братьевъ-солдатъ. Покоряясь Той волѣ, Которая выше всѣхъ человѣческихъ

стремленій, онъ написалъ, на полученный имъ рескриптъ, слѣдующій исполненный горести и глубокаго чувства, отвѣтъ:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Удостоясь получить Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, осчастливленный Высоко-Монаршимъ вниманіемъ, подданный желалъ бы излить послѣднюю кровь на службѣ Твоей, Всемилостивѣйшій Государь, но совершенно разстроенное здоровье, а особенно головная рана, недавно вновь открывшаяся, не позволяя мнѣ даже пользоваться открытымъ воздухомъ, отнимаетъ всякую возможность явиться на поприще трудовъ и славы. Лишенный силъ службою моею показать пламенное усердіе къ Высочайшей Особѣ обожаемаго Государя, я считаю себя несчастнѣйшимъ....»

Командованіе войсками противъ персіянъ, принялъ генералъ Паскевичъ, и Котляревскій долженъ былъ прислушиваться къ звуку оружія и побѣдъ; но, изнемогая подъ гнетомъ тѣлесной немощи, онъ душою былъ на Кавказѣ. До самой кончины онъ принималъ живое юношеское участье во всемъ, что̀ касалось до родины его славы. Все что̀ печаталось о Кавказѣ въ газетахъ, въ реляціяхъ, въ приказахъ, было близко душѣ его, все читалось имъ съ сердечнымъ любопытствомъ. Чуждый мелочной зависти, онъ радовался чужимъ успѣхамъ, онъ съ восторгомъ слушалъ о новыхъ подвигахъ русскаго оружія. Но отдавая должную

безкорыстную дань удивленія новымъ побѣдамъ и всегдашней храбрости нашихъ войскъ, онъ сохранялъ въ душѣ, какъ святыню воспоминаніе о своихъ сослуживцахъ, глубокую неограниченную къ нимъ любовь и благодарность. О себѣ и своихъ дѣлахъ онъ никогда не говорилъ, даже въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и наединѣ; когда же кто-нибудь заводилъ, съ намѣреніемъ, разговоръ о прошедшихъ временахъ, онъ всегда перемѣнялъ его на другой; но когда, по какому-то старческому и болѣзненному заблужденію, ему казалось, что посягаютъ на его задушевную святыню, тогда онъ смущался духомъ и возвышалъ голосъ. Такъ преслѣдовалъ онъ въ-теченіе цѣлой жизни мысль о сооруженіи памятника въ честь воиновъ персидской войны. Этому же чувству обязаны мы составленіемъ двухъ драгоцѣнныхъ документовъ, въ которыхъ образцовымъ военнымъ слогомъ, и съ воинственнымъ пыломъ Котляревскій объяснилъ нѣсколько подробностей своей боевой жизни. Поводомъ тому было появленіе въ свѣтъ книги «Подвиги русскихъ воиновъ за Кавказомъ», въ которой авторъ, основываясь на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, неоднократно исказилъ истину. Котляревскій рѣшился тогда прервать двадцатитрехлѣтнее молчаніе и написалъ, для напечатанія, редактору «Русскаго Инвалида» слѣдующее письмо, въ цѣлости нами здѣсь помѣщаемое (*):

(*) Письмо это было напечатано въ «Русскомъ Инвалидѣ» 31 января 1831 г. №№ 25 и 26.

Милостивый Государь,

Александръ Өедоровичъ.

«Въ 297 и 298-мъ нумерахъ Русскаго Инва-«лида» помѣщено описаніе Асландузскаго сраже-«нія, а въ 300 и 306-мъ, экспедиціи въ Талы-«шинское Ханство и взятія штурмомъ крѣпости «Ленкорана; выписанныя изъ вышедшей вновь «книги: «Подвиги Русскихъ воиновъ въ странахъ «Кавказскихъ», въ которую вкрались ошибки, «неясности и даже выдумки. Уважая мнѣніе со-«отечественниковъ и дорожа честью моею и со-«служивцевъ моихъ, достойно подвизавшихся въ «битвахъ, я считаю долгомъ, дабы первые не «оставались въ заблужденіи и имѣли вѣрныя свѣ-«дѣнія о дѣлахъ сихъ, сдѣлать нѣкоторыя поясне-«нія, прося Васъ, Милостивый Государь, помѣ-«стить о томъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

«Оба дня Асландузскаго сраженія, 19-го и 20-го «октября 1812 года, описаны справедливо, кро-«мѣ того, что въ числѣ взятыхъ трофеевъ про-«пущено пять знаменъ; но прежде сраженія при-«писана мнѣ рѣчь (*), названная краткою, а въ

(*) Товарищи! преодолѣвъ всѣ препятствія уто-мительнаго перехода, мы достигли береговъ рѣки, за которою ожидаетъ насъ непріятель. Еслибъ на-чальствовалъ нынѣ я войсками, которыхъ терпѣніе, мужество и необходимая для настоящаго подвига храбрость, были мнѣ менѣе извѣстны, то, конечно,

«самомъ существѣ длинная, сказанная будто-бы «мною на берегахъ Аракса, которой я никогда «не говорилъ и которая ни мнѣ, ни подчинен-«нымъ моимъ несвойственна. Оставляя подробное «разбирательство всей рѣчи скажу: жалокъ тотъ «Генералъ, который прибѣгаетъ къ подобнымъ «разглагольствованіямъ: это значитъ онъ не по-«стигъ духа Русскаго, и не умѣлъ пріобрѣсть «довѣренности войскъ. Я могу съ восхищеніемъ «утвердить, что былъ счастливъ и любовію и «довѣріемъ, и не имѣлъ нужды разсказывать и «напоминать, кто поведетъ ихъ въ бой; всѣ и «старые и молодые, меня знали, какъ я старался «знать всѣхъ, а особливо знать духъ Русскій.

постарался бы я сокрыть отъ нихъ въ глубокой тайнѣ и важность моего предпріятія, и великую опасность предпріемлемаго. Рѣшась принять на одного себя всю тягость отвѣтственности, я польстилъ бы имъ пріятностію успѣха и, по праву начальства, повелъ бы незнающихъ ни цѣли, ни намѣренія, прямо въ огонь. Но имѣя счастіе начальствовать русскими, я священнымъ долгомъ считаю себѣ быть во всемъ откровеннымъ съ ними. Товарищи! Не страшусь обнаружить въ глазахъ вашихъ положенія нашего, сколько бы оное сомнительно ни было. У непріятеля столько войска, что намъ должно будетъ драться одному противъ десяти. Однако обстоятельства наши таковы, что если не ускоримъ нападеніемъ мы, то нападеніе учинятъ на насъ.— Пусть устоимъ противъ первыхъ натисковъ, пусть

«Несвойственны равно, и даже обидны, слѣдую-
«щія слова г. сочинителя: «Знаю по опыту, что
«одно блѣдное лицо въ пылу сраженія вселяетъ
«невольный ужасъ во многихъ, и бѣгство одного
«изъ боя влечетъ за собою толпу другихъ». «Богъ
«избавилъ меня сего опыта. Я зналъ и знаю, что
«идущему впередъ одна пуля въ грудь или лобъ,
«а бѣгущему назадъ десять въ спину. Это знали
«всѣ служившіе со мною, и никто никогда тыла
«не показывалъ. Во всю мою службу Отечеству,
«я видѣлъ бѣгущихъ однихъ непріятелей. Далѣе
«г. сочинитель заставляетъ меня угрожать истреб-
«леніемъ переправы; но онъ забылъ, или не
«зналъ, что отрядъ мой переправился черезъ
«Араксъ на казачьихъ лошадяхъ и такой пере-
«правы никто истребить не могъ; кромѣ того я

уклонимся съ честію; но оставленныя безъ обороны, преданныя Россіи ханства подвергнутся конечной гибели и разоренію. Вы знаете, каково мщеніе раздраженныхъ персіянъ!—Мечъ и пламень опустошатъ области, едва начавшія дышать съ нѣкоторою свободою подъ благодатнымъ покровомъ Государя нашего, и подъ вѣрной защитою храбрости вашей. Вѣдая свойство здѣшнихъ народовъ, съ которыми началъ воевать еще съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, я знаю одно только средство къ предупрежденію покушеній непріятельскихъ и сохраненію ввѣренныхъ намъ* областей. Вы угадываете сами средство сіе. Перейдемъ Араксъ поспѣшно, и нападемъ на непріятеля неожиданно. Внезапный страхъ

«не имѣлъ нужды угрожать воинамъ, изъ коихъ «каждый готовъ былъ жертвовать жизнію для «Царя и для славы, какъ то показали они при «Асландузѣ и Ленкоранѣ, которые до позднѣй«шихъ временъ пребудутъ памятниками геройства «ихъ. И такъ, опровергая вполнѣ всю приписан«ную мнѣ рѣчь, слѣдуетъ упомянуть о сказанной «мною, не на берегахъ Аракса, а предъ выступ«леніемъ изъ лагеря при Агъ-Уланѣ,—вотъ она: «Братцы! Намъ должно идти за Араксъ и раз«бить Персіянъ. Ихъ на одного десять, но каждый «изъ васъ стоитъ десяти; а чѣмъ больше враговъ

удесятеритъ число нападающихъ, а что внушитъ страхъ, то оправдаетъ мужество. Впрочемъ, если и не успѣемъ захватить персіянъ въ-расплохъ, то повѣрьте, что для пораженія ихъ довольно будетъ и того, что мы первые отважимся на нихъ напасть. Смѣлое нападеніе возбуждаетъ невольное уваженіе къ нападающимъ. Можетъ быть, подумаете, что насъ слишкомъ мало; но для одержанія побѣды съ малымъ числомъ, всегда достаточно было одной храбрости; а въ храбрости, какъ извѣстно цѣлому свѣту, русскіе никогда недостатка не имѣли. И такъ мы перейдемъ за Араксъ! Однако, прежде нежели поставимъ себѣ въ необходимость или пріобрѣсть побѣду, или напасть съ оружіемъ въ рукахъ, я приказываю всѣмъ и каждому, и каждаго и всѣхъ прощу объявить мнѣ, не обинуясь, кто желаетъ перейти со мною за рѣку, и кто (по какимъ бы то ни было причинамъ) находитъ за лучшее остаться на лѣвомъ берегу оной. Товарищи! Подвигъ, на кото-

«тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ братцы и разо-«бьемъ!» — Слова сіи приняты съ восторгомъ и «двухдневная славная побѣда явила, какимъ ду-«хомъ одушевлены были всѣ, отъ перваго Штабъ «Офицера до послѣдняго солдата.

«Представивъ истину въ опроверженіе выдумки, «сдѣланной, можетъ статься, и съ добрымъ на-«мѣреніемъ, я долженъ говорить уже и противу «злорѣчія: были лица, которыя, не въ силахъ бу-«дучи отнять ничего у побѣды, находили пищу, «предпріятіе мое атаковать Аббасъ-Мирзу за Арак-«сомъ, оцѣненное достойными и безпристрастными «людьми, называть дерзкимъ, и не на правилахъ «военной науки основаннымъ. Симъ порицателямъ, «по невѣдѣнію ли обстоятельствъ, или по дру-

---

рый отваживаемся, можетъ совершенъ быть только общимъ мужествомъ, единодушною рѣшимостію. Знаю по опыту, что одно блѣдное лицо, въ пылу сраженія, вселяетъ невольной ужасъ во многихъ, и бѣгство одного изъ боя влечетъ за собою толпу другихъ. — Не всѣмъ даруетъ природа способность встрѣчаться съ смертію, какъ съ товарищемъ, и смотрѣть на опасность, не смыкая очей. Вотъ для чего еще разъ объявляю, что всякій, нечувствующій въ себѣ необычайной смѣлости къ необычайному предпріятію, можетъ спокойно оставаться здѣсь. По переходѣ за Араксъ уже поздно будетъ думать о спасеніи. Слава или погибель ожидаютъ насъ на томъ берегу. Я поведу васъ прямо въ огонь и велю истребить всѣ средства къ переправѣ чрезъ рѣку! Напо-

«гимъ побужденіямъ, меня несправедливо осуж-«дающимъ, я могъ бы отвѣчать двумя словами «безсмертнаго Суворова, сказанными на замѣча-«нія одного иностраннаго писателя, приписывав-«шаго ошибки и сему великому Полководцу: «По-«бѣдителя не судять.» Но до-сихъ-поръ отвѣчалъ «молчаніемъ, нынѣ же вынужденный взяться за «перо въ защиту шпагъ и штыковъ, считаю себя «обязаннымъ сказать и на сію ядовитость нѣ-«сколько словъ. Да вспомнятъ, что дѣйствіе прои-«сходило въ 1812 году, когда Наполеонъ съ два-«десятьми языцъ былъ въ Россіи, и, по свѣдѣ-«ніямъ Аракса достигавшимъ, въ Москвѣ; что въ «Грузіи находилось весьма мало войскъ, разсѣян-«ныхъ на обширномъ пространствѣ Закавказскихъ «владѣній, и сикурса изъ Россіи получить не мог-«шихъ. Въ сіе то время Персіяне, собравъ боль-

---

минаю опять, что непріятели многочисленны и полководецъ ихъ Аббасъ-Мирза неустрашимъ и опытенъ. Теперь вы знаете, чтὸ должны преодолѣть и съ кѣмъ сразиться; а о томъ, кто поведетъ васъ въ сраженіе, молодые воины могутъ разспросить у старыхъ; въ ихъ глазахъ я выросъ, и у нихъ съ здѣшними народами воевать учился! Товарищи! я исполнилъ, чтὸ Богъ и честь повелѣваютъ: не утаилъ отъ васъ истины. Иду первый за Араксъ, и тѣхъ, которые послѣдуютъ за мною, поведу къ славнымъ успѣхамъ, или къ достойной храбрыхъ воиновъ,—смерти.

«шія силы, успѣли не только въ Мусульманскихъ «ханствахъ и Татарскихъ дистанціяхъ, соединенныхъ съ ними самою религіею, взволновать умы въ «свою пользу, но склонили на свою сторону Лезгинъ, «и даже въ самой Грузіи Кахетинцевъ, дѣйствуя на «нихъ посредствомъ царевича Александра. При «такихъ обстоятельствахъ открыты были переговоры о мирѣ, для коихъ Главнокомандующій въ «Грузіи, Генералъ-Лейтенантъ Ртищевъ прибылъ въ «Карабагъ съ небольшимъ отрядомъ войскъ. Непомѣрныя требованія Персіянъ ясно показали, «что они желаютъ и надѣются воспользоваться «нашимъ затруднительнымъ положеніемъ, и, по «невозможности удовлетворить ихъ, переговоры «скоро кончились. По прекращеніи оныхъ, я представлялъ Генералу Ртищеву, чтобы атаковать «Аббасъ-Мирзу, расположеннаго въ тридцати верстахъ отъ Аракса, и успѣхъ, по соединеніи отряда моего, съ отрядомъ прибывшимъ съ нимъ, «мнѣ казался вѣроятнѣе; но онъ объявилъ о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ изъ Тифлиса, что «царевичъ Александръ находится у Лезгинъ и собираетъ войска съ намѣреніемъ вступить въ Кахетію, коея жители готовы къ нему присоединиться, что на сіе согласны также Татары Казахской, Шамшадильской и Борчалинской дистанцій, и что по сему онъ считаетъ необходимымъ поспѣшить въ Тифлисъ, а меня оставить «для защиты и дѣйствій противу Аббасъ-Мирзы. «По отбытіи Генерала Ртищева съ отрядомъ сво-

«имъ, Аббасъ-Мирза пришелъ къ Араксу, и пер-
«вое намѣреніе его было атаковать меня, для
«чего и началъ переправу; но отмѣнивъ сіе на-
«мѣреніе, отправилъ 3,000 человѣкъ для возста-
«новленія бывшаго Шекинскаго Селимъ-Хана, из-
«мѣнившаго Россіи, но имѣвшаго преданнымъ все
«Шекинское владѣніе, и разослалъ сильные кон-
«ные разъѣзды въ разныя мѣста. Изъ отмѣны
«перваго намѣренія Аббасъ-Мирзы я могъ видѣть
«что онъ меня уже не атакуетъ, а долженъ былъ
«заключить, что у него есть важнѣйшія предпо-
«ложенія, на которыя особливо указывало отправ-
«леніе отряда къ Селимъ-Хану подъ начальствомъ
«сардаря Пиръ-Кули-Хана, который всегда ко-
«мандовалъ авангардомъ Аббасъ-Мирзы. Онъ могъ,
«оставя противу меня четыре, или пять тысячъ,
«съ прочими войсками идти въ слѣдъ за послан-
«нымъ отрядомъ, въ чемъ воспрепятствовать ему
«было нельзя, пройти чрезъ Шекинское владѣніе,
«соединиться съ царевичемъ Александромъ и Лез-
«гинами, и вступить въ Грузію со стороны Кахетіи,
«а присоединивъ къ себѣ Кахетинцевъ и Грузин-
«скихъ Татаръ, слѣдовать къ Тифлису, гдѣ Гене-
«ралъ Ртищевъ не имѣлъ столько войскъ, чтобы
«противостать сильной громадѣ враговъ внѣшнихъ
«и внутреннихъ, и удержать за собой большой и
«неукрѣпленный городъ. Вредныя слѣдствія сего
«были бы неисчислимы. По соображеніи сихъ
«обстоятельствъ съ причинами, въ книгѣ опи-
«санными, относящимися собственно моего от-

«ряда и защиты границъ, мнѣ порученныхъ, ко-
«торыя сами по себѣ довольно убѣдительны,
«управляемый любовію къ Отечеству, а не тѣмъ,
«чтобъ быть только правымъ по кабинетнымъ и
«книжнымъ расчетамъ, и увѣренный въ храбро-
«сти отряда, я рѣшился на необычайное пред-
«пріятіе, увѣнчанное столь же необычайнымъ у-
«спѣхомъ, предпріятіе, которымъ въ два удара
«совершенно уничтоженъ врагъ сильный и страш-
«ный въ тогдашнемъ положеніи края. Грузія спа-
«сена отъ великихъ бѣдствій, ей угрожавшихъ, и
«во всѣхъ Закавказскихъ владѣніяхъ водворено
«спокойствіе. Но что я зналъ всю важность пред-
«пріемлемаго мною и рѣшился на то не по слѣпой
«дерзости, въ томъ можетъ свидѣтельствовать
«послѣднее письмо къ Генералу Ртищеву, писан-
«ное предъ выступленіемъ и заключавшееся сими
«словами: «Сколь ни отважнымъ кажется пред-
«пріятіе мое, но польза, честь и слава Отечества
«того требуютъ, и я надѣюсь на помощь Бога,
«всегда поборающаго Россійскому оружію, и на
«храбрость ввѣреннаго мнѣ отряда, что если оста-
«нусь живъ, непріятель будетъ разбитъ, если же
«меня убьютъ, Ваше Превосходительство найдете
«распоряженія мои такими, по коимъ и послѣ
«смерти обвинить меня не можете.» Послѣ сего
«надѣюсь, что и самые строгіе взыскатели, пре-
«подающіе правила войны въ кабинетахъ своихъ,
«и забывающіе о главномъ правилѣ великаго учи-
«теля побѣждать, никѣмъ непобѣдимаго Суворо-

«рова, «что военной наукѣ должно учиться на «войнѣ», станутъ смотрѣть на рѣшимость мою съ «настоящей точки зрѣнія, а не косвенно.

«О Талышинской экспедиціи, въ 300-мъ № «Русскаго Инвалида» за Асландузскимъ сраженіемъ «сказано: «Вскорѣ послѣ сего, десятитысячный «отрядъ вторгся въ Талышинское Ханство, и из-«гналъ изъ онаго преданнаго Россіи владѣльца, «Миръ-Мустафу-Хана, устремился раззорять оное «и разрушивъ главный городъ Ленкорань, по-«строилъ на берегу Каспійскаго моря, подъ тѣмъ «же названіемъ Ленкорань, новую крѣпость». Не «вскорѣ послѣ сего, какъ сказано, но за пять «мѣсяцовъ до того Персіяне вторглись въ Талы-«шинское Ханство, къ чему причины со стороны «ихъ были слѣдующія: Талышинское владѣніе на-«ходилось въ покровительствѣ Россіи еще со вре-«менъ Императрицы Екатерины Великой и почи-«талось важнымъ для насъ пунктомъ, особливо «же для нашей Каспійской флотиліи; Персіяне счи-«тали его не менѣе важнымъ для себя, и всѣми «мѣрами старались преклонить Миръ-Мустафу-«Хана въ себѣ. Сей, какъ тонкій политикъ, въ «продолженіе многихъ лѣтъ отдѣлывался увѣрені-«емъ въ покорности и преданности, ласкатель-«ствомъ и подарками; наконецъ, въ 1812 году, «потребовали отъ него, чтобы принялъ войска «Персидскія, и когда онъ отказался, то вторг-«лись силою, заняли все Ханство, и его отѣсни-«ли на косѣ Гямушаванъ; между тѣмъ, въ по-

«мощь ему, подоспѣла наша флотилія, подъ ко-
«мандою капитана 1-го ранга Веселаго, съ де-
«сантомъ, въ одномъ слабомъ Каспійскомъ мор-
«скомъ баталіонѣ состоявшимъ, который и вы-
«саженъ былъ. Подъ его защитою, Ханъ съ се-
«мействомъ своимъ и съ малымъ числомъ пре-
«данныхъ, находясь въ Гямушаванѣ, безпрестан-
«но просилъ Главнокомандовавшаго Генерала Рти-
«щева о спасеніи его и Ханства отъ Персіянъ,
«но, по тогдашнимъ трудымъ обстоятельствамъ,
«Ртищевъ не могъ болѣе сдѣлать, какъ только
«послать въ подкрѣпленіе еще двѣ роты. Надоб-
»но замѣтить, что, по тогдашнему комплекту и
«состоянію войскъ, самое большое число въ ро-
«тѣ выходило подъ ружье не болѣе ста человѣкъ
«да и симъ пользовались одни гренадерскіе пол-
«ки, прочіе не имѣли и такого числа. Такъ про-
«шли лѣто и осень. Персіяне владѣли Ханствомъ
«и выстроили новую крѣпость, а Миръ-Мустафа-
«Ханъ оставался въ Гямушаванѣ подъ защитою
«малаго отряда нашего. Но когда, послѣ Асланд-
«узской побѣды, дѣла наши приняли другой видъ,
«то Генералъ Ртищевъ предписалъ мнѣ, взявъ изъ
«отряда моего столько войскъ, сколько признаю
«возможнымъ, слѣдовать въ Талышинское владѣ-
«ніе, освободить оное отъ Персіянъ и возстано-
«вить Миръ-Мустафу-Хана. Посему, за оставле-
«ніемъ въ Карабагѣ необходимо-нужнаго числа,
«я могъ взять 1,500 чел. пѣхоты и конницы съ
«шестью орудіями. Дѣйствія, по выступленіи мо-

«омъ, описаны справедливо и я приступаю къ «окончанію поясненій о штурмѣ Ленкорана, ко- «торымъ окончилась экспедиція въ Талышѣ. Хан- «ство Талышинское освобождено отъ Персіянъ, а «Миръ-Мустафа-Ханъ возстановленъ въ своемъ «достоинствѣ и правахъ.

«Достопамятный штурмъ сей, въ которомъ не- «обыкновенное мужество, однимъ Россіанамъ «свойственное, преодолѣло упорнѣйшую оборону «гарнизона, втрое многолюднѣйшаго противу штур- «мовавшихъ, составленнаго не изъ обывателей, «но изъ лучшихъ непріятельскихъ войскъ, подъ «предводительствомъ извѣстнаго храбростью сар- «дара Садыхъ-Хана, имѣвшаго повелѣніе Аббасъ- «Мирзы защищать крѣпость до послѣдняго чело- «вѣка, и исполнившаго сіе съ честью, храброму «воину приличною, заслуживаетъ быть описан- «нымъ если не съ подробностью, которой въ «штурмахъ и требовать нельзя, то съ вѣрностью «и ясностью; но въ описаніи онаго не показано: «1-е) число штурмовавшихъ войскъ; 2-е) умол- «чано о раненыхъ при штурмѣ и 3-е) самый «день штурма не тотъ, въ который происходилъ «и вмѣсто 31 декабря 1812 года, означенъ 1-го «января 1813 года. Для поясненія сего долженъ «сказать, что въ отрядѣ, прибывшемъ со мною «изъ Карабага за оставленіемъ въ Аркеванѣ, со- «стояло 1,200 человѣкъ, да въ Гямушаванскомъ, «соединившемся со мною до 500 человѣкъ, изъ «коихъ на штурмѣ было: въ первой колоннѣ,

«подъ командою Подполковника Ушакова, шесть «ротъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, 600 «человѣкъ; во второй, подъ командою Маiора «Повалишина 350 человѣкъ, Троицкаго Пѣхотна-«го и Морскаго Каспiйскаго баталiоновъ; въ тре-«тьей подъ командою маiора Терешкевича 350 «человѣкъ Грузинскаго Гренадерскаго и 17-го «Егерскаго (нынѣ Эриванскаго Карабинернаго). «Одна рота Грузинскаго Гренадерскаго полка «отдѣлена была для фальшивыхъ атакъ, и съ сею «ротою всѣхъ штурмовавшихъ было 1,400 чело-«вѣкъ, которые взяли крѣпость, весьма крѣпкую, «у четырехъ тысячь войскъ ее защищавшихъ, «упорная оборона коихъ была такая жестокая «что бо́льшая часть положили животъ свой на «мѣстѣ, съ ихъ знаменитымъ Предводителемъ и «другими начальниками, а остальные побиты и «потоплены въ рѣкѣ; изъ штурмовавшихъ же «убито и ранено болѣе 900 человѣкъ, такъ что «едва третья часть здоровыхъ торжествовали по-«бѣду, столько славную для Россiйскаго оружiя, «сколько ужасную для враговъ.

«Здѣсь мнѣ опять должно оправдывать себя «предъ соотечественниками моими. Въ 306 № «Русскаго Инвалида» въ заключенiе выписки изъ «книги, «Подвиги Русскихъ воиновъ въ странахъ «Кавказскихъ», о Ленкоранскомъ штурмѣ сказано «обо мнѣ, что я, въ благородныхъ порывахъ «личной храбрости, израненъ; а въ военномъ »журналѣ, откудова большею частью издатель кни-

«почерпнулъ всѣ свѣдѣнія: «Генералъ сей, нехо-
«тѣвшій умѣрить порыва личной храбрости, по-
«крытъ былъ тяжкими ранами». Хотя порывы лич-
«ной храбрости въ военномъ человѣкѣ всегда
«благородны, но въ Генералѣ они должны управ-
«ляться благоразуміемъ. Сказать о Генералѣ: не-
«хотѣвшій умѣрить порыва личной храбрости все
«равно, какъ и сказать: неумѣвшій, а сіе то же
«что неумѣвшій управлять собою и, слѣдовательно,
«неспособный командовать другими; ибо такой
«Генералъ безразсудною храбростью можетъ во-
«влечь въ погибель войска, ему ввѣренныя. По
«сей логикѣ мнѣ предоставлено гг. сочинителями
«быть только храбрымъ гренадеромъ того полка
«въ коемъ я, при взятіи Ленкорана, имѣлъ счастіе
«носить имя Шефа.

«Это заставляетъ меня преступить предѣлы
«скромности и сказать то, о чемъ никогда не
«говорилъ и не хотѣлъ говорить. Всякому воен-
«ному человѣку извѣстно, что командующій Гене-
«ралъ не долженъ находиться лично на штурмѣ,
«и ежелибъ я, по выраженію о мнѣ, былъ толь-
«ко» нехотѣвшій умѣрить порыва личной храбро-
«сти», то справедливо заслужилъ бы названіе дерз-
«скаго храбреца, необыкновенный штурмъ не могъ
«кончиться съ успѣхомъ, при соблюденіи обык-
«новенныхъ правилъ. Происходило такъ: предъ
«наступленіемъ штурма, когда устроились колон-
«ны, я былъ въ каждой изъ нихъ, сказалъ все,
«что могъ и какъ умѣлъ къ воспламененію духа;

«объявилъ, что отступленія не будетъ и что намъ «должно взять крѣпость, или умереть; видѣлъ «готовность на сіе и, приказавъ выступить въ «пять часовъ, остался на ближней батареѣ. Же«сточайшій огонь, довольно долго продолжавшій«ся, показалъ упорство защиты; но я все надѣял«ся, что храбрость преодолѣетъ, какъ получилъ «рапортъ, что командовавшій оною Подполковникъ «Ушаковъ убитъ, многіе офицеры также убиты «и колонна остановилась во рвѣ неподвижною. «Тутъ уже не время было оставаться мнѣ зри«телемъ ужаса и соблюдать правила для того, «чтобы не взять крѣпость; я пошелъ, принялъ «лично команду надъ первою колонною, и едва «успѣлъ воспламенить духъ и увидѣть храбрыхъ «гренадеръ, полетѣвшихъ на лѣстницы, какъ пора«женъ былъ тремя пулями, изъ коихъ од«ною въ голову, и отнесенъ за-мертво. Но дѣло «сдѣлано: храбрѣйшіе изъ храбрыхъ водрузили «знамя побѣды на стѣнахъ Ленкорана. Симъ «штурмомъ достойно запечатлѣнъ 1812-й годъ, «и какъ при воспоминаніи сего незабвеннаго для «Россіи года всякій Россіянинъ возвысится духомъ, так при имени Ленкорана Персіянинъ «вздрогнетъ и преклонитъ колѣно славѣ Русской.

«Объяснивъ все, что считалъ нужнымъ, дабы «дать вѣрное свѣдѣніе о дѣлахъ, въ коихъ я «былъ столь счастливъ, какъ сдѣлался несчаст«ливъ тяжкими и продолжительными страданіями, «я прошу соотечественниковъ моихъ не вмѣнить

«мнѣ сего въ желаніе выказать себя; двадцати-
«трехлѣтнее молчаніе да послужитъ доказатель-
«ствомъ противнаго и да увѣритъ, что и теперь
«принялся за перо единственно для того, чтобъ
«исполнить долгъ, налагаемый на меня девизомъ:
«чести моей и сподвижниковъ моихъ никому ни
«отдамъ». Управляясь симъ девизомъ, я позво-
«ляю себѣ одно желаніе: чтобы соотечественники
«мои были ко мнѣ и сподвижникамъ моимъ столь-
«ко справедливы, сколько народы чуждые и са-
«мые враги побѣжденные. Подвиги во славу Оте-
«чества должны оцѣниваться по достоинствамъ
«ихъ, а не по частямъ свѣта, въ коихъ прохо-
«дили. Кровь Русская пролитая въ Азіи, на
«берегахъ Аракса и Каспія, не менѣе драгоцѣн-
«на пролитой въ Европѣ на берегахъ Москвы и
«Сены. Пулли Галловъ и Персовъ причиняютъ
«одинакія страданія. Не наша воля лишила насъ
«счастія участвовать въ священной войнѣ, и дѣй-
«ствовать въ защиту Отечества внутри онаго; мы
«исполняли долгъ служить тамъ, гдѣ Государю
«угодно и, сражаясь въ отдаленномъ краю, на
«землѣ Персидской, не посрамили Земли Русскія.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашимъ

Покорнѣйшимъ слугою

Петръ Котляревскій.

Декабря 31 дня 1835 года.

Александрово.

Его Высокородію

А. Ѳ. Воейкову».

Другое письмо Воейкову Котляревскій написалъ въ 1836 году, думая, что въ статьѣ о взятіи Ахалкалакъ недостаточно оцѣнены подвиги Гренадерскаго Полка. Письмо это заключалось въ слѣдующемъ:

«Въ 95-мъ №» Русскаго Инвалида», на сей «годъ издаваемаго, помѣщена статья о взятіи при«ступомъ Ахалкалакской крѣпости, въ 1811 году. «Для славы довольно и того, что два батальона «храбрыхъ Русскихъ гренадеръ, преодолѣвъ му«жественно ужасный холодъ, вьюги и метели, пе«решли снѣговыя горы въ такое время года, ког«да и птицы тамъ не летаютъ, имѣя съ собою «только сухари и складныя лѣстницы, везенныя «на вьюкахъ, явились предъ крѣпостью съ му«жествомъ въ груди и штыкомъ въ рукѣ, и взявъ «штурмомъ не взирая на упорную оборону; но «для награды, которую Грузинскій Гренадерскій

«Полкъ удостоился получить за сей геройскій «подвигъ, должны быть извѣстны предшествовав«шія обстоятельства, и я считаю долгомъ сооб«щить о нихъ; крѣпость Ахалкалаки 1807 года, «мая съ 8-го на 9-е, была штурмована корпу«сомъ войскъ нашихъ подъ начальствомъ Главно«командовавшаго тогда въ Грузіи, Генерала-отъ«Инфантеріи Графа Гудовича, вскорѣ произведен«наго, за побѣду надъ Турками при рѣчкѣ Арпа«чай, въ Генералъ-Фельдмаршалы; штурмъ про«должался пять часовъ и былъ отбитъ съ вели«кимъ съ нашей стороны урономъ. Въ числѣ «штурмовавшихъ войскъ находились и два ба«тальона Грузинскаго Гренадерскаго Полка, при«нужденные съ прочими также отступить; но въ «1811 году декабря съ 27-го на 8-е два баталь«она того же полка, въ которыхъ подъ ружьемъ «было не болѣе 1,000 человѣкъ, взяли ту же «крѣпость, отъ которой отбитъ цѣлый корпусъ, «и показали, что мужеству Русскихъ нѣтъ ничего «невозможнаго; вотъ почему Всемилостивѣйшій «Государь Императоръ, соизволилъ наградить полкъ «Георгіевскими знаменами съ надписью: «за взятіе «Ахалкалакъ»; награда лестная и достойно заслу«женная.

«Для чести храбраго полка, всегда и во всѣхъ «бояхъ подвизавшагося къ славѣ Россійскаго ору«жія, прошу Васъ, Милостивый Государь, помѣ«стить сіе дополненіе, къ статьѣ въ 95-мъ № «напечатанной»

Этими двумя письмами ограничилось всё, что герой первой персидской войны сказалъ о себѣ въ теченіе 39-ти лѣтъ мучительнаго отшельничества, и то не изъ суетнаго тщеславія, а для защиты истины и своихъ товарищей.

Впрочемъ, ни записокъ ни даже бумагъ, онъ не сохранялъ, и о себѣ не думалъ.

Извѣстные лѣтописцы нашей военной славы А. И. Михайловскій-Данилевскій, баронъ В. И. Зеддедеръ, и А. В. Висковатовъ тщетно обращались къ нему, доискиваясь драгоцѣнныхъ для исторіи свѣдѣній. Котляревскій отзывался на всѣ ихъ требованія, «что никакихъ бумагъ у него не сохранилось; что память его ослабѣла, что къ тому же, важныя препятствія не позволяли ему согласиться на составленіе его жизнеописанія, въ которое должны были бы войдти горькія истины, касающіяся лица, память котораго для него священна (*), а что безъ того оно не могло-бы быть полнымъ» «Долгъ благодарности (писалъ «онъ къ А. В. Висковатову) налагаетъ на меня «молчаніе, и я сохраню долгъ сей до гроба; не «вините меня, я увѣренъ что всякій на мѣстѣ «моемъ точно такъ же поступилъ бы, а впро-«чемъ, я такого имѣнія, что біографія моя ни-«когда не выйдетъ, отъ этого потери не будетъ. «Одно вѣрное описаніе дѣлъ, въ которыхъ я былъ

(*) Вѣроятно Ртищева.

«такъ счастливъ, можетъ принести нѣкоторую «пользу молодымъ людямъ, военной службѣ себя «посвящающимъ.»

Не служатъ ли эти скромныя строки, исполненныя рѣдкаго благородства, указаніемъ на то, что можетъ и должна быть біографія Котляревскаго? Тревожная личность, самодовольно и хвастливо провозглашающая о своихъ подвигахъ и повѣщающая всѣмъ и каждому о своихъ впечатлѣніяхъ, вовсе несвойственна кроткому, смиренному и нѣсколько безпечному духу русскаго человѣка. Какъ истинно-русскій, какъ мужъ души твердой и возвышенной, Котляревскій чувствовалъ, что не ему о себѣ напоминать. Да и что̀ говорить объ одномъ лицѣ? Пускай дѣйствія говорятъ сами за себя; пускай юное поколѣніе извлекаетъ поученья не изъ словъ его, не изъ его воззрѣній, а изъ самыхъ подвиговъ русскаго оружія.

Высокая смиреньемъ своимъ мысль, въ которой отзывалась какъ-бы завѣщательная воля храбраго воина, служила руководствомъ при составленіи настоящаго труда.

Но, очертивъ, такъ сказать, наружную сторону жизни его, мы должны заглянуть въ частный, домашній, внутренній бытъ самаго человѣка. Этимъ можетъ только дополниться, по-возможности, это совѣстливое, хотя далеко-недостаточное, изображеніе его безпримѣрнаго существованія.

Петръ Степановичъ былъ высокаго роста, необыкновенно-крѣпкаго тѣлосложенія, 39 лѣтъ боровшагося съ мучительными пытками, имѣлъ волосы черные, глаза сѣрые. До ленкоранскаго штурма онъ былъ видный мужчина, ловкій наѣздникъ; но всегда былъ молчаливъ и застѣнчивъ, всегда чуждался женскаго общества и въ то же время, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, никогда не участвовалъ въ разгульныхъ пирушкахъ. Онъ всегда оказывалъ отвращеніе къ разгулу молодёжи, и въ этомъ тоже служилъ примѣромъ многимъ товарищамъ, которыхъ причисляли къ такъ-названной школѣ Котляревскаго. Благодаря его вліянію, подчиненные офицеры отличались не только совершеннымъ знаніемъ фрунтовой службы, но и рѣдкой воздержностью, не всегда совмѣстною съ тогдашнею бивачною жизнью.

Вмѣстѣ съ полученными ранами и наружность Петра Степановича измѣнилась. Онъ окривѣлъ на правый глазъ, ротъ его тоже скривился, сѣдина начала мѣстами серебрить волосы, но совершенно сѣдымъ онъ никогда не былъ. Онъ сдѣлался чрезвычайно сухощавъ, угрюмость его еще усилилась и, какъ сказано выше, онъ жилъ молчаливо, безъ улыбки на лицѣ, безъ жалобы на устахъ ([2]).

Въ 1838 году онъ купилъ у бывшаго ѳеодосійскаго градоначальника Броневскаго, близъ самой Ѳеодосіи на взморьѣ, прекрасную мызу, названимъ «Добрый Пріютъ». Онъ побудился къ перемѣнѣ жительства тѣмъ, что въ 1837 году имѣлъ

несчастіе лишиться родной любимой племянницы, выданной имъ за майора Шультена, и оставившей ему на попеченіе двухъ дѣтей. Эта утрата его чрезвычайно огорчила и онъ рѣшился оставить бахмутское имѣніе, что̀ имѣло для него самыя благодѣтельныя послѣдствія. Морской воздухъ возстановилъ нѣсколько его силы: онъ и зимой могъ выходить изъ комнаты; къ тому же и домашній его кругъ скоро оживился: къ нему переселились въ разныя времена его двоюродныя племянницы, утѣшившія своимъ присутствіемъ послѣдніе его дни. Кромѣ этой живой бесѣды, Петръ Степановичъ окружилъ себя книгами, воспоминаніями и изображеніями, дорогими его сердцу. Комната его украсилась портретами всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, фельдмаршаловъ Шереметева, Голицина, Суворова, Барклая, гр. Румянцова, нѣсколькими рѣдкими гравюрами, представлявшими полтавскую битву, отъѣздъ Суворова, молебенъ 1814 года въ Парижѣ, переходъ черезъ Нѣманъ, смерть и погребеніе Кутузова; дополнялось это собраніе, показывая о чемъ любилъ думать, на что̀ любилъ глядѣть изувѣченный старецъ; тутъ, посреди напоминаній о нашей силѣ и народной гордости, доживалъ онъ вѣкъ свой, забывъ, что онъ самъ живой остатокъ славной эпохи.

Петръ Степановичъ вставалъ лѣтомъ въ пять часовъ, зимой, когда начинало свѣтать, и тотчасъ одѣвался. Халата онъ не имѣлъ, не позво-

ляя себѣ нажиться при самыхъ мучительныхъ страданіяхъ. Надѣвалъ онъ обыкновенно скромный сѣрый сюртукъ, безъ всякихъ знаковъ отличія, и, когда могъ, ходилъ по хозяйству Ходилъ онъ чрезвычайно быстро и всегда прямо къ цѣли, такъ что молодыя племянницы не могли иногда за нимъ поспѣвать. Обѣдалъ онъ въ первомъ часу, послѣ чего немного отдыхалъ. Остальное время дня онъ проводилъ въ чтеніи книгъ, или газетъ, и заставлялъ читать себѣ вслухъ. Вечеромъ проходилъ въ домашнемъ кругу, среди племянницъ и навѣщавшихъ иногда дядю двоюродныхъ племянниковъ (³). За три года передъ смертью Петръ Степановичъ лишился своего друга, сослуживца и племянника Шультена; но, какъ бы въ-замѣнъ этой утраты, къ нему пріѣхалъ другой его сослуживецъ генерал - лейтенантъ П. А. Ладинскій, оставившій Кавказъ, гдѣ въ последнее время былъ управляющимъ гражданскою частью. Движимый единственно чувствомъ 47-ми лѣтней дружбы онъ переселился въ сосѣдство Котляревскаго и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ.

Котляревскій былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ дружба дорого цѣнится, потому-что они никогда не забываютъ одолженій, не измѣняютъ своему слову. Всѣ, знавшіе его, отзываются, что его нельзя было не любить, потому-что несмотря на его наружную суровость, душа его и дѣйствія были проникнуты любовью къ человѣчеству.

Въ особенности отличительнымъ признакомъ его характера была признательность. Мысль о неблагодарности смущала его какъ злѣйшее преступленіе. Такъ въ теченіе цѣлой жизни онъ молчалъ о себѣ изъ благодарности къ человѣку, оказавшему ему услугу; такъ (что мы увидимъ впослѣдствіи) при послѣднемъ дыханьѣ, онъ думалъ не о смерти, а о томъ, что останется неблагодарнымъ. Помощь, оказанная ему нѣкогда подъ Ганжою молодымъ графомъ Воронцовымъ, глубоко врѣзалась въ его память. Она послужила началомъ тому чувству уваженія и преданности, которое Котляревскій всегда хранилъ къ настоящему кавказскому намѣстнику. Чувство это свидѣтельствуется многими письмами, изъ которыхъ намъ позволено представить нѣсколько извлеченій.

Въ этихъ письмахъ Котляревскій не является на судъ публики какъ въ письмахъ къ Воейкову, отзывающихся нѣсколько его первоначальнымъ риторическимъ образованіемъ. Тутъ онъ весь какъ былъ. Чистая, непритворная его душа проглядываетъ въ каждой строкѣ. Тутъ видна любовь его и къ родинѣ, и къ Кавказу, и къ людямъ, и скромная простота его жизни, и юношеская радость при вѣсти о добромъ дѣлѣ; тутъ упоминается даже объ его страшныхъ страданіяхъ, о головѣ его, которая будто раздувается и наполняется гуломъ, но въ особенности тутъ замѣтны упорность въ убѣжденіяхъ, готовность помочь

ближнему, и всегдашняя признательность незабывчиваго сердца.

Котляревскій не оставилъ записокъ, но письма человѣка не лучшія ли его записки?

Мы увѣрены, читатели раздѣлятъ наше убѣжденіе, что каждая строка его драгоцѣнна, и посѣтуютъ только на то, что прилагаемыя извлеченія слишкомъ кратки.

1845 *г.* 21 *янв. Θеод.*

« Зная, что въ Петербургѣ будетъ много просящихъ Васъ о назначеніи къ Вамъ въ адъютанты сыновей, племянниковъ и внуковъ, я не хотѣлъ бы безпокоить Васъ о томъ же; но просьба моя не о моемъ сынѣ, племянникѣ и внукѣ, а о постороннемъ, достойномъ служить при Васъ, и потому рѣшаюсь приступить къ ней». (Затѣмъ слѣдуетъ ходатайство о бѣдномъ молодомъ офицерѣ, заключающееся слѣдующими словами:) «Ручаюсь Вамъ, что онъ будетъ адъютантомъ не только для паркета, но куда хотите, туда и употребите, а такіе Вамъ на Кавказѣ нужны».

1845 *г.* 27 *іюня Александрово. Соб. ручно и др. рук.*

«Теперь только получилъ я письмо Ваше, изъ лагеря близъ Анди писанное. Благодарю Васъ душевно за сообщеніе объ успѣхахъ Вашихъ. Читая объ нихъ прежде въ «Инвалидѣ» и потомъ въ приказѣ, Вами отданномъ, доставленномъ мнѣ Ладинскимъ, я только радовался Вашими блестя-

щими дѣлами, коими Вы порадовали и Царя, отца нашего, и мать Россію. Поздравляю Васъ, всей душой уважаемый и любимый графъ Михаилъ Семеновичъ, съ добрымъ началомъ, и желаю такого же конца, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Съ Вами храбрые Кавказскіе воины сдѣлаютъ чудеса, а безъ довѣрія и любви ничего сдѣлать нельзя. Слѣдовательно сіе Вамъ принадлежитъ и со мной одинаково мыслитъ всякій Русскій. Вамъ Россія будетъ обязана и славою оружія, въ послѣднее время полученною, и благоденствіемъ Кавказскаго Края. Говорю это не изъ лести; думаю Вамъ извѣстно, что ни языкъ, ни рука моя ею никогда не управлялись; говорю отъ сердца, какъ чувствую и какъ постигаю дѣла и людей. . . . Руки мои отъ слабости чрезвычайно трясутся.»

1845 *г.* 25 *Авг. Александрово. С. р.*

«Бѣдная вдова М. проситъ моего ходатайства у Васъ, и я не могъ отказать въ просьбѣ ея. . . Обяжите къ благодарности ее и душевно Вамъ преданнаго.»

Того же числа С. р.

«Съ радостью прочиталъ я въ «Инвалидѣ» и съ восхищеніемъ поздравляю Васъ съ возведеніемъ въ Княжеское достоинство. Хвала и благодарность Монарху, воздающему достойное достойному. Увѣренъ я, что одинаково со мной мыслитъ всякій Русскій, умѣющій цѣнить дѣла

Ваши. Для меня же, кромѣ сего, пріятно быть увѣреннымъ, что Васъ никакія возвышенія не измѣнятъ и что Вы останетесь тѣмъ же добрѣйшимъ Михайломъ Семеновичемъ, какимъ были, и не перестанете любить людей, коихъ любили, и въ числѣ ихъ меня, преданнѣйшаго Вамъ всей душой.... Хотѣлъ бы писать и больше, но рука моя отказывается служить, а все радъ, что хотя въ немногихъ словахъ могъ излить чувства мои.»

1846 *г.* 13 *Янв. Алекс.*

«Душевно обрадовало меня письмо Ваше, отъ 18 декабря. Долго не получая, я сокрушался о томъ, но не относилъ молчанія Вашего ни къ чему другому, какъ только къ чрезвычайнымъ хлопотамъ и занятіямъ, Васъ обременяющимъ, въ чемъ и не ошибся...... Поговоря съ Вами о настоящемъ, обращусь говорить о прошедшемъ. Давно, и гораздо прежде назначенія Вашего Главнокомандующимъ, хотѣлъ я передать Вамъ бумагу мою съ отвѣтомъ на нее, дабы Вы видѣли, что все, зависящее отъ меня, мною сдѣлано.—По назначеніи же Вашемъ, я медлилъ посылать Вамъ бумагу и сообщить мысль мою, для того, чтобъ не мѣшать Вамъ въ Вашихъ важныхъ занятіяхъ; теперь рѣшился препроводить ее и сказать мнѣніе мое. Мнѣ кажется достойно и правдиво воздвигнуть на главной площади въ Тифлисѣ памятникъ въ видѣ четырех-

гранной пирамиды съ слѣдующей надписью на лицевой сторонѣ: «Россійскимъ войскамъ первой Персидской войны, начавшейся въ 1802 году и кончившейся въ 1813 году, малымъ числомъ принесшимъ много пользы Отечеству». На противной сторонѣ: «воздвигнутъ памятникъ сей въ Царствованіе Императора Николая I-го, при Главнокомандующемъ Князѣ Воронцовѣ 18.. года « » числа.» На правой сторонѣ имена Генераловъ, въ продолженіе войны служившихъ; по лѣвой полковъ дѣйствовавшихъ, тѣ, которыя носили во время войны, а не тѣ, въ которые переименованы послѣ, а также и имена артиллерійскихъ бригадъ. И Генераловъ и полковъ немного было, слѣдовательно и достаточно мѣста для нихъ будетъ. Если мысль моя Вамъ понравится, то Вы можете представить; отказа, вѣрно, не будетъ, послѣ того, что повелѣно ставить памятники на мѣстахъ сраженій 1812 года, каковые и поставлены, кромѣ Бородинскаго, въ Маломъ Ярославцѣ, Смоленскѣ и Красномъ, тѣмъ справедливѣе поставить за такую многолѣтнюю войну. Начало войны я написалъ въ 1802 году, потому что въ томъ году было небольшое сраженіе въ Бомбакахъ съ отрядомъ Персидскихъ войскъ, присланныхъ Эриванскимъ Ханомъ, для прикрытія Бомбакскихъ Агаларовъ, хотѣвшихъ къ нему перейдти, настоящая же война открылась походомъ Ганжинскимъ. Какъ правильнѣе считать, Вы сами назначьте. Не скрою предъ Вами, что

мнѣ приходила иногда мысль; не можетъ ли кто, незнающій меня, читая правду мою, заключить, что я, писавъ сіе, хотѣлъ что-нибудь для себя, и эта мысль всегда меня огорчала; но Вы меня знаете, Вамъ открыта душа моя, и потому не усомнитесь, что ни тогда, ни теперь ничего себѣ ни желалъ и не желаю. Для меня довольно воспоминаній, что я служилъ Отечеству сколько могъ, и въ краѣ, гдѣ былъ счастливъ, не оставилъ дурной памяти ни между своими, ни между чуждыми народами. Это услаждаетъ остатокъ жизни моей... О себѣ Вамъ доложу, что нынѣшняя зима здѣсь для меня лучше прежнихъ, но все далеко хуже Ѳеодосійской, и одна крайность могла заставить меня зимовать тутъ, чего надѣюсь впередъ избавиться навсегда, и быть постояннымъ Крымскимъ жителемъ.»

1846 *г.* 22 *іюн. Ѳеодосія.*

«Г. N. N. имѣлъ несчастіе видѣть сына своего совратившагося съ поля чести и, по строгости правилъ, просилъ самъ о наказаніи его. Нынѣ, видя раскаяніе молодаго человѣка, довольно уже за вину свою наказаннаго, сожалѣя о немъ какъ отецъ, проситъ о помилованіи его. Принимая участіе въ старомъ моемъ добромъ сослуживцѣ и скорбномъ отцѣ, представляю записку о блудномъ сынѣ, и прошу Васъ, сдѣлайте милость обратите на него вниманіе Ваше, и буде онъ окажется достойнымъ, испросите ему офицерскій

чинъ, чѣмъ доставите утѣшеніе престарѣлому родителю и обяжите благодарностью человѣка душевно Вамъ преданнаго....... Черезъ нѣсколько дней ѣду къ грязямъ для пользованія страждущаго внука моего.....»

1846 *г.* 19 *окт. Добр. Пріютъ дикт.*

«Я получилъ письмо отъ вдовы покойнаго Мустафы-Хана Ширванскаго, и не имѣю довольно словъ выразить чувства моей благодарности за уваженіе просьбы и покровительство сыновьямъ его...... Здоровье мое попрежнему, но рука болѣе трясется, и не позволяетъ уже водить перомъ.»

1847 *г.* 23 *мая Алекс. дикт.*

«Душевно благодарю Васъ за скорое сообщеніе извѣстія о прекрасномъ дѣлѣ храбраго Слѣпцова, Я всегда радуюсь всѣмъ Вашимъ успѣхамъ и восхищаюсь, что слово неудача изъ военнаго Кавказскаго Лексикона вычеркнуто. Мнѣ пріятно было видѣть, что въ послѣднемъ дѣлѣ участвовалъ батальонъ Грузинскаго Гренадерскаго Полка, но жаль, что моимъ старымъ товарищамъ не досталось хорошенько поработать штыками, о чемъ они бѣдняжки вѣрно давно сожалѣютъ. Что до проклятаго Шамиля, то, когда уже по великой его осторожности нельзя разбить и истребить его вовсе, система Ваша, не давать ему нигдѣ успѣха и вездѣ наказывать порывы его, есть наилучшая и ведетъ хотя тихими, но вѣрными шагами

къ водворенію спокойствія........ Давно, и не одинъ разъ, просилъ я Васъ о старомъ Суворовскомъ ветеранѣ ....» и проч.

1848 *г.* 31 *января Добр. Пріютъ.*

«Въ ожиданіи Петра Антоновича я медлилъ писать Вамъ, а вмѣстѣ повторить Вамъ душевную мою благодарность за исходатайствованіе ему отставки съ хорошимъ пенсіономъ..... я знаю его какъ себя, и даже болѣе какъ себя потому, что человѣкъ въ самомъ себѣ не видитъ иногда недостатковъ. Онъ далекъ двуличія и двуязычія.... Если же злая и гнусная клевета коснулась слуха Вашего, то Богъ да судитъ клеветниковъ, а они не помѣшаютъ ему сохранить чувство благодарности въ душѣ своей во всю жизнь...... Зима у насъ необыкновенно жестокая и, по недостатку корма отъ неурожая, въ прошломъ лѣтѣ хлѣба и травы, для хозяевъ невыгодна.»

1848 *г.* 29 *фев. Добр. Пріютъ.*

«...Жаль очень, ежели жестокость зимы принесла вредъ за Кавказомъ; здѣсь тоже въ Мелитопольскомъ и Перекопскомъ Уѣздахъ скотъ и особливо овцеводство пострадали отъ большихъ и продолжительныхъ метелей. О намѣреніи Вашемъ поставить маленькой памятникъ при Ганжѣ и въ Ленкоранѣ, не увлекаясь честолюбіемъ, скажу Вамъ, что оно для меня лестно, потому болѣе, что Ганжею открыта первая Персидская война и одна изъ первыхъ пуль досталась мнѣ; Ленкораномъ заключе-

на войнѣ, и три изъ послѣднихъ пуль достались мнѣ же; слѣдовательно и началъ и кончилъ кровью. Но для меня вдвое было бы пріятнѣе, когда бы на Ганжинскомъ памятникѣ можно изобразить тотъ моментъ, въ который Вы взяли меня, раненаго, подъ одну руку, а взявшій подъ другую егерь моей роты Иванъ Богатыревъ былъ тутъ же убитъ. Эту картину хочу я имѣть написанную хорошимъ живописцемъ и передать ее въ родъ мой съ завѣщаніемъ хранить и питать благоговѣйное уваженіе къ имени Воронцова до позднѣйшаго потомства. На вопросы Ваши увѣдомляю, что я родился въ 1782 году іюня 12; при Ганжѣ былъ Капитаномъ и рану получилъ дѣйствительно въ первый разъ; но первый свистъ пуль и ядеръ непріятельскихъ услышалъ я въ походѣ Графа Зубова подъ Дербентомъ, 1796 г. мая 3, и въ ту же Персидскую кампанію былъ произведенъ въ Офицеры, 14-ти лѣтъ, по представленію покойнаго Ивана Петровича Лазарева, истиннаго благодѣтеля моего, коему обязанъ я всѣмъ счастьемъ моимъ. По приходѣ же въ Грузію нашихъ войскъ, я находился въ сраженіи при разбитіи Амиръ-Хана Аварскаго, 1800 года ноября 7, былъ уже Поручикомъ и получилъ за это дѣло орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ заключеніе доложу Вамъ со всей искренностью, что сколько ни лестно для меня желанье Ваше, собственно ко мнѣ относящееся, но я несравненно болѣе былъ бы радъ, когда бы Вы привели

въ исполненіе мысль мою, представленную мною въ 1846 году, поставить хорошій памятникъ въ Тифлисѣ: воинамъ первой Персидской войны, малымъ числомъ принесшимъ много пользы Отечеству..... думаю что это будетъ гораздо полезнѣе обоихъ памятниковъ при Ганжѣ и Ленкоранѣ.... Письмо Ваше Петру Антоновичу я отдалъ. Онъ большею частью живетъ и проводитъ время со мною, а въ маленькое имѣніе свое ѣздитъ только для устройства.»

1848 *г.* 18 *іюня д. пр. Д. П.*

«.... У меня къ Вамъ просьба. Вы уже много сдѣлали для семейства покойнаго Мустафы-Хана Ширванскаго, за что я вамъ отъ всей души благодаренъ. Довершите же Ваши благодѣянія сыновьямъ его отъ дочери Суркай-Хана Казикумыхскаго. Препровождаю къ Вамъ подлинное письмо ихъ, и не нахожу ничего прибавить, кромѣ повторенія моей за нихъ благодарности. О себѣ доложу, что здоровье мое столько хорошо, сколько можетъ быть такимъ. Теперь лѣто, я пользуюсь воздухомъ и живу настоящею жизнью.»

1848 *г.* 28 *авг. Д. П.*

..... 20 числа умеръ здѣсь холерою племянникъ мой Шультенъ, въ коемъ я имѣлъ сына и друга, 38-мь лѣтъ раздѣлявшаго со мною жизнь въ войнѣ и мирѣ; онъ оставилъ двухъ малолѣтныхъ сиротъ на моихъ рукахъ и я долженъ за-

ботиться о нихъ. Въ имѣніи ихъ въ Бахмутскомъ Уѣздѣ такой голодъ, какъ въ 1833 году; нѣтъ ни хлѣба, ни сѣна; и ежели не взять скорыхъ мѣръ, то люди потерпятъ и овцеводство погибнетъ; человѣка же надежнаго, кому-бы это поручить, нѣтъ; кромѣ сего нужно отвратить и опеку надъ имѣніемъ малолѣтныхъ, которая въ подобныхъ обстоятельствахъ совершенно можетъ ихъ разорить. Посему, какъ ни трудна для меня поѣздка туда, я выѣзжаю сколь можно поспѣшнѣе, чтобъ застать Васъ еще неуѣхавшихъ отъ насъ (изъ Алупки).»

1848 *г.* 21 *сен. Д. П.*

«Получивъ письмо Ваше отъ 4 сентября, я выѣхалъ на другой же день, съ тѣмъ, чтобъ, по пріѣздѣ сюда, отдохнувъ дня два, ѣхать къ Вамъ въ Алупку; но случившіяся непріятности въ дорогѣ, гдѣ я принужденъ былъ нѣсколько разъ выходить изъ кареты въ сырую погоду, и даже ѣхать на волахъ, разстроили меня такъ, что я добрался домой чрезвычайно ослабѣвшимъ...... Это лишаетъ меня величайшей отрады обнять Васъ въ Алупкѣ.»

1848 *г.* 16 *нояб. Д. Пр.*

«..... Съ особенной пріятностью прочиталъ я о пораженіи Шамиля, и славной защитѣ Ахты. Этотъ новый ударъ долженъ совсѣмъ уронить его въ мнѣніи Горцевъ, и я удивляюсь сильному

его вліянію, что онъ и до сихъ-поръ можетъ собирать по 7,000; кажется, послѣ Салтовъ и Гергебиля не должны бы ему вѣрить.... но такъ умѣлъ онъ овладѣлъ умами, что все еще его слушаютъ. Позвольте мнѣ опять повторить Вамъ просьбу о старомъ ветеранѣ Суворовскомъ А. и т. д. Другая просьба моя о другомъ старикѣ С., о коемъ я просилъ Васъ при свиданьѣ въ Симферополѣ и у себя здѣсь. Простите меня, что я такъ безпокою Васъ. Мнѣ жаль достойнѣйшихъ и терпящихъ нужду людей, и я прошу Васъ о нихъ въ увѣренности, что по добродушію Вашему такая просьба отъ меня не будетъ Вамъ тягостною.»

1850 *г.* 16 *Окт. Д. Пр.*

«Отъ души благодарю Васъ за переданные Вами слова о памятникѣ и предостереженіе на счетъ гомеопатіи.... Въ послѣдней не сомнѣвайтесь. Доведенный леченіемъ аллопатовъ до гроба, и, можно сказать, приговоренный ими къ смерти, бросивъ ихъ и принявшись за гомеопатію—я воскресъ, и избавясь всѣхъ страданій болѣзненныхъ и истязаній аллопатическихъ, живу новою жизнью, безъ мученій, 13 лѣтъ, и въ продолженіе сего времени ни я, ни семейство мое, ни крестьяне, не знаемъ аллопатовъ. Это лучшее доказательство, кромѣ многихъ другихъ постороннихъ.— Не отвергаю, даже совершенно увѣренъ, что климатъ Ѳеодоссійскій много способствуетъ мо-

ему здоровью, но нельзя же и при немъ не болѣть иногда, и мои болѣзни проходятъ въ самое короткое время отъ благодѣтельныхъ крупинокъ. Теперь я опять съ просьбою къ Вамъ, опять о старикѣ, Суворовскомъ ветеранѣ А.—Прилагаю у сего записку о немъ....» и т. д.

1851 *г.* 16 *апр. Д. Пр.*

«Вы, любезнѣйшій и добрѣйшій изъ людей, совершенно меня побѣдили и взяли въ плѣнъ. Приношу Вамъ въ свою очередь повинную голову, и прошу простить мнѣ, что не вытерпѣлъ далѣе молчанія Вашего; но выслушайте и судите вину мою. Въ декабрѣ и январѣ я былъ сильно боленъ, и во все время болѣзни моей не отставала отъ меня тревожная мысль, что я ничего не успѣлъ сдѣлать для почтеннаго старика А.. и что онъ въ случаѣ смерти моей останется въ великой крайности, и совсѣмъ безпомощнымъ; а какъ у больнаго мысли бываютъ мрачнѣе, чѣмъ у здороваго, то не получая долго отъ Васъ отзыва на мое письмо о немъ, присоединилась другая дурная мысль, что Вы, наскучивъ моими докучливыми просьбами, разсудили прервать ихъ молчаніемъ, и эти-то тревожныя мысли заставили меня испытать послѣднее средство, въ волѣ моей состоявшее: прибѣгнуть къ великодушію Государя Наслѣдника. Посылая просьбу мою Его Высочеству, я почти былъ увѣренъ, что она обращена будетъ къ Вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще бо-

лве оставался увѣреннымъ, что это не повредитъ А.—и увѣренность моя оправдалась прекраснѣйшимъ отзывомъ Вашимъ. Благодарю, благодарю Васъ отъ всей души и сердца, и ежелибы оставалось еще въ нихъ мѣсто усилить любовь, уваженіе, и преданность мою къ Вамъ, то конечно такой отзывъ произвелъ-бы такое дѣйствіе, но моя душа и сердце преисполнены чувствъ сихъ, и я сохраню ихъ къ Вамъ на вѣкъ. Благодарю, стократно благодарю Васъ..... Что касается до памятника старымъ воинамъ первой Персидской войны, то мнѣ очень отрадно было-бы при жизни своей услышать, что онъ поставленъ, а до того обяжете присылкою рисунка.»

1851 г. 1 мая Д Пр.

«Давно уже голова моя такъ слаба, что я не могу быть ни въ какихъ собраніяхъ, а послѣ болѣзни нынѣшнею зимою слабость ея еще болѣе усилилась, такъ-что при маломъ шумѣ или громкомъ разговорѣ нѣсколькихъ особъ, она какъ-будто раздувается. Въ ней происходитъ необыкновенный гулъ, котораго описать нельзя, и я дѣлаюсь какъ-бы ошеломленнымъ, а ежели и доходитъ сколько-нибудь до слуха, то почти непонимающимъ. Въ такомъ состояніи я не могу доставить никакого удовольствія,—кромѣ безпокойства....»

1851 г. 4 іюля Д. Пр.

«...... О себѣ Вамъ доложу, что нынѣшняя зима и весна для меня самыя жестокія. Зимою,

какъ Вамъ извѣстно, я былъ сильно боленъ и едва успѣлъ оправиться отъ той болѣзни, какъ весною простудился, и прохворалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ; — былъ доведенъ до послѣдняго изнеможенія силъ. Теперь, благодареніе Богу, поправляюсь, и завра выѣзжаю въ бахмутское имѣніе, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ августа или въ началѣ сентября возвратиться, и отдохнувши недѣлю, явиться къ Вамъ въ Алупку. Поѣздка же моя необходима сколько для хозяйственныхъ дѣлъ, столько и для здоровья. Ѣхавши на своихъ тихо, я буду пользоваться воздухомъ, чего не позволяютъ мнѣ здѣсь вѣтры и безпрестанная перемѣнчивая холодная погода.»

1851 *г.* 25 *сент. Д. Пр.*

«Сегодня хотѣлъ я выѣхать къ Вамъ, любезнѣйшій Князь Михаилъ Семеновичъ, но болѣзнь не пустила. По пріѣздѣ моемъ сюда мнѣ было такъ хорошо, что я надѣялся укрѣпиться въ силахъ и быть въ состояніи видѣться съ Вами въ Алупкѣ, но въ срединѣ мѣсяца не много простудился и получилъ маленькую лихорадку, которая тотчасъ уничтожена, однакожь остановила улучшеніе здоровья и опять разстроила, такъ-что кашель, одышка, и слабость не даютъ мнѣ двигаться. Принужденный лишиться величайшаго удовольствія обнять Васъ въ Алупкѣ, я прошу сдѣлать милость, если это не разстроитъ Вашего маршрута, заѣхать хоть на часокъ ко мнѣ. Вѣдь я отъ

самого отъѣзда Вашего въ Грузію не видалъ Васъ, а этому ужъ шесть лѣтъ — цѣлый вѣкъ; и теперь я тѣмъ-болѣе жажду видѣться съ Вами, что едва-ли доживу до другаго случая: здоровье мое безпрестанно и примѣтно ослабѣваетъ, и кажется ведетъ къ исходу туда, идѣ-же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Доставьте-же добрѣйшій Князь Михайло Семеновичъ, обнять Васъ еще въ сей жизни человѣку, всею душею Вамъ преданному, и всѣмъ сердцемъ Васъ любящему».

Въ этихъ отрывкахъ выражается весь человѣкъ; ясно видны и благородство его, простота, и обязательность, и нѣсколько раздражительное упорство въ убѣжденіяхъ,—въ особенности когда дѣло шло не о немъ, но о людяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Щедрость же его была необычайная. Все, что̀ онъ получалъ отъ казны, и доходы съ имѣнія, раздѣлялъ онъ между родными, и всякій просящій помощи, по словамъ Евангельскимъ, былъ ему ближній; рука его не оскудѣвала въ подаяніи. Это свидѣтельствуется тѣмъ, что по смерти его найдено сто тридцать два рубля серебр. и расходы на его погребеніе можно было покрыть только по вытребованіи заслуженнаго имъ жалованья за мѣсяцъ и 21 день, и пенсіона на ордена. — Эта же самая щедрость была причиною, что онъ вошелъ въ нѣкоторые безпокоившіе его долги, и часто скорбѣлъ, что не могъ достаточно обезпечить послѣ смерти сво-

ей, всѣхъ оказавшихъ ему пріязнь и преданность. Чувствуя свою близкую кончину, и бывши уже на 70 году, онъ въ особенности унывалъ, что не былъ въ состояніи достаточно доказать свою благодарность старшей двоюродной племянницѣ, находившейся при немъ безотлучно нѣсколько лѣтъ. Тогда мелькнула въ головѣ его мысль оставить ей право на полученіе пенсіи вдовы генерал-аншефа. Онъ тотчасъ-же написалъ къ военному министру, прося его исходатайствовать у Государя Императора разрѣшеніе на вступленіе его въ бракъ съ племянницей. Въ то же время онъ отправился, какъ видно изъ письма его, въ бахмутскую деревню, по случаю допущенныхъ тамъ его приказчикомъ безпорядковъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ написалъ къ генералу Ладинскому слѣдующее письмо, въ которомъ, противъ обыкновенія, вспомнилъ о славной старинѣ.

«Поздравляю тебя со днями тяжкими для насъ въ 1806 году и пріятными въ воспоминаніяхъ теперь. Сколько времени прошло, и какъ быстро оно протекло! Вотъ уже и мы старики возвысились въ теченіи времени, и оканчиваемъ жизнь нашу вмѣстѣ въ Тавридѣ. Слава и благодареніе милосердому Богу! Его же святой десницей движемся и есть мы». Письмо заключалось жалобой на приказчика, который вмѣсто того, чтобъ скосить сѣно во-время, допустилъ его выгорѣть. «Въ прошломъ году» писалъ Петръ Степановичъ, «онъ сдѣлалъ много убытку, а теперь столько

же...... Здоровье мое не подвигается вперёдъ и мнѣ нельзя и думать о выѣздѣ 30-го числа, и должно отложить на неопредѣленное время, когда буду чувствовать себя въ силахъ предпринять такой дальній путь, а ѣхать необходимо....»

Несмотря на ослабѣвающія силы, Петръ Степановичъ въ послѣдній разъ съѣздилъ въ Александрово, гдѣ и былъ обрадованъ отвѣтомъ управляющаго военнымъ министерствомъ о Высочайшемъ соизволеніи на его бракъ. Въ началѣ сентября Котляревскій вернулся въ Д. Пріютъ, объявляя, что теперь онъ можетъ умереть спокойно; но свадьбу свою, которую просилъ до того времени сохранить въ тайнѣ, хотѣлъ совершить въ имѣніи ген. Ладинскаго, не прежде какъ 19-го октября, въ самый день асландузской битвы, какъ въ день счастливѣйшій его жизни.....

Къ несчастію, онъ слишкомъ на себя надѣялся.... Смерть приближалась (4). За нѣсколько дней до кончины онъ велѣлъ принести Высочайшій рескриптъ 1826 года, приглашавшій его на службу, и шкатулку, коей ключъ всегда при немъ былъ. Въ шкатулкѣ лежали 40 костей, вынутыхъ изъ его головы, но ихъ никто никогда не видалъ. «Вотъ», сказалъ онъ, указывая на нихъ, «что было причиною, что я не могъ принять назначенія по Высочайшему рескрипту Государя Императора 1826 года и служить до гроба Престолу и Отечеству»: а потомъ, обратившись

къ племянницамъ, съ улыбкою прибавилъ: «Это вамъ останется на память обо мнѣ».

11-го октября Котляревскій былъ обрадованъ посѣщеніемъ князя М. С. Воронцова, и въ последній разъ съ нимъ бесѣдовалъ.

Наступило 19-е число.... Но Котляревскій былъ уже такъ слабъ, что просилъ чтобъ его обвѣнчали въ домѣ. Этого невозможно было исполнить по нашимъ церковнымъ правиламъ.... Тогда умирающій съ отчаяніемъ началъ метаться, приговаривая: «Боже мой, Боже мой, я сойду во гробъ неблагодарнымъ! Это ужасно!..» Отъ этого сильнаго волненія онъ провелъ всю ночь въ чрезвычайномъ безпокойствѣ и безъ сна, черезъ что еще болѣе ослабѣлъ. Однако, несмотря на то, на другой день, 20-го числа, онъ выслалъ всѣхъ изъ комнаты, кромѣ генерала Ладинскаго и племянницы, и настоятельно требовалъ, чтобъ его одѣли и повезли въ церковь. Это была послѣдняя вспышка той великой и непоборимой воли, которая одушевляла его подъ Асландузомъ и Ленкоранью. Тщетно ему возражали, что онъ можетъ умереть въ каретѣ, или въ церкви, и тѣмъ навлечь нареканіе допустившимъ то,—онъ отвѣчалъ: «Пусть умру я, исполняя священный для меня обѣтъ, но не умру неблагодарнымъ». Успокоить его могли только предложеніемъ отправить эстафету въ Одессу къ преосвященному, съ просьбой о дозволеніи совершить брачный обрядъ въ домѣ. На это больной согласился и подписалъ съ

большимъ усиліемъ письмо къ архіерею. — Послѣ этого онъ все спрашивалъ, когда эстафета можетъ возвратиться, и когда ему отвѣчали, что не раньше пяти дней, онъ вздыхалъ, ломалъ себѣ руки, говоря все тѣ же слова: «Боже мой, я сойду во гробъ неблагодарнымъ!..» Эта мысль не оставляла его. Онъ просилъ передать военному министру для доклада Государю Императору его предсмертную просьбу о не оставленіи его семейства... До послѣдней минуты онъ сохранилъ полную память и совершенный разсудокъ. 21-го числа, въ 11 часовъ ночи, онъ съ трудомъ приподнялся, спустилъ ноги съ кровати и сказалъ: «Посадите меня на кресло»... Какъ только его посадили, онъ пересталъ говорить, и чрезъ нѣсколько мгновеній его не стало.

Такъ кончилась необыкновенная жизнь необыкновеннаго человѣка, — котораго и достоинства и недостатки преисполнены были благородствомъ.

Окончательной чертой его характера и понятій, намъ остается только представить слѣдующія мѣста изъ его любопытнаго завѣщанія:

«Устроивая Деревню Братскую (купленную въ 1842 году), я имѣлъ намѣреніе, чтобы по смерти моей оказываемо было изъ доходовъ ея пособіе семи двоюроднымъ племянникамъ моимъ, почему завѣщаю сіе исполнить слѣдующимъ образомъ: служащимъ офицерамъ оказывать помощь только въ случаѣ какихъ-либо несчастныхъ при-

ключеній, въ которыхъ будетъ оная необходима, а безъ того хорошій и разсчетливый офицеръ можетъ содержать себя жалованьемъ; кадетамъ, по выпускѣ ихъ въ офицеры, сдѣлать полную обмундировку и выдать полугодовое жалованье; далѣе же поступать, какъ и съ служащими братьями. Кто же изъ семи братьевъ выслужитъ безпорочно въ военной службѣ 25 лѣтъ, такому производить въ пенсіонъ, каждому изъ трехъ, (имрекъ), неимѣющимъ нигдѣ никакихъ имѣній, полное по чину жалованье, а четыремъ (поименованнымъ), имѣющимъ хотя малое состояніе,— половинное, по чину, жалованье, останутся-ли они на службѣ или выйдутъ въ отставку за ранами и прежде 25 лѣтъ; всякій же вышедшій въ отставку за ранами, или по безпорочной выслугѣ 25 лѣтъ, и неимѣющій собственнаго дома, да найдетъ въ Добромъ Пріютѣ пристанище для жизни въ одномъ изъ двухъ домовъ......

Предоставляю племянницѣ моей назначить къ сему имѣнію наслѣдника..... но, чтобы избранный былъ воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ; выбрать же достойнѣйшаго, того, который бы, при добротѣ души и сердца, при благородныхъ правилахъ и твердомъ характерѣ, одаренъ былъ талантами, коими бы болѣе другихъ могъ принести пользы Отечеству.........»

Такъ и за гробомъ Котляревскій остался вѣренъ самому себѣ, а теперь великая его тѣнь должна быть утѣшена сознаніемъ, что невѣста

его щедро обезпечена Царскою милостію, что любимая мысль о сооруженіи памятника его сослуживцамъ,—приводится въ исполненіе.

Тѣло Петра Степановича покоится въ Добромъ Пріютѣ, въ саду, за небольшой рѣшеткой. Съ нимъ похороненъ и Шультенъ, который и по смерти остается неразлучно-вѣренъ своему родственнику, начальнику, и другу. Не далеко отъ ихъ могилы, какъ бы убаюкивая ихъ мирный сонъ, плещутъ волны Чернаго Моря.

Но у Котляревскаго есть еще другая могила, на берегу другаго моря,—это мѣсто, гдѣ погибъ воинъ, это—Ленкоранская Крѣпость. А между двумя морями возвышается Кавказъ и на этомъ громадномъ памятникѣ столькихъ знаменитостей и заслугъ, глубоко врѣзалось имя Котляревскаго, стяжавшаго тутъ и громкую славу и мученическій вѣнецъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ І-Й ГЛАВѢ.

(1) Сообщено П. А. Ладинскимъ.

(2) Сообщено А. Ѳ. Ребровымъ.

(3) Нѣкоторыя подробности похода графа Зубова изложены въ любопытной, хотя невполнѣ-достовѣрной, книгѣ: жизнь и похожденія Артемія Араратскаго, и въ двухъ рукописныхъ письмахъ ген. Бенингсена, командовавшаго частью войскъ. Въ этихъ письмахъ онъ говоритъ между прочимъ:

Je fus bientot affermi dans mon opinion par un entretien que j'éus à cet egard avec le Prince Zouboff. Avant d'entâmer les détails des opérations militaires, je crois devoir révenir sur les évênements qui avaient ramené le Prince Mourza-Kouli-Khan, souverain du Ghilan, quoique leurs causes fussent peu importantes par elles mêmes, cependant elles avaient fait naître la première idée du plan que je viens d'exposer, et leurs conséquences présentaient des facilités pour l'éxécution de cette vaste entreprise. — Mourza-Kouli-Khan, Khan de la province de Ghilan, vivait aveo le Schach règnant, son frère, dans des relations peu amicales. Une brouille ouverte éclata à la suite du refus que fit Mourza de céder au Schach un cheval magnifique qu'il avait acheté pour 4000 ducats. Aga-Mahomet voulant à toute force s'en emparer fit marcher des troupes dans le Ghilan

et Mourza redoutant le sort d'un de ses frères que le Schach avait fait massacrer sous un prétexte à peu près semblable, s'enfuit à St.-Petersbourg et sollicita la protection de la Russie. L'acceuil que reçut le prince à la cour Impériale fut d'autant plus favorable qu'on avait de vifs sujets de mécontentement contre Aga-Mahomet-Khan. Outre l'affront fait au pavillon russe dans la personne de l'Amiral Woinovitch on se plaignait des entreprises de ce voisin ambitieux et remuant en Géorgie. Quoique cette province Chrétienne fut sous la protection particulière de la Russie, le Schach la fit envahir par une armée persanne qui y commit les plus grands ravages et enleva 18 canons russes donnés par l'Impératrice aux Géorgiens. — Enfin M-r de Kotchoubey avait decouvert les menées du Schach à Constantinople et les assurances qu'il avait données au Divan qu'un grand rassemblement de troupes persannes sur la frontière de la Natolie n'avait rien d'hostile contre la Sublime Porte, mais etait destiné contre la Russie qu'il representait comme l'ennemi commun. Pour preuve de la sincérité de ses intentions il offrit de porter la guerre en Georgie aussitot qu'on lui aurait fourni les munitions dont manquait son armée. Elles lui furent livrées et aussitot il tint sa promesse en attaquant le Czar de Géorgie, qui ne manqua pas de s'en plaindre à St.-Petersbourg; toutes ces causes etaient suffisantes pour justifier une guerre.

(4) Изъ всеподданнѣйшаго донесенія ген.-лейтенанта Кнорринга отъ 17-го ноября 1800 г.

(5) Рапортъ адъютанта Котляревскаго генералу Лазареву 20-го января 1801 г.

(6) Донесеніе г. Лазарева отъ 5-го августа 1801 г.

(7) Сообщено П. А. Ладинскимъ.

(8) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Циціанова 10-го января 1804 г. № 11.

(9) Указомъ Государственной Военной Коллегіи уничтожены чины пожалованные графомъ Зубовымъ толь-

ко послѣ 6-го ноября 1796 г. Котляревскій представилъ, что онъ произведенъ былъ 21-го октября и просилъ по начальству о возвращеніи старшинства. Князь Цицiановъ донесъ объ этомъ домогательствѣ особымъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ 10 марта 1804 г. № 76, вслѣдствіе чего Котляревскій былъ произведенъ въ майоры.

(10) Предписаніе полковнику Карягину 27-го апрѣля 1805 года, № 1133.

(11) О бытности Котляревскаго въ Шекинскомъ Ханствѣ (нынѣ Нухинскомъ уѣздѣ) сохранились слѣдующіе два любопытные документа:

1) Предписаніе г.-л. князя Цицiанова майору Котляревскому 9-го мая № 1700.

«Такъ-какъ въ рапортѣ Вашемъ отъ 7-го числа сего мѣсяца къ Г. Полковнику Карягину, Вы доносите, что если отрядъ сблизится къ Нухѣ, то Селимъ-Хану удобнѣе будетъ доставлять провіант о и предписываю Вамъ перейти къ Нухѣ. Между-тѣмъ предписываю Вамъ не рапортовать въ полкъ, а доносить заранѣе по нахожденію моему здѣсь, (въ Тифлисѣ), мнѣ или Г. Генералъ-Маіору и Шефу Тифлисскаго Мушкатерскаго полка Князю Вяземскому, яко мѣстному здѣсь начальнику, ибо Г. Полковникъ только теперь представилъ Ваши рапорты. Буде же и тамъ провіантъ не-будетъ доставленъ для отряда, то оставя Шекинское владѣніе слѣдовать сюда, а хану теперь я о томъ пишу. Совсѣмъ тѣмъ прискорбно мнѣ потерять Ханство отъ недостачи Штабъ-Офицеровъ, вопрошая и Ваше Высокоблагородіе, для чего Вы, по словесному моему Вамъ приказанію при отъѣздѣ отсель, не разсудили за благо перемѣнить лагерь и стать по сію сторону Нухи, ибо при пріѣздѣ Вашемъ таковое передвиженіе не подало-бы Хану подозрѣнія, а теперь онъ сочтетъ, что вы городъ идете брать, хотя въ самомъ дѣлѣ того нѣтъ *да и не повѣрено бы*

было Вамъ, и для того предписываю всемѣрно удержать славу Россіи, и въ случаѣ настоящаго недостатка въ провіантѣ требовать половинную порцію, а за другую половину по фунту мяса на человѣка въ день, и симъ до большаго сбора провіанта изворотиться.»

2. Рапортъ 17-го Егерскаго Полка майора Котляревскаго: «Получивъ предписаніе Вашего Сіятельства отъ 9 числа № 1200, спѣшу донести: по прибытіи моемъ въ отрядъ, видя, что по повелѣнію Вашего Сіятельства къ Маіору Якимову о расположеніи лагеря на выгодномъ мѣстѣ, сдѣлано уже имъ донесеніе, не смѣлъ подвинуться къ Нухѣ, какъ въ ожиданіи на оное рѣшенія, такъ и потому, что изъ рапортовъ Маіора Якимова къ Полковнику Карягину извѣстны мнѣ были слова Селимъ-Хана. «При движеніи отряда къ Нухѣ безъ дѣла не обойдется» изъясняя сіе посыланному въ Нуху для занятія квартиръ офицеру, такимъ образомъ, что оное произойдетъ отъ подданныхъ его, а не отъ него самаго,—и что Ханъ, по пріѣздѣ моемъ, узнавъ объ осмотрѣ мѣстъ для лагеря, предложилъ чрезъ чиновника своего къ тому три: Очжакъ, Минтечауръ и Бужакъ, кои всѣ отъ Нухи далѣе мѣста расположенія отряда, о чемъ рапортовалъ я Полковнику Карягину. Въ такомъ случаѣ, дабы черезъ малое количество, либо военное дѣйствіе, не прекратить переговоровъ съ Селимъ-Ханомъ, и тѣмъ неиспортить-бы дѣла въ мирномъ присоединеніи Ханства къ Россіи, не могъ я рѣшиться выступить съ отрядомъ мнѣ ввѣренномъ по словесному Вашего Сіятельства приказанію;—но чтобъ и за всѣмъ тѣмъ не подвергнуться обвиненію, а съ самаго вступленія моего въ командованіе, нѣсколько разъ писалъ къ Полковнику Карягину, письмами объясняя ему Вашего Сіятельства приказаніе и убѣдительнѣйше просилъ доложить о разстояніи лагеря отъ Нухи, и испросить повелѣнія Вашего, подвинуться ли мнѣ впередъ

нии остаться на теперешнемъ мѣстѣ.—И на письмо, въ день пріѣзда моего въ отрядъ посланное, какъ равно и другія, получалъ увѣдомленія, что доложить, однакожъ, не имѣлъ никакого предписанія, до сегодня полученнаго. Представляя все сіе на разсмотрѣніе Вашего Сіятельства, осмѣливаюсь донести, что увидѣвъ, по прибытіи моемъ въ отрядъ, медленное доставленіе провіанта, тогда же приказалъ всемѣрно сберегать оный, и, соблюдая сіе отрядъ, употребивъ въ пищу запасный шестидневный, начавшійся Мая съ 3-го числа, по недоставленію Селимъ-Ханомъ, — довольствовался экономіею, не претерпѣвая нужды 9-го и 10-го числа. Съ онаго же начался привозъ, и по сей день привезено 103 пуда, коихъ можетъ быть достаточно на 5-ть дней, почему я, дабы движеніемъ отряда къ Нухѣ и не возвратить Селимъ-Хана (въ случаѣ мысли его, что иду брать городъ) съ пути, который предпринялъ онъ для свиданія съ Вашимъ Сіятельствомъ, и находится уже въ деревнѣ Дахнанларъ, въ 20 в. отъ Нухи, сегодня же намѣренъ быть у переправы черезъ Куру, о чемъ вѣрными извѣстіями и письмомъ его, у сего въ оригиналѣ представляемомъ, увѣдомленъ, рѣшился не переходить съ теперешняго лагеря къ Нухѣ, — а донеся о томъ испросить повелѣнія, что исполняя, осмѣливаюсь представить и Ваше къ нему письмо, посему же мною *не отправленное*. — 13 Мая 1805 г. лагерь при р. Алчиганѣ.»

(12) Въ приложеніяхъ ко II-му тому «Подвиговъ «Русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ» перепечатанъ изъ «Кавказскаго Вѣстника» любопытный разсказъ, написанный со словъ проводника Карягина, армянина Аванеса Юзбаши (старосты). Аванесъ въ настоящемъ 1853 году еще живъ, показываетъ аттестатъ за подписомъ Карягина, и подтверждаетъ справедливость напечатаннаго въ разсказѣ.—Вотъ въ какихъ словахъ онъ описываетъ взятіе двухъ крѣпостей,

«Зарядивъ орудіе картечью, отрядъ, состоявшій уже «только изъ 150 человѣкъ, выступилъ въ походъ,— солдаты повезли на себѣ орудія, ибо на оставшихся «трехъ лошадяхъ ѣхали раненые Карягинъ, Котля«ревскій и 1 офицеръ, другихъ раненыхъ несли на «рукахъ.—Я былъ проводникомъ, и пользуясь тем«нотою ночи и знаніемъ мѣстности, миновалъ-было «главный отрядъ, какъ вдругъ нечаянно намъ встрѣ«тился непріятельскій объѣздъ. Началось сраженіе. «Выстрѣлы встревожили персидскій лагерь, и мы ско«ро окружены были непріятелемъ. Темнота ночи и «отчаянная храбрость солдатъ спасли насъ отъ меча «непріятельскаго, мы пробились сквозь тысячи са«бель и ускользнули отъ персіянъ, которые впрочемъ «и не посмѣли насъ преслѣдовать. — Аббасъ - Мирза «угадывая наше намѣреніе, и желая подкрѣпить не«большой свой гарнизонъ, бывшій въ Шахъ-Булахѣ «и состоявшій изъ 400 человѣкъ, послалъ сына Иб«рагимъ-Хана Абдулъ-Фетъ-Хана на помощь въ «Шахъ - Булахъ; но сей не заблагоразсудилъ идти «туда и воротился обратно. Передъ разсвѣтомъ мы «были уже у самыхъ стѣнъ Шахъ-Булаха. Безпеч«ные персіяне спали, пушечные выстрѣлы ихъ раз«будили. Предложеніе о сдачѣ они отвергли, и рус«скіе рѣшились взять крѣпость штурмомъ. Удачный «выстрѣлъ ядромъ отворотилъ ворота замка, оробѣв«шіе персіяне бросились со стѣнъ; кто не успѣлъ «спастись бѣгствомъ погибъ отъ штыковъ русскихъ. «Замокъ былъ взятъ, и мы въ немъ заперлись. Съ «разсвѣтомъ окружили Шахъ-Булахъ войска «Аббасъ-Мирзы, и тщетно дѣлавши приступъ, рѣ«шились осадою принудить русскихъ къ сдачѣ. Меж«ду-тѣмъ отрядъ нашъ терпѣлъ величайшій недо«статокъ въ продовольствіи, ибо, по взятіи замка, «съѣстныхъ припасовъ было найдено весьма немно«го, и солдаты принуждены были питаться мясомъ

«лошадей, найденныхъ въ крѣпости. Бѣдственное «положеніе гарнизона возбудило во мнѣ рѣшимость «идти въ селеніе Касанетъ, отстоящее отъ Шахъ-«Булаха, верстахъ въ 20-ти, гдѣ находился мой домъ «и гдѣ я надѣялся найдти хлѣба. Ночью вышедши изъ «Шахъ-Булаха, я благополучно прошелъ сквозь пер-«сидскія войска и достигъ своего жилища. Въ селе-«ніи жителей не было, кромѣ моего отца и брата. «Сего послѣдняго я послалъ въ Елисаветполь дать «знать князю Циціанову о положеніи нашего отря-«да, а самъ принялся съ отцомъ молоть пшеницу, и «къ ночи напекъ 40 большихъ хлѣбовъ, набралъ чес-«ноку и другихъ овощей и къ разсвѣту все это «принесъ въ Шахъ-Булахъ. Карягинъ и Котлярев-«скій раздѣлили этотъ скудный запасъ между солда-«тами, взявъ для себя порціи ровно съ ними. Удач-«ный опытъ въ доставкѣ мною провіанта побудилъ «начальника послать со мною въ слѣдующую ночь «1 офицера и 50 человѣкъ солдатъ съ двумя лошадь-«ми, дабы запастись большимъ количествомъ прові-«анта. Мы вышли изъ крѣпости ночью, прокрались «мимо осаждающихъ, не бывъ ими примѣчены, и «уже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лагеря персид-«скаго встрѣтили непріятельскій объѣздъ, который «весь истребили; и къ разсвѣту благополучно до-«стигли селенія Касанетъ, гдѣ отецъ мой Меликъ «Арютинъ уже смололъ остальную муку, изъ кото-«рой напекли хлѣбовъ, накормили солдатъ, а осталь-«ное количество положивъ въ мѣшки отправились «въ крѣпость Джирмунъ; я купилъ у Армянъ за 60 «червонцевъ 12 штукъ рогатаго скота, и въ окрест-«ныхъ селеніяхъ отыскалъ нѣсколько вина, фрук-«товъ, кислаго молока, овощей, и два котла; все это «навьючивъ на быковъ, прибылъ ночью съ отрядомъ «въ крѣпость. Персіяне не прежде насъ примѣтили, «какъ тогда, когда мы были уже у воротъ Шахъ-

«Булаха. Аббасъ-Мирза, видя невозможность взять си-«лою замка, удалился къ кр. Аскаранъ, оставивъ около «Шахъ-Булаха 8,000 войска. Послѣ 13-ти дневной оса-«ды Аббасъ-Мирза прислалъ своего мирзу Ростома пре-«дложить русскимъ вступить въ его службу, обѣщая «имъ важныя награды; предложеніе это было отверг-«нуто а испрошено перемиріе на 4 дня. Въ это время «Аббасъ-Мирза присылалъ русскимъ разной провизіи «и дичи застрѣленной его руками, также лекарей «для леченія раненыхъ. На третій день перемирія «Шахъ-Зада прислалъ къ намъ Наджавъ-Кули-Хана «сказать, что Ганжа взята персіянами, и что намъ «ничего не остается дѣлать какъ сдаться.—Полков-«никъ Карягинъ и Котляревскій сказали ему, что «требованіе Шахъ-Зады будетъ завтра исполнено, и «Наджавъ-Кули-Ханъ съ восторгомъ отправился къ «Шахъ-Задѣ. Въ эту же ночь русскіе рѣшились «выйдти изъ крѣпости, оставивъ 30 человѣкъ сол-«датъ, дабы дѣлать оклики и не дать причины ду-«мать персіянамъ о нашемъ выступленіи, мы ти-«хонько вывезли орудія и раненыхъ, и когда они «нѣсколько отдалились, я снова приблизился къ зам-«ку и далъ знакъ остальнымъ солдатамъ выходить. «Они исполнили это и весьма скоро присоединились «къ первому отряду. Едва успѣли мы соединиться «какъ встрѣтили нѣсколько конныхъ персіянъ, кото-«рые, при первомъ нашемъ выстрѣлѣ, обратились «въ бѣгство и дали знать своему сардарю, который «не могъ насъ настичь, ибо не зналъ по которой мы «пошли дорогѣ. На пути намъ встрѣтилась канава, «чрезъ которую невозможно было провести орудій. «и не было лѣса, изъ чего бы можно было сдѣлать «мостъ. Четыре солдата добровольно согласились «лечь въ канаву и чрезъ нихъ перевезли орудія. «Двое изъ нихъ остались живы, а двое умерли. «Чрезъ нѣсколько часовъ мы достигли селенія Ка-

«санетъ и расположились въ садахъ отдыхать.— »Утромъ, едва маіоръ Котляревскій съ ранеными «успѣлъ удалиться въ крѣпости Мухрата, настигъ «насъ Аббасъ-Мирза съ войскомъ. Началось упорное «сраженіе, во время котораго персіяне успѣли было «овладѣть орудіями, но вскорѣ русскіе штыками «взяли ихъ обратно. Полковникъ Карягинъ, видя не«возможность держаться въ садахъ и не находя въ «томъ надобности, рѣшился идти къ крѣпости Мухра«та. Аббасъ-Мирза, узнавшій объ этомъ, послалъ «20,000 человѣкъ войска занять сію крѣпость, но «Котляревскій, съ ранеными солдатами тамъ бывшій, «отразилъ ихъ нападеніе. Вечеромъ и Карягинъ съ «съ своимъ отрядомъ прибылъ въ Мухрата, сража«ясь на каждомъ шагу съ персіянами, которые, видя «всѣ свои усилія тщетными, возвратились въ Каса«нетъ и остановились въ садахъ. На другой день «Аббасъ-Мирза, оставивъ въ Урочищѣ Кара-Кёрпи «(черный мостъ) 2,000 человѣкъ, самъ удалился въ «Аскеранъ, въ теченіи, сего времени, двухъ недѣль «я доставлялъ русскимъ провіантъ, за тѣмъ братъ «мой возвратился изъ Ганжи и привезъ извѣстіе «отъ князя Циціанова, который приказалъ намъ «ожидать его въ Мухратѣ. Скоро мы увидѣли зна«мена русскія. Князь прислалъ сказать, чтобы мы «соединились съ нимъ по проходѣ его на рѣкѣ Мар«дагиртъ, чтó въ точности и было исполнено. Ночью «я вывелъ русскихъ изъ Мухрата, и до свѣта сое«динилъ ихъ съ войсками главнокомандующаго. Пол«ковникъ Карягинъ съ ранеными отправился въ Ган«жу, а Котляревскій, несмотря на раны, остался въ «отрядѣ.»

(13) Рапорты 17-го Егерскаго Полка шефа полковника Карягина князю Циціанову отъ 26-го іюня, 27-го, 28-го и 9-го іюля 1805 г.

(14) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Циціанова 1-го іюля 1805 г.

(15) Рапортъ г.-м. Небольсина г.-м. Несвѣтаеву 5-го іюля 1806 г. № 605.

(16) Предписаніе г. Гудовича подполковнику Котляревскому 21-го февраля 1807 г. № 443.

(17) Рапортъ гр. Гудовичу г.-м. Небольсина 15-го февраля 1809 г.

(18) Предписаніе г. Тормасова г.-м. Небольсину отъ 21-го августа 1809 г. № 1532.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ II-Й ГЛАВѢ.

---

(1) Донесеніе ген. Тормасова гр. Румянцову 29-го мая 1809.

(2) Таковое же 26 Мая.

(3) Предписаніе ген. Тормасова г.-л. барону Розену, 18 мая 1810 г.

(4) Отношенія Тормасова къ ханамъ:
ширванскому 19 мая № 433.
карабагскому 20 мая № 426.
шекинскому 29 мая № 427.

(5) Предписаніе ген. Тормасова, Небольсину 27-го мая 1810 г. № 813.

(6) Отношеніе ген. Тормасова къ гр. Каменскому отъ 5-го іюля.

(7) Предписаніе Небольсину 2 іюля 1810 г.

(8) Рапортъ Небольсина 24 іюля.

(9) Донесеніе ген. Тормасова гр. Румянцову въ маѣ 1811 г.

(10) Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулучи 14 декабря 1811 г. № 80.

(11) Рапортъ г.-м. Котляревскаго, 22 марта 1812 г. № 74.

(12) Сообщено княземъ П. О. Палавандовымъ.

(13) Письмо К. Л. Веселаго заключалось въ слѣдующемъ: «М. Г. Павелъ Васильевичъ! Письмо Ва-

ше, посланное 23-го августа, я сейчасъ получилъ, въ которомъ вижу Ваше удивленіе о нахожденіи въ персидскомъ войскѣ Англичанъ, и что управляютъ они пушками. Потому больше Вамъ невѣроятно, что съ Англіей заключенъ миръ, и что они по оному не должны входить ни въ какія связи съ Персами, и не дѣйствовать противу насъ, какъ Вы говорите; но я за необходимое почелъ описать Вамъ по-обстоятельнѣе обо всемъ случившемся въ Талышинскомъ Ханствѣ, изъ чего усмотрите противное Вашимъ мыслямъ. Талышинскій весь народъ, подвластный Миръ-Мустафѣ-Хану, увѣрившись дѣйствительно, что Персидское Правительство отрядило на Ханство до 10,000 Персіянъ, въ числѣ коихъ до 2,000 обученныхъ войскъ, подъ предводительствомъ Англійскаго чиновника, съ артиллеріею, съ намѣреніемъ раззорить ихъ, сейчасъ оставили Хана на произволъ судьбы, и соединясь всѣ люди Талышинскіе, даже нѣкоторые родственники Хана съ непріятелемъ, вошли въ Ленкорань 9-го августа въ числѣ 20,000 подъ предводительствомъ Сардаря Амиръ-Хана. Съ сильнымъ напряженіемъ силъ своихъ двинулись они на укрѣпленное нами мѣсто, дабы однимъ ударомъ изъ 8 орудій 6-ти фунтоваго калибра, управляемыхъ Англійскимъ Маіоромъ и другими чиновниками, разрушить стѣну скрывающую наши войска и Хана, но противу чаянія своего были отражены съ судовъ морскою артиллеріею съ значительной для нихъ потерею. Съ нашей же стороны убило при семъ сраженіи одного рядоваго и 2-хъ Талышинцевъ.—10-го числа, съ равнымъ стремленіемъ первому, покушались они овладѣть крѣпостью, но несчастливѣе перваго предпріятія были въ своемъ успѣхѣ.—Англійскій Маіоръ Гаррисъ встрѣтивъ противное въ своемъ предпріятіи, присылалъ ко мнѣ Гусарскаго Капитана съ просьбой сдѣлать перемиріе подъ хитрыми предлогами на семъ

дней, но я далъ замѣтить, что никакъ не согласенъ принять ихъ предложенья. Отрицательный отзывъ мой вынудилъ самаго Гарриса съ нѣкоторыми изъ своихъ Англійскихъ чиновниковъ пріѣзжать ко мнѣ на корветъ Аріадну для возобновленія своихъ требованій. Тутъ я примѣтилъ, что подъ симъ перемиріемъ скрываться должна личная какая-нибудь выгода Англичанъ и Персовъ, и потому рѣшительно отказалъ. Между разговорами Гаррисъ сказывалъ мнѣ, что Аббасъ-Мирза приказалъ Сардарю Амиръ-Хану, по завладѣніи Талышей, назначить своихъ чиновниковъ для управленія сей областью, желая оставить оную навсегда за Персіей.—И такъ вотъ довольно, кажется, увѣрить Васъ истиннымъ со мной случившимся происшествіемъ, что я съ Англичанами имѣю дѣло, а не съ другими кѣмъ-либо, и что лично имѣлъ съ ними переговоры. Они дѣйствуютъ единодушно съ Персами противу насъ, несмотря на заключеніе мира съ Англіей. — Между прочимъ, Павелъ Васильевичъ, увѣряете Вы меня, что скоро у насъ послѣдуетъ миръ съ Персіею, и что Аббасъ-Мирза разослалъ свои фирманы по всѣмъ своимъ границамъ, дабы остановить военныя дѣйствія противу насъ. Этому я не вѣрю, чтобъ сбылось съ ихъ стороны, ибо если сіе дѣйствительно случилось, чтобъ Аббасъ-Мирза приказалъ своимъ войскамъ прекратить съ нами всѣ военныя дѣйствія, то кажется облекшія Талышинское Ханство войска должны бы были отойти прочь, за границы Талышинскія, согласно его повѣленіямъ, или по крайней мѣрѣ очистить резиденцію Хана, Ленкорань, въ коей у нихъ теперь расположенъ главный лагерь; при томъ каждый день замѣчаю я новыя ихъ построенія батарей на берегу къ нашимъ синьгерамъ и въ прочихъ мѣстахъ, такъ, что явно оказывается ихъ намѣреніе или овладѣть нашей крѣпостью, или выморить голодомъ скрывающихся въ

оной Хана съ остальнымъ его приближенныхъ народомъ. По Вашимъ словамъ я опасаюсь и даже сожалѣю, чтобъ при нарнихъ трактаціяхъ нашихъ съ Персіею, не былъ-бы Ханъ преданъ Персидскому Правительству, ибо изъ всѣхъ нынѣшнихъ и прежнихъ происшествій надъ Ханомъ, и по другимъ видѣннымъ мной при теперешнемъ положеніи обстоятельствъ, я такъ увѣренъ въ его преданности къ намъ, что готовъ даже говорить о семъ, хотя-бы передъ престоломъ нашего Монарха. Онъ есть какъ надо быть истинному патріоту изъ лучшихъ нашихъ соотечественниковъ; при томъ жена его, дѣти и все имущество перевезены уже для безопасности ко мнѣ на островъ Сару. Онъ только самъ съ сыновьями и въ легкомъ платьѣ переноситъ теперь всю нужду вмѣстѣ съ нашими солдатами въ крѣпости, — но, Цар. Вас. посудите теперь еще о моемъ положеніи, тогда когда непріятель заперъ мой отрядъ въ крѣпости, и укрѣпляется часъ отъ часу новыми батареями въ виду моемъ, и готовъ держать насъ въ засадѣ на долгое время, то судамъ, кои теперь расположены по берегу для отраженія непріятеля, по наступающему осеннему времени весьма опасно, даже бѣдственно, да и дѣйствовать при С. В. вѣтрахъ ни какъ не можно. Дѣлать также вылазку изъ малаго своего отряда противу непріятельскихъ выстроенныхъ батарей весьма слабъ, и полагаю опаснымъ сіе предпріятіе противъ многочисленности непріятеля, занявшаго выгодную позицію, — притомъ для продовольствія народа оставшагося съ Ханомъ въ крѣпости, — провизіи весьма мало или лучше сказать почти ничего нѣтъ.

Ежели забрать на суда солдатъ изъ крѣпости и орудія коими она вооружена въ виду непріятеля, а

послѣ сего оставить въ жертву до 1000 семействъ Талышинцевъ, кои ввѣрили судьбу свою нашему покровительству, никакъ не можно, или покрайней мѣрѣ сопряжено съ опасностію и стыдомъ для насъ. Сверхъ сего я долженъ отворить вольный проходъ въ Сальяны и далѣе. Не знаю, что теперь предпринять. Писать къ Главнокомандующему,—думаю долго къ нему не дойдетъ, и для того я теперь къ нему не пишу, и что можетъ быть еще въ Тифлисѣ его мой рапортъ не застанетъ, какъ изъ Вашего письма видно, что Его П-во Ник. Фед. долженъ имѣть трактаціи о мирѣ съ Аббасъ-Мирзою на Араксѣ, почему прошу Васъ всепокорнѣйше Пав. Вас. вмѣсто моего рапорта препроводить сіе письмо мое къ Его П-ву Ник. Фед. въ подлинникѣ, а Петру Степ. копію.—И я увѣренъ буду, что скоро получу по оному себѣ на все разрѣшеніе или вспоможеніе войсками, дабы вывести насъ изъ засады. Авг. 31, 8812. г.—Постарайтесь доставить поскорѣе Главнокомандующему сіи извѣстія въ мирныхъ переговорахъ, какъ считаю нужными.»

(14) Сообщено княземъ Н. О. Палавандовымъ.

(15) Князь Н. О. Палавандовъ.

(16) Изъ рукописнаго разсказа г-на Ковалевскаго, бывшаго при Асландузѣ и Ленкоранѣ.

Этотъ небольшой, къ сожалѣнію, разсказъ былъ извѣстенъ Котляревскому, и имъ въ нѣкоторыхъ ошибкахъ исправленъ.

(17) Вѣдомость воинскимъ чинамъ состоявшимъ въ отрядѣ и дѣйствовавшимъ противъ персіянъ за Араксомъ:

Полковъ: *Грузинскаго Гренадерскаго:*

Шт. офицеровъ	3
Об. офицеровъ	30
Унт. офицеровъ. . . .	71
Музыкантовъ	39
Рядовыхъ	924

17:го Егерскаго.

Шт. офицеровъ	2
Об. офицеровъ.	11
Унт. офицеровъ	24
Музыкантовъ.	9
Рядовыхъ	306

Севастопольскаго Пѣхотнаго.

Шт. офицеровъ	1
Об. офицеровъ.	5
Унт. офицеровъ . . .	10
Музыкантовъ	7
Рядовыхъ	190
Нестроевыхъ	2

20-й Артиллерійской Бригады.

Об. офицеровъ	2
Фейерверкеровъ . . .	6
Музыкантовъ	1
Рядовыхъ.	70
Нестроевыхъ	6

Казачьихъ полковъ: *Краснова 3-го.*

Шт. офицеровъ	1
Об. офицеровъ.	7
Урядниковъ	7
Рядовыхъ	268

Попова 16-го.

Шт. офицеровъ	1
Об. офицеровъ.	7
Итого всѣхъ чиновъ . . .	2221

(18) Подробности сраженія извлечены изъ разсказа г. Ковалевскаго, и изъ рапорта Котляревскаго, 25 октября 1812 г. № 759.

(19) Вѣдомость объ артиллеріи отбитой у персіянъ, съ показаніемъ какихъ она калибровъ и сколько состоитъ при оныхъ снарядовъ:

Пушекъ на лафетахъ съ передками и колѣсами:

Шести фунт. . . . 8

Трехъ фунт. . . . 3. Подъ одною во время сраженія 11 ч. подбитъ съ нашей стороны лафетъ.

Фальконетовъ. . . 36

При коихъ зарядовъ снаряженныхъ пушечныхъ:

6-ти фунт. съ ядрами. . . . 667

съ картечью. . . 159

3-хъ фунт. съ ядрами. . . . 25

съ картечью . . 46

Порожнихъ, безъ картузовъ, 6-ти фунт.

Гранадъ, чиненыхъ мелкой картечью 155

Ядеръ 160

3-хъ фунт.

Ядеръ 80

Гранадъ полупудовыхъ мѣдныхъ, но не опиленныхъ, чиненныхъ мелкой картечью . 27

Полупудовыхъ же

чугунныхъ (пустыхъ . . . 15
(начин. мелк. карт. 14

4-хъ фунт. начиненныхъ. 15

съ мелкой картечью . . 33

свѣчъ палительныхъ . . 50

(20) Въ асландузскомъ дѣлѣ участвовали слѣдующіе офицеры:

Груз. Гренадерскаго Полка.

Маіоры Шультенъ—награжденъ Св Георгіемъ.

— ки Абхазовъ 2-й тоже.

Капитанъ Сагиновъ.

Шт. капитаны: Станкерь, Быховцевъ, Чичкаревъ, Сагиловъ 2-й.
Поручики: баронъ Вульфъ, Гладкой, Сицкой, Поляковъ, Ждановичъ.
Подпоручики: Горяиновъ, Свѣховскій, Ливенцевъ.
Прапорщики: Пареного, Мезиновъ, Мищенко.

17-го Егерскаго Полка.
Маіоры: Дьячковъ—(Св. Георгія). Лактаевъ.
Капитаны: Вербицкій, Кулябка 1-й.
Поручики: Семеновъ, Пантелѣевъ.

20-й Артил. Бригады.
Шт. капит. Шепелевъ.
Поручикъ Ахлебининъ.

Казачьихъ полковъ: *Краснова:*
Войск. старшины: Красновъ 3-й, Поповъ 1-й, Грековъ 36-й, Поповъ 39-й, Мыльной.
Хорунжіе: Золотаревъ, Красновъ, Ежовъ, Ковалевъ.

Попова 16-го есаулъ, Сутуловъ.
Сотники: Писаревъ, Широковъ.
Хорунжіе: Ежовъ, Поповъ, Антюфѣевъ.

Сверхъ того, Казачьяго Сысоева Полка хорунжій Холодновъ, и карабагскій старшина Муратъ-Ханъ-Бекъ (донынѣ въ персидскихъ нечетяхъ проклинаемый), который былъ проводникомъ отряда, отбилъ знамя, и остановилъ съ своей дружиною одно конное орудіе.

(21) Рапортъ 21 декабря 1812 г. изъ кр. Аркевань, № 909.

(22) Вѣдомость о числѣ бывшихъ на штурмѣ крѣпости Ленкорань:

Груз. Гренад. Полка.

Шт. офицеровъ	3
Об. офицеровъ	23
Унт. офицеровъ	54
Музыкантовъ	23
Рядовыхъ	834

Троицкаго Пѣхотнаго.

Об. офицеровъ.	6
Унт. офицеровъ	18
Музыкантовъ.	3
Рядовыхъ	141

17-го Егерскаго:

Шт. офицеровъ	1
Об. офицеровъ.	10
Унт. офицеровъ	23
Музыкантовъ.	9
Рядовыхъ	248

Каспійскаго морскаго батальона и флотскихъ.

Шт. офицеровъ	2
Об. офицеровъ	12
Унт. офицеровъ	33
Музыкантовъ	2
Рядовыхъ	264

Артил. чиновъ.

Об офицеровъ	4
Унт. офицеровъ	3
Рядовыхъ	43

Итого штаб-офицеровъ 6, обер-офицеровъ 57, унт.-офицеровъ 131, музыкантовъ 37, рядовыхъ 1530.

(23) При штурмѣ находились, представленные къ наградамъ, слѣдующіе офицеры:

Маіоры: Швецовъ (раненъ), кн. Абхазовъ.

Капитанъ Сагиновъ (раненъ).

Поручикъ Поляковъ (раненъ).

Подпоручики: Кректошевъ, Ливенцовъ (ранены).

Прапорщики: Мальцовъ (ранéнъ). Татьянинъ, Прокофьевъ, Каташевъ 2-й, Папинторъ (раненъ).

Троицкаго Пѣхотнаго Полка:

Прапорщикъ Гуровъ (остался одинъ живъ).

17-го Егерскаго Полка:

Шт. капитанъ Швецовъ (раненъ).
Поручикъ Бежановъ (раненъ).
Подпоручики: Прядка (раненъ), Пестряковъ.
Прапорщики: Петровъ, Поповъ.

Касп. морскаго батальона:

Маіоръ Коваленинъ.
Капит. Политика (раненъ).
Поручики: Медвѣдевъ (раненъ), Карцовъ 1-й (раненъ), Карцовъ 2-й.
Подпоручикъ Волоцкой.
Прапорщики: Безсоновъ, Арбузовъ (раненъ), Ащеринъ (раненъ).

Каспійской флотиліи:

Флота-лейт. Фон-Кригеръ.
Мичманъ Головнинъ.

20-й Артил. бригады:

Шт. капитанъ Шепелевъ.
Поручикъ Ахлебининъ.
Подпоручикъ Черкасовъ (раненъ).

Морской Артиллеріи:

Унт.-лейтенантъ — Послужинцевъ.

Казачьяго Сысоева Полка.

Сотникъ Холодновъ.

(24) Вѣдомость пріобрѣтеннымъ у непріятеля орудіямъ и снарядамъ при штурмѣ крѣпости Ленкорани:

Орудій мѣдныхъ:	12-ти фунтовыхъ	2
	6-ти фунтовыхъ	2
	3-хъ фунтовыхъ	3
	Единорогъ 8-ми фунт. . .	1
	Ядеръ 12-ти фунтов . . .	120
	» 24-хъ фунтов. . . .	100
	Пороха	320 п.

Кромѣ того, при взятіи крѣпости Аркенань, взято:

Единороговъ 8-ми фунтовыхъ		2
Зарядовъ 6-ти фунт.	(съ ядрами. . . .	152
	(съ картечью . .	30
Ядеръ порожнихъ	(24-хъ фунтов. .	149
	(6-ти фунтов. .	150

Пороха мушкетнаго	35 пуд.	10 фун.
Свинца слитками	139 —	20 —
Руж. патроновъ.	6750	
Пуль 2 лот. и $\frac{1}{2}$ золот. . .	4500	

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ III-Й ГЛАВѢ.

(1) Сообщено его свѣтлостью княземъ М. С. Воронцовымъ.

(2) Въ ознаменованіе того, что онъ не признавалъ себя болѣе въ живыхъ, Петръ Степановичъ велѣлъ вырѣзать себѣ печать изображающую скелета между двухъ орденскихъ звѣздъ.

(3) Эти свѣдѣнія собраны мною въ Добромъ Пріютѣ.

(4) Всѣ подробности о послѣднихъ минутахъ П. С. Котляревскаго сообщены письменно его свѣтлости князю М. С. Воронцову, присутствовавшимъ при нихъ П. А Лазинскимъ, которому равно какъ гг. А. Ф. Реброву, И. А Андреевскому, Бушеву, и князю Н. О. Палавандову, я обязанъ истинной признательностью за то, что они доставили мнѣ возможность посильно исполнить возложенный на меня трудъ.

Особое примѣчаніе. Біографія генерала Котляревскаго напечатана въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ по двумъ причинамъ: — во-первыхъ, потому-что въ Тифлисѣ нельзя было ее напечатать съ достойною предмета типографическою роскошью; во-вторыхъ, потому-что послѣ появленія книги могутъ быть найдены новыя свѣдѣнія, не вошедшія въ «Біографію». Быть можетъ сподвижники, современники, и родственники асландузскаго героя, прочитавъ мой посильный трудъ, пожелаютъ дополнить его неизвѣстными мнѣ подробностями. Если таковыя лица благоволятъ сообщить мнѣ свои замѣчанія (адресуя ихъ въ Тифлисъ, въ Редакцію Газеты Кавказъ),—*я буду* имѣть возможность украсить ими второе, полнѣйшее изданіе Біографіи генерала Котляревскаго.

САЛАЛАКСКІЕ ДОСУГИ.

I.

ОЧЕРКЪ КАВКАЗА.

—

Вліяніе мѣстности на Исторію вездѣ испытано и достаточно доказано; но нигдѣ можетъ быть подобная истина не подтверждается такъ наглядно, осязаемо и разительно, какъ на Кавказѣ. Въ этой истинѣ заключается тайна его запутанной лѣтописи, причина многихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ правительствомъ при водвореніи государственнаго устройства, наконецъ ключъ ко всѣмъ безпрерывнымъ противорѣчіямъ, которыя составляютъ какъ-бы отличительное свойство всего края. И точно, не странно ли встрѣчать иногда бѣдность посреди неисчерпаемаго, почти баснословнаго богатства природы, застой умственнаго развитія при блестящихъ умственныхъ способностяхъ, гнусныя злодѣянія при самыхъ рыцарскихъ понятіяхъ о чести. Не страннѣе ли еще часто видѣть плодороднѣйшія нивы безъ разграниченія собственности, рѣки не облегчающія, но затрудняющія сообщенія; долины рѣкъ безъ осѣдлыхъ жителей, промышленность безъ собственнаго стремленія къ усовершенствованію, торговлю безъ совокупныхъ капиталовъ, цвѣтущія долины и безплодныя степи, изнурительныя лихорадки въ цвѣтистыхъ садахъ,

вѣчные снѣга и неугасимые огни — всѣ прихоти просвѣщенія близъ самаго огрубѣлаго невѣжества и наконецъ, ученыя записки въ виду народовъ, неимѣющихъ даже письменъ.

Всѣ эти едва-понятныя несообразности и противорѣчія могутъ объясниться только познаніемъ мѣстности, точнымъ опредѣленіемъ географическаго образованія края, гдѣ съ одной стороны природа щедро расточаетъ дары свои, съ другой часто останавливаетъ пользованіе ими.

Кавказъ раздѣляется естественнымъ образомъ на три отдѣльныя части, на *Предкавказье*, которое, продолжая степи южной Россіи, широкою гладью разстилается до подножья горъ, на *Кавказъ*, т. е. на пространство занимаемое центральнымъ хребтомъ и отброшеннымъ имъ андійскимъ отрогомъ, и на *Закавказье*.

Главный Кавказскій Хребетъ, какъ исполинъ, владычествующій надъ цѣлымъ краемъ, взволновавъ къ югу всю поверхность земли, возмутивъ буйное теченіе водъ, перемѣшавъ климаты, разграничивъ рѣзко населенія, растянулся во всемъ грозномъ своемъ величіи на 1,100 верстъ отъ Тамани до Баку, наискось всего перешейка, между двумя морями. Само-собою разумѣется, что вліяніе этого колоссальнаго явленія не могло не отразиться на всемъ, что его окружаетъ. И природа и люди подчиняются далеко вокругъ его власти, налагающей на нихъ особую отличительную печать. На Кавказѣ все получаетъ отъ горъ и

начало и смыслъ. Кавказъ объясняется только Кавказомъ.

И чтобъ убѣдиться въ дѣйствіи Кавказскаго Хребта на кавказовую землю, достаточно будетъ одного бѣглаго, поверхностнаго очерка.

Но прежде нельзя не упомянуть о томъ, что подобный очеркъ сдѣлался возможенъ только съ недавняго времени.

Огромныя явленія природы отъ самой своей огромности не допускаютъ, но однимъ наглядымъ наблюденіямъ, уразумѣнія закона, въ силу котораго они слѣдуютъ. Ни какой гористой мѣстности, нѣсколько обширной, нельзя понять въ общихъ ея чертахъ безъ точныхъ и подробныхъ картъ.

И такъ первое слово къ изданію на Кавказѣ «Географическихъ Записокъ» должно быть выраженіе общей глубокой признательности за важные картографическіе труды, исполненные и исполняемые въ здѣшнемъ краѣ, несмотря на всѣ препятствія, опасности и лишенія г.г. офицерами Генеральнаго Штаба и Корпуса Топографовъ. Составленныя ими карты предлагаютъ уже наукѣ обширное поле для изслѣдованій и соображеній. Огромный трудъ тріангуляціи всего Закавказскаго Края совершаемый полковникомъ О. И. Ходзько приближается тоже къ концу, подтвердивъ окончательно разность уровней между двумя морями и опредѣливъ нынѣ болѣе 600 высотъ барометрическими и геодезическими дѣйствіями. Такими

совѣстливыми и постоянными усиліями вдвигается Кавказъ въ область человѣческихъ познаній и мало-по-малу становится доступенъ для ученыхъ, озабоченныхъ разрѣшеніями географическихъ вопросовъ, вопросовъ тѣмъ болѣе здѣсь важныхъ, что съ ними тѣсно связаны политическія условія кавказской жизни.

Орографія Кавказа еще не обслѣдована на западѣ только въ части Сванетіи и земляхъ черкесовъ, на востокѣ же въ части Дагестана. Все остальное уже извѣстно или приводится въ извѣстность, благодаря мѣрамъ принимаемымъ правительствомъ, уже тѣмъ однимъ, среди прочихъ заботъ, оказывающимъ неоцѣненную услугу географіи и краю.

Наука обнаружила и пріобрѣла такимъ образомъ много въ высшей степени замѣчательныхъ фактовъ, объясняющихъ орографію края, которая въ свою очередь объясняетъ образованіе и бытъ кавказскихъ народовъ.

Въ главѣ полученныхъ любопытнѣйшихъ выводовъ становятся очевидно изслѣдованія о владыкѣ всего края, о гигантскомъ хребтѣ, на который упирается Россія какъ на колоссальное подножіе.

Центральный кавказскій гребень, образующій главный водораздѣлъ края и мощно низвергающій на обѣ стороны неукротимо-стремительные потоки и рѣки, сопровождается къ сѣверу параллельнымъ побочнымъ гребнемъ, на которомъ расположены преимущественно самыя значительныя возвышен-

ности, какъ напримѣръ Эльбрусъ и Казбекъ (*). Обѣ параллельныя цѣпи соединяются во многихъ мѣстахъ перемычными, продольными возвышенностями, замыкающими огромныя гнѣзда или котловины, по самому своему положенію, какъ отдѣльныя неприступныя крѣпости, отрѣзанныя другъ отъ друга.

Между Чернымъ Моремъ и Эльбрусомъ изслѣдованы три таковыя главныя котловины, вмѣщающія бассейны Лабы, Кубани и Малки. Отъ Эльбруса до Барбало по изслѣдованіямъ г. профессора Абиха, на разстояніи 250 вер. опредѣлены 4 котловины бассейновъ Баксана, Ардона, Терека и Аргуна. Отъ Барбало, къ востоку тянется недоступный Андійскій Хребетъ, которымъ оканчивается параллельное направленіе двухъ цѣпей. Къ югу образовались двѣ огромныя котловины, первая въ нагорномъ Дагестанѣ вмѣщаетъ бассейны четырехъ Койсу, соединяющихся въ рѣкѣ Сулакѣ. Эта котловина, по совершенно-гнѣздообразной мѣстности, предлагаетъ самое безопасное убѣжищё для непокорныхъ лезгинъ; вторая же котловина Самура и его притоковъ вмѣщаетъ среднiй и южный Дагестанъ и образуетъ мѣстность болѣе доступную.

(*) Einige Notizen über die Orographie von Dagestan v. Prof. Abich. Bulletin de la classe Physico—Mathematique de l'Academie Imperiale des Sciences de S.-Petersbourg 1847 № 135.

Таковыя котловины раздѣляются впрочемъ какъ дознано г. Абихомъ, на другія второстепенныя котловины и эта географическая особенность, повторяемая въ Сванетіи и несомнѣнно въ земляхъ адиге или черкесовъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что она имѣя только сходство съ характеромъ Андскихъ Горъ въ Америкѣ — почти исключительно принадлежитъ Кавказу и вполнѣ объясняетъ недоступную, непокорную и отчужденную другъ отъ друга жизнь жителей горъ.

Къ югу отъ Центральнаго Хребта, котораго средняя абсолютная высота простирается отъ 10 до 12 т. футовъ, тянется другая параллельная, но гораздо низшая цѣпь, начинающаяся въ верховьяхъ Іоры и Алазани и оканчивающаяся близъ Шемахи.

Къ сѣверу отъ Шемахи съ горы Бабадага главный хребетъ раздѣляется на 3 части. Самая незначительная направляется къ Баку, другая доходитъ до устья Пирсагата, а 3-я, самая длинная, тянется до Сальянъ, гдѣ оканчивается отдѣльными холмами.

Средину Закавказья образуетъ масса хребтовъ карабагскихъ, которыхъ средняя котловина вмѣщаетъ Гокчайское Озеро. Эти горы, называемыя Малымъ Кавказомъ, дробясь на многія отрасли, связываютъ Центральный Хребетъ съ параллельной къ нему на югѣ цѣпью, которая по замѣчанію г. Гумбольдта (*), не что иное, какъ продолженіе

(*) Humboldt. Etude la nature. 1 vol p. 87.

Гималайскаго Хребта, продолженіе направленное къ сѣверу отъ Тегерана и Тавриза къ Араксу близъ Ордубата, и оттуда въ Малой Азіи почти до Константинопольскаго Пролива.

Между Нахичеванью и Ордубатомъ Малый Кавказъ прорѣзывается въ 2-хъ мѣстахъ Араксомъ, а при Сурамѣ Курою.

Сурамскія Горы, огибая бассейнъ Ріона, соединяютъ Центральный Хребетъ съ Малымъ Кавказомъ и съ горами Арменіи, откуда вытекаютъ Араксъ и Кура къ сѣверу, а Тигръ и Евфратъ къ югу. Закавказье на юго-западѣ замыкается, цѣпью горъ, уступившей Россіи лишь святыню Арарата и принадлежащей той же системѣ Малой Азіи и Адербейджана.

Такимъ образомъ все пространство занимаемое собственно Кавказомъ и Закавказьемъ представляетъ перемѣшанные ряды и группы возвышенностей, которыя сглаживаются только въ цвѣтущей долинѣ Ріона, въ безлѣсной долинѣ Аракса, и сперва въ плодородной, а потомъ въ болѣе и болѣе знойной, и необитаемой долинѣ Куры.

Если же обратить вниманіе на то, что устье Куры и вся поверхность Каспійскаго Моря на 85 футовъ ниже уровня океана, а что съ другой стороны Эльбрусъ возвышается надъ симъ уровнемъ на 18,524 фута, и что постепенное приближеніе или удаленіе отъ линіи вѣчныхъ снѣговъ тѣсно связано съ общими термическими свойствами каждой мѣстности, то чрезвычайное

раздробленіе кавказскихъ климатовъ: необыкновенное разнообразіе кавказской растительности и всѣ второстепенныя явленія, связанныя съ ними, становятся понятными.

Кромѣ того Центральный Хребетъ, образуя уголъ почти въ 75°00 съ меридіаномъ, раздѣляетъ весь край громадной стѣной, которой сѣверо-восточная сторона подлежитъ преимущественно вліянію Каспійскаго Моря, южная же сторона или собственно Закавказье вліянію Чернаго Моря (*). Сіе раздѣленіе условливаетъ разительную климатическую разность между двумя сторонами хребта, изъ которыхъ первая открыта дѣйствію вѣтровъ господствующихъ по гладкой поверхности азіатскаго материка; вторая, за исключеніемъ бо́льшой части бассейновъ Куры и Аракса, подчиняется дѣйствію климата южной Европы.

Морскіе же берега, которые окаймлены оплотомъ горъ, удерживающихъ передвиженіе нижнихъ слоевъ воздуха и которыя, слѣдовательно, постоянно насыщаются морской влажностью, образуютъ восхитительные, хотя и лихорадочные сады Закавказья. Таковы: древняя Колхида (на черноморскомъ восточномъ берегу) и Ленкоранскій Уѣздъ, дышащіе какъ сады Армиды и прелестью и отравой.

(*) Тифлисскій климатъ Н. Ханыкова. см. Кавк. Календарь 1845 г.

Необыкновенное разнообразіе кавказскихъ климатовъ было уже неоднократно изслѣдовано гг. Парротомъ, Купферомъ, Филадельфинымъ, Ханыковымъ, Абихомъ и другими. Оно не могло не обратить на себя особеннаго вниманія правительства, убѣдившагося, что метерологическія наблюденія получаютъ на Кавказѣ значеніе особой важности и для разъясненія климатическихъ вліяній разныхъ мѣстностей на общественное здоровье, и для доставленія точекъ опоры и сличенія барометрическимъ нивеллировкамъ, и для руководства при предпріятіяхъ, относящихся до земледѣлія и плантацій.

Съ таковой цѣлью учреждены на Кавказѣ въ разныхъ пунктахъ 13 метеорологическихъ станцій, начавшихъ рядъ точныхъ и безостановочныхъ наблюденій по указаніямъ г. Абиха и продолжающихъ ихъ нынѣ подъ просвѣщеннымъ надзоромъ г. Морица. Кромѣ того въ самомъ Тифлисѣ учреждена главная магнитная и метеорологическая обсерваторія, которая будучи, по своему географическому положенію среднимъ пунктомъ между обсерваторіями существующими въ Европѣ и Индіи, послужитъ къ согласованію производимыхъ ими, по предложенію г. Гумбольдта, наблюденій.

Составленная г. Абихомъ изъ полученныхъ уже выводовъ климатологическая карта Закавказья представляетъ любопытное заключеніе, что центральная изотермическая линія края, проходя чрезъ Редутъ-Кале и Тифлисъ, рѣзко спускаясь на Баку и Лен-

коранъ и совпадающая на этомъ послѣднемъ направленіи почти съ линіею гордезическаго нуля соотвѣтствуетъ 11° Reaum. Изотермическія же линіи на сѣверъ и на югъ центральной линіи соотвѣтствуютъ 8°.

Очевидно, что съ разнообразіемъ климатовъ находится въ тѣсной связи и растительность. Растительность Закавказья, по замѣчаніямъ одного опытнаго наблюдателя, можетъ раздѣляться на 4 полосы или отдѣла. Первый, начинаясь въ безплодной области вѣчныхъ снѣговъ, проникающій въ атмосферу выше 11,000 футовъ, нисходитъ постепенно между 11,000 и 7,000 футами отъ альпійскихъ злаковъ чрезъ хвойныя породы, свойственныя самымъ сѣвернымъ широтамъ, къ кустарникамъ средней полосы Европы. Эти кустарники развиваясь все болѣе и болѣе между 7,000 и 5,000 футовъ, переходятъ въ великолѣпные лѣса, окраяемые на послѣдней ступени этого отдѣла, чинарами, орѣховыми деревьями, карагачами, подножья которыхъ заняты фруктовыми и различными колючими кустарниками. Возвышеніе этой полосы можно свободно положить въ 3,000 фут. или отъ 5 до 2,000 футовъ. Ниже этого, начинается въ центрѣ края, въ бассейнахъ Куры и Аракса вплоть до Каспійскаго Моря, *второй отдѣлъ*, низменныхъ долинъ, неимѣющій уже лѣсовъ, по недостачности сырости воздуха. Въ немъ тающіе снѣга вызываютъ раннею весною яркую, но скоро проходящую зелень, быстро

выжигаемую солнцемъ и представляющую тогда однообразный желтый покровъ, который нѣсколько не отличаясь почти отъ цвѣта обнаженныхъ слоевъ глины, такъ утомительно поражаетъ глазъ наблюдателя до песчаной ленты, окаймляющей съ запада Каспійское Море. Въ мѣстахъ недоступныхъ непосредственно вліянію слоевъ воздуха, насыщенныхъ влагою моря, та же высота соотвѣтствуетъ 3-му отдѣлу сырыхъ и богатыхъ растительностію низменностей, бассейна Ріона и Талыша. Этотъ отдѣлъ, въ полномъ смыслѣ слова, представляетъ собою усиленіе послѣдней ступени перваго отдѣла: въ немъ мы встрѣчаемъ тѣ же деревья, только подъ вліяніемъ сырости и тепла, онѣ принимаютъ болѣе величественные размѣры, стволы ихъ одѣваются могучими побѣгами вьющихся растеній, который нерѣдко окутываются густою зеленою сѣтью, а вѣтви покрытыя листьями составляютъ изъ нихъ разнообразные куполы зелени, поражающіе въ мингрельскихъ, гурійскихъ и ленкоранскихъ лѣсахъ; терновники получаютъ болѣе разнообразія, густоты и непроницаемости; рододендроны покрываютъ скаты горъ и нерѣдко около сосенъ, напоминающихъ немного зеленью своею унылый сѣверъ, дико-растущія розы ясно указываютъ вамъ, что вы на югѣ. Переходъ изъ этого отдѣла въ четвертый отдѣлъ плоскихъ возвышенностей, представляетъ гораздо менѣе постепенностей: лѣса прекращаются разомъ, но сырость, свойственная этой высотѣ, отъ 3-хъ до

5,000 фут. поддерживаетъ тамъ большое развитіе злаковъ и травянистыхъ породъ и потому въ то время, когда низкія, сухія долины давно уже выжжены солнцемъ, нехолмленныя раздолья этого отдѣла представляютъ поверхности покрытыя зеленью.

Всѣ эти четыре рѣзкіе отдѣла или полосы не слѣдуютъ очевидно въ стройномъ порядкѣ, а часто перемѣшаны и перепутаны, отчего на протяженіи нѣсколькихъ верстъ можно испытать нѣсколько различныхъ температуръ, видѣть выжженныя степи, требующія искуственнаго орошенія, и самую изумительную растительность. Оттого здѣшняя дендрологія, здѣшняя флора такъ роскошны, а царство животныхъ представляетъ въ рѣкахъ и моряхъ столь обильные рыбные промыслы; а на твердой почвѣ столько различныхъ образцовъ отъ сибирской куницы до ленкоранскаго барса. Разнообразіе климатовъ условливаетъ едва-постижимое разнообразіе и богатство, какъ въ царствѣ животномъ, такъ и въ царствѣ растительномъ.

Всѣ эти явленія доказываютъ достаточно въ какой тѣсной зависимости находятся орографія и климатологія всего края отъ вліянія Центральнаго Хребта; они заслуживаютъ тѣмъ болѣе изученія, что отъ ихъ помянутаго разнообразія возникло и разнообразіе всѣхъ населеній, распредѣлившихся съ ихъ пестрыми этнографическими особенностями по всему краю, а что еще важнѣе, что отъ нихъ опредѣлилась степень ихъ

образованія. Чѣмъ болѣе дѣйствіе Кавказскаго Хребта становится ощутельно, чѣмъ замкнутѣе становятся его котловины, тѣмъ болѣе раздробляются населенія, тѣмъ болѣе жизнь ихъ становится дика, первобытна и необузданна.

Отъ того Предкавказье должно было принять видъ огромнаго лагеря, раскинувшагося на 10-ть слишкомъ мил. десятинъ и преимущественно устремленнаго къ окраинамъ горъ перепоясывающихъ перешеекъ.

Ставропольская Губернія, которая при другомъ сосѣдствѣ, могла бы быть одной изъ самыхъ цвѣтущихъ русскихъ областей, не имѣетъ даже собственнаго основнаго населенія, а съ трудомъ набрала изъ выходцевъ и поселенцевъ по 1-й душѣ на 40 десятинъ, считая въ томъ числѣ 13 тыс. кибитокъ кочующихъ Нагайцевъ, Туркменъ и Калмыковъ.

Кто видѣлъ Предкавказье, тотъ конечно былъ пораженъ зрѣлищемъ вооруженной степи всегда готовой на охраненіе и оборону. И по мѣрѣ того, какъ тысячеглавый Кавказъ рѣзко и надменно выступаетъ надъ облаками, военная жизнь выказывается дѣятельнѣе, отважнѣе и стройнѣе. Здѣсь становится понятно, что сказаніе о Прометеѣ могло родиться только на Кавказѣ, черезъ который послѣ вѣковыхъ усилій пробита только одна безопасная дорога, между христіанскими племенами, да и та нерѣдко засыпаетъ путниковъ снѣжными лавинами.

Расположенное у подножія Центральнаго Хребта войско, совершаетъ нынѣ подвигъ безпримѣрный, усмиряя и приводя къ гражданскому устройству племена, обитающія на сѣверныхъ покатостяхъ горъ. Племена эти, которыхъ въ этой только мѣстности численность простирается отъ 370,000 до 400,000 д. об. пола, дробятся между собой болѣе чѣмъ на 60 вѣтвей, или обществъ различныхъ наименованій, чуждыхъ другъ другу, но одушевленныхъ болѣе или менѣе однимъ фанатизмомъ и однимъ высокомѣріемъ отъ могучаго заступничества Кавказа. Однако послѣ полувѣковой борьбы, Русская Держава, пріютившая Грузію и тоже, громадной своей силой, заступившаяся за ея мученическую долю, уже видитъ плоды своихъ мудрыхъ предначертаній. Предкавказское войско все болѣе и болѣе вытѣсняетъ въ горы непокорныхъ хищниковъ, а покорившимся братски простираетъ руку.

Но у подножья горъ еще останавливается сила человѣческая, и тутъ она ограничивается покуда тѣмъ, что запираетъ въ ихъ гнѣздахъ ослушниковъ. Горный каменистый хаосъ Дагестана, извергающій на Чечню своихъ мюридовъ, удерживаемыхъ къ югу Лезгинской Линіей, и западная сторона хребта, вплоть до Абхазіи, вмѣщаютъ такимъ образомъ еще много племенъ и обществъ, о которыхъ свѣдѣнія самыя недостаточныя.

Страбонъ (*), упоминая о племенахъ, населяющихъ Кавказскія Горы, опредѣляетъ число ихъ до 70 различныхъ, а по отзывамъ иныхъ до 300 и замѣчаетъ при томъ, что не одно изъ нихъ не заботится о томъ, что дѣлается въ остальной части вселенной; что каждое изъ нихъ живетъ отдѣльно, не знаетъ языка своихъ сосѣдей и что между собой, по жестокости или по гордости, они не имѣютъ сообщенія.

Любопытно, что замѣченное почти за 2,000 лѣтъ не измѣнилось и понынѣ. Но не гордость, а географическое образованіе хребта остановило въ тѣсныхъ предѣлахъ развитіе края и здѣсь открывается обширное, хотя и трудное поприще для дѣятельности филологовъ и ученыхъ обществъ. На вершинахъ Кавказа таится разрѣшеніе важной исторической задачи о судьбѣ многихъ исчезнувшихъ народовъ и задача эта тѣмъ труднѣе можетъ быть разрѣшена, что она мало найдетъ свѣта въ письменныхъ памятникахъ древнихъ писателей западныхъ и восточныхъ. Остается обратиться только къ сравнительному изученію сохранившихся языковъ, именъ, и въ высшей степени занимательныхъ нравовъ, обычаевъ и преданій. Подвигъ совершаемый Леиротомъ для сближенія финскихъ нарѣчій, ожидаетъ здѣсь послѣдователей. Клапротъ (**) положилъ ему начало

(*) Strabon de Situ orbis L. XI.

(**) Klaproth. Voyage au mont Caucase.

въ своемъ краткомъ опытѣ сравнительнего словаря лезгинскихъ и митзджегинскихъ нарѣчій и языковъ абхазскаго, осетинскаго и черкесскаго (адиге). Но это начало равно какъ и опытъ русско-черкесскаго словаря г. Люлье могутъ почитаться только указаніями къ огромному труду, которымъ можетъ только развязаться гордіевъ узелъ кавказскихъ народностей, поглотившихъ въ себѣ и сарматовъ и мидійцевъ, и аллановъ и албанцевъ, и амазонокъ и многихъ другихъ, которыхъ одни лишь названія сохранились еще въ лѣтописяхъ.

Кавказъ сурово хранитъ свою тайну,—но за то исторія Закавказья представляетъ уже гораздо болѣе источниковъ. Оно естественно. По мѣрѣ того, какъ мѣстность сглаживается и теряетъ характеръ своей замкнутой недоступности, общественная жизнь болѣе развивается и оставляетъ болѣе о себѣ памятниковъ. Но такъ-какъ главное свойство Кавказскаго Хребта не исчезаетъ въ Закавказьѣ, а только выражается въ Маломъ Кавказьѣ болѣе мяткими чертами, то и исторія его все-таки сбивчива и перепутана, какъ его природа.

Нынѣ въ Закавказьѣ господствуютъ 5 рѣзкихъ народностей: картвельская или грузинская, гайканская или армянская, иранская или персидская, тюркская или татарская, и наконецъ русская. Первыя три т. е. картвельская (иверская), гайканская и иранская составляютъ основное насе-

леніе края. Картвелы, поселившись около южной цѣпи горъ, сопровождающей Центральный Хребетъ, раздѣлились на 13 племенъ (*), изъ нихъ нѣкоторыя, какъ грузины, мингрельцы, имеретины, кахетинцы, гурійцы, спустившись къ долинамъ, и обреченные на вѣчную борьбу съ пришельцами то смѣшивались, то образовали отдѣльныя царства и владѣнія, оставившія по себѣ много памятниковъ и каменныхъ и письменныхъ; другія же, какъ пшавы, тушины, хевсуры, удалившись къ Центральному Хребту, не заимствовали даже отъ Христіанской Вѣры, обыкновенно истекающаго отъ нея, мірскаго просвѣщенія, остались вѣрными горамъ своимъ и до сего времени сохраняютъ нравы, едва ли не первыхъ временъ человѣчества. Изъ этого раздвоенія возникла на Закавказьѣ та рѣзкая особенность, что иногда на протяженіи нѣсколькихъ верстъ можно видѣть и изучить три главныя эпохи всемірной исторіи. Такъ образъ жизни горскихъ племенъ сохранился неизмѣнно въ первобытномъ своемъ характерѣ, какъ бы живой обломокъ древняго міра. Съ другой стороны, по всему черноморскому берегу, въ Мингреліи, въ Абхазіи еще понынѣ живутъ обычаи среднихъ вѣковъ. Нераздѣльныя помѣстья считаются владѣніями. Вассалы держатъ стремя своему господину, сопровождаютъ его въ

(*) О различныхъ наименованіяхъ Грузинъ П. Іосселіана стр. 13.

шумной свитѣ, платятъ ему дань соколами, одеждою, опредѣленными яствами, и дань эта искони вѣковъ сбираемая съ семействъ, ужь освящена преданьемъ. Владѣтель, сидя подъ столѣтнимъ деревомъ, рѣшаетъ споры и тяжбы между своими подвластными, а въ извѣстные дни, всѣ собираются къ нему и каждый приноситъ свое добро и тутъ совершаются пиры гомерическіе, скачки и турниры—особаго рода. Тутъ все дышетъ феодализмомъ. Тутъ удаль и отвага странствующихъ рыцарей становятся понятными и все это совершается въ виду Чернаго Моря, по которому дымятся пароходы, какъ свѣтильники современнаго просвѣщенія. Нужно ли присовокупить что третья эпоха, эпоха настоящаго русскаго владычества, тамъ гдѣ оно успѣло уже подвинуть населенія къ неиспытанному благоденствію, и уврачевать раны вѣковыхъ безпорядковъ, насилій и мученій.

Всѣ страницы грузинской исторіи смочены кровью. За исключеніемъ славныхъ царствованій Давида-Возобновителя и Тамары, нѣтъ ни отрады, ни отдыха въ этой мучительной лѣтописи. Прежде Грузія находила шаткую опору въ Византійской Имперіи; но когда Византія пала, Грузія естественно обратилась къ Россіи, выказывая свои окровавленныя рубища, но бодрая духомъ, и отважная при самыхъ крайнихъ злополучіяхъ.— Грузія вынесла всѣ скорьби, всѣ нашествія на равнѣ съ прочими древними закавказскими зем-

лями — Арменіей и Албаніей. Но Арменія, опустошенная арабами, разграбленная куропалатами и марзбанами, еще въ 11 столѣтіи, раздѣлена между Персіей и Византіею. Но Албанія слилась до того съ покорившими ея мусульманами, что даже исторія ея осталась загадкой. Одна Грузія боролась постоянно съ нападающими на нее врагами, выдержала напоры Чингисъ-Хана и Тимуръ-Ленга, выстрадала иго персидскихъ царей и турецкихъ войскъ, и все отстаивала свою самобытность, и наконецъ изнеможенная повергла къ стопамъ Русскаго Государя свою непокоренную, но покорную корону.

Армяне же, какъ сказано выше, утратили въ 1046 году, при истребленіи греками столицы ихъ Ани, свою политическую самостоятельность, вслѣдствіе чего они разсыпались по Азіи и по всему Закавказью.

Нашествія арабовъ въ 8-мъ вѣкѣ, оставившія осадки населенія въ Дагестанѣ и вторженіе татаръ усилили въ Закавказьѣ мусульманское населеніе. Въ 1258 году переселено въ закавказскія земли 200,000 татарскихъ семействъ (*), изъ которыхъ 50,000 въ долины Аракса и Куры, т. е. на лучшія пастьбища и пахатныя земли края. Это новое населеніе, перемѣшавшись вѣроятно съ иранскимъ аборигеннымъ, образовало особое Шир-

(*) Новые очерки Закавказья Ю. А. Гагемейстера стр. 55

ванское Царство, исторія котораго, какъ она ни важна для изученія Закавказья, къ сожалѣнію, мало-извѣстна и изслѣдована только ученымъ трудомъ г. Дорна (*)

Въ 1747 году, Ширванское Царство раздробилось на нѣсколько ханствъ, которыя существовали еще за нѣсколько лѣтъ, но ихъ исторія или неизвѣстна, или хранится въ рукописяхъ.

Изъ этого броженія событій и народностей возникла на Закавказьѣ еще та странная особенность, что каждое изъ трехъ главныхъ племенъ, составляющихъ настоящее населеніе Закавказья, т. е. грузинское, армянское и татарское, отличается характерическимъ свойствомъ, возникшимъ изъ его исторической судьбы. Грузины, по ихъ образу жизни, по щедрому нраву, по царственной одеждѣ ихъ женъ, по любви къ роскоши, по храбрости и по веселой беззаботности, выражаютъ характеръ аристократическій, воинственный. Армяне, напротивъ, сохранивъ только неприкосновенно святыню своей вѣры и богатѣйшую литературу, давно отказались отъ политической самобытности, и находясь вѣчно между персіянами и турками, направили преимущественно свою дѣятельность на торговлю, на пріобрѣтеніе богатства, которымъ они въ свою очередь старались порабощать своихъ поработителей.

(*) Versuch einer Geschichte des Schirvan Schachen v. Dorn.

Наконецъ, татары обратились естественно, по выбранной имъ мѣстности, къ земледѣлію и скотоводству, и образуютъ едва ли не самый важный производительный, рабочій элементъ Закавказья.

Это тройственное населеніе, находящееся на 142,000 кв. вер., (*) въ числѣ 1,630,000 жителей, распадается на различныя племена, и сословія, имѣющія свое отдѣльное развитіе, свои преданія, свою исторію, свою вѣру, свой языкъ, свои особенности. Къ нимъ присоединяются персіяне, курды, нѣмецкіе колонисты, русскіе поселенцы и всѣ они, соединяясь часто въ одной мѣстности, рѣзко раздѣляются понятіями, нравами; всѣ подлежатъ изысканіямъ и изученію. Недавнее раздѣленіе края на губерніи обѣщаетъ современемъ возможность опредѣлить съ точностію статистическія числа, выражающія жизнь народа и его хозяйственную дѣятельность, въ особенности при предстоящемъ правильномъ межеваніи земель и точномъ разграниченіи собственностей и правъ состояній. Тѣсныя предѣлы настоящей статьи не дозволяютъ входить въ дальнѣйшія подробности, но нельзя не упомянуть, какъ о главномъ выводѣ по этому предмету, о бывшей въ 1850 г. выставкѣ замѣчательнѣйшихъ естественныхъ и промышленныхъ произведеній Закавказья. Эта выставка, устроенная барономъ А.К. Мейендорфомъ, хотя приблизительно

(*) Новые очерки Закавказья стр. 60.

и не въ полномъ объемѣ, но уже представила довольно вѣрную картину богатства края; богатство, которое заключается еще болѣе въ указаніяхъ, чѣмъ въ дѣйствительныхъ сокровищахъ, вполнѣ добытыхъ уже у природы трудомъ человѣческимъ. (*)

Въ главѣ ихъ становятся вещества царства ископаемаго: обильныя копи недавно добытаго каменнаго угля, желѣзныя, мѣдныя, серебрянныя руды, даже признаки золота, соль и нефть въ изобиліи. Красильныя вещества представляютъ крайнее разнообразіе, между которымъ первое мѣсто занимаетъ марена, которая вмѣстѣ съ шелкомъ составляетъ еще главный предметъ внѣшней торговли Закавказья. Неимовѣрное изобиліе хлѣбныхъ, масличныхъ и огородныхъ растеній, плодовъ, деревьевъ указываютъ на неизсякаемый источникъ довольства, обратившій нынѣ на себя просвѣщенное вниманіе кавказскаго намѣстника, учредившаго въ краѣ болѣе 20 садовъ, и раздавшаго въ теченіи 5 лѣтъ здѣшнимъ жителямъ до 679,300 однихъ виноградныхъ лозъ (**);

(*) Каталогъ образцамъ замѣчательнѣйшихъ естественныхъ и промышленныхъ произведеній Закавказскаго Края, представленныхъ въ 1850 году на выставку въ Тифлисѣ.

(**) Обзоръ дѣйствія намѣстника кавказскаго для развитія сельскаго хозяйства съ 1845 по 1850 г. Х. И Колодѣева.

затѣмъ фабричная производительность ограничивается большею частію домашними издѣльями съ яркою печатью азіатскаго вкуса, иногда превосходными по своей оригинальности, но упорными въ принятомъ разъ направленіи, какъ и самъ Востокъ. Отъ этото широкіе размѣры просвѣщенной торговли здѣсь еще въ зачаткѣ и ждутъ только вполнѣ удобныхъ путей сообщенія, безопасности и собственной организаціи, чтобъ развиться вполнѣ по мудрымъ указаніямъ правительства.

Можно утвердительно сказать, что до пришествія русскихъ весь край только думалъ о личной безопасности, отчего и понынѣ еще сохранился обычай не разставаться съ оружіемъ. Раны столькихъ вѣковъ не залѣчиваются разомъ.

Славныя времена Закавказья живутъ еще въ памяти народной, въ сказаніяхъ о Тамарѣ, въ пѣсняхъ Руставеля, въ особенности въ безчисленныхъ развалинахъ, такъ живописно расположенныхъ по всему краю; но безопасность, но гражданственность Закавказья начинается только съ нынѣшнимъ столѣтіемъ, и каждый день ведетъ къ новому усовершенствованію.

Изъ этого сжатаго очерка уже можно нѣсколько видѣть какъ и почему кавказская природа и кавказская жизнь, (объясняемыя вліяніемъ владычествующихъ надъ ними горъ,) являются не стройной картиной, а почти безвисходнымъ лабиринтомъ.

Поэтому, весьма естественно, объяснится тоже почему и самыя свѣдѣнія о краѣ, никогда не были и понынѣ не могутъ быть еще удовлетворительными, почему они неполны, неровны, иногда обильны, иногда недостаточны, иногда не собраны вовсе, и большею частію ограничиваются одними матеріалами. Матеріалы же къ познанію Кавказа заключаются въ драгоцѣнныхъ оффиціальныхъ источникахъ, въ сказаніяхъ туземцевъ, и въ трудахъ путешественниковъ.

Дополненіе согласованія и разработка сихъ матеріаловъ, очевидно превышая силы одного человѣка, становятся обязанностью ученаго сословія.

Вѣрное и подробное опредѣленіе всѣхъ особенностей Кавказа въ отношеніяхъ географическомъ, статистическомъ и этнографическомъ, можетъ возникнуть только отъ дружныхъ, совокупныхъ усилій людей специальныхъ и совѣстливыхъ наблюдателей. Съ этой цѣлью и основанъ Высочайше утвержденный 27-го іюля 1850 года Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Россійскаго Географическаго Общества, который приступивъ къ своимъ дѣйствіямъ, какъ первый плодъ своей дѣятельности представляетъ нынѣ на образованный судъ читателей первую книгу своихъ записокъ.

Но если настоящая статья достигла своей цѣли, то читателямъ будетъ ясно, почему въ трудахъ Кавказскаго Отдѣла не можетъ еще быть полноты объема и вполнѣ удовлетворительной точности.

На Кавказѣ все добывается войной, терпѣніемъ и трудомъ. Упорная борьба съ природой, съ людьми и ихъ предразсудками прокладываетъ трудный путь наукѣ, которая не могла или не успѣла еще раскинуться сѣтью постоянныхъ наблюденій и изслѣдованій въ землѣ, гдѣ съ одной стороны обновленная общественная жизнь начинаетъ только успокоиваться отъ кроваваго броженія, а гдѣ съ другой самыя первыя начала общественной жизни—порядокъ и безопасность распространяются оружіемъ. При такихъ условіяхъ не можетъ еще быть для любознательности того мирнаго простора, того общаго сочувствія, которыми живетъ европейское просвѣщеніе. Къ тому же немного лицъ и могутъ посвятить себя здѣсь исключительно на отвлеченныя занятія. Гости временные, или случайные, или просвѣщенные туземцы, люди высшаго образованія слишкомъ еще рѣдки, слишкомъ еще нужны для самаго жизненнаго устройства края. Такіе люди, озабоченные служебной дѣятельностью, или какъ воины съ опасностью жизни, водворяютъ понятія о законности между непокорными племенами, или какъ граждане укоряютъ тѣ же понятія въ племенахъ и народахъ Закавказья еще не всегда ясно-понимающихъ ихъ пользу.

Но при единодушномъ стремленіи къ совершенствованію, но при совокупныхъ дружныхъ порывахъ столькихъ дѣятельностей къ одной цѣли, но при мощномъ руководствѣ маститаго вож-

дя, съ такимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ посвятившаго всю жизнь свою на благо общее, все развивается, все дополняется, все движется впередъ. Здѣсь не привыкли обращать вниманія на препятствія. Скромныя судьбы Кавказскаго Географическаго Отдѣла не измѣнятъ прекраснаго обычая. Чѣмъ болѣе Отдѣлъ встрѣтитъ затрудненій и остановокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ болѣе онъ усилитъ свое рвеніе и изъ однихъ *досуговъ* своихъ членовъ будетъ стараться оставить памятникъ о своемъ не безполезномъ существованіи.

ИЗМѢНЕНІЯ НА ЛЕЗГИНСКОЙ ЛИНІИ.

Роскошная Алазанская Долина, раскинувшись широкой плодородной плоскостью болѣе чѣмъ на 3000 квад. верстъ, была издревле лучшимъ перломъ тяжелаго вѣнца Царей Грузинскихъ. Образуя Кахетію (*), памятную своими возмущеніями, прославленную своими войнами, она и понынѣ представляетъ цѣлый рядъ привольныхъ виноградныхъ садовъ, орошаемыхъ обильными источниками, журчащими подъ тѣнью широколиственныхъ орѣховыхъ деревьевъ. Но грозной, громадной стѣной окаймляетъ Алазанскую Долину южный отклонъ Кавказскаго Хребта. За переваломъ начинается скалистый безплодный Дагестанъ, откуда лезгины, какъ хищные, голодные волки, спускаются по ущельямъ на долины, скрываясь и рыская въ чащѣ лѣсовъ, въ ожиданіи безопаснаго, удобнаго случая, чтобы напасть на оплошнаго, путника, отогнать стадо или ограбить беззащитное жилье. Такимъ образомъ и тутъ, какъ почти вездѣ на

(*) Кахетія составляетъ нынѣ два уѣзда: Телавскій и Сигнахскій.

Кавказъ, безпримѣрному приволью противопоставляется постоянно грозящая, невидимая опасность, и край предопредѣленный для наслажденій, становится притономъ разбойничьихъ шаекъ, свидѣтелемъ мрачныхъ звѣрскихъ злодѣяній.

Противъ столь бѣдственнаго сосѣдства лучшимъ оплотомъ очевидно густое воинственное населеніе, всегда бдительное на стражѣ, всегда готовое и на защиту и на месть.

Потому-то съ незапамятныхъ временъ и поселились у южнаго отклона Кавказскихъ Горъ грузинскія племена, стерегущія свою любимую, благословенную Кахетію. Нѣкоторыя изъ нихъ, обезопасивъ ее съ сѣверо-западной стороны, поднялись сами на горы и приняли по избраннымъ ими мѣстностямъ названія пшавовъ, тушинъ и хевсурцевъ. Другія же расположились у подошвы горъ на протяженіи болѣе 100 верстъ дружными селеніями, изъ которыхъ селеніе Кварель искони славилось своимъ виномъ, Гавазы своими персиками, а находящееся на юговосточной оконечности Алазанской Долины селеніе Кахъ сдѣлалось мѣстопребываніемъ кахскаго епископа.

Сокрушительное нашествіе Шахъ-Аббаса въ началѣ XVII вѣка измѣнило положеніе всего края. Христіанскія церкви были разорены, кахскій епископъ со всѣмъ своимъ духовенствомъ принялъ мученическую смерть. Самое же кахское населеніе въ числѣ 19 деревень насильственно обраще-

но въ магометанство и образовало особое поселеніе ингелойцевъ, т. е. *новообращенныхъ*.

Въ то же время селеніе Гавазы было истреблено до основанія. Оставшіеся жители разбѣжались по всему краю, а нѣкоторые изъ нихъ основали селеніе Новые Гавазы, въ десяти верстахъ отъ прежняго, по направленію къ Алазани. Такъ рушилась живая, оберегательная цѣпь, отдѣляющая православную Кахетію отъ враждебныхъ мусульманъ. Юговосточная часть Алазанской Долины населилась татарами, образующими Джаробелаканскій Округъ, извѣстный еще понынѣ между татарами подъ названіемъ Гурджистана, т. е. Грузіи. Лезгины, пользуясь потворствомъ своихъ единовѣрцевъ и свободнымъ выходомъ изъ ущелій, начали опустошать роскошныя нивы алазанскія, распространяя повсюду смятеніе и ужасъ. Грузинская исторія сохранила кровавую лѣтопись выстраданныхъ краемъ бѣдствій, и только съ появленіемъ русскихъ, лезгинскія полчища начали претерпѣвать сильныя пораженія. Сперва генералъ Лазаревъ разбилъ ихъ недалеко отъ Сигнаха. Потомъ, храбрый генералъ Гуляковъ, пожертвовавшій собственною жизнію, началъ втѣснять ихъ въ горы, желая обезопасить Кахетію отъ ихъ нападеній. Затѣмъ, послѣ продолжительныхъ смутъ, возникшихъ отъ вліянія персіянъ, край началъ мало-по-малу успокоиваться. Русская кордонная военная линія легла вооруженною гранью у подошвы хребта, заперевъ ущелья укрѣпленіями.

Но чтобъ еще плотнѣе положить преграду набѣгамъ хищниковъ, недостаточно было однихъ военныхъ дѣйствій и предосторожностей. Изъ опыта давно минувшаго времени было видно, что край можетъ быть только тогда вполнѣ успокоенъ, когда самое подножіе горъ заселится людьми преданными, когда порядокъ, существовавшій до Шахъ-Аббаса, возобновится. Вообще въ великомъ событіи миротворенія на Кавказѣ часто встрѣчаются указанія на мѣры полезныя, нѣкогда существовавшія и исчезнувшія въ потрясеніяхъ, которыя довели-было Грузію до края погибели.

Намѣстникъ кавказскій, въ постоянномъ стремленіи къ благоденствію ввѣреннаго ему края, не могъ не обратить особаго вниманія на безопасность Кахетіи. Согласно представленію тифлисскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта князя Андроникова, возобновленіе Старыхъ Гавазовъ было утверждено, и въ то же время нѣкоторые ингелойцы, сохранившіе еще съ преданіями о прежнемъ исповѣданіи свою древнюю церковную утварь, изъявили желаніе снова принять Христіанскую Вѣру.

Адъютанту главнокомандующаго, гвардіи ротмистру, князю Амилахварову, было поручено трудное дѣло возсозданія и прежняго обиталища и прежняго вѣрованія.

Нынѣ порученіе князя Амилахварова исполнено почти окончательно и представляетъ фактъ, за-

мѣчательный не только въ правительственномъ отношеніи, но и въ статистическомъ.

Вновь возникшее селеніе Старые Гавазы имѣетъ въ окружности 6 верстъ и разбито на 12 улицъ и 2 площади. Оно окружено частоколомъ, снабженнымъ 21 вышками съ воротами. Жителей, добровольно согласившихся переселиться на прежнее пепелище, считается 24 семейства дворянскихъ и 301 податнаго состоянія. Вокругъ домовъ разводятся огороды, тутовыя деревья, виноградники. Необыкновенная растительность этой мѣстности уже снова обратила въ роскошные сады недавнее пристанище качаговъ (разбойниковъ) и лезгинскихъ искателей крови. Древнія развалины, замѣчательнаго по зодчеству, храма возобновляются и въ непродолжительномъ времени слово Евангелія, которое безмолствовало болѣе двухсотъ лѣтъ въ раззоренной церкви, снова въ ней раздастся торжествующее и миротворящее. Для большей же безопасности этого вооруженнаго земледѣльческаго населенія, въ двухъ верстахъ отъ жилыхъ домовъ, въ глубинѣ Ущелья Сапхениси, выстроено новое каменное укрѣпленіе, названное Сапхенисскимъ, снабженное бойницами, орудіями и сильнымъ гарнизономъ.— Такова жизнь на Кавказѣ: миръ добывается въ немъ упорной войною и недремлящей защитой.

Другое прекрасное дѣло—обращеніе ингелойцевъ—имѣло неменьшій успѣхъ.—Благодаря начальническому содѣйствію генераловъ: князя Ор-

бельяна, барона Врангеля и князя Багратіон-Мухранскаго, четыре деревни Кахъ, Мешебаши, Корагани, Алибегло, единодушно приняли православіе. Въ прочихъ деревняхъ по нѣскольку семействъ добровольно послѣдовали ихъ примѣру.— Всѣхъ ингелойцевъ считается до 5,000 семействъ, изъ нихъ нынѣ обратилось 1,900 душъ. Отрадно и странно въ то же время слышать въ татарской деревнѣ звучный благовѣстъ, который мѣрно раздается въ пустой рощѣ, призывая оглашенныхъ къ молитвѣ. Кромѣ этихъ мирныхъ побѣдъ на Лезгинской Линіи, статистика имѣетъ право записать еще третью,—перемѣщеніе верхнихъ магаловъ на плоскость. Верхніе магалы или селенія хотя и почитались мирными, но такъ-какъ они имѣли осѣдлость въ горахъ за присоединеннымъ окончательно къ намъ Елисуйскимъ Владѣніемъ, то они или были ненадежны, или находились безъ надлежащей защиты. Сильныя непріятельскія партіи могли находить между ними или пристанище и проводниковъ, или безсильныя жертвы. Въ прошедшемъ 1852 г. особая экспедиція имѣла цѣлью переселить эти магалы съ безплодныхъ вершинъ на плодородную алазанскую равнину. Предпріятіе осуществилось съ совершеннымъ успѣхомъ и безъ малѣйшаго сопротивленія. Таковыхъ ауловъ было 17 и жителей въ нихъ до 1,500 наличныхъ семействъ. Всѣ они размѣщены нынѣ въ двухъ участкахъ, частью отдѣльно, частью въ существующихъ уже деревняхъ.

Такъ, хотя медленно, но вѣрно подвигается водвореніе безопасности въ Кахетіи, въ краѣ, отмѣченномъ среди другихъ и по чудной природѣ и по несчастной участи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если мѣры, нынѣ принимаемыя, распространятся по всей Линіи, то сосѣдніе лезгины вынуждены будутъ или покориться или еще далѣе углубиться въ горы.

АЛАГИРСКІЙ СЕРЕБРО-СВИНЦОВЫЙ ЗАВОДЪ.

Въ то время, какъ на Лезгинской Линіи происходили эти замѣчательныя событія, измѣняющія и духъ и видъ всего края, по другую сторону хребта, недалеко отъ Владикавказа, готовилась другая мирная побѣда, — побѣда труда и науки, среди другихъ недоступныхъ ущелій, въ виду другихъ полудикихъ народовъ. Весь Кавказъ зналъ, что между осетинскими аулами водворилось новое населеніе, изъ пришельцевъ съ сибирскихъ рудниковъ, для горнаго производства; что подлѣ населенія прокладывается въ ущелье трудная дорога, строится великолѣпный заводъ, и что наконецъ мирная промышленная станица возникаетъ среди тревожныхъ воинственныхъ станицъ. Теперь все, что̀ было въ началѣ и зародышѣ, и дорога, и станица, и заводъ, все окончено или оканчивается. Предпріятіе осуществилось, работа закипѣла.

19-го мая нынѣшняго года, кавказскій намѣстникъ присутствовалъ при торжественномъ освященіи Алагирскаго серебро-свинцоваго Завода. Съ того же числа дѣйствія завода начались, а 21-го мая первый слитокъ добытаго чистаго серебра, вѣсомъ въ 26½ фунтовъ, былъ представленъ горнымъ начальникомъ его свѣтлости, при выстрѣлахъ гарнизона, при радостныхъ восклицаніяхъ горныхъ станичниковъ. Алагиръ, видимо, такъ-сказать подъ глазами, растетъ и украшается. Гдѣ вчера была пустыня, нынѣ уже въ дѣятельной жизни кипитъ красивый городокъ. Столь любопытное явленіе въ краѣ, озабоченномъ доселѣ военными тревогами, требуетъ въ географической лѣтописи Кавказа пространнѣйшаго описанія.

Съ незапамятныхъ временъ живетъ убѣжденіе, основанное на преданіи, что Кавказскія Горы вмѣщаютъ въ своихъ нѣдрахъ богатыя металлическія руды. Быть можетъ и Кавказъ не уступитъ въ богатствѣ Уралу и Алтаю, образуя съ ними драгоцѣнное треножіе, на которомъ упирается сокровищница русской земли. Но однимъ живущимъ на Кавказѣ понятно, съ какими трудами, лишеніями и опасностями сопряжены здѣсь горныя изслѣдованія и безпрепятственное добываніе минераловъ. Однако, съ самаго водворенія своего въ Грузіи, русское правительство имѣло въ виду богатства, скрытыя въ глубинѣ кавказской почвы. Для точнаго ихъ разысканія и опредѣленія прибылъ въ 1802 г. въ здѣшній край тайный се-

вѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ; но труды его ограничились несколькими неудовлетворительными указаніями и неудавшимися попытками. Несмотря на то, что правительство издержало по его представленіямъ до 1 мил. руб. сер., издержки остались безъ вознагражденія и самъ огорченный и несчастный виновникъ столь важнаго ущерба вскорѣ умеръ. (*) Съ того времени, до пріѣзда настоящаго кавказскаго намѣстника, горное дѣло на Кавказѣ было самое незначительное, но съ 1847 года оно вдругъ приняло стремительное развитіе. Обильныя копи каменнаго угля найдены на Кубани: близъ Хумаринскаго Укрѣпленія, въ Кутаисской Губерніи: въ Тквибулахъ (самыя значительныя) и въ окрестностяхъ Ахалцыха, въ Дербентской Губерніи: въ Табасарани и Кюринскомъ Ханствѣ. Кромѣ того, въ отрогахъ хребта, извѣстныхъ подъ именемъ Малаго Кавказа, въ Карабахѣ, въ Борчалинскомъ Участкѣ, въ Елисаветпольскомъ Уѣздѣ, устроены частные мѣдные заводы, и наконецъ въ Казахскомъ Участкѣ Тифлисской Губерніи найдены слѣды золота и положено начало золотому промыслу.

Но въ особенности обращала на себя вниманіе обильная серебро-свинцовая руда, найденная въ ущельяхъ горной Осетіи, въ близости Централь-

(*) Подробнѣйшія объ этомъ свѣдѣнія изложены въ статьѣ Н. В. Ханыкова, *о Тифлисской Выставкѣ*, напечатанной въ газетѣ «Кавказъ» на 1849 годъ.

наго Хребта. Пользованіе этою рудой было предоставлено скуднымъ средствамъ прибывшаго изъ Турціи грека *Чекалова* (нынѣ русскаго подданнаго и прапорщика). Чекаловъ, какъ главный подрядчикъ по разнымъ землянымъ работамъ, былъ нѣсколько знакомъ съ горнымъ дѣломъ и имѣлъ подъ своимъ вѣденіемъ работниковъ греков, какъ извѣстно, лучшихъ каменотесовъ и добывателей плиты на Кавказѣ. Еще въ 1837 г. начали они разыскивать въ горахъ признаки металлическихъ мѣсторожденій и скоро потомъ нашли слѣды серебра въ верхней Осетіи, въ ущельѣ, разсѣченномъ теченіемъ рѣки Ардона. Въ 1841 г. отважный Чекаловъ, съ тремя работниками, отправился въ Салогарданскій Аулъ, находящійся на плоскости въ 16 верстахъ отъ Ардонской Станицы. Оттуда пробрался онъ по едва, проходимымъ тропинкамъ въ глубь ущелья на 30 вер., переходя изъ одного непривѣтливаго аула въ другой и расточая подарки для спасенія своей жизни. Такъ дошелъ онъ до Ущелья Садонскаго, гдѣ наткнулся, у берега стремительнаго водопада, на цѣлыя груды шлака, ясно указавшія ему не только на присутствіе руды, но и на слѣды давнишней, никому непамятной разработки. Такимъ образомъ честь открытія алагирскаго серебра принадлежитъ несомнѣнно Чекалову. Труды его не оставались тщетными. Убѣжденіями и деньгами склонилъ онъ Осетинъ не препятствовать его дѣйствіямъ, при чемъ не разъ угрожала ему смерть.

Мало-по-малу онъ умножилъ число своихъ работниковъ, выстроилъ небольшую печь и, съ помощью ручныхъ мѣховъ, выплавилъ въ теченіе 6-ти лѣтъ до 10,000 пуд. свинца и до 15 пудовъ серебра. Очевидно, подобное добываніе, при отсутствіи нужныхъ средствъ, механическихъ пособій, удобствъ, людей и познаній, не могло быть удовлетворительно. Но при всѣхъ недостаткахъ производства, выгоды обнаруживались несомнѣнныя, и рудоносныя жилы не только не изсякали, но еще отыскивались новыя. Въ 1846 г. Корпуса Горныхъ Инженеровъ капитанъ Рейнке 1-й представилъ намѣстнику кавказскому зрѣло-обдуманный проектъ учрежденія въ Садонскомъ Ущельѣ правильной разработки. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ на Кавказъ того же вѣдомства опытный и дѣятельный подполковникъ Иваницкій, который, разсмотрѣвъ предположеніе капитана Рейнке, составилъ обширный планъ, трудный по исполненію, но прекрасный по своей мысли. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы близъ Салогарданскаго Аула, лежащаго у входа Ардонскаго Ущелья, населеннаго Осетинами алагирскаго племени, выстроить новую станицу, но на сей разъ уже не казачью, а горныхъ рудопромышленниковъ, выписанныхъ съ уральскихъ, алтайскихъ и луганскихъ заводовъ. При станицѣ предполагался заводъ со всѣми принадлежностями для выплавки ежегодно 100 пудовъ серебра и 35,000 пудовъ свинца, что составляло цѣнность въ 160,000 руб. сереб.—

Но трудность тѣмъ не ограничилась. Оставалось еще, перечисливъ въ собственность завода до 30,000 дес. лѣса, проложить дорогу желѣзомъ и порохомъ, по узкому, скалистому ущелью, на 33 версты до мѣста нахожденія руды, и, наконецъ, упрочивъ необходимое въ подобномъ дѣлѣ удобное сообщеніе, приступить къ устройству правильной разработки самаго минерала. Исполненіе подобнаго предпріятія требовало значительныхъ издержекъ, но въ то же время оно представляло большія выгоды и денежныя и нравственныя. О денежныхъ уже сказано. Нравственныя заключались въ томъ, что дѣятельность завода, сосѣдство трудолюбиваго, промышленнаго населенія, должны были имѣть вліяніе и на понятія и на благосостояніе дикихъ первобытныхъ племенъ, всегда отуманенныхъ воинственными привычками и праздностью, таящейся подъ именемъ свободы. Кромѣ того, новая дорога, пробивая при продолженіи небывалое еще сообщеніе черезъ хребетъ между Кабардой и Грузіей, представляла многостороннія выгоды въ краѣ, гдѣ дороги суть лучшія завоеванія и вѣрнѣйшія средства къ просвѣщенію. Всѣ эти соображенія не могли не имѣть перевѣса надъ предстоявшими трудностями. Нуженъ былъ только свѣдущій, неутомимый, упорный исполнитель: присутствіе на Кавказѣ подполковника Иваницкаго рѣшило дѣло.

Кавказскій намѣстникъ представилъ Государю Императору о пользѣ вышеописанныхъ учреж-

деній, и въ февралѣ 1850 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ основаніи Алагирскаго Завода и ассигнованіи нужныхъ на то суммъ. Съ того же времени подполковникъ Иваницкій принялся за сложное свое порученіе.

Теперь намъ остается сказать, что̀ имъ сдѣлано и въ какомъ видѣ представляется нынѣ вся мѣстность, предоставленная его завѣдыванію.

Путникъ, желающій посѣтить Алагиръ (теперь такихъ найдется много), долженъ повернуть къ юго-западу отъ Владикавказа, проѣхавъ чрезъ Ардонскую Станицу, штаб-квартиру прославленнаго своими джигитами и удальцами Владикавказскаго Казачьяго Полка. Отъ Ардона до Алагира дорога растилается по гладкой Кабардинской Плоскости. Сзади синѣютъ кабардинскія возвышенности, впереди, въ ясную погоду, бѣлыми зубцами вырѣзываются на небѣ громадныя оконечности кавказскихъ великановъ. На полдорогѣ воинственнымъ оазисомъ, среди зеленѣющей степи, устроенъ казачій центральный постъ съ тыномъ и высокой вышкой для наблюденія за движеніями окрестъ живущихъ горцевъ. Постъ названъ *Ильинскимъ* въ честь памятнаго своимъ радушіемъ бывшаго начальника владикавказскаго военнаго округа генерала Ильинскаго (нынѣ херсонскій военный губернаторъ). За постомъ лѣсистыя предгорья становятся все ближе и ближе... У подножія горъ клубится облакомъ густой дымъ отъ завода. Влѣво тянется узкой лентой Салогардан-

скій Аулъ, а вправо, тѣсно къ нему примыкая, красуется за окружащимъ его каналомъ, рвомъ и валомъ новый городокъ, защищаемый четырьмя бастіонами. Съ перваго взгляда путникъ видитъ, что онъ въѣзжаетъ не въ обыкновенную станицу. Уже самыя ворота непохожи на обыкновенныя станичныя, напоминающія избушки на курьихъ ножкахъ русскихъ сказокъ. Трое алагирскихъ воротъ украшены павильонами, къ которымъ ведутъ винтообразныя лѣстницы. Видно, что ихъ срубилъ не простой казакъ топоромъ на авось, а опытный архитекторъ, сообразившій всѣ нужныя удобства для сторожевой караулки. Подъѣзжая, вы чувствуете присутствіе искусства, владычество науки,—и чувство это поддерживается и увеличивается по мѣрѣ того, какъ вы начинаете разсматривать все васъ окружающее. Болѣе всего поразитъ васъ сначала, посреди широкой площади, церковь въ византійскомъ стилѣ, выстроенная, по плану князя Гагарина, изъ тесанаго камня рабочими того же Чекалова, который открылъ руду. Князь Гагаринъ, уже нѣсколько лѣтъ посвятившій себя на Кавказѣ изученію византійскаго зодчества, опредѣлилъ съ точностью законы соразмѣрности частей древнихъ храмовъ, которыми такъ изобилуетъ Грузія, и потому могъ достигнуть до той гармоніи въ общемъ видѣ зданія, которая составляетъ главное его достоинство. Алагирская церковь, несмотря на то, что не могла быть построена въ обширныхъ размѣрахъ,

вредставляетъ такую цѣльность и соотвѣтствен-ность во всемъ и въ то же время такое строгое соблюденіе древнихъ греческихъ началъ, что наружность ея величественна, и передъ ней, какъ слѣдуетъ передъ храмомъ, нельзя остановиться безъ благоговѣнія. Такимъ образомъ тайна того чувства величія, которое внушаютъ намъ древнія христіанскія развалины, усвоена, прослѣдована неутомимымъ художникомъ. Эта тайна, существующая и въ арабской архитектурѣ, выражается математическими исчисленіями и подчиняетъ самую игривую фантазію строгимъ размѣрамъ. Любопытно, что сухой разсчетъ, опредѣляющій остовъ зданія, возбуждаетъ, смотря по духу имъ руководствующему, ощущенія совершенно различныя... Такъ напримѣръ, памятники арабскіе внушаютъ ощущеніе какого-то изнѣженнаго, чувственнаго удовольствія. Напротивъ того, при видѣ византійскихъ церквей, рождается въ душѣ, особенно въ душѣ русской, чувство глубокаго умиленія. Алагирскій храмъ, соединяя въ себѣ всѣ условія, предначертанныя древними строителями, съ тщательной, современной отдѣлкой, можетъ почитаться образцовымъ въ своемъ родѣ. Теперь къ числу противоположностей, знаменующихъ Кавказъ, слѣдуетъ присовокупить построеніе, въ виду бѣднаго осетинскаго аула, зданія, въ которомъ выразились плоды долгихъ наблюденій одного изъ нашихъ лучшихъ художниковъ, зданія, которое для архитекторовъ можетъ сдѣлаться

предметомъ изученія, для ученыхъ поводомъ разсужденій о древнемъ искусствѣ. Прочія главныя строенія станицы обнаруживаютъ тѣ же слѣды заботливости и вкуса, какъ и церковь; но такъ-какъ они еще не отстроены окончательно, то о нихъ судить нельзя иначе, какъ по планамъ. Домъ для горнаго начальника строится во вкусѣ московскихъ теремовъ; полиція, домъ священника, контора и нѣкоторые другіе дома строятся въ русскомъ стилѣ. Видно, что вездѣ руководствовала та мысль, что если строеніе прочно и недороже обыкновенныхъ, то почему же не потѣшить глазъ, почему зданію полезному не придать изящнаго вида, почему учрежденію, предназначенному быть памятникомъ благодѣтельной заботливости правительства, не быть памятникомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ настояще время въ Алагирѣ построено 280 домовъ. Они расположены на девяти продольныхъ и двухъ поперечныхъ широкихъ улицахъ. На южномъ концѣ станицы устроена земляная цитадель съ казармами и пороховымъ магазиномъ. Кромѣ того близъ цитадели помѣщаются:

Каменная башня въ два этажа съ подъемнымъ мостомъ (еще не конченная).

1. Госпиталь.
2. Домъ медика.
3. Баня.
4. Провіантскій магазинъ.
5. Припасный магазинъ.

6. Заводская конюшня.
7. Домъ горнаго начальника.
8. Домъ управителя завода.
9. Домъ заводскаго лѣсничаго.
11. Постъ для казаковъ и милиціи.
12. Садъ для разведенія садовыхъ деревъ, аптекарскихъ травъ, шелковицы и проч.

Горная школа и училище помѣщаются еще покамѣстъ въ чужомъ домѣ.

Тутъ же недалеко заводы: черепичный, кирпичный, гончарный, лучшій въ краѣ для водопроводныхъ трубъ. Кругомъ разводятся огороды, повсюду видны трудъ и дѣятельность. Жителей въ Алагирѣ считается въ настоящую минуту:

Дворянъ мужескаго пола	14.
— женскаго —	8.
Казенныхъ мастеровыхъ мужескаго пола	470.
— — женскаго —	414.
Торгующихъ и вольнопромышленниковъ мужескаго пола	38.
Торгующихъ и вольнопромышленниковъ женскаго пола	5.
Грековъ изъ турецкихъ подданныхъ мужескаго пола	35
Итого мужескаго пола	557.
— женскаго —	427.

Все это населеніе, получая значительныя пособія и хорошее содержаніе, обстроилось, можно сказать, роскошно и учредило уже нѣсколько ла-

вокъ, посреди которыхъ пріютился духанъ, какъ неизбѣжная принадлежность кавказской жизни. Станичники одѣты опрятно, глядятъ весело, какъ вообще люди трудолюбивые. Сибирскіе переселенцы перенесли съ собою привычки своей дальней родины, и странно видѣть у подножія непривѣтливаго Кавказа отчужденную дружную семью, сохранившую на чужбинѣ свой неприкосновенный русскій бытъ. Самое мѣстоположеніе станицы было избрано по случаю близости необходимыхъ для жителей земледѣльческихъ угодій и по сосѣдству огромныхъ лѣсовъ, расположенныхъ поперегъ ущелій, сопровождающихъ теченіе рѣки Ардона, на которой живутъ алагирцы, и рѣки Црау съ притоками, по которымъ живутъ дигорцы. Въ 300 саженяхъ отъ возникающаго городка, по направленію къ ущелью, стоитъ отдѣльно, для устраненія заводскихъ вредныхъ паровъ отъ жилыхъ мѣстъ, великолѣпное изъ тесанаго камня зданіе, которое въ одно время и крѣпость и заводъ. Двѣ высокія четырехугольныя зубчатыя башни образуютъ ворота въ высокую четыреугольную ограду съ бойницами, имѣющую по двумъ противоположнымъ концамъ круглыя башни, снабженныя орудіями для защиты всѣхъ фасовъ. Посреди этого грознаго укрѣпленія выстроены угломъ двѣ фабрики для шахтныхъ и пламенныхъ печей и трейбофеновъ. Первыхъ полагается 10, вторыхъ 2, третьихъ 2; 19 мая было пущено въ ходъ двѣ шахтныхъ и одинъ трейбофенъ. Въ выс-

шей степени занимательно для людей, не посвященныхъ въ горное дѣло, видѣть, какъ руда, расплавленная въ шахтной печи, выливается въ формы, образуя слитки свинца, смѣшеннаго съ серебромъ. Затѣмъ остывшіе слитки кладутся въ другое горнило, въ трейбофенъ или пламенную печь. Тутъ они расплавляются снова, въ огнедышащемъ жерлѣ образуется огненная жидкость и начинается броженіе, которому конецъ возвѣщается мгновеннымъ появленіемъ милліона брилліантовыхъ звѣздочекъ, сверкающихъ во всѣ стороны. Свинецъ, бывшій въ соединеніи съ серебромъ, вытекаетъ изъ печи въ видѣ желтаго стекла (свинцовая окись, глетъ, litharge); въ послѣдствіи этотъ глетъ снова обращается въ чистый уже свинецъ, а на днѣ остается слитокъ чистаго серебра, который вынимается изъ печи багромъ.

Происходившіе въ присутствіи его свѣтлости кавказскаго намѣстника опыты 19 и 21 мая явили слѣдующій результатъ. Изъ 300 пудовъ уже выплавленнаго серебристаго свинца получено, какъ сказано выше, 26½ фунта серебра и 264 пуда свинца.

Главное условіе успѣха при такихъ работахъ заключается въ раскаленіи печей и силѣ огня. Достаточно знать, что шахтная печь требуетъ въ 1 минуту 150 кубическихъ футовъ воздуха, а трейбофенъ 300. Для доставленія этой силы устроена при заводѣ воздуходувная машина, приводимая въ движеніе водянымъ колесомъ силою

въ 12 лошадей. Потребная для сего вода проведена каналомъ изъ рукава Ардона, *Таргайдона*, на разстоянiи 270 саж. отъ завода. Избытокъ воды изъ этого канала проведенъ въ станицу, гдѣ, при южномъ бастiонѣ, онъ раздѣляется на двѣ вѣтви и обходитъ всѣ фасы станицы. Устройство сильнаго двигателя завода, отличаясь удобствомъ и несложностью, доказываетъ, что при алагирскихъ учрежденiяхъ внутреннее достоинство не уступаетъ наружному.

Въ заводской оградѣ помѣщаются:

1. Квартира смотрителя и воинскаго начальника укрѣпленiя.
2. Казарма.
3. Припасный магазинъ.
4. Заводскiе цеха.
5. Контора.
6. Лабораторiя.
7. Кузница.

Общее впечатлѣнiе, производимое этимъ огненнымъ храмомъ науки, невыразимо, въ особенности ночью, когда красное зарево стоитъ надъ лѣсами, и изумленные горцы съ ужасомъ смотрятъ на чудный замокъ, который выросъ такъ мгновенно передъ ними и весь пышетъ пламенемъ. Но все нами описанное, и станица и заводъ, только предисловiе къ сущности дѣла. Самое сердце всего предпрiятiя, металлическая руда, таится слишкомъ еще за 30 верстъ, въ глубинѣ ущелья.

Дорога отъ возникающей станицы до рудниковъ может печесться одною изъ живописнѣйшихъ на Кавказѣ. Она проложена по ущелью, азсѣкаемому теченіемъ рѣки Ардонки, и сперва янется гладкою лентою по лѣсу, гдѣ преобладаютъ чинары, по сочной, травянистой почвѣ, заросшей папоротникомъ и лопушникомъ. Въ шести ерстахъ отъ завода, изъ отвѣсныхъ, покрытыхъ кустарниками, скалъ, откуда добывается плита станичныхъ строеній, бьютъ обильные сѣрные ключи, образуя бассейнъ подъ навѣсомъ пещеры. Затѣмъ роскошная растительность мало-по-малу исчезаетъ; кустарники становятся ниже и рѣже. Шиферные пласты превращаются въ гранитные утесы. Природа становится величественнѣй и мрачнѣй; горы остроконечнѣе и громаднѣй. На оконечностяхъ ихъ безплодныхъ красно-бурыхъ отклоновъ, мѣстами и подъ центъ горамъ, виднѣются аулы съ ихъ четырехугольными, какъ-бы обрубленными, башнями. Тутъ на этихъ непривѣтливыхъ высотахъ, по которымъ тонкими чертами проложены лишь горцамъ доступныя тропинки, разсыпаны общества алагирскаго племени осетинскаго народа: Бизское, Мизурское, Унальское. Мѣстами прилегаютъ къ ауламъ небольшія рощи, донынѣ почитаемыя священными. Въ горахъ часто встрѣчаются слѣды язычества. Замѣчательно, что поклоненіе деревьямъ, сохранившееся у насъ въ южной Россіи между Мордвою и Чувашами, и здѣсь вкоренилось съ незапамятныхъ временъ. Если же при-

нять во вниманіе, что Осетины большею частью русоволосые, съ голубыми глазами, не сходны ни въ чемъ съ азіятскими племенами, то невольно возникаетъ заключеніе, что осетинскій народъ не что иное, какъ отрасль финскаго корня, водворившаяся когда-то на Кавказѣ. Филологія одна за неимѣніемъ историческихъ фактовъ, можетъ окончательно разрѣшить этотъ вопросъ.

На 19 верстѣ отъ Алагира впадаетъ въ Ардонъ небольшая рѣка Архонка, въ ущельи которой дознаны признаки обильной сребросвинцовой руды. Затѣмъ дорога мѣстами врѣзывается карнизомъ въ гранитъ, такъ-что нужно было употребить до 1,600 пудовъ пороха, чтобы взорвать на воздухъ нависшія надъ рѣкою громады. Всѣхъ упорнѣе была скала, называемая *Батская*, у которой устроены ворота въ ознаменованіе понесенныхъ отъ нея трудовъ. Несмотря на то, путь, удобный даже для экипажей средней величины, вьется надъ пропастью, огибая извилины утесовъ.

Не доѣзжая одной версты до Аула Нудзаль, дорога вдругъ круто поворачиваетъ вправо на встрѣчу бурнаго потока Садонки, который, стремительно падая съ горъ по склону ущелья, бѣшенымъ водопадомъ низвергается въ Ардонъ. Немного далѣе вправо впадаетъ въ Садонку небольшая рѣчка Ходъ и тутъ, недалеко отъ мѣста ихъ сліянія, въ гранитныхъ скалахъ, у подножія торчащаго на горѣ Аула Садона, таятся

жилы дорогаго металла. Въ этой мѣстности производится таинственная подземная работа въ нѣдрахъ горъ, въ темныхъ проходахъ: двухъ продольныхъ или штольняхъ и одномъ поперечномъ или штрекѣ. Главная штольня проведена въ гранитѣ на $29\frac{1}{2}$ саж. Она должна встрѣтить въ низшемъ горизонтѣ мѣсторожденіе руды, и по вычисленію осталось не болѣе полусажени для ея окончанія и начала добыванія минерала. Другая штольня, по правую сторону рѣчки Ходъ, проведена также въ гранитѣ на 18 саженъ. Тутъ жила встрѣчена и минералъ добывается, равнымъ образомъ какъ и въ штрекѣ, имѣющемъ тоже длины 18 саженъ. Такъ-какъ въ этой мѣстности все вниманіе было устремлено на заботы, такъ сказать, подземныя, то наружныя принадлежности горнаго производства, по недостатку времени и рукъ, еще не приведены въ устройство. Здѣсь надъ землею, на свѣжемъ воздухѣ, предполагается устроить укрѣпленіе съ двумя башнями, для фланговой обороны въ случаѣ нападенія. Зданіе будетъ состоять изъ трехъ стѣнъ, примыкающихъ къ неприступной горѣ между Садонскимъ и Ходскимъ Ущельями. Съ внутренней стороны стѣнъ предполагается построить:

1. Казармы для горныхъ мастеровыхъ.
2. Кузницу.
3. Плотничную.
4. Пороховой погребъ.

5. Два дома для рудничныхъ смотрителей.
6. Контору и квартиру для штейгеровъ.

Кромѣ того, на возвышенномъ мѣстѣ устроится башня, командующая всѣмъ ущельемъ, а у подножія горы будетъ построена церковь, которой первый камень положенъ княземъ намѣстникомъ 20 мая во время посѣщенія его свѣтлостью рудниковъ.

Наконецъ обогатительная фабрика должна замкнуть рядъ этихъ начатыхъ и предполагаемыхъ построекъ.

Весьма достойно вниманія то, что столь обширное предпріятіе должно было основаться на Кавказѣ совершенно отдѣльнымъ міромъ, сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ, и не только безъ постороннихъ пособій общественной жизни, но еще при постоянномъ опасеніи насилія. Такимъ образомъ устройство Алагирскаго Завода не можетъ почитаться только коммерческимъ учрежденіемъ, требующимъ спеціальныхъ познаній и достаточнаго капитала. Оно есть событіе истинно замѣчательное въ здѣшнемъ краѣ тѣмъ, что оно основало на окраинѣ Кабардинской Плоскости новое общество, не помышляющее о битвахъ, основе начало терпѣливаго, полезнаго труда. Какія ни были при томъ затрудненія, въ какія мелочныя подробности ни слѣдовало входить, чтобы обезпечить безопасность и довольство переселен-

цовъ, но подвигъ совершенъ къ вѣчной славѣ настоящаго управленія, къ истинной чести г. Иваницкаго.

Когда же дорога, доходящая до Садона, соединится съ той, которая отъ Гори проведена на Роки, то по этому новому проводнику общественнаго усовершенствованія закипитъ еще бо̀льшая дѣятельность и алагирскій городокъ незамѣтно сдѣлается большимъ городомъ.

II.

МАНГЛИСЪ.

—

Читатели Кавказа читаютъ безъ сомнѣнія «Кавказскій Календарь.» Имъ, слѣдовательно, извѣстна занимательная статья г. Уманца, напечатанная въ «Календарѣ» нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: «Древній храмъ въ Манглисѣ.»—Кромѣ подробнаго и отчетливаго описанія старинной манглисской святыни, эта статья заключаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдений историческихъ и статистическихъ о самомъ Манглисѣ. Итакъ мы отложимъ въ сторону, архитектуру, исторію и статистику, мы не будемъ повторять сказаннаго; мы почтительно, съ должнымъ уваженіемъ поклонимся наукѣ, которая вообще не по-плечу и не по силамъ скромному, кратко живущему фельетону. И къ тому же въ жаркую погоду, въ знойное лѣто, право, не до учености, не до систематическихъ изслѣдованій. Другое дѣло освѣжиться мимолетнымъ впечатлѣніемъ, посмотрѣть кругомъ съ безотчетнымъ чувствомъ, поотдохнуть и полѣниться подъ сѣнью густаго дерева, когда горный вѣте-

рокъ шевелитъ листьями и дуетъ прямо въ лицо. Искатели лѣтнихъ ощущеній, лѣтописцы тифлисской жизни и городской и загородной, мы поставили себѣ въ пріятный долгъ, чтобъ не сказать въ пріятное развлеченіе, побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тифлисскій житель укрывается отъ тифлисскаго лѣта. — Въ томъ числѣ Манглисъ давно манилъ насъ въ свою сосновую рощу, о которой всѣ говорили намъ съ одушевленіемъ. Сосновая роща, древняя церковь, живописные виды, мирное житіе, радушное русское хлѣбосольство, вотъ тѣ завлекательныя особенности, которыя выставляли намъ, какъ преимущества лѣтняго пребыванія въ Манглисѣ. Но сосновыхъ рощей много на бѣломъ свѣтѣ, но старинныхъ церквей много въ Грузіи, такъ много, что ихъ до сего времени всѣхъ не пересчитали; но гдѣ же нѣтъ хорошихъ видовъ на Кавказѣ, но гдѣ нѣтъ на Кавказѣ радушнаго пріема? Кавказское радушіе, въ особенности между военными, можетъ войдти въ пословицу. Здѣсь добрымъ людямъ рады, не то, чтобъ здѣсь было мало добрыхъ людей, а такъ уже искони вѣковъ заведено. Нигдѣ такъ не встрѣчаютъ и не провожаютъ какъ здѣсь, нигдѣ такъ не подчуютъ добродушно, нигдѣ такъ упорно и такъ усердно не закусываютъ цѣлый день. Обѣдаютъ, завтракаютъ, ужинаютъ вездѣ; но закусываютъ только на Кавказѣ, которому принадлежатъ преимущественно и глаголъ и обыкновеніе. Какая же особая прелесть таится въ Манглисѣ,

что живщіе въ немъ, всѣ, видѣвшіе его, отзываются объ немъ съ особою—нѣжностью, даже съ любовью. Не прямой ли нашей обязанностью было пояснить это загадочное очарованіе? Но чтобъ пояснить надо понять; чтобъ понять, надо видѣть; чтобъ видѣть, надо съѣздить. — Мы и поѣхали. Не безъ удовольствія вырвались мы изъ вскипяченнаго города къ цѣли предложенной нашему любопытству. При отъѣздѣ мы, какъ слѣдуетъ, закусили, сѣли на коней и, благословясь, пустились въ путь. Дорога, разумѣется, гористая: ѣдишь по горамъ. Сзади на небосклонѣ въ туманѣ горы Кахетія, впереди Диди — горы съ переваломъ на Боржомъ. — Здѣсь, слава Богу, куда ни посмотришь, этого добра вдоволь, горъ не насчитаешься. Быстро миновали мы Коджори, потомъ обогнули страшный оврагъ, образовавшій какъ-бы два исполинскіе каменные ломтя, упирающіеся воронкой въ зіяющую бездну съ нѣсколькими торчащими надъ ней деревьями. Этотъ оврагъ выразительно названъ русскими пришельцами *Сампрепаломъ*. Тутъ не знаемъ давно ли или недавно свалилась крестьянка съ повозкой и двумя волами. Волы и повозка обратились въ порошокъ, однако же женщина сама не пропала. Она съ кавказскимъ присутствіемъ духа успѣла зацѣпиться во время паденія за деревья, висящія надъ бездной, и такимъ образомъ осталась невредима. Это намъ напомнило подобный случай бывшій на Гутъ Горѣ, откуда сорвался осетинъ, несшій ку-

гъ съ молокомъ. Какимъ-то непонятнымъ чу-
ъ онъ остался цѣлъ съ ручкой кувшина въ
ѣ, но очутившись на днѣ пропасти, онъ на-
ъ плакать, что у него разбился кувшинъ. Не-
еко отъ Сампрепала начинаются тѣнистыя ро-
Пріюта, гдѣ нѣкогда была лѣтняя дача глав-
командующаго; но гдѣ нынѣ остается только
нъ кривой домикъ, настоящее назначеніе ко-
аго, кажется, чтобъ проѣзжающіе въ немъ
усывали и отдыхали, давая притомъ вздохнуть
шадямъ. Все это мы исполнили съ совѣстли-
стью туристовъ. Отъ Пріюта дорога идетъ нѣ-
олько ровнѣе. Проѣхавъ мимо Елисаветинскаго
селенія и черезъ поселеніе ротныхъ дворовъ,
моѣнники тожъ, мы наконецъ доѣхали до высо-
, отъ которой начинается безконечный спускъ
Манглису. Взору нашему представился далеко
изу у нашихъ ногъ широкій зеленый бассейнъ,
руженный каймою горъ и съ двумя отдѣльны-
и признаками населенія. Влѣво тянутся почернѣв-
ія крыши и выстроенные въ ряды домики по-
ленцевъ. Вправо сверкали на солнцѣ бѣлые до-
а и сѣрыя крыши, и кирпичныя казармы, меж-
у которыми возвышалась бѣлая новая церковь, и
азныя хаты, разбросанныя какъ попало, какъ
аспорядился русскій солдатъ. Тутъ штабъ квар-
ира бывшаго Эриванскаго, нынѣ Государя Цеса-
евича полка. Мы спустились по крутому четы-
ехверстному спуску и очутились посреди об-
етшалыхъ полковыхъ домовъ и домиковъ вы-

строенныхъ, какъ мы узнали, на скорую руку, въ 1823 г. и измѣнившихся съ того времени, только такъ, какъ и мы грѣшные измѣняемся съ каждымъ годомъ.

Это Новый Манглисъ, хоть по истинѣ не совсѣмъ новый, но онъ такъ называется, чтобъ отличить его отъ Стараго Манглиса, котораго даже нѣтъ вовсе; но гдѣ еще сохранились остатки древняго храма. Какъ бы то ни было, а въ Новомъ Манглисѣ, въ ожиданіи стараго, насъ встрѣтило старое русское гостепріимство и не закуска, а настоящій уже обѣдъ и привѣтливое слово, и уютный кровъ. Едва мы въѣхали, какъ насъ уже озадачило приглашеніе на балъ, хотя приглашающіе насъ и по имени еще не знали. Но— пріятели нашихъ пріятелей и намъ пріятели. Эта французская поговорка гораздо свойственнѣе русскимъ. Отдохнувши отъ дороги и готовясь къ нежданному вечеру, мы пошли бродить по улицамъ, искать впечатлѣній и тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ казармъ, мы натолкнулись на впечатлѣніе вовсе не ожиданное, не испытанное, но которое объяснило намъ всю загадочную прелесть Манглиса. Мы уже знали про его сосновую рощу, хотя и не приписывали этому понятію никакого особаго значенія. Но когда мы вошли на гладкую зеленую поляну, далеко кругомъ осѣненную огромными соснами, съ ихъ красноватыми стволами, съ ихъ угрюмыми колючими иглами, на насъ пахнуло, повѣяло, насъ обдало Русью. Вотъ они наши

старые знакомые, наши суровые сѣверные земляки, товарищи нашей молодости, хозяева нашей мерзлой но близкой сердцу родины. Откуда занесло васъ сюда, какъ и насъ сюда занесло? Глазамъ не вѣришь, но чувство не обманетъ. Здѣсь точно уголокъ Россіи. Рощу пересѣкаетъ оврагъ, не кавказскій оврагъ, отъ котораго кружится голова, а русскій маленькой, веселый овражекъ, весь поросшій травой, и передъ нимъ темнѣютъ сосны, и за нимъ снова густая чаща сосенъ, и подъ ногами грибы, а тамъ кругомъ и далѣе кусты малины и березы, съ бѣлыми вѣтвями, и даже рябина съ багровыми гроздіями. А издали несется русская хоровая пѣснь, звонко заунывная и стоишь тутъ объятый тихимъ, безмолвнымъ очарованіемъ, внезапнымъ появленіемъ отчизны на чужбинѣ. Вотъ такъ и думаешь, что тутъ же косогоръ къ рѣчкѣ и мостикъ у питейнаго дома съ завѣтной елкой, а тамъ длинный рядъ избенокъ сложенныхъ срубомъ и передъ нимъ молодицы въ душегрѣйкахъ и парни у колодца съ накинутыми на плечо кафтанами; а тамъ далеко, далеко разстилается гладкая степь и желтая рожь колышется отъ вѣтра, и кузнечикъ трещитъ между колосьями, и жаворонокъ вьется надъ жатвою и мысль несется безъ предѣловъ по безпредѣльной глади. Теперь намъ стало понятно отъ чего русскіе солдаты не захотѣли селиться въ другомъ мѣстѣ... отъ чего вообще всѣ русскіе такъ любятъ Манглисъ. Въ этой густой рощѣ они видятъ какъ-

бы часть себя самихъ, свою прошедшую жизнь, свою всегдашнюю любовь. Правда за рощей есть русское поселеніе, но нѣтъ родной деревни съ родными лицами, нѣтъ безконечныхъ полей и полнаго житья-бытья русскаго. За рощей вплоть начинаются горы, кручи, овраги и громоздится во всѣ стороны гигантскій ералашъ кавказской природы; но и за то спасибо, что нашелся уголокъ, гдѣ русскому человѣку можно отдохнуть отъ аханья и удивленія подъ мирной сѣнью, навѣвающей ему на душу и родныя картины и задушевныя воспоминанья.

Не знаю долго ли мы стояли въ заколдованной рощѣ. Помнимъ только, что насъ разбудило отъ обаянія два впечатлѣнія совершенно противоположныя. Вправо загремѣлъ французскій кадриль полнымъ хоромъ полковой музыки. Очевидно балъ начинался. Слѣва послышался грустный, отрывочный барабанный бой и показалось печальное шествіе. Впереди медленно выступалъ барабанщикъ, ударяя отъ времени до времени по барабану. За нимъ шесть солдатъ несли на плечахъ тесовый гробъ, въ которомъ подъ бѣлымъ саваномъ обозначались окоченѣвшія члены ихъ умершаго товарища. За гробомъ нѣсколько женщинъ громко рыдали на распѣвъ, причитывая и приговаривая, какъ это у насъ водится въ простонародіи. Шествіе замыкалось взводомъ солдатъ съ ружьями на погребеніе, тутъ невольно призадумаешься и есть о чемъ. Не въ честномъ бою,

не отъ пули лезгинской — привелось тебѣ, служивый, положить свою голову. И не лихорадка тебя заѣла, а конь тебя зашибъ, какъ слышно, и покончилъ ты свою службу, какъ Богъ велѣлъ, нежданно, негаданно. Будешь ты лежать на чужой сторонѣ и узнають о томъ рано ли, поздно въ твоей деревнѣ, и вспомянутъ о тебѣ добрымъ словомъ, и отецъ твой старикъ перекрестится и примолвитъ: «знать, воля была Господня», и пойдетъ онъ въ церковь сельскую къ отцу священнику и попроситъ вынуть часть въ упокой души твоей. И долго будутъ говорить на посидѣлкахъ про твою пропащую голову, вспоминаючи о томъ днѣ, когда снѣгъ валилъ хлопьями и тебя раба Божія повезли въ некруты. Тамъ долго тебя не забудутъ. Забудутъ тебя прежде всѣхъ твои однокашники. Имъ не до тебя будетъ. Не нынче завтра походъ, пойдутъ-себѣ какъ на свадьбу, другаго, третьяго не досчитаются, бѣда не велика и безъ насъ много наберется. Вездѣ хорошъ русскій солдатъ, но нигдѣ можетъ быть онъ такъ не великъ какъ на Кавказѣ, гдѣ онъ постоянно борется и съ людьми и съ природой, и гдѣ онъ всегда и веселъ и безпеченъ. Долго слѣдили мы взоромъ за погребальнымъ шествіемъ. Оно уже давно скрылось мрачнымъ видѣніемъ, а намъ все глядѣлось еще въ ту сторону и все думалось, о чемъ—Богъ вѣсть... Какъ вдругъ оркестръ затрубилъ и забарабанилъ какую-то неистовую польку, возвѣщавшую, что, рѣшительно

пора идти на балъ. Къ счастью балъ недалеко, у самой опушки сосновой рощи, къ счастью то же онъ не вывелъ насъ изъ настроенія духа, навѣяннаго сосновой рощей. Все та же Русь, русскіе мундиры, русская рѣчь, все это живо напоминало какой-нибудь уѣздный городъ Тверской Губерніи, гдѣ квартируетъ полкъ, гдѣ суетятся и танцуютъ ловкіе офицеры, гдѣ занесенныя супружествомъ въ захолустье дамы умѣютъ сдѣлать столицу хоть изъ деревни. Въ этомъ русскомъ обществѣ, при этой русской обстановкѣ, какъ-то странно зазвучали звуки лезгинки, какъ будто она была въ гостяхъ у насъ, а не мы у нее. Любо было глядѣть на молодую грузинскую красавицу, которая то плавно неслась вокругъ комнаты, то лукаво закрывалась рукой и останавливалась и снова плыла лебедемъ гордо и стыдливо. Въ русской душѣ всѣ поэзіи найдутъ свой отголосокъ, и русское общество встрѣтило свою гостью искреннимъ привѣтомъ, забывши совершенно, что именно гостья-то и была дома, а что нашъ домъ за тридевять горъ въ странѣ, гдѣ о лезгинкѣ и помина не бываетъ. Затѣмъ балъ оживился и кончился, вѣроятно какъ всѣ балы, сладкими воспоминаньями для немногихъ, усталостью для прочихъ. Такъ-какъ мы были въ числѣ прочихъ, мы отправились домой. Утромъ рано намъ предстояло посѣщеніе древняго манглисскаго храма.

Но объ этомъ храмѣ мы говорить не будемъ;

по мнѣнію г. Уманца онъ принадлежитъ къ глубокой древности. Мы же думаемъ, что онъ отнюдь не древнѣе XIII столѣтія. Кто изъ насъ правъ, неизвѣстно; мы заранѣе предупредили, что фельетонная скромность и жаркая погода отнюдь не позволяютъ намъ вдаваться въ ученую полемику, въ сухія пренія, которыхъ впрочемъ лучшая сторона едва ли не та, что ихъ никто не читаетъ.

КОДЖОРИ.

Когда гг. петербургскіе фельетонисты не знаютъ о чемъ говорить, а это какъ-то часто съ ними случается, они ухватываются за погоду. Но петербургская жизнь устроилась независимо отъ погоды, особнякомъ отъ климата съ которымъ и не легко бы ей было ужиться тамъ дружно. Климатъ самъ-по-себѣ, столичная жизнь сама-по-себѣ. Петербургское житье такъ и наровитъ, чтобъ по-рѣже встрѣчаться съ наружнымъ воздухомъ. Комнаты тамъ такія уютныя, обѣды такіе сытные, вечера такіе длинные, зрѣлища такія завлекательныя, что иному и въ голову цѣлый день не прійдетъ взглянуть на дворъ — посмотрѣть что̀ тамъ дѣлается, снѣгъ ли валитъ туманъ ли разстилается или мелкій дождикъ барабанитъ по крышамъ. Если и выйдетъ кто пройтиться по Невскому, по приказанію доктора, то и тутъ кипитъ праздничная жизнь, развлекающая не безъ причины отъ состоянія атмосферы. Пестрые сверкающіе магазины заманиваютъ васъ со всѣхъ сторонъ; пышные экипажи не-

сутся во всю прыть орловскихъ рысаковъ, — между ними быстро скользятъ сани, бобровые воротники, каски, улыбающіяся лица. — А вотъ и знакомые ваши, вотъ Иванъ Андреичъ, который выигралъ у васъ вчера большой шлемъ; вотъ Андрей Ивановичъ, котораго вы обогнали по службѣ; вотъ всѣ ваши ночные собесѣдники, товарищи по клубу, по картамъ, по всѣмъ увеселеніямъ и развлеченіямъ шумной столицы. А вотъ и дамы, которыхъ вы увидите сего дня на балѣ съ обнаженными плечами, съ настоящими цвѣтами въ рукахъ. Вотъ онѣ, эти настоящіе цвѣты сумрачнаго климата, въ бархатныхъ шляпкахъ, съ мантильями, отороченными соболями и горностаемъ. Посмотрите, вотъ тамъ пугливо озираяся, чтобъ не задавилъ ее какой-нибудь безтолковый лихачъ, осторожно пробирается черезъ улицу молодая красавица, приподнявъ атласное платье и выказывая, не безъ удовольствія, маленькую ножку. Ну можно ли и вамъ, и ей даже, вспомнить при этомъ, что она шагаетъ по грязи. Вы вглядываетесь. Да! это точно она. Вы кидаетесь къ ней.... И какое вамъ дѣло тогда, и какое вообще всѣмъ петербургскимъ жителямъ дѣло до того, что погода стоитъ пасмурная! Вы сами-по-себѣ, она сама-по-себѣ. Зачѣмъ же петербургскимъ фельетонистамъ было бы кажется объ ней такъ заботиться и разыгрывать такія ненужныя варіаціи, на такую ненужную, монотонную, хотя и не сухую вовсе тему,

У насъ на югѣ другое дѣло. На югѣ человѣкъ живетъ рука объ руку съ природой. Солнце ли выглянетъ — оно пропечетъ ему всѣ составы; дождь ли разразится ливнемъ—у него не рѣдко въ комнатѣ или въ саклѣ дождь исправно побрызгиваетъ во всѣ стороны. Морозъ ли явится непривычнымъ гостемъ, снѣгъ ли повалитъ невзначай,—у жителя юга нѣтъ ни хорошей печи, ни двойныхъ рамъ; ни теплой шубы, чтобъ избавиться отъ стужи. Но стужа бѣда еще небольшая. Бѣда бываетъ истинная, когда въ долинахъ устанавливаются жары.

Тифлисскому фельетонисту право извинительно поговорить о погодѣ, даже если бы онъ и не слѣдовалъ въ этомъ примѣру своихъ столичныхъ образцовъ. Лѣтняя жаркая погода въ Тифлисѣ перестаетъ быть погодой, а становится иногда настоящей язвой.

Представьте себѣ, о вы, старшіе братья наши по журнальному дѣлу; вы, которые такъ негодуете на температуру, съ которой никогда почти не встрѣчаетесь; представьте себѣ, что такое Тифлисская лѣтняя температура, налагающая на васъ, на ваше здоровье, на ваши фельетонныя способности тяжкую печать разслабленія и удушья. Представьте себѣ въ котловинѣ, кругомъ обставленной обнаженными красно-бурыми горами, безмолвный городъ, надъ которымъ стоитъ облако густой неподвижной пыли. И люди и твари, изнеможенные лежатъ въ тѣни, отыскивая

напрасно прохлады, вдыхая горячій воздухъ.— Жизнь городская останавливается. Купцы дремлятъ въ лавкахъ, улицы пусты, все сторонится, уступая мѣсто безпощаднымъ лучамъ неумолимаго солнца. Такъ проходитъ цѣлый день и только къ вечеру, уже въ сумерки—начинаютъ бродить изнуренные горожане и грузинскія чадры, какъ тѣни блуждающія въ Елисейскихъ поляхъ. Но и ночь не приноситъ свѣжести. Тѣло мечется, духъ изнемогаетъ, сонъ бѣжитъ отъ утомленныхъ очей. Стоитъ тяжелая мгла, удушливая, невыносимая. Нѣтъ отдыха, нѣтъ успокоенія въ этой знойной обители, въ этой дантовской cita dolente.

Остается только бѣжать вонъ изъ города, искать убѣжища, укрывательства, спасенія отъ солнечнаго бѣдствія.

Къ счастью наша могучая кавказская природа такъ чудно устроена, изобилуетъ такими рѣзкими противоположностями, что она всякому причиненному ею горю тутъ же сама и пособить можетъ. Такъ здѣсь искони вѣковъ ведется, что на время лѣтнихъ жаровъ жители долинъ откочевываютъ на окрестъ-лежащія горы. Тутъ, по мѣрѣ возвышенія, климатъ становится все прохладнѣе и была бы лишь охота такъ можно взобраться за линію вѣчныхъ снѣговъ и отморозить себѣ уши, въ виду людей изнемогающихъ отъ зноя. Этимъ объясняется лѣтняя кочующая жизнь здѣшнихъ татаръ, курдовъ и вообще народовъ

поселенныхъ въ постепенно-понижающейся долинѣ Куры. Ихъ принуждаетъ къ такому неправильному быту не отвращеніе къ гражданственности,—а самая необходимость. Дѣти въ особенности не выдерживаютъ лѣта въ мѣстахъ низменныхъ, и странно, что обыкновеніе возникшее отъ семейнаго и слѣдовательно общественнаго начала, отъ родительской заботливости — приводитъ естественно къ жизни дикой и необузданной, къ заманчивому удальству, которое по нашему называется грабительствомъ, а по азіатскимъ понятіямъ не что иное какъ молодечество.

Укрывательство отъ лѣтней духоты на высотахъ не составляло впрочемъ прежде исключительной особенности мусульманъ. Грузины слѣдовали ихъ примѣру и самые цари грузинскіе располагались лагеремъ, на время жаровъ, на коджорской высокой горѣ, отстоящей отъ Тифлиса въ прямомъ направленіи на 10 вер., но возвышающейся надъ нимъ болѣе чѣмъ на 3000 фут. Такая разность уровней условливаетъ разность въ температурѣ по крайней мѣрѣ на 10°. Кромѣ того коджорская вершина открыта со всѣхъ сторонъ дѣйствію вѣтра, воздухъ ея всегда чистъ, легокъ, не обремененъ вредными испареніями, спирающимися въ тифлисской котловинѣ. — Въ Коджорахъ былъ нѣкогда замокъ, были церкви построенныя Тамарой, потомъ все это рушилось и грузины, свыкшіеся съ бѣдствіями, перестали думать объ лѣтнихъ удобствахъ, имъ не до

удобствъ было, когда круглый годъ они не знали личной безопасности. Имъ незачѣмъ было искать другихъ убѣжищъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ они могли спасти жизнь свою отъ меча и насилія.

Когда же прошли наконецъ долгіе годы, мучительные вѣка, когда Грузія отдохнула отъ вѣчнаго, привычнаго ужаса, когда Тифлисъ пересталъ быть мѣстомъ сраженія, а сдѣлался снова городомъ и столицей; тогда и жизнь пошла своимъ мирнымъ ходомъ, начались городскія заботы, зимнія увеселенія, пробудилась потребность подышать свѣжимъ воздухомъ, въ лѣтнюю пору, гдѣ-нибудь за чертою города. Но возникающее просвѣщеніе не позволяло уже болѣе скитаться по горамъ, разбивать каждый день на новомъ мѣстѣ войлочную кибитку на полукруглыхъ ребрахъ. Пусть еще кочуютъ татары; грузины и русскіе, члены одной семьи, не могутъ вести жизни кочевой. Одни никогда не умѣли, другіе давно забыли. Имъ нуженъ настоящій домикъ съ настоящей крышей, съ навѣсомъ, подъ которымъ можно поставить самоваръ, а иной разъ и опорожнить кувшинъ кахетинскаго, и чтобъ кругомъ домика былъ садикъ, и чтобъ подлѣ садика былъ огородъ, и чтобъ въ огородѣ были овощи, и фруктовыя деревья, которыя здѣсь, благодаря благословенной почвѣ, съ каждымъ годомъ такъ распложаются и совершенствуются. Словомъ, если какой-нибудь городъ нуждается въ дачахъ, то это конечно Тифлисъ.

Первый опытъ дачной жизни за Тифлисомъ былъ начатъ въ прекрасныхъ рощахъ Пріюта, на 30 верстномъ разстояніи по дорогѣ къ Мангялису. Но самое разстояніе было уже не удобствомъ. Всякой, принужденный быть утромъ на службѣ или по дѣламъ въ городѣ, не можетъ такъ далеко отлучиться. Человѣку свободному все равно. Ему весь Кавказъ можетъ быть дачей. Но человѣку присяжному, купцу, чиновнику— нужда дача подъ бокомъ, и когда эта дача представляетъ ему мѣстность здоровую и прохладную; когда послѣ дневныхъ трудовъ онъ не долженъ метаться въ безсонномъ томленьи, а можетъ соснуть и выспаться вдоволь, и когда видъ передъ глазами его величественно-прекрасный, и когда кругомъ его маленькое хозяйство, то чего болѣе желать. Мысли освященныя вѣками на повѣрку всегда выходятъ лучшими. Любимое кочевье грузинскихъ царей, Коджори, сдѣлалось, или лучше оказать, дѣлается нынѣ лѣтнимъ убѣжищемъ тифлисскихъ жителей. Но такое событіе не обошлось, какъ и всѣ благотворныя событія на Кавказѣ, безъ моіщнаго руководства. Правило о котомъ мы говорили въ нашей статьѣ о Боржомѣ и здѣсь нашло свое примѣненіе. Коджорская земля, раздробленная до 1847 г., сперва пріобрѣтена окончательно казною, а потомъ разбита на участки и раздана безденежно лицамъ, изъявившимъ готовность въ теченіи года развести сады и выстроить небольшія дачи. Бывшій въ

Іріютъ домъ главнокомандующаго перенесенъ въ съ Коджори и нынѣ отданъ для лѣтняго помѣщенія воспитанницъ Тифлисскаго Института. Этотъ домъ вѣнчаетъ коджорскую возвышенность и любо глядѣть издали на цѣлый рой яркихъ зеленыхъ бабочекъ съ бѣлыми крыльями, которыя порхаютъ и кружатся на косогорѣ около пристанища, замѣнившаго для нихъ раскаленныя стѣны городскаго затворничества. Пониже института красуется щегольская дача полковника князя Воронцова, который, ревнуя къ близкознакомымъ ему цѣлямъ, изъ первыхъ принялся здѣсь за полезное дѣло, такъ-какъ и на другомъ болѣе опасномъ поприщѣ онъ изъ первыхъ подставляетъ грудь свою для пользы своей родины, для славы своего имени. Всѣхъ же дачъ совершенно устроенныхъ и образующихъ отдѣльныя мызы, считается уже болѣе двадцати. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ: князю Орбеліану, гг. Андреевскому, Блоту, Брусилову, Бѣляеву и Мезенкапфу. И все это возникло, развилось, упрочилось въ теченіи пяти или шести лѣтъ. Но Коджори достигнетъ своего настоящаго назначенія только тогда, когда здѣсь устроится цѣлый лѣтній городокъ, цѣлый рядъ скромныхъ домиковъ, доступныхъ всѣмъ состояніямъ, не требующихъ большихъ издержекъ, но образующихъ для тифлисскихъ осѣдлыхъ жителей, мѣсто спасительнаго укрывательства отъ жаровъ, которые какъ нарочно въ нынѣшнемъ году расходились

не путемъ и болѣе чѣмъ когда-либо доказываютъ всю неоцѣненную пользу горнаго воздуха.

Люди всѣмъ недовольные, (гдѣ ихъ не бываетъ), замѣтятъ, можетъ быть, что крутые скаты высокой горы, только кое-гдѣ одѣтой мелкимъ кустарникомъ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ мирной дачной жизни, которая любитъ пріютиться подъ сѣнью рощи, среди разнообразныхъ, тѣнистыхъ, не утомительныхъ гуляній. Конечно есть мѣста лучше Коджори, но Каджори обладаетъ двумя неоцѣненными преимуществами—свѣжестью воздуха и близостью отъ города. Воздухъ въ Коджори то, что вода въ Боржомѣ, охраняющая, живительная стихія. Въ Боржомѣ очевидно уютнѣе. Тамъ гдѣ сплетаются русла рѣки, рѣчекъ, источниковъ, природа сжимается, съуживается въ ущельѣ, между горъ и скалъ; но за то взору негдѣ разбѣжаться Въ Коджори же напротивъ природа вся на свободѣ, вся на распашку Здѣсь она раскинулась громадными горными волнами, которыя спускаясь въ Куръ открываютъ по всему небосклону далекую панораму, гдѣ въ сизомъ туманѣ обозначаются уступами и снѣжныя вершины Кавказа и горы Кахетіи и шамшадильскія и борчалинскія поляны. Въ Боржомѣ чувствуешь себя болѣе дома. Въ Коджори чувствуешь себя съ природой. Коджори невольно внушаетъ сознаніе широкой, размашистой безпредѣльности и кажется огромнымъ зеленымъ моремъ, скованнымъ во время грозы. И чтобъ довершить величе-

ственное впечатлѣніе, чтобъ доказать всю суетность людскихъ покушеній передъ вѣчнымъ спокойствіемъ природы—угрюмымъ стражемъ возвышается, близъ новаго поселенія на самой вершинѣ сосѣдней горы, развалившійся замокъ съ высокой, надменной башней, не уступающей еще времени. По лѣтописи надо полагать, что это древній коджорскій замокъ, но народное преданіе гласитъ, что тутъ былъ притонъ знаменитаго разбойника Кёръ-Оглы, который привозилъ сюда похищенныхъ имъ въ Тифлисѣ красавицъ. Впрочемъ Кёръ-Оглы лицо въ половину баснословное и врядъ ли въ старину красавицы такъ легко увозились, и врядъ ли ихъ мужья оставили бы въ такомъ случаѣ камень на камнѣ въ загадочномъ замкѣ. Но о Кёръ-Оглы можно поговорить когда-нибудь въ другой разъ. Сегодня мы хотѣли только разсказать о погодѣ, о климатѣ, о воздухѣ, а изъ этого какъ-то сама-собой и составилась статья о Коджори.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Тифлисъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похожъ на рай, въ особенности въ томъ, что трудно въ него попасть. Съ сѣвера сторожитъ его страшный сторожъ, непривѣтливый Кавказскій Хребетъ; съ востока Дагестанъ завалилъ скалами къ нему доступъ; съ запада рѣки, потоки да болота водяною сѣтью запутываютъ путника, угрожая ему притомъ лихорадкой во всѣхъ ея изнурительныхъ видахъ. Съ юга легче всего, но кому же изъ насъ прійдется избрать эту дорогу, — да и тутъ или Гокча заградитъ порою сообщеніе, или долина Куры, безплодная и выжженная, накажетъ васъ опять лихорадкой, этимъ вѣчнымъ пугаломъ кавказской жизни. Преданіе о золотомъ рунѣ, сказка о жаръ-птицѣ, въ особенности миѳъ о Прометеѣ объясняются здѣсь какъ нельзя лучше.

Но въ самыхъ затрудненіяхъ, въ самыхъ опасностяхъ, въ неожиданностяхъ, въ лишеніяхъ, въ разнообразіи впечатлѣній, въ самомъ неровномъ движеніи жизни и таится главная прелесть

Кавказа. Человѣкъ, привыкшій къ его неудобствамъ, не промѣняетъ ихъ на однообразное, безмятежное житіе европейское; гдѣ все разочитано и придумано, гдѣ нынѣшній день похожъ на вчерашній, гдѣ всѣ люди на одно лицо и на одинъ покрой; гдѣ такъ уютно, такъ безопасно, такъ хорошо, что становится иногда несносно. Придется ли вамъ тамъ путешествовать, паровая машина несетъ васъ какъ молнія, ночлегъ вамъ уже готовъ во дворцѣ, названномъ гостинницей, вамъ не о чемъ позаботиться, вы вездѣ дома, часто лучше чѣмъ дома. Вы какъ тотъ Нѣмецъ, который вздумалъ однажды вести свой дневникъ и записалъ въ первый день: Heute, ich war etwas besoffen, и потомъ, не отыскавъ въ жизни своей ничего болѣе замѣчательнаго, съ нѣмецкой акуратностью отмѣчалъ только каждый вечеръ: idem. Однообразіе приводитъ къ утомленію. Но попытайтесь поѣздить по Кавказу. Вы невольно встрепенетесь. Вы или висите надъ крутизной, или скачете отъ нагоняющихъ васъ абрековъ, или плывете верхомъ черезъ рѣку, или сушите ваше платье въ дымной саклѣ, или съ благоговѣйнымъ ужасомъ смотрите на горную природу, или изучаете древніе памятники, допотопные нравы. И если васъ не завалило снѣгомъ, если вы не утонули въ потокѣ, если васъ не подстрѣлилъ разбойникъ, или вы не сорвались въ кручу, если вы не занемогли, если вы цѣлы и невредимы,— вы навѣрно тогда не скучаете, вы веселы тогда,

вы цѣните съ наслажденіемъ малѣйшее жизненное удобство, на которое въ другое время вы и не обратили бы вниманія въ томъ пресыщенномъ, привычномъ убѣжденіи, что весь свѣтъ для того и созданъ, чтобъ вамъ только было покойно на немъ жить.

Вамъ, мои далекіе петербургскіе пріятели, вамъ, съ которыми я когда-то дѣлилъ озабоченную праздность свѣтской жизни, хочу разсказать я, въ видѣ отрывка изъ кавказскаго быта, Одиссею моего настоящаго возвращенія въ Тифлисъ. Вы знаете, или какъ слѣдуетъ пріятелямъ, вы, вѣроятно, не знаете, что судьба отдалила меня нынѣшней осенью изъ столицы Грузіи, что я побывалъ и на Сунжѣ, гдѣ поклонился праху Слѣпцова; и въ Малой Чечнѣ, и даже прошу замѣтить, въ Большой Чечнѣ; видѣлъ вблизи боевую кавказскую жизнь, потомъ побывалъ на правомъ флангѣ, и въ Черноморіи, и въ Крыму; потомъ видѣлъ черноморскую береговую линію, познакомился съ натухайцами и шапсугами, слышалъ ихъ гиканье и выстрѣлы, смотрѣлъ на пицундскій обновленный храмъ и наконецъ прибылъ въ Сухумъ-Кале, гдѣ уже началъ серьозно помышлять объ обратномъ слѣдованіи къ Тифлису.

Все это я надѣюсь пересказать вамъ на досугѣ, грѣясь у камина, или когда-нибудь, въ столбцахъ этой же газеты; но теперь я хочу представить вамъ только образчикъ здѣшнихъ путе-

шествій, я разскажу вамъ—какъ изъ Сухума я прибылъ въ Тифлисъ.

Во-первыхъ, надо вамъ знать, что если кавказскій край капризенъ въ своихъ вѣчныхъ противорѣчіяхъ; то Черное Море, не желая уступить въ этомъ твердой землѣ съ своей стороны, не менѣе капризно и своевольно до безконечности. Такъ напримѣръ, на восточномъ берегу, положимъ, вы приближаетесь къ пристани. Пристань, какъ извѣстно, есть мѣсто гдѣ можно пристать, то есть, конецъ плаванію, конецъ морской болѣзни, конецъ томительному ожиданію. При видѣ пристани, вы по привычкѣ думаете отдохнуть. Вы расправляете ноги, вы ободряетесь духомъ: не тутъ-то было.... Подуетъ какой-нибудь SW, и вы не только не пристаете къ берегу, но напротивъ того, вы удаляетесь, вы бѣжите отъ берега, какъ отъ чумы. Тамъ странный прибой угрожаетъ вамъ неминуемой гибелью, и вы ищете спасенья посреди другой опасности, посреди самой бури.

Это обстоятельство охлаждаетъ нѣсколько удовольствіе плавать по Черному Морю и доставляетъ иногда странствователю довольно непріятныя впечатлѣнія. Правда, если его не слишкомъ укачиваетъ, онъ можетъ, зацѣпясь за бортъ какъ за качели, любоваться съ палубы на бѣлыя, пѣнящіеся валуны, которые съ ревомъ и воемъ подвижными горами стремятся къ берегу и, разбиваясь, дробятся и мечатся на всѣ стороны въ

высоко-взброшенныхъ брызгахъ. Подъ часъ легкая турецкая фелука или кочерма несется отважно какъ чайка, по направленію вѣтра и прямо къ берегу, и тутъ, благодаря своему устройству она стремительно вдвигается на прибрежный песокъ и мгновенно втаскивается канатами на мѣсто безопасное, куда волна уже не добѣгаетъ, откуда она не можетъ выхватить своей добычи, чтобъ поиграть ею какъ мячикомъ, какъ игрушкой, и потомъ разломать ее на мелкія щепки. Само-собой разумѣется, что подобное приспособленіе фелукъ къ нраву Чернаго Моря весьма удобно для производства запрещенной торговли съ горцами, которые такимъ образомъ получаютъ еще изрѣдка порохъ и соль. Но и тутъ приняты мѣры предосторожности, и тутъ разыгрывается отвага русскаго человѣка. Между укрѣпленіями и фортами, запирающими выходъ изъ ущелій къ морю и укоренившимися отдѣльными каменными гнѣздами на непріятельской землѣ, учреждена водяная кордонная линія. Вооруженные баркасы съ азовскими казаками крейсеруютъ вдоль береговъ, и какъ только подымается вѣтеръ, какъ только заплещетъ прибой и наступитъ ночь, тогда казаки на стражѣ, тогда начинается страшная ловля, — борьба съ волнами, съ бурей, съ прибрежными сбѣгающимися жителями, съ отважными, на все готовыми корсарами. Нелегкую службу несутъ тутъ казаки, да несутъ ее исправно, такъ-что запрещенный торгъ нынѣ уже

почти совершенно исчезъ. Русскіе уже оцѣнили весь черноморскій берегъ отъ Тамани до Батума; и еслибъ была надежная пристань, если бы не было этого враждебнаго прибоя, то давно бы могъ тутъ основаться большой портовый городъ, который торговлею и просвѣщеніемъ могъ бы привести къ покорности и къ общественности окрестъ-живущіе народы, но въ томъ-то и задача, въ томъ-то и несчастіе, что на всемъ протяженіи нашего восточнаго берега, нѣтъ ни одной вполнѣ обезопасенной бухты. Редутъ-Кале и Поти считаются портами на картѣ, но въ сущности они порты только для хорошей погоды. Большія суда должны останавливаться въ полуторѣ версты отъ берега, а малыя съ трудомъ могутъ, и то не всегда, перебраться черезъ отмель, образуемую пескомъ, наносимымъ съ одной стороны моремъ, а съ другой стремительными теченіями Ріона и Хопи. Такимъ образомъ ни Редутъ-Кале, ни Поти не могутъ почитаться настоящими пристанями; чтобъ обезопасить ихъ входъ нужны громадные труды и громадныя издержки. Сѣверная бухта Новороссійска представляетъ болѣе удобствъ, но во-первыхъ, по своему положенію, она окружена со всѣхъ сторонъ враждебными народами; во-вторыхъ, она слишкомъ отдалена отъ Грузіи и неудобна для транзитной торговли; въ третьихъ и тутъ кавказская природа придумала оборону совершенно особаго рода. Тутъ опасенъ уже не прибой, а напротивъ вѣтеръ съ берега, съ вершинъ близ-

лежащихъ горъ, вѣтеръ; составляющій свойственныя этой мѣстности бѣдствія, извѣстный подъ именемъ *бора*. Бора ничто иное какъ ураганъ, который стремится сверху, крутитъ, ломитъ и губитъ все подъ собою, срываетъ крыши, сокрушаетъ стѣны и вдавливаетъ корабли въ море, такъ-что они иногда идутъ ко дну у самаго берега, въ виду цѣлаго оторопѣвшаго населенія.

Пристань Сухумъ-Кальская удобнѣе всѣхъ. Небольшой ея заливъ защищенъ отъ главныхъ господствующихъ на Черномъ Морѣ вѣтровъ. Судно можетъ пріютиться тутъ отъ непогоды и выгрузить свой товаръ во всякое время года. Но тутъ встрѣчаются новыя затрудненія: таковъ ужъ Кавказъ. Съ одной стороны онъ манитъ, съ другой отталкиваетъ. Отъ Сухума до Редута предстоитъ сухопутная дорога, вся перерѣзанная рѣками и рѣчками, требующими 42 мостовъ. Очевидно, что устройство правильнаго сообщенія сопряжено тутъ съ большими издержками и затрудненіями въ краѣ, населенномъ мирными, но не совсѣмъ привѣтливыми абхазцами, на самой родинѣ лихорадокъ, на почвѣ болотистой Невидѣвшему края странно покажется, что необходимо учредить дорогу на твердой землѣ между двумя портами. Но человѣкъ, привыкшій къ упрямству кавказской природы, съ любопытствомъ всматривается въ титановскую борьбу труда съ мѣстностью, смотритъ кто кого переупрямитъ и, предугадывая будущее, терпѣливо переноситъ лишенія настоящаго.

Я пріѣхалъ въ Сухумъ 24 октября послѣ путешествія, которое было похоже на подвижной праздникъ, въ которомъ Кавказъ угощалъ своего начальника всѣмъ своимъ богатствомъ—и неограниченной преданностью, и задушевнымъ веселіемъ, и азіятской оргинальностью, и европейской роскошью, и чудной природой и даже войной и страхомъ, внушаемымъ русскимъ оружіемъ. Наглядѣвшись на кавказскія чудеса, я спѣшилъ домой и отправился съ двумя товарищами изъ Сухума въ Поти на пароходѣ. Плаванія предстояло намъ часовъ 7 или 8. Въ Поти мы думали сойти на берегъ, тамъ нанять верховыхъ лошадей до Марани, проѣхать такимъ образомъ по лѣвому безприточному берегу Ріона, потомъ начинающейся уже въ Марани почтовой дорогой доѣхать на другой день до Кутаиса и черезъ 3 дня очутиться въ Тифлисѣ. Но человѣкъ предполагаетъ, а море располагаетъ. Пароходъ «Эльборусъ», на которомъ мы находились, снялся 25-го въ ночь. Погода стояла тихая, только небо заволокло тучами. Пароходъ тихо скользилъ вдоль черной каймы берега. Всѣ улеглись спать и общее безмолвіе прерывалось лишь изрѣдка мѣрнымъ звономъ часовыхъ стклянокъ. Не знаю долго ли мы спали, только пробужденіе было самое непріятное. Пароходъ страшно качался и всѣ снасти трещали отъ внезапныхъ сотрясеній. Стулья плясали и падали, посуда звѣнѣла, двери хлопали, вѣтеръ вылъ съ ожесточеніемъ, со

всѣхъ сторонъ слышались стенанья больныхъ. Осенняя буря разыгрывалась въ полной силѣ. Между-тѣмъ стало свѣтло, накрапывалъ изрѣдка дождь. Свинцовое небо не предвѣщало перемѣны къ лучшему. Мы бросили якорь. Кто могъ выползъ на палубу. — Мы стояли передъ самымъ Редутъ-Кале, не болѣе какъ въ 2-хъ верстахъ отъ берега. Въ сизомъ туманѣ видѣлись издали черныя крыши, передъ нами тоже на якорѣ качался другой пароходъ «Тамань». Одна отважная фелука подъѣхала къ намъ. Два смѣльчака бросились въ нее. Мы видѣли какъ она то исчезала, то качалась на вершинѣ волны. Вотъ она приблизилась къ устью Хопи, къ подводному завалу. Всѣ притаили дыханіе. На берегу толпился народъ. Сильный порывъ вѣтра, сильный натискъ волны и гибель неминуемая. Вдругъ раздался крикъ. Фелуку перевернуло. Но, слава Богу, сѣдоки отважно прыгнули въ море, удержались на мели, съ берега подоспѣли къ нимъ на помощь, не дали имъ захлебнуться и на веревкахъ втащили на твердую землю. Мы взглянули другъ на друга и уже рѣшились прибѣгнуть къ этому, не совсѣмъ удобному способу причаливанія; но погода становилась все хуже, зыбь все сильнѣе, фелука не осмѣлилась выйдти во второй разъ въ море, а нашъ добрый, заботливый капитанъ рѣшительно объявилъ, что никого не пуститъ. Часа черезъ два мы снова снялись и пошли далѣе къ Поти. Тутъ буря сдѣлалась еще свирѣпѣе.

Волны то съ бѣшенствомъ ударяли въ бортъ, нагибая пароходъ на бокъ, то перескакивали черезъ палубу, обдавая холодными струями больныхъ, не нашедшихъ мѣста въ каютахъ. Скоро мы бросили якорь передъ Поти, но о томъ чтобы выйти на берегъ и помысла уже не могло быть. Небо становилось все пасмурнѣе, вѣтеръ казалось еще усиливался. Страшный голосъ бури, какъ духъ каратель, носился и завывалъ по всему Черному Морю. Между-тѣмъ вечерѣло; наступила мучительная ночь. Силы наши истощились, стенанія замолкли, никто не спалъ и не бодрствовалъ. Тяжелое утомленіе овладѣвало всѣми, кромѣ морскихъ офицеровъ и матросовъ, которые привыкнувъ къ подобнымъ праздникамъ, хладнокровно распоряжались, по обязанностямъ своей службы. Въ полночь капитанъ рѣшился возвратиться въ Сухумъ. Снова и еще сильнѣе начало перебрасывать насъ съ стороны на сторону, но все-таки уже становилось легче душѣ, при мысли о скоромъ освобожденіи. Вдругъ посреди непроницаемаго мрака ночи, пароходъ остановился. Дымъ повалилъ съ одного бока. Машина повредилась: уже думали, что котелъ лопнулъ, что посреди бури начинается пожаръ. Но неутомимый капитанъ, не смыкающій ни на минуту глазъ, успѣлъ скоро пособить горю. Отскочившій мѣдный винтъ онъ замѣнилъ деревяннымъ, который два матроса вбивали постоянно. Черезъ полчаса мы, снова прихрамывая и переваливаясь, попле-

лись въ дальнѣйшій путь и наконецъ въ 4 часу по-полудни мы вдругъ почувствовали, что зыбь подъ нами утихаетъ. Мы обогнули Кодорскій Мысъ, защищающій Сухумъ-Кале отъ южно-западныхъ вѣтровъ. Скоро мы вошли на рейдъ и усталые, полуживые очутились снова на берегѣ, который мы оставили только для того, чтобъ прогуляться и имѣть случай увидать на дѣлѣ, что̀ такое буря на Черномъ Морѣ.

И такъ путешествіе наше ограничилось прогулкой, но прогулкой, отъ которой мы долго не могли опомниться. Земля качалась подъ нашими ногами, голова кружилась; къ счастью одинъ офицеръ, бывшій съ нами на пароходѣ, радушно предложилъ намъ свою квартиру. Тутъ было не до церемоній, мы опрометью бросились къ предложенному крову и отдохнули наконецъ, въ пріятной бесѣдѣ съ нѣкоторыми сухумъ-кальскими жителями. Въ разговорѣ мы узнали, что въ близости отъ Сухума находятся развалины древняго римскаго города Dioscurias, города давно исчезнувшаго. Но въ эту минуту намъ вовсе было не до археологіи. Намъ пришла только въ голову странная мысль, которая можетъ иногда повторяться на Кавказѣ, а именно та, что мы находились между двумя несуществующими городами, изъ коихъ одинъ когда-то былъ, другой когда-то будетъ. И точно, Сухумъ-Кале еще не городъ, но онъ непремѣнно будетъ значительнымъ городомъ, когда все начатое приведется въ по-

полненіе, когда убыхи усмирятся, когда вредный для здоровья папоротникъ истребится, когда болота высушатся и проведутся канавы, когда окресть—назначенныя дороги получать надлежащее устройство. Теперь сухумъ-кальское населеніе раздѣлено на три участка, отдѣленные цѣлыми полями. Въ одномъ изъ нихъ, близъ берега возвышается каменная ограда крѣпости, къ которой примыкаетъ базаръ съ турецкими лавками; въ другомъ громоздятся небольшіе домики жителей около таможни и карантина; въ третьемъ, на довольно-далекомъ отъ берега холмѣ, выстроены больница и казармы. Къ этому холму проведена большая улица, на которой со временемъ будутъ дома и гдѣ уже отстроено нѣсколько казенныхъ зданій. Вообще, куда ни взглянешь вездѣ видна заботливость настоящаго(начальника отдѣленія. Кстати надо вамъ сказать, что здѣшніе начальники отдѣленій вовсе не похожи на извѣстныхъ вамъ мирныхъ чиновниковъ нашихъ канцелярій и министерствъ. Черноморской берегъ раздѣленъ на 3 отдѣленія, и начальники этихъ отдѣленій, закаленные въ бою воины, управляя краемъ, управляются частенько съ непріятелемъ. Но на Кавказѣ это занятіе привычное, которымъ никого не удивишь. Картечью пробивается просвѣщеніе въ горы и суровые берега Черноморья. Великое дѣло совершается медленно, но вѣрно. Цѣль видна, успѣхъ несомнѣненъ. Съ человѣкомъ сладить не трудно, съ видимой природой тоже сладить мож-

но, наложивъ дороги, вырубивъ лѣса. Всего труднѣе одолѣть невидимаго, тайнаго врага, который испаряется изъ почвы, увлаженной сосѣдствомъ моря. Отъ этой сырости, отъ застоя воздуха, удержаннаго оплотомъ горъ, порождается лихорадка, эта блѣдная союзница кавказскихъ горцевъ, которая хуже черкесской пули, хуже отмелей, прибоевъ и *боры*. Здѣсь хинина составляетъ почти предметъ первой потребности. Бѣдные люди складываются по 10, по 12 человѣкъ и выписываютъ хинину изъ Одессы гуртомъ, въ явный ущербъ мѣстныхъ аптекарей. Впрочемъ по мѣрѣ того, какъ болота осушаются и климатъ становится здоровѣе.

Одна несносная особенность Сухумъ-Кале та, что вечеромъ подымается на поляхъ, раздѣляющихъ кварталы, вой рыскающихъ шакаловъ или, какъ ихъ тамъ называютъ, чекалокъ. Вой этотъ похожъ на плачъ и вопли истерзанныхъ дѣтей. Ему вторятъ со всѣхъ сторонъ и на всѣ голоса встревоженныя собаки. Такимъ образомъ каждый вечеръ и каждую ночь устраивается такая звѣрская опера, раздаются такіе уныло-раздирающіе хоры, что не знаешь куда бы отъ нихъ спрятаться.

Однакожъ, не смотря на эту вокальную особаго рода музыку, вечеръ прошелъ незамѣтно. Случайные, но привѣтливые новые наши знакомцы надѣлили насъ и совѣтами и припасами, и фуфайками и теплыми чулками для предстоящаго намъ

на другой день путешествія. О морѣ, въ полномъ смыслѣ слова, тошно было вспомнить. Мы рѣшились ѣхать сухимъ путемъ, по дорогѣ еще неустроенной, черезъ Абхазію, Самурзакань и Мингрелію. Мы должны были ночевать первую ночь въ Очемчирахъ—мѣстопребываніи абхазскаго владѣтеля; вторую ночь въ Зугдидахъ—столицѣ Мингреліи и на третію попасть въ Марань. Всѣ эти планы впрочемъ не сбылись, и вы увидите почему.

Неудобства мореплаванія навели насъ на бѣдственное желаніе устроить наше сухопутное слѣдованіе какъ можно удобнѣе. Мы, разумѣется, должны были ѣхать верхомъ, но верхомъ нельзя захватить, ни самовара, ни кроватей, ни погребцовъ, ни чемодановъ, ни ящиковъ. На «Эльборусѣ» оставался вовсе непринадлежащій намъ тарантасъ Оказалась возможность найдти подъ него пять казенныхъ лошадей. Тарантасъ былъ выгруженъ немедленно и страшнымъ образомъ нагруженъ. Для себя же и своихъ слугъ мы наняли у абхазцевъ верховыхъ лошадей по 4 р. 50 к. с. до Очемчиръ.

26-го утромъ поѣздъ нашъ тронулся, но увы, не при первомъ мерцаніи утренней Авроры, какъ предполагалось, а въ 11-мъ часу. Проводникъ или чапурханъ опоздалъ съ лошадьми, потомъ сѣдлали, закладывали, закусывали, прощались. Когда мы выѣхали уже приближался полдень. Погода была холодная и сырая, небо пасмурное. Изрѣд-

ка моросилъ мелкій дождь. Справа вѣтеръ бушевалъ по морю и страшный прибой шумно рвался на берегъ. «Эльборусъ» и «Тамань» печально покачивались на рейдѣ. Мы мысленно съ ними простились, и отрядъ двинулся Впереди чапурханъ указывалъ дорогу, за нимъ въ башлыкахъ и буркахъ слѣдовали мы, путешественники, туристы по неволѣ. Насъ было трое, они да я. Одинъ изъ нихъ военный и не съ малымъ значеніемъ между военными; другой статскій и не съ малымъ значеніемъ здѣсь между статскими; третій русскій и нынѣ, кажется, вовсе безъ значенія между русскими литераторами. Военный по всѣмъ правамъ былъ провозглашенъ начальникомъ отряда. Впрочемъ отрядъ былъ плохо вооруженъ. Огнестрѣльнаго оружія съ нами не было, каждый имѣлъ только на себѣ шашку, но болѣе для приличія, потому что здѣсь не носить шашки все равно, что въ Петербургѣ ходить безъ жилета. Съ нами ѣхалъ до Анакліи, пріютившій и угостившій насъ въ Сухумѣ, офицеръ Вѣдомства Путей Сообщенія, недавно прибывшій въ край; при немъ находился того же вѣдомства кондукторъ, отлично знавшій и мѣстность и восточные языки. За ними слѣдовалъ находившійся при насъ чиновникъ, а за чиновникомъ наши слуги—представители трехъ различныхъ народностей, типы въ своемъ родѣ весьма замѣчательные: Москвичъ — Петръ Баратынскій, ловкій малый, попавшій прямо съ Ходынки въ Абхазію; уроженецъ виленской губерніи—Бено-

дикть Стрига, молодой, свѣтло-бѣлокурый парень съ глупой улыбкой и хитрыми глазами, обладающій способностью спать на всякомъ мѣстѣ и во всякое время и терять мгновенно все, что ни попадало ему въ руки, наконецъ третій—Гуріецъ Христофоръ Самакидзе, по прозванію Сбогаръ, круглый какъ мячикъ, съ вѣчносмѣющимися глазами, мѣняющій поминутно мѣста, философъ и весельчакъ, нѣчто въ родѣ туземнаго Жилблаза. За ними тащился тарантасъ въ видѣ подвижной пирамиды—такъ усердно наложили на него всякаго добра. Надъ этой горой важно возсѣдалъ штабный писарь, хладнокровно покручивая усы и поглядывая съ высока на всѣ житейскія треволненія. Обрадованные мыслью, что мы покончили свои дѣла съ моремъ, мы ѣхали въ самомъ веселомъ расположеніи духа и тутъ же назвали неуклюжій нашъ тарантасъ Минервой въ память не брика Юноны, а брички Юноны, извѣстной всей Чечнѣ и по своимъ походнымъ заслугамъ и по остроумной веселости ея хозяина Essaoula Гребенскаго Полка и близкаго родственника Бальзака и Жакоба библіофила. Шествіе наше замыкалось донскимъ казакомъ, составлявшимъ нашъ арьергардъ.—Когда-то я сказалъ, что въ Россіи никто не путешествуетъ, что тамъ люди только ѣздятъ изъ одного мѣста къ другому. Здѣсь же на Кавказѣ выходитъ на оборотъ. Здѣсь ѣздить нельзя, а волею или неволею надо путешествовать, здѣсь невозможно разсчитать ни времени пріѣзда,

ни времени пути. Здѣсь дорога обозначается не станціями, а препятствіями. Главное препятствіе до Очемчиръ предостояло намъ — неустроенная еще переправа черезъ оба Кодора — большой и малый, черезъ которые донынѣ переправляться всегда трудно, а во время дождей и разливовъ невозможно. Между-тѣмъ мы подвигались. Дорога ограничивается большой просѣкой въ лѣсу вдоль морскаго берега, — иногда она выходитъ на берегъ, иногда углубляется въ чащу лѣса. Влѣво изъ-за облаковъ выглядывали снѣжныя вершины Кавказа; отъ подножія горъ вплоть до моря растетъ дремучій лѣсъ, пересѣченный шумными, стремительными рѣчками и рѣками. Мачтовые дубы, перевитые огромными виноградными лозами, тѣснятся другъ подлѣ друга. Въ 8 верстахъ отъ Сухума мы проѣхали черезъ Карасуръ, мѣстечко князя Дмитрія Шервашидзе, близкаго родственника владѣтеля. Большой бѣлый его домъ съ восточными балконами возвышается на холмѣ, надъ бѣгущей къ морю рѣчкой. Внизу устроенъ базаръ — необходимая принадлежность каждаго азіатскаго мѣстечка, а кругомъ въ лѣсу кое-гдѣ выглядываютъ сакли и запасы кукурузы огромными зонтиками вздернутые на деревья, для безопасности отъ хищныхъ звѣрей. Неглубокую рѣчку мы проѣхали въ бродъ и, миновавъ версты три или четыре, увидали толпу всадниковъ, которая ѣхала къ намъ на встрѣчу. Поровнявшись мы узнали самаго князя Дмитрія, ко-

торый ѣхалъ впереди съ другимъ абхазскимъ княземъ. Поздоровавшись, онъ объявилъ намъ, что 300 человѣкъ абрековъ спустились съ горъ съ намѣреніемъ ограбить его имѣніе, что онъ ихъ отыскиваетъ и спѣшитъ къ милиціи, находящейся подъ его начальствомъ и которая тутъ недалеко въ сборѣ. Осмотрѣвъ насъ внимательно, онъ вѣжливо раскланялся и уѣхалъ въ сопровожденіи своей свиты, между которой меня въ особенности поразилъ одинъ нукеръ съ большимъ чернымъ пластыремъ вмѣсто носа. — Вѣсть о рыскающихъ вблизи 300 абрекахъ была довольно непріятная. Съ нами не было ни конвоя, ни надлежащаго оружія. Проѣхавъ версты двѣ, мы вдругъ услыхали топотъ скачущихъ лошадей. Насъ догонялъ Князь Дмитрій, которому вѣроятно пришли въ голову тѣ же мысли какъ и намъ. Онъ рѣшился оставить свой домъ, которому угрожала неминуемая опасность, чтобъ проводить случайныхъ своихъ гостей. Какъ вамъ покажется, о вы, вѣжливые до утонченности, господа Европейцы, подобная азіатская вѣжливость. Не лучше ли она шарканья, поклоновъ и лицемѣрныхъ рѣчей. Бесѣда наша оживилась. Безносый нукеръ разсказалъ мнѣ, какъ въ схваткѣ съ горцами онъ имѣлъ неудовольствіе лишиться главнаго украшенія своей физіономіи. Отъѣхавъ верстъ 25 отъ Сухума, мы услыхали ревъ и вой Большаго Кодора. Черезъ Малый мы уже переправились благополучно. Большой Кодоръ весьма широкая рѣ-

ка и, какъ всѣ здѣшнія рѣки, по крутому своему паденію чрезвычайно стремительна. Если лошадь споткнется, то и конецъ, быстрое теченіе мгновенно унесетъ въ море на пищу бакланамъ, стаями сидящихъ на волнахъ, какъ за большимъ обѣдомъ. У берега мы остановились. Первый въѣхалъ въ воду кондукторъ, какъ человѣкъ бывалый. Вдругъ лошадь его споткнулась, и онъ упалъ. Къ счастью, это было уже близъ противоположнаго берега, гдѣ было уже мелко. Онъ успѣлъ вскочить на ноги и скоро очутился въ безопасномъ мѣстѣ. Абхазскіе князья начали распоряжаться. Во-первыхъ они выбрали для нашей переправы вѣрную и высокую бѣлую лошадь съ азіатскимъ сѣдломъ. Каждый изъ насъ по-очереди садился на эту лошадь и въѣзжалъ въ воду, имѣя по обѣ стороны обязательныхъ князей. Одинъ держалъ лошадь за поводъ, другой погонялъ. Намъ велѣно было или зажмурить глаза, или глядѣть между ушей лошади, иначе неминуемо сдѣлалось бы головокруженіе, отъ котораго можно было бы упасть въ воду. Такъ переправились мы по одиночкѣ и, проводивъ одного, князья возвращались за другимъ, и такъ мы всѣ очутились на другомъ берегѣ. Даже мокрая Минерва благополучно протащилась. Мы, разумѣется, промокли до костей. Страхъ простуды и лихорадки замѣнилъ страхъ переправы—я поскакалъ впередъ по направленію обѣщанной дачи какого-то абхазскаго дворянина. Со мной скакалъ, весь

измокшій то галстуха, кондукторъ. Два туземца на коняхъ встрѣтились намъ и спросили: *болшой вода?* чѣмъ, вѣроятно ограничивались ихъ познанія въ русскомъ языкѣ. Мы ихъ успокоили на всемъ скаку, промчались мимо казачьяго поста на самомъ взморьѣ и очутились близъ бѣдной сакли, передъ которой арабъ сажалъ на лошадь дряхлаго старика въ красной фескѣ. Мы подъѣхали къ дачѣ и къ самому хозяину. Кондукторъ сказалъ ему отъ меня по-турецки приличное привѣтствіе. Старикъ отвѣчалъ, что онъ боленъ и долженъ ѣхать, но что весь домъ его къ моимъ услугамъ. Весь домъ заключался въ четырехъ плохо-сложныхъ досчатыхъ стѣнахъ, посреди которыхъ на землѣ къ счастью горѣлъ огонь. Старый помѣщикъ съ итальянской фамиліей, остаткомъ прежняго генуезскаго вліянія—отправился величаво, какъ испанскій грандъ. Я обратился къ арабу съ какимъ-то вопросомъ. Но арабъ мгновенно исчезъ и вмѣсто его явились два туземца, которые подложили новыхъ дровъ и начали прислуживать. Князья и товарищи подъѣхали, за ними приплелась и Минерва, изъ которой Бенедиктъ успѣлъ уже выронить два узла, къ счастью пробившіе, не пропали. Мы сѣли около огня, стали сушить платье и обувь, а между-тѣмъ принялись завтракать и чистосердечно, съ душевной благодарностью пили здоровье облагодѣтельствовавшихъ насъ князей. Тутъ мы разстались, но на всякій случай они оставили намъ одного дворянина, ко-

торый долженъ былъ проводить насъ до Очемчиръ. Эта предосторожность оказалась въ послѣдствіи вовсе не лишней. Высушивъ платье, подкрѣпившись, мы продолжали путь. Дорога углубилась въ лѣсъ и мы имѣли случай восхищаться необыкновенной растительностью края. Съ обѣихъ сторонъ, переплетенныя плющемъ и виноградомъ, громадныя деревья сплошной стѣной какъ будто подпирали небо. Широкія тѣни сгущались отъ наступающаго вечера. Мало-по-малу мрачная ночь начала набрасывать на всѣ предметы свое черное покрывало. Небо было покрыто тучами. Прибой волны стучалъ въ недалекій берегъ, вѣтеръ грустно завывалъ и изрѣдка раздавался пронзительный вопль чакалки. Мы ѣхали молча, почти ощупью. Вдругъ мы остановились. Подъ нашими ногами былъ оврагъ, въ который мы чуть-чуть не упали. Проводникъ ошибся дорогой, слѣдовало поворотить вправо и проѣхать по берегу. Мы повернули, но при поворотѣ неуклюжая Минерва со всѣхъ 4-хъ колесъ шлепнулась о-земь и всѣ наши пожитки разлетѣлись на стороны. Отпрягли лошадей, перевернули тарантасъ, снова навьючили, снова впрягли коней и снова тронулись. Проѣхавъ шаговъ двѣсти, при подъемѣ Минерва вдругъ покатилась назадъ и перевернулась снова, только на другой бокъ; не видно было ни зги. Къ счастью у одного изъ насъ былъ складной ахалцихскій фонарь и нѣсколько восковыхъ свѣчей. Фонарь засвѣтили. Всѣ засуетились

около злосчастнаго тарантаса. Вдругъ начальникъ отряда крикнулъ: «Господа заряжены ли у васъ пистолеты». Мы отвѣчали утвердительно, хотя, какъ вы уже знаете, кромѣ шашки никто ничего не имѣлъ, и при свѣтѣ фонаря увидали нѣсколько человѣкъ горцевъ, которые неизвѣстно откуда вдругъ очутились между нами, сурово на насъ поглядывали изъ-подъ руки и какъ-бы совѣтовались между собою. Въ эту минуту ливнемъ хлынулъ на насъ дождь, вѣтеръ подулъ сильнѣе, погасивъ фонарь, и мы остались въ совершенной темнотѣ.

Сопровождавшій насъ дворянинъ, которому мы были поручены княземъ Дмитріемъ, вступилъ въ жаркій разговоръ съ незванными гостями. Голоса ихъ сливались съ шумомъ дождя, съ ревомъ бури и морскаго прибоя. За нами тарантасъ лежалъ на боку, вмѣстѣ съ упряжными лошадьми; вправо бушевало море, влѣво стоялъ стѣною дремучій лѣсъ, впереди заграждали намъ дорогу какіе-то подозрительные люди, которыхъ, по ночному мраку, и число даже было неизвѣстно. Я вспомнилъ тогда объ васъ, мои добрые дальніе пріятели, объ вашей веселой бесѣдѣ, объ уютныхъ покояхъ, гдѣ мы нѣжились въ спокойныхъ креслахъ, гдѣ при свѣтѣ карселевскихъ лампъ — такъ скоро проходили такіе длинные вечера. Съ этимъ пріятнымъ воспоминаніемъ смѣшивалась мысль, довольно неутѣшительная. Если дѣйствительно передъ нами были абреки, то сопротив-

ляться безъ оружія было невозможно. Лучшее что могло случиться то, что нас возьмутъ въ плѣнъ, продержатъ года два или три, почти безъ пищи и безъ платья, въ отвратительной ямѣ и потомъ отпустятъ за выкупъ обратно во-свояси, и, можетъ-быть, при томъ съ нѣкоторымъ изъяномъ, какъ напримѣръ — съ отрубленнымъ носомъ, или выколотыми глазами. На повѣрку вышло, что передъ нами были не абреки, а абхазцы, объяснившіе свое появленіе между нами тѣмъ, что они отыскиваютъ украденную лошадь. Конечно, не много было странно отыскивать что-нибудь въ такую непроницаемую ночь и въ такомъ темномъ лѣсу, но мы не почли за нужное вступить въ дальнѣйшія разсужденія. Искатели пропавшей лошади исчезли неизвѣстно куда, такъ какъ и явились неизвѣстно откуда; быть-можетъ они оробѣли предъ значительностью нашего отряда, быть-можетъ, и это вѣрнѣе всего, они не смѣли ничего предпринять съ людьми, находящимися подъ покровительствомъ абхазскихъ владѣтельныхъ князей, что доказывало присутствіе даннаго намъ проводника, который, по здѣшнимъ обычаямъ, головой своей отвѣчалъ за насъ.

Надо замѣтить, что вообще по понятіямъ почти всѣхъ кавказскихъ туземцевъ, разбой и грабежъ на дорогахъ не составляютъ вовсе гнуснаго преступленія, а напротивъ того доказываютъ духъ молодечества и воинственности, въ особенности приличный и похвальный въ молодыхъ лю-

дяхъ. Мнѣ нерѣдко случалось самому спрашивать у нѣкоторыхъ старожиловъ: много ли вы разбойничали на своемъ вѣку, — точно такимъ же тономъ какъ въ Петербургѣ я бы могъ спросить: игрывали ли вы въ Баденъ-Баденѣ въ азартныя игры? На такой вопросъ мой собесѣдникъ обыкновенно скромно улыбался и отвѣчалъ: въ молодости. Однажды я помню, служили мы молебенъ въ Боржомскомъ Ущельѣ въ расчищенныхъ развалинахъ ликанской церкви Между почетными лицами, присутствовавшими на этомъ благочестивомъ торжествѣ, явился старый лезгинъ въ рубищахъ, съ длинной сѣдой бородой; опираясь на сучковатую палку, онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и на насъ и на древнюю церковь, которая, освобожденная отъ густой пелены покрывавшаго ея лѣса, снова какъ-бы воскресла съ своими предѣлами, алтарями, склепами и грудами костей, и на свѣтъ Божій и на служеніе Божіе. Рѣзкое появленіе нищаго старика поразило всѣхъ. Нашелся тотчасъ переводчикъ, — на Кавказѣ безъ переводчика нельзя сдѣлать шага. Окружили стараго лезгина и спросили у него: за чѣмъ онъ принимаетъ такое видимое участіе въ церемоніи. Онъ отвѣчалъ простодушно, что это мѣсто ему очень знакомо, что когда онъ съ товарищами, во время своей счастливой, незабвенной молодости, разбойничамъ по боржомской дорогѣ, ликанская церковь служила имъ убѣжищемъ. Говоря объ этомъ, онъ вздыхалъ, глаза его сверкали, и онъ объявилъ

нам, что въ то время на церкви еще были такія-то украшенія; такіе-то куполы, и мы со вниманіемъ слушали объясненій этого археолога, совершенно особаго свойства. Даровитый сотрудникъ Кавказа Фета-Али-Ахундовъ разсказываетъ въ своихъ комедіяхъ, что татарскія дѣвушки презираютъ молодыхъ людей, не отличившихся въ какомъ-нибудь разбоѣ, и что ни одна изъ нихъ не рѣшится волею идти замужъ за человѣка, который не прославилъ себя ни какимъ воровствомъ. Такія странныя понятія рождаются отъ духа воинственности и удальства, столь свойственнаго кавказскимъ горамъ. Тамъ, гдѣ самая мѣстность вѣчная опасность, опасность становится принадлежностью жизни и дикимъ ея щегольствомъ. Даже христіанская вѣра не всегда измѣняетъ столь непонятные для насъ нравы. Вотъ и почему азіатскій разбой нельзя смѣшивать съ европейскимъ разбоемъ, потому что источники ихъ различные: первый часто происходитъ отъ ложной отваги, второй всегда отъ низкой корысти.

Какъ-бы то ни было, но мы были очень довольны, что на этотъ разъ избавились отъ духа кавказской воинственности и отъ азіатской отваги. Тарантасъ подняли, и снова поѣздъ тронулся; мы повернули влѣво, въ чащу лѣса, но тутъ опять случился подъемъ... Непривычныя лошади снова не сдержали тяжелаго экипажа, и въ третій разъ Минерва очутилась на боку. Засвѣтили свѣчи, прикрывая ихъ отъ дождя бурками, и тутъ про-

шелъ цѣлый часъ утомительной работы. Лошади не хотѣли втаскивать тарантаса на пригорокъ, пятились назадъ, фыркали. Одному изъ нашихъ товарищей вдругъ сдѣлалось дурно: онъ дрожалъ въ лихорадкѣ и ослабленный, легъ на мокрую траву подъ дерево. Мы хотѣли подкрѣпить его джиномъ, но бывшая съ нами бутылка зазвѣнѣвъ, разбилась въ темнотѣ, и это леченіе не осуществилось, впрочемъ, можетъ-быть, къ пользѣ паціента. Наконецъ на рукахъ перетащили всѣ пожитки на вершину пригорка, потомъ съ помощью рукъ и лошадей втащили и пустой тарантасъ. Странная процессія снова двинулась, трепетный свѣтъ свѣчей изъ-подъ бурокъ придавалъ ей нѣчто фантастическое, чему не мало способствовали исполинскіе размѣры абхазскаго лѣса и бурное завываніе недалекаго моря. Мы ѣхали гуськомъ, разглядывая дорогу и предохраняя Минерву отъ новаго паденія, которое просто бы ввергло насъ въ отчаяніе. Становилось уже очень поздно – мы проголодались, промокли, выбились изъ силъ. До Очемчиръ оставалось еще пятнадцать верстъ. Ни больной нашъ товарищъ, ни мы не чувствовали въ себѣ довольно бодрости, чтобы продолжать путь до назначенной цѣли. Проводники наши объявили намъ, что можно переночевать въ трехъ или четырехъ верстахъ, въ абхазской деревнѣ Тамышахъ, что до нее надо только проѣхать небольшую рѣку въ бродъ, что Абхазцы, вѣроятно насъ къ себѣ не впустятъ, но что тамъ живетъ

«мергелъ», у котораго можно будетъ найти убѣжище.

Все сбылось по сказанному. Мы благополучно переправились, среди ночнаго мрака, черезъ журчащую рѣчку, и, проѣхавъ еще версты двѣ, увидали какъ-бы небольшія зарева, разбросанныя въ лѣсу, въ довольно-далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Здѣшнія деревни не сосредоточиваются въ дружныхъ сплошныхъ жильяхъ, но напротивъ того разсыпаются на огромное разстояніе такъ, что онѣ принимаютъ видъ великолѣпнаго парка, посреди котораго устроены лачужки для сторожей. Замѣченныя нами зарева происходили отъ зажженныхъ внутри саклей костровъ, которые отсвѣчивались на окружающихъ деревьяхъ красноватымъ отблескомъ. Проводники наши остановили поѣздъ, сказавъ, что они поѣдутъ впередъ, чтобъ предварить жителей и отыскать, что не легко было посреди лѣса, жилище мергела. Это становилось довольно любопытно и я поѣхалъ съ ними. Первая попытка наша была неудачна. Мы подъѣхали къ саклѣ, гдѣ, при свѣтѣ пылающаго костра, я увидалъ лежащую женщину въ длинной красной юбкѣ. При нашемъ появленіи торопливо захлопнули дверь и крикнули, что здѣсь для насъ нѣтъ мѣста. Не далеко оттуда раздавались звонкія пѣсни. Тамъ гдѣ люди поютъ можно ожидать хорошаго пріема; мы поѣхали по направленію пѣсень и, дѣйствительно, молодой абхазецъ согласился тотчасъ про-

водитъ насъ до сакли мергела. Мергелъ, то есть, какъ я въ послѣдствіи узналъ, мингрелецъ, вышелъ къ намъ на встрѣчу. Онъ былъ высокаго роста, въ бѣлой чухѣ, съ повязаннымъ на головѣ бѣлымъ башлыкомъ въ видѣ чалмы, по абхазскому обычаю. Смугло-блѣдное и суровое его лицо прекрасно оттѣнялось черной бородой и черными какъ смоль бровями. Проводники объяснили въ чемъ дѣло. Грозная физіономія хозяина нѣсколько смягчилась и я вошелъ въ саклю.

Представьте себѣ большую плохо-плетеную корзинку, покрытую листьями и камышемъ, небольшой навѣсъ передъ дверью и множество со всѣхъ сторонъ отверстій, въ которыя можно было просунуть два кулака, такъ дурно сучья были между собой перевиты. Съ двухъ сторонъ къ этимъ прозрачнымъ стѣнамъ были приставлены скамьи изъ досокъ и на одной изъ нихъ лежала перина, на которой спалъ ребенокъ. Посреди сакли, на сухой землѣ горѣлъ костеръ, вокругъ котораго грѣлись на корточкахъ нѣсколько человѣкъ, довольно-оборванныхъ, но съ выразительными лицами. Первое мѣсто занималъ между ними купецъ изъ армянъ, пріѣхавшій покупать буйволовъ, которыхъ цѣна, по его словамъ, простирается тутъ до 30 р. за штуку. За этой ярко-освѣщенной группой стояли 4 женщины, закрывая лицо концами повязанныхъ на головѣ платковъ и съ любопытствомъ поглядывающихъ на насъ. Въ углахъ видны были сундуки — признакъ довольства, а на стѣнахъ,

если можно только назвать стѣнами рѣшето, образующее саклю, висѣло оружіе. Кромѣ того надъ головами протянута была веревка, черезъ которую перекинуто было платье и всякое тряпье. Признаюсь, въ эту минуту я вспоминалъ, читанныя мною нѣкогда, путешествія у Кафровъ и описанія ихъ жилищъ. Различія немного; такъ жили люди въ первыя времена человѣчества. Хата изъ сплетенныхъ вѣтвей, костеръ чтобъ согрѣться, оружіе для защиты. Вотъ все, чѣмъ ограничивались первые люди, вотъ все, что было у меня передъ глазами.

Между-тѣмъ мергелъ или мингрелецъ суетился, во-первыхъ предложилъ мнѣ снять шашку, но я отвѣчалъ, что я съ дѣтства привыкъ никогда не разставаться съ оружіемъ. Удовлетворенный такимъ отвѣтомъ, онъ вытащилъ какую-то ситцевую занавѣсь и натянулъ ее на одинъ бокъ сѣней передъ саклею. Я не могъ сперва понять— къ чему эта занавѣсь на чистомъ воздухѣ, и только послѣ узналъ, что онъ это приготовлялъ для насъ спальню. . . . . .

Черезъ нѣсколько минутъ весь отрядъ прибылъ къ саклѣ. Мы сѣли съ абхазцами вокругъ огня, перемѣнили платье, напились чаю и начали думать о ночномъ покоѣ. Тогда хозяинъ предложилъ намъ идти подъ навѣсъ, въ сѣни, гдѣ тоже былъ разведенъ огонь и гдѣ онъ полагалъ, что намъ очень удобно будетъ пріютиться къ повѣшенному ситцу или, лучше ска-

зать, спать на дворѣ. Для себя же и своего семейства онъ оставлялъ внутренность сакли. Конечно во всякое другое время, мы предложили бы дамамъ лучшее мѣсто, но спать на дворѣ, въ холодную дождливую ночь, послѣ утомительнаго странствованія, было пожертвованіемъ прекрасному полу свыше силъ нашихъ. Мы начали уговаривать хозяина, чтобы онъ оказалъ намъ полное гостепріимство подъ своимъ дырявымъ кровомъ; и чтобъ сказать ему что-нибудь пріятное, одинъ изъ нашихъ товарищей, тотъ котораго я назвалъ статскимъ, не съ малымъ значеніемъ между статскими, довольно неосторожно похвалилъ хозяйскаго сына. Мальчишка лѣтъ пяти проснулся и, увидавъ незнакомыя ему лица, началъ ревѣть страшнымъ образомъ. Мергелъ, вообразивъ, что комплиментъ адресовался женщинамъ, разсвирѣпѣлъ, глаза его заискрились и онъ съ бѣшенствомъ объявилъ, что не позволитъ намъ оставаться подъ одною крышею съ красавицами, обратившими будто на себя наше вниманіе. Съ трудомъ объяснили мы ему, что намъ вовсе было не до волокитства, а въ доказательство просили его уступить намъ совершенно свою саклю, за извѣстное число абазовъ. Убѣжденный такимъ аргументомъ, онъ рѣшился отправиться, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, въ другой плетень, гдѣ сушилась кукуруза, но предварительно повытаскалъ всѣ свои сундуки и пожитки, боясь чтобы его не обокрали. Столь странное сомнѣніе въ на-

шей нравственности было, конечно, нѣсколько обидно; но сакля оставалась за нами и мы начали располагаться для ночлега. Костеръ трещалъ и несносный дымъ ѣлъ намъ глаза. Двери нельзя было притворить, чтобы не задохнуться отъ дыму. Сквозь широкія щели плетеной стѣны дулъ вѣтеръ и брызгалъ дождь. Мы легли на доски, положили подъ себя что могли, окутались шинелями и бурками; люди наши расположились въ сѣняхъ. Бенедиктъ давно уже спалъ, пріютившись въ уголку, и вскорѣ всѣ послѣдовали его примѣру. . . . .

На другой день погода была сырая и холодная, но дождь пересталъ. Отблагодаривъ своего суроваго хозяина, мы пустились снова въ путь. Больной нашъ товарищъ поправился, мы сами отдохнули и, благодаря бургамъ, въ которыхъ мы лежали какъ въ теплыхъ непромокаемыхъ люлькахъ, не слишкомъ озябли, и съ новою бодростью приготовились на новыя путевыя впечатлѣнія.

Дорога до Очемчиръ или, правильнѣе, мѣсто назначенное для дороги, стелется по морскому берегу между камышами. Лошадямъ довольно было трудно подвигаться по глубокому песку; но подобнаго рода путевое препятствіе входитъ въ рядъ обыкновенныхъ, извѣстныхъ на святой Руси. Объ немъ слѣдовательно, нечего распространяться. Впрочемъ, тутъ же у берега разсыпанъ въ изобиліи мелкій булыжникъ съ гравіемъ, такъ-что когда сухумская дорога

устроится и начатыя работы и предположенія осуществятся окончательно то этому горю пособить будетъ весьма не трудно. Часу въ 11-мъ мы пріѣхали въ Очемчиры—большое мѣстечко съ значительнымъ турецкимъ базаромъ. Влѣво, на довольно-пространной площади возвышается не совсѣмъ оконченный еще домъ владѣтеля, выстроенный изъ каштановаго дерева. У насъ изъ каштана дѣлаются табакерки, а здѣсь строятся дворцы.—Широкій балконъ въ турецкомъ вкусѣ, изукрашенный кружевной рѣзьбой, занимаетъ уступами весь фасадъ зданія, а съ бока къ нему примыкаетъ наружная лѣстница. Здѣсь предполагается зимнее пребываніе владѣтеля. Лѣтомъ онъ обыкновенно живетъ недалеко отъ Бамборъ въ Соуксу, въ живописномъ ущельѣ.

Несмотря на наши помятые наряды и вовсе непредставительную наружность, мы, пока мѣняли намъ лошадей, отправились къ балкону, на которомъ толпились нукера и прислуга княжеская, и просили доложить о своемъ пріѣздѣ. Впрочемъ мы уже всѣ были хорошо извѣстны его свѣтлости по Боржому, гдѣ провели вмѣстѣ часть лѣта; насъ ввели въ отдѣланную часть дома и мы застали у владѣтеля двухъ почетныхъ гостей: начальника черноморской береговой линіи и начальника втораго отдѣленія Они сидѣли въ комнатѣ, устланной роскошными коврами, передъ пылающимъ турецкимъ каминомъ. На столѣ стояла заманчивая закуска. Князь принялъ насъ съ свой-

ственнымъ ему радушіемъ, угостилъ роскошнымъ завтракомъ и предложилъ отдохнуть и переночевать; но мы все думали о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ; мы не путешествовали, а ѣхали, т. е. спѣшили, знали, что насъ ожидаютъ и безпокоятся о насъ.

О, если когда-нибудь въ другой разъ судьба приведетъ меня въ этотъ чудный край, котораго я видѣлъ только берегъ и то черезъ дождевую пелену, я пріѣду не съ тѣмъ, чтобъ торопиться отъѣздомъ, а съ тѣмъ, чтобъ погостить подъ гостепріимнымъ княжескомъ кровомъ, чтобъ побывать и въ Бедіѣ, и въ Илори, и въ древнихъ храмахъ, которыми такъ богата Абхазія; и въ чудныхъ ея ущельяхъ и горахъ, я прислушаюсь къ народнымъ повѣрьямъ, гдѣ язычество смѣшивается съ христіанскимъ ученіемъ, я попирую на княжескихъ охотахъ и полюбуюсь широкими размѣрами неприкосновеннаго феодализма. Тогда я вамъ представлю не бѣглый путевой очеркъ, а цѣлую картину страны, которой нѣтъ подобной въ Европѣ и объ которой живописный Пьемонтъ можетъ дать только слабое понятіе.

Но теперь казацкія лошади готовы (въ Очемчирахъ казацкій постъ). Княжескія лошади паслись въ табунахъ, ихъ ожидать нужно было бы сутки, а погода прояснилась, время было дорого. Солнечный лучъ блеснулъ на снѣговыхъ вершинахъ. Мы простились съ абхазскимъ дворяниномъ—нашимъ провожатымъ, просили его кла-

няться князю Дмитрію и самъ владѣтель поблагодарилъ его за службу. Съ нимъ уѣхалъ и чапурханъ, а мы послѣ трехчасоваго пріятнаго отдыха, раскланявшись съ владѣтельнымъ хозяиномъ, опять сѣли на коней; нѣсколько верстъ проѣхали мы по зеленѣющей рощѣ, а потомъ снова очутились на песчаномъ берегу нашего знакомца — Чернаго Моря; прибой по-прежнему выдъ и рвался на прибрежные камыши. Мы протащились верстъ 20 безъ всякаго приключенія, кромѣ приключившейся усталости и настигнувшей темной ночи. Подъѣхавъ къ турецкой деревенькѣ и переправясь на паромѣ черезъ небольшую рѣку, мы остановились для ночлега.—Я забылъ сказать, что благодаря вниманію начальника втораго отдѣленія, съ нами ѣхалъ изъ Очемчиръ переводчикъ, который тотчасъ началъ распоряжаться. Но увы! турецкій духанщикъ главный домохозяинъ деревеньки неизвѣстно куда-то уѣхалъ. Оставшіяся въ духанѣ турчанки заперлись,..а, по извѣстнымъ турецкимъ обычаямъ, попасть къ нимъ въ домъ не было никакой возможности. Надо было довольствоваться какимъ-то пустымъ брошеннымъ сараемъ, однакожъ не плетенымъ, а сколоченнымъ кое-какъ и весьма-плохо изъ досокъ. Но ко всему можно привыкать, даже и къ подобнымъ квартирамъ. Тотчасъ развели огонь посреди сарая. Переводчикъ принесъ курицу вдѣтую на палочку и началъ вертѣть ее надъ пылающимъ костромъ. Изъ этого вышелъ до-

вольно-вкусный шашлыкъ. Кромѣ того, не знаю въ силу какихъ убѣжденій и происковъ, турчанки прислали намъ какую-то лапшу, крѣпко приправленную корицей. Изъ Минервы вытащили самоваръ; подали чай. Мы поужинали и легли спать, кто на доскахъ, кто на сырой землѣ. . . .

На другой день 29-го октября утро было ясное, но морозное. Сверкающій иней блестѣлъ на зеленой травѣ брилліантовой сѣтью. Слѣва по всему горизонту рисовалась огромнымъ полукруглымъ амфитеатромъ исполинская цѣпь горъ, и бѣлыя вершины ярко вырѣзывались на голубомъ небѣ. Впереди насъ, по вдавшемуся вправо полукружію красовались на турецкомъ берегу Таврскія Горы, соединяющіяся Сурамскимъ Хребтомъ съ кавказскими гигантами. Никогда не видалъ я ничего поразительнѣе и величественнѣе этой рельефной, громадной карты. Какое-то благоговѣйное и торжественное чувство овладѣваетъ душой при видѣ подобныхъ картинъ. Величіе бурнаго моря прекрасно согласовалось съ величіемъ кавказской природы. Мы ѣхали берегомъ пораженные и безмолвные. Проѣхавъ 7 верстъ, мы остановились на казацкомъ посту, чтобы немного согрѣться. Хорошая чистая, выбѣленная, комната съ большой русской печью, съ досчатымъ поломъ, показалась намъ чудомъ роскоши, въ сравненіи съ нашими ночлегами. Въ особенности удивили насъ крѣпкія, сплошныя стѣны безъ щелей и дыръ. И надо признаться, не безъ

зависти взглянули мы на казаковъ и ихъ теплое жилье, послѣ чего мы снова потащились по глубокому песку вдоль приморскаго берега. Такъ наконецъ доѣхали мы до Анакліи, — гдѣ широкая рѣка Ингуръ впадаетъ въ море. Тутъ начинается Мингрелія и оканчивается Самурзаканъ, берегомъ которой мы ѣхали цѣлое утро.

На самомъ берегу Ингура видны по другую сторону влѣво живописныя развалины древней крѣпости, посреди чащи деревьевъ, саклей и духановъ. Мы переправились на паромѣ, воотдохнули въ духанѣ, съѣли опять курицу, — вообще здѣсь кромѣ курицъ ничего и достать нельзя въ цѣломъ краѣ, — и потомъ повернули влѣво, простившись окончательно съ Чернымъ Моремъ. Офицеръ и кондукторъ Вѣдомства Путей Сообщенія продолжали путь до Редутъ-Кале, отстоящаго въ 14 верст. отъ Анакліи. Намъ же предстояло проѣхать до Зугдидъ, около 30 верстъ. Къ сожалѣнію, небо становилось снова пасмурно, набѣжали тучи и легли на небесномъ сводѣ свинцовой шапкой. Скоро пошелъ дождь, сперва небольшой, а потомъ все сильнѣй и сильнѣй. И несмотря на эту враждебную погоду, нельзя было не любоваться краемъ, или лучше сказать садомъ, по которому мы ѣхали. Почти около каждаго дерева вилась виноградная лоза съ тяжелыми гроздіями, со всѣхъ сторонъ раздавались веселыя восклицанія крестьянъ, карабкающихся на деревья и кидающихъ въ корзины кисти винограда, насаж-

деннаго самой природой и не требующаго отъ нихъ никакого другаго труда. Отъ времени до времени раздавалось пронзительное, свойственное мингрельцамъ, ауканье, которое рѣзко отдѣлялось отъ журчанья ручейковъ и рѣкъ. Въ Мингреліи есть свой особый шумъ. Тутъ участвуютъ, и люди, и потоки, и деревья, и насѣкомыя, и лѣсные звѣри, а голоса ихъ сливаются въ какой-то странный, убаюкивающій говоръ, здѣсь повсюду встрѣчаются поселяне съ плоской папахой, надѣтой въ видѣ тарелки на подстриженные въ кружокъ и густые, дремучіе, какъ окружающіе лѣса, волосы; и въ чертахъ ихъ вы не увидите ни суроваго любопытства, ни грозной ненависти; напротивъ того, они вамъ привѣтливо улыбаются, кланяются, здороваются, предлагаютъ виноградъ, приглашаютъ къ себѣ. Кое-гдѣ изъ-подъ густаго навѣса деревьевъ, перевитыхъ плющемъ и виноградными лозами, показывается сакля и у плетня, глядя на васъ, группируются двѣ или три женщины бѣлокурыя, съ большими голубыми глазами, съ гибкимъ стройнымъ станомъ. Остановитесь, взгляните на эти правильныя лица, на этотъ рѣзкій типъ аристократической красоты.—Да нѣтъ, не останавливайтесь, не заглядывайтесь, опустите башлыкъ на глаза.: До Зугдидъ еще далеко, а дождь льетъ ливнемъ. И дѣйствительно дождь неистовствовалъ и рѣзкимъ гуломъ вмѣшивался въ общій концертъ мингрельской природы. Мы то ѣхали рощей, то выѣз-

жали на поляну, то переправлялись черезъ рѣку, и вотъ опять рощи и за ней опять поляна, и снова роща и ручьи. Попадется ли селянинъ, спросишь: далеко ли, и онъ улыбнется и скажетъ: «сейчасъ». Но это изъ вѣжливости, чтобъ сказать вамъ, что-нибудь пріятное Что можетъ быть пріятнѣе путнику усталому и измокшему, какъ не вѣсть о близкомъ ночлегѣ. Скоро наступила ночь, мы снова въѣхали въ какую-то рощу и заблудились. Поминутно переѣзжали мы черезъ какіе-то стремящіеся, разлившіеся отъ дождя ручьи, — скоро сдѣлалось такъ темно, что нужно было пустить впередъ всадника на бѣлой лошади, и эта бѣлая лошадь одна нѣсколько свѣтила во мракѣ какъ тусклый фонарь. За ней тянулся весь поѣздъ гуськомъ по изгибамъ, оврагамъ и лужамъ узкой лѣсистой дороги. Дождь не переставалъ ни на минуту. Бурки отяжелѣли, башлыки промокли насквозь, холодъ, голодъ, сырость, мракъ заставлялъ путниковъ нѣсколько призадуматься. Наконецъ въ чащѣ лѣса блеснулъ огонекъ, за нимъ другой, третій. Скоро показались большія тѣни строеній, улицы и большая площадь. Я подъѣхалъ къ небольшому домику, вызвалъ какого-то мингрельца знающаго по-русски, и довольно-жалобно началъ просить убѣжище для мокрыхъ чиновниковъ. Мингрелецъ засуетился, на площади забѣгали фонари, — и два знакомые голоса весело привѣтствовали насъ издали. Поѣздъ тронулся ко дворцу владѣтельнаго князя и съ

крыльца вышли къ намъ на встрѣчу наши добрые пріятели, князь Дмитрій Гуріель и полковникъ О. И. Ходзько. Они намъ объявили, что наши приключенія были уже извѣстны владѣтелю, что онъ даже послалъ къ намъ на встрѣчу лошадей, которыя пошли ближайшей дорогой въ Анаклію и которыхъ мы потому не видали. Для насъ же былъ приготовленъ въ княжескомъ саду особый павильонъ.

Утомленные, забрызганные грязью, промокшіе до костей, пошли мы къ этому вожделѣнному пристанищу. И представьте себѣ комнату, устланную коврами, съ большимъ пылающимъ каминомъ, роскошныя кровати съ атласными подушками и матрасами, накрытыми тончайшимъ бѣльемъ и персидскими шадевыми одѣялами, и, посреди этой олицетворенной мечты усталаго путника, столъ съ бѣлой какъ снѣгъ скатертью, съ парижскимъ форфоромъ и, что еще лучше, съ дымящимся consommé, съ изысканнымъ обѣдомъ— произведеніемъ парижскаго повара. Послѣ двухъ дней, проведенныхъ верхомъ, въ водѣ со всѣхъ сторонъ; послѣ двухъ ночей, проведенныхъ въ дырявыхъ, дымящихся сакляхъ, вдругъ попасть въ такой чудный пріютъ, какъ-бы приготовленный благодѣтельной рукой невидимой волшебницы: не было ли это въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ тѣхъ отрывковъ изъ волшебныхъ сказокъ, которыми насъ такъ тѣшили въ молодости. Но къ счастью тутъ вымысла не было, была дѣйствительность. Глав-

ный домоправитель владѣтеля, мингрельскій дворянинъ, самъ распоряжался нашимъ угощеніемъ. Къ концу обѣда пришли къ намъ другіе княжескіе гости, голосъ которыхъ возвѣстилъ намъ конецъ нашимъ мукамъ. Бесѣда оживилась, огонь весело трещалъ въ каминѣ, по жиламъ разливалась сладкая нѣга.—Хороши чудеса природы, но дары просвѣщенія одни даютъ цѣну жизни. . . . Мало-по-малу тихая дремота начала овладѣвать утомленными путниками. Богатое ложе манило въ свои пуховыя объятія. Дождь неистово барабанилъ по окнамъ, но до него ужъ не было дѣла. Не помню, какъ кончился вечеръ, помню только, что уже даннымъ давно было свѣтло, когда на другой день я проснулся. Дождь шелъ по-прежнему. Мы одѣлись и пошли представиться владѣтелю, и поблагодарить его за истинно—княжеское гостепріимство. Мы шли мимо оранжерей по аллеямъ чудеснаго сада. Дворецъ княжескій еще не оконченъ, но половина, которую онъ занимаетъ, устроена со всей роскошью европейскаго комфорта. Князь принялъ насъ ласково и радушно и представилъ княгинѣ и тутъ, благодаря задержавшему насъ дождю, въ первый разъ оказавшему намъ истинную услугу, пробыли мы цѣлый день. Отъ этого дня осталось у меня въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. На родинѣ привѣтливости и красоты супруга владѣтеля занимаетъ по всѣмъ правамъ первое мѣсто. Много бы можно было сказать о благодѣтельномъ ея влія-

ніи на обновленную жизнь края, о томъ свѣтломъ значеніи, которое избрано ею среди государственныхъ заботъ ея супруга. Но чтобъ понять это значеніе вполнѣ надо видѣть Зугдиды, надо слышать благословенія народа.

Въ Зугдидахъ болѣе всего поразило меня вездѣ проглядывающее прекрасное сочетаніе двухъ почти противоположныхъ понятій: благоговѣйное уваженіе къ стариннымъ феодальнымъ обычаямъ и просвѣщенное стремленіе ко всѣмъ полезнымъ нововведеніямъ. Такимъ небывалымъ союзомъ отстраняется съ одной стороны общій холодный эгоизмъ современной образованности, съ другой сохраняются лишь лучшія особенности народныхъ нравовъ и преданій. Такъ напримѣръ, верхній этажъ павильона, въ которомъ насъ приняли, устроенъ открытой галлереей изукрашенной рѣзьбой въ турецкомъ вкусѣ. Тутъ въ извѣстные дни владѣтель принимаетъ всѣхъ своихъ вассаловъ отъ перваго до послѣдняго. Сюда приносятся груды стариннаго серебра, украшающія въ обыкновенное время внутренное покои владѣтеля. Турьи рога, азарпеши всѣхъ видовъ, кубки, ковши, лопаты для гомми—ходятъ на этихъ патріархальныхъ пиршествахъ по рукамъ гостей, всегда отдѣленныхъ между собою чиноначитаніемъ сословій, но соединенныхъ общимъ чувствомъ взаимной любви и преданности къ своему господину. Тутъ же недалеко вы увидите дерево, подъ которымъ владѣтельный князь принимаетъ жалобы

своихъ вассаловъ и однимъ словомъ рѣшаетъ ихъ споры. Тутъ происходятъ народныя игрища, гдѣ никогда никто не забудется передъ старшимъ, и гдѣ однако же всѣмъ свободно и весело.

Но павильонъ, въ которомъ изображается такъ рѣзко картина средневѣковаго быта, окруженъ роскошнымъ англійскимъ паркомъ, устроеннымъ выписанными изъ-за границы садовниками. Кругомъ разводятся плантаціи, и мало-по-малу истребляется упорная мингрельская лѣнь, составляющая съ лихорадкой двѣ единственныя язвы этого благословеннаго края. Даже мингрельскія женщины, привыкшія доселѣ къ весьма впрочемъ понятнымъ заботамъ о своей красотѣ, теперь начинаютъ свыкаться съ фабричными занятіями, съ прозаической задѣльной платой. Давно ли онѣ продавались какъ лучшія украшенія турецкихъ гаремовъ, а теперь онѣ уже снискиваютъ себѣ честное пропитаніе полезнымъ трудомъ. Учрежденная въ Зугдидахъ графомъ Розмордюкомъ шелкомотальная фабрика растетъ съ каждымъ днемъ и этимъ не ограничатся предпріятія для благоденствія страны, которая одними даровыми произведеніями природы предлагаетъ обширное поле для торговли. Долины частыю судоходныхъ рѣкъ Ріона, Ингура и Хопи, превосходятъ всякое описаніе, по своей живописности и по своему плодородію. Но объ этомъ предметѣ можно и даже должно написать когда-нибудь цѣлую книгу. . . . а теперь надо ѣхать, вздохнувъ и скрѣпя сердце.

Дождь не переставалъ.... Мы послали впередъ до Марани Минерву, чтобъ не связываться болѣе ея тяжелымъ обществомъ, и рѣшились ѣхать на другой день во что бы то ни стало. Тщетно предваряли насъ, что теперь всѣ ручьи и рѣки въ разливѣ отъ непрестающаго дождя, что мы непремѣнно будемъ задержаны. Но чѣмъ болѣе намъ хотѣлось оставаться, тѣмъ упрямѣе рвались мы впередъ.

На другой день, 1-го ноября, мы дѣйствительно выѣхали, и пусть эти краткія строки отнесутъ въ Зугдиды, къ владѣтельнымъ хозяевамъ Мингреліи дань нашей глубокой благодарности за то внимательное попеченіе, за тотъ ласковый, радушный, незабвенный пріемъ, которымъ мы были удостоены.

Мы ѣхали на прекрасныхъ мингрельскихъ бѣгункахъ, принадлежащихъ владѣтелю. Насъ сопровождалъ молодой проводникъ, въ поношеной буркѣ, въ старой чухѣ; мы не обратили сперва на него вниманія, онъ скромно ѣхалъ впереди и указывалъ намъ дорогу. Дождь немного утихъ, но грязь была страшная. Черезъ нѣсколько верстъ разсвирѣпѣвшая, далеко изъ береговъ выходящая рѣчка загородила намъ дорогу; но мы храбро окунулись въ ея волны и переправились. Къ счастію въ двухъ верстахъ была сакля, гдѣ можно было обсушиться, и послѣ того поѣздъ опять тронулся. Дорога вилась по густой рощѣ. На одномъ изъ ея изгибовъ мы вдругъ увидали грустную

ное зрѣлище. Израненная Минерва едва-едва тащилась бокомъ, на трехъ колесахъ, какъ-бы повеся голову. Четвертое колесо разсыпалось. Вещи были сложены на маленькія мингрельскія арбы, имѣющія видъ небольшихъ плетеныхъ корзинъ на цѣльныхъ колесахъ и запряженныя маленькими волами, не болѣе нашихъ телятъ. Мы примкнули къ этой печальной процессіи и вскорѣ снова наткнулись на бурную рѣчку еще хуже, еще свирѣпѣе первой. Проводникъ остановился на берегу и покачалъ головой. Бывшій съ нами казакъ началъ испытывать бродъ. Оказалось не совсѣмъ надежно. Нѣсколько человѣкъ мингрельцевъ сбѣжалось съ крикомъ на берегъ, и одинъ изъ нихъ, моуравъ или староста, кричалъ громче всѣхъ про угрожающую опасность. Мы находились посреди деревни Хета, деревни считающей 200 дымовъ, хотя деревни никакой не было видно. Но здѣсь каждая сакля закрыта деревьями и виноградниками и далеко окружена большимъ дремучимъ природнымъ садомъ такъ-что, отъ густой растительности, отъ простора безспорной, необработанной земли, на пространствѣ одной деревни можно построить цѣлую столицу. Вотъ почему въ Мингреліи такъ часто раздаются въ разныхъ сторонахъ голоса и ауканье, хотя рѣдко гдѣ видны признаки населенія.

Между-тѣмъ изъ мингрельцевъ и изъ насъ составился военный совѣтъ. Заключеніемъ совѣта было то, что можетъ-быть мы на лошадяхъ еще

-не утонешь, но что Минерва утонетъ непремѣнно, что вода нальется въ нее черезъ края, что тогда никакая сила не будетъ въ состояніи ее вытащить и что стремительное теченіе разломаетъ ее и унесетъ Богъ знаетъ куда. Ни кто изъ насъ не имѣлъ духа поступить такъ жестокосердо съ бѣдной Минервой, имѣвшей большія права на нашу признательность, не говоря о томъ, что она была чужая и самовольно нами ввергнута въ такую пучину злополучій. Дѣлать было нечего, надлежало дожидаться, чтобъ вода сбѣжала. Моуравъ пригласилъ насъ къ себѣ и мы, углубясь въ рощу, по тропинкѣ послѣдовали за нимъ, не безъ досады. Но досада скоро прошла.

Сакля моурава не отличалась особой роскошью, однакожъ въ ней было чисто, видны были признаки довольства и бережливости; но лучшимъ украшеніемъ жилища мингрельца явилась намъ его дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати съ черными глазами, съ античнымъ профилемъ. Маленькіе ея братья, мать ея, служанки и она суетились, чтобъ приготовить намъ приличное угощенье.... Вскорѣ явился къ намъ въ саклю нашъ проводникъ, но совершенно преобразованный. Темно-синяя чуха вся отороченная и изукрашенная сверкающими золотыми галунами обхватывала его станъ, сверхъ блѣдно-голубаго шелковаго архалука. На головѣ его маленькая папанаха, сверкающая золотомъ, круглой тарелочкой лежала на густыхъ бѣлокурыхъ волосахъ оттѣнявшихъ молодое правиль-

вое лицо мингрельскаго Антиноя. Тутъ мы узнали, что нашъ проводникъ мингрельскій князь Арчилъ Пагава, и что по приказанію владѣтеля, мы у него въ гостяхъ, пока будемъ находиться въ Мингреліи. Черезъ нѣсколько времени внесли въ саклю столъ, покрытый яствами, и начался крестьянскій ужинъ, который одинъ вамъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о самомъ краѣ. Первое мѣсто, занимали разумѣется курицы, но здѣшнія курицы благодаря корму, не только вкусны, но даже славятся по всему Кавказу. Одна курица была приправлена гранатовымъ сокомъ, другая начинена грецкими орѣхами, третья изжарена шашлыкомъ, т. е. на вертелѣ. Кромѣ того намъ подали пироги съ творогомъ, сыръ, разныя душистыя травы, лобію — родъ крупной чечевицы съ перцомъ, куреки—плоскіе выпеченные хлѣба изъ кукурузы, знаменитое мингрельское геммии, которое составляетъ здѣсь принадлежность всѣхъ обѣдовъ, начиная отъ роскошнаго стола владѣтеля до скромной трапезы простолюдина. Все это запивалось превосходнымъ оджалешскимъ виномъ, а къ десерту подали виноградъ, грецкіе орѣхи, каштаны, айвы, гранаты тутъ же сорванныя въ лѣсу. Мы отъ души пили здоровье владѣтеля такаго края, при чемъ Арчилъ почтительно всталъ и снялъ папанаху.—Послѣ обѣда явились въ хату родственники и пріятели моурава. Начались народныя пѣсни. Мужчины вытягивали высокія, довольно-протяжныя, ноты, а женщины и между

нины первая: хозяйская дочь Анна, подтягивала имъ скороговоркой. Между пѣснями Анна плясала лезгинку одна, или абхазку съ молодой работницей, и нельзя было не любоваться природно-грациознымъ тѣлодвиженіямъ молодой красавицы. Я забылъ сказать, что мы уже застали у моурава двухъ гостей — одного гурійца съ крючковатымъ носомъ и рыжими усами, а другаго выдававшаго себя тоже за гурійца, но въ турецкомъ шалевомъ полушубкѣ и съ довольно-подозрительной физіономіей. Оба выразительно поглядывали на хозяйскую дочь, и, если я не ошибаюсь, соболѣзновали, что въ числѣ строго-запрещенной контрабанды полагается нынѣ и торгъ невольницами. Такъ, благодаря Минервѣ, прошелъ этотъ оригинальный вечеръ.

Ночью дождя не было. Пока мы отдыхали подъ кровомъ моурава, рѣчка снова обмелѣла и мы преисправно переправились на другой день, сопутствуемые поклонами и прощаньями нашего хозяина моурава Петра Нацхеби. На Минерву надѣли колесо изъ-подъ арбы, что придавало ей трогательно-болѣзненный видъ. Однако же она прошла черезъ рѣчку благополучно, но въ 4 верстахъ намъ предстояла новая значительная остановка. Мы подъѣхали къ широкой рѣкѣ Хопи, и подъѣзжая увидали вправо какую-то развалину, густо-покрытую вьющимися растеніями. Влажные листочки сверкали на показавшемся солнцѣ, и стѣны казались изумрудными. Впереди Хопи бу-

шевалъ еще хуже Кодера, а за рѣкой на пригоркѣ въ лѣсу живописно возвышались башня, строенія и ограда древняго монастыря. За монастыремъ, во всемъ грозномъ своемъ величіи, красовался Кавказскій Хребетъ. Черезъ Хени проѣхать въ бродъ не было возможности, намъ обѣщанъ былъ паромъ; но паромъ былъ вытащенъ на противоположный берегъ, а поддерживающія его лодки затоплены водой. Мингрельцы, предваренные о нашемъ пріѣздѣ, спокойно сидѣли на берегу вокругъ огня, и ожидали нашего прибытія, чтобъ приняться за работу. Эта одна черта обрисовываетъ безпечность и лѣнь избалованнаго природою народа. Князь Арчилъ началъ кричать, чтобъ подали каюкъ и толстое выдолбленное бревно — первообразъ всѣхъ судовъ — поднялся съ двумя мингрельцами сперва вверхъ по теченію и потомъ вдругъ спустился стрѣлой на нашу сторону. Этотъ способъ плаванія показался мнѣ такъ оригиналенъ, что я рѣшился его испытать. Мы влѣзли съ княземъ Арчиломъ въ бревно, сѣли на корточки, не переводя дыханья, потому-что каждое неосторожное движеніе могло мгновенно перевернуть нашъ утлый челнъ. Насъ потянули тоже вверхъ противъ теченія, и потомъ стремительное теченіе съ быстротою молніи перенесло насъ наискось къ крутому берегу. Тутъ князь Арчилъ началъ махать нагайкой, кричать и браниться, и мингрельцы нехотя начали выкачивать воду изъ паромныхъ лодокъ, послѣ чего

слѣдовало спустить на лодки досчаникъ и начать переправу экипажа и лошадей. На все это требовалось по крайней мѣрѣ два часа. Я разсудилъ, что сидѣть у берега, ждать парома было совершенно для меня лишнимъ, а что пока я успѣю осмотрѣть находящійся въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ монастырь. Въ слѣдствіе такого разсужденія я отважно пустился шагать по глубокой грязи и скоро очутился у высокаго холма, близъ монастырьской ограды. Сперва я наткнулся на погребъ, потомъ отыскалъ отверстіе въ колокольнѣ, примыкавшей къ оградѣ и весьма оригинальной архитектуры, я вошелъ на четырехугольный дворъ весь поросшій травой. Посреди двора возвышалась церковь безъ купола, но вся окруженная аркадами, неукрашенными живописью, и мраморными надгробными плитами.

Церковь была заперта, въ цѣлой обители не было видно ни одной души. Повсюду царствовало какое-то торжественное безмолвіе. Я взлѣзъ по крутой лѣстницѣ на балконъ, окружающій келью настоятеля. Но келья была замкнута. Я сѣлъ на лавку и долго любовался чудеснымъ видомъ. У ногъ моихъ далеко развертывалась лѣсистая Хопинская Долина. Рѣка вилась и терялась вдали широкой серебряной лентой, а небосклонъ замыкался горами, чудно-освѣщенными выглядывающими изъ-за тучъ лучами. Лучшаго мѣста для жизни пустынной, для созерцанія, для размышленія о величіи Божіихъ твореній и при-

думать нельзя. Долго сидѣлъ я тутъ, потомъ снова обошелъ кругомъ церкви и наконецъ увидалъ дѣвчонку, которая испугавшись моему присутствію начала кричать и побѣжала за матерью. Затѣмъ явилась какая-то бѣдная, изнуренная женщина, объяснившая мнѣ, что въ монастырѣ нѣтъ никого, въ чомъ впрочемъ, я уже имѣлъ случай убѣдиться. Разными знаками растолковалъ я ей, что желаю взглянуть на внутренность церкви. Она принесла длинный крючокъ и не безъ труда отомкнула тяжелый замокъ, висѣвшій у двери. Церковь вся исписана прекрасно-сохранившимися фресками. На одной стѣнѣ изображены во весь ростъ двое мужчинъ въ старинныхъ княжескихъ одѣяніяхъ и женщина въ ужасающемъ грузинскомъ платьѣ. Въ иконостасѣ вставлены золотые образа и другіе самой древней живописи, осыпанные драгоцѣнными камнями. Тутъ же видно нѣсколько гробницъ. Умилительно-странно было видѣть такія цѣнныя святыни, посреди такой безмолвной одичалости. Одна нищая женщина стояла на паперти и громко вздыхала, нашептывая молитву. Къ ней присоединился скоро князь Арчилъ, который пріѣхалъ за мной съ лошадьми. Хонійскій монастырь подробно описалъ въ превосходномъ сочиненіи неутомимаго археолога г. Броссе. (Rapport sur un voyage archeologique 1. liv. 7 rap. p. 41.)

Вскорѣ я соединился съ товарищами и мы прибыли на надакхевскій каменный мостъ, отстоящій

на 30 верстъ отъ Редутъ-Кале, передъ которымъ мы стояли на «Эльбрусѣ» ровно за недѣлю передъ тѣмъ. Такимъ образомъ въ недѣлю мы подвинулись на 30 верстъ. Отъ наджикеваскаго поста до тихурскаго 20 верстъ по хорошей, широкой дорогѣ. За тихурскимъ постомъ мы снова переправились черезъ глубокій бродъ Абаши, и на ночь пріѣхали на архіерейское подворье, гдѣ намъ отвели хорошую комнату съ каминомъ и гдѣ, благодаря заботливости князя Арчила, мы высушились, поужинали и отдохнули. Ночью насъ разбудилъ сильный, снова начавшійся, дождь. Къ утру мы получили грустное извѣстіе, что Минерва сидитъ за Абашой и не въ силахъ переправиться. Такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго дня мы могли только добраться, переправясь на хорошемъ паромѣ черезъ Цкенисъ-цхали за 8 верстъ до Марани, а оттуда 7 верстъ въ сторону въ Усть-цхенисъ-цхали, откуда спускаются каюки по Ріону. Тутъ мы пробыли цѣлыя сутки у привѣтливаго нашего знакомаго маіора Гагидзе, но Минерва все не показывалась. Товарищи мои рѣшились ее дожидаться; но мнѣ признаться эта тяжелая миѳологія уже крѣпко надоѣла. На другой день, т. е. 3 ноября, я простился съ товарищами и съ княземъ Арчиломъ, совѣстливо исполнившимъ порученіе владѣтеля, и рано утромъ поскакалъ въ Марани, гдѣ уже должны были быть почтовыя лошади. Но почтовыхъ лошадей не оказалось. Я поскакалъ въ Хони, перемѣнялъ лошадь и снова

пустился на рысяхъ до Кутаиса. Чудная Имеретія развертывала передо мной свою роскошную Ріонскую Долину, свои живописныя горы. Но ужь мнѣ было не до мѣстоположеній. Я пріѣхалъ въ Кутаисъ къ вечеру, и въ ночь же отправился все такъ, верхомъ, далѣе съ донскимъ казакомъ, который везъ передо мной фонарь. На другой день я пробрался черезъ фантастическую грязь Бѣлогорской Станціи, на третій переѣхалъ уже въ экипажѣ черезъ покрытыя лаврами и рододендрами крутизны сурамскаго перевала и ночевалъ въ Горіи, а на четвертый 6 ноября, самъ себѣ не вѣря, очутился въ Тифлисѣ.

6-го декабря 1853.

ВЪ ТИФЛИСѢ.

Въ прошедшее воскресенье Тифлисъ праздновалъ высокоторжественный день тезоименитства Государя Императора. Въ этотъ день вся Русская Земля отъ Лапландіи до Аракса, отъ Камчатки до Вислы, сливается въ одно единогласное молебствіе, въ одно единодушное чувство благодарности, славословія, гордости, любви и надежды. Въ этотъ день у насъ не только праздникъ народный, но еще праздникъ семейный, потому-что родина и семейство для насъ одно и то же понятіе. Русскій человѣкъ не едиными устами, но и сердцемъ называетъ своего Государя отцомъ. Въ Немъ онъ олицетворяетъ и правосудіе и милость, и безопасность свою и счастье своихъ, и славу всего края.

Такимъ началомъ искони вѣковъ держалась наша земля, такимъ чувствомъ живетъ она и нынѣ. Но въ годины испытанія, но при дерзкомъ посяг-

питаетъ иновѣрцевъ на святость нашего народнаго спокойствія, это чувство выражается еще явственнѣе, еще сильнѣе. Не одно только призваніе долга одушевляетъ всякаго, но и общій порывъ негодованія противъ супостата. Каждый чувствуетъ тогда, что за слово своего Государя онъ готовъ стоять грудью, какъ за слово священное, родное, близкое къ сердцу, и что за торжество этого могучаго слова пожертвовать жизнію ничего не значитъ. Здѣсь разсказываютъ, что одинъ, изъ привезенныхъ въ Тифлисъ, плѣнныхъ, отзывался, что напрасно сомнѣваются въ храбрости турецкихъ войскъ. «Повѣрьте,» говорилъ онъ, «мы не трусы и умѣемъ драться, но мы имѣли дѣло не съ людьми, а съ стѣнами.» И точно, Русскую Землю охраняютъ такія стѣны, которыхъ не пробьютъ ни ядра непріятельскія, ни злобная клевета, ни всѣ усилія завистниковъ. Эти стѣны—глубокое, смиренное вѣрованіе въ Божій Промыслъ, неограниченная преданность Божьему Помазаннику. При такихъ убѣжденіяхъ исчезаютъ всѣ мелкіе разсчеты и опасенія личности, великія дѣла совершаются сами собою. Тутъ уже рѣчь не о запальчивой храбрости, а о вѣчномъ, несокрушаемомъ духѣ любви и самоотверженія, противъ котораго ни какія земныя силы устоять не могутъ. Русская Земля не успѣла еще разслышать о войнѣ, не успѣла еще расшевелиться и подняться противъ угрожающаго непріятеля, а на отдаленнѣйшихъ ея предѣлахъ небольшой дружиной сто-

реженыхъ ея хранителей, въ одну каретельную недѣлю уже одержаны три громкія побѣды, на сушѣ и на морѣ, надъ цѣлымъ ополчившимся государствомъ. Вѣсть о подвигахъ нашего оружія разносится теперь по широкому пространству громаднаго нашего отечества. Вездѣ она еще крѣпче утвердитъ ту врожденную въ русскихъ увѣренность, увѣренность добытую вѣками, что изъ нихъ тоже никто не посрамитъ земли своей, не измѣнитъ своимъ вѣрованіямъ. Каждый еще глубже почувствуетъ, что и онъ способенъ и готовъ стоять противъ врага до послѣдней капли крови своей, пока онъ живъ, а если убьютъ, то и тутъ еще ляжетъ онъ гранью на родной землѣ, чтобъ заградить путь нападающимъ.

Такими чувствами одушевляется вся Русь Православная и эти чувства конечно еще сильнѣе выразились при настоящемъ торжествѣ. Но здѣсь въ Тифлисѣ, гдѣ война окружаетъ насъ съ пяти сторонъ, гдѣ съ пяти сторонъ безсильно грозитъ непріятель и раздается отдаленный гулъ оружія, здѣсь эти чувства принимаютъ то значеніе, что они выражаются не одними благородными стремленіями души, а подвигами и дѣлами въ глазахъ нашихъ совершаемыми. Тифлисъ отпраздновалъ всѣ нынѣшнія побѣды однимъ разомъ и какой день для подобнаго торжества могъ быть лучше того дня, въ которомъ Православная Церковь празднуетъ святаго чудотворца, небеснаго заступника Русской Земли, въ которомъ Русская Зем-

ли празднуетъ вѣнчаннаго земнаго заступника Православной Церкви.

Прошлое воскресенье не ознаменовалось ни обѣдами, ни балами, ни чѣмъ свѣтскимъ и условнымъ.—Праздникъ былъ народный, общій, задушевный. Онъ выказывался въ лицахъ, въ восклицаніяхъ, въ единодушной радости всѣхъ сословій и всего населенія. Съ утра городъ молился за здравіе своего Государя въ Сіонскомъ Соборѣ, при клирномъ пѣніи, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Служеніе совершалъ высокопреосвященный экзархъ Грузіи Исидоръ съ здѣшнимъ духовенствомъ. Потомъ какъ нарочно послѣ долговременной, пасмурной погоды на небѣ сверкнулъ лучъ южнаго солнца, улицы зашумѣли, запестрѣли народомъ, зурна забарабанила въ оживленныхъ толпахъ и пляска, и пѣсни, и добродушный разгулъ грузинской веселости разразились повсюду давно удержаннымъ взрывомъ. Какъ-только дневный свѣтъ замѣнился вечернимъ сумракомъ со всѣхъ сторонъ заискрились огненныя точки, потянулись пламенные ряды пылающихъ линій, по хребтамъ и отклонамъ горъ, вдоль домовъ и улицъ. Весь Тифлисъ засверкалъ радостью. Тогда толпы народа сдѣлались еще шумнѣе, еще говорливѣе, еще восторженнѣе. Громкое ура раздавалось на улицахъ, въ особенности передъ домомъ намѣстника. Домъ весь пылалъ огнемъ, и посреди его огромными буквами сіяли три слова, выражающія весь праздникъ:

«Боже, Царя храни». — Эти три слова освѣщали красноватымъ отблескомъ безчисленные, пестрые турецкіе знамена и значки, стоявшіе напротивъ, передъ сошками главной гауптвахты. Невольно приходило на мысль, что кровью добытые трофеи досказывали народный гимнъ, свидѣтельствуя о славѣ для насъ, о страхѣ врагамъ. Тутъ же надъ домомъ еще не отстроеннаго Благороднаго Собранія, возвышался огромный огненный крестъ надъ поверженнымъ полумѣсяцомъ. Далѣе на транспарантѣ сверкали слова: «На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки». Громкое ура раздавалось въ народной толпѣ, останавливавшейся предъ этимъ транспарантомъ при чтеніи завѣтныхъ этихъ словъ, воспламенявшихъ всѣхъ и каждаго, повторяемыхъ всѣми, и служащими вѣрнымъ залогомъ успѣховъ нашихъ въ борьбѣ за правое дѣло.

Повсюду горѣлъ Августѣйшій вензель въ сіяніяхъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ. Подобной иллюминаціи не было въ Тифлисѣ со времени незабвеннаго посѣщенія Государя Цесаревича.

Кто не знаетъ нашего живописнаго города, нависшаго надъ Курою, посреди котловины окаймленной горами, тотъ не можетъ себѣ представить волшебной картины этого чуднаго освѣщенія. На Эриванской Площади, при заревѣ бенгальскихъ огней, возвышался весь залитый другими огнями великолѣпный нашъ театръ. Тутъ былъ даровой спектакль, куда приглашенъ князь на-

мѣстникъ, лишенный къ общему сожалѣнію возможности, по болѣзни, лично при немъ присутствовать. Зала представляла видъ самый блистательный. Въ партерѣ сверкали эполеты, знаки отличія, шитые мундиры. Въ раззолоченныхъ ложахъ живой узорчатой лентой помѣщались дамы. Въ верхнемъ ярусѣ за золотой рѣшеткой толпились тифлисскіе обыватели, тоже допущенные къ зрѣлищу безплатно. Не было ни одного пустаго мѣста, но многихъ не доставало. Взоры какъ-бы невольно искали знакомыхъ, которыхъ привыкли видѣть въ театрѣ. Но ихъ нѣтъ теперь въ Тифлисѣ, иные въ лагерѣ, наступаютъ и рвутся впередъ. Другіе лежатъ на одрѣ страданія и благодарятъ Бога, что запечатлѣли вѣрность свою кровью. Третіи уже кончили славное поприще завидною смертью храбрыхъ, какъ тотъ майоръ (*), который, умирая на полѣ сраженія, просилъ, чтобы его подняли и показали ему еще разъ, какъ дѣти его идутъ на штыки. При такихъ впечатлѣніяхъ рождается сознаніе собственной силы, народной гордости, душа какъ-будто крѣпнетъ и преданность роднымъ началамъ переходитъ въ восторгъ.

Съ нелицемѣрными чувствами слушали зрители народную пьесу: «Дѣдушка Русскаго Флота» На сценѣ говорилось о бѣдномъ челнокѣ, которымъ

(*) Пѣхотнаго графа Паскевича Эриванскаго Полка майоръ Дьяконовъ, смертельно раненый 19 ноября, въ дѣлѣ при сел. Башъ-Кадыкляръ.

началась морская наша сила, а присутствующимъ являлась страшная картина синопской битвы, гдѣ наша эскадра горделиво вступила въ извергавшую смерть гавань, неподвижно привинтилась къ морю и, не думая о возможности отступленія, съ покойнымъ величіемъ, уничтожила всѣ непріятельскія суда и всѣ дальновидные ихъ замыслы. Такое сближеніе невольно приходило на умъ.

Нужно ли присовокупить какими громкими восклицаніями привѣтствовали зрители народный гимнъ, вездѣ повторяемый въ этотъ памятный вечеръ. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, а на площади имъ неумолкно вторили крики народа, до поздней ночи гулявшаго съ зурной и пѣснями при блескѣ тифлисской иллюминаціи.

ГЕРОЙСКАЯ КОНЧИНА.

Въ то время, какъ звонъ колоколовъ возвѣщалъ по всему Русскому Государству о славныхъ подвигахъ нашихъ войскъ, въ то время какъ повсюду возносились благодарственныя молебствія за побѣду и одолѣніе надъ врагами, — въ Александрополѣ, въ бѣдной комнаткѣ, на одрѣ невыносимыхъ предсмертныхъ страданій кончался во цвѣтѣ лѣтъ, красоты, славы и счастья молодой генералъ, полный силы и надеждъ.

8-го декабря, въ 10 часовъ вечера, отошелъ къ вѣчной жизни командиръ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича Полка генерал-майоръ князь Илья Дмитріевичъ Орбельянъ.

Ему суждено было въ теченіе краткаго его существованія испытать всѣ измѣненія счастія, которыя можетъ только пережить человѣкъ. Потомокъ древнѣйшаго грузинскаго рода, князь Илья Дмитріевичъ былъ меньшимъ изъ трехъ братьевъ, стяжавшихъ себѣ извѣстность, на военномъ по-

прищъ. Старшій, князь Григорій Дмитріевичъ, настоящій начальникъ Лезгинской Линіи, еще недавно прославился отраженіемъ скопищъ предводительствуемыхъ Шамилемъ. Второй, князь Захарій, скончавшійся въ лагерѣ отъ холеры, въ 1847 году, въ памятномъ ричискомъ дѣлѣ, заслужилъ въ одинъ день подполковничій чинъ и георгіевскій крестъ. Наконецъ третій, нынѣ окончившій жизнь свою, на 36 году отъ рожденія успѣлъ пріобрѣсть на Кавказѣ славу воина неустрашимаго и самою смертью своей доказалъ, что слава эта была заслуженная.

Въ 1842 году, будучи поручикомъ, онъ находился въ Казъ-Кумыкѣ тогда, когда населеніе, испуганное нашествіемъ Шамиля временно, передалось его власти. Попавъ измѣнически въ руки горцевъ, молодой князь Орбельянъ выстрадалъ невыразимыя муки. Въ кандалахъ, въ рубищахъ, безъ пищи и свѣта, онъ содержался почти постоянно 8 мѣсяцевъ, въ удушливой ямѣ, откуда покушался бѣжать и снова былъ пойманъ. Казалось, что онъ обреченъ былъ на испытаніе крайнихъ злополучій и не разъ призывалъ онъ смертъ на помощь для избавленія его отъ невыносимыхъ мученій. Но богатырское сложеніе пересилило истязанія. Смерть отказалась тогда отъ него. Она ожидала его въ другое время, новымъ грознымъ примѣромъ суетности всего мірскаго, — когда отъ крайняго бѣдствія онъ перешелъ къ крайнему бла-

геполучію, когда всѣ земныя радости расточали для него всѣ дары свои.

Прошло 10 лѣтъ. Князь Илья Дмитріевичъ былъ уже генерал-майоромъ, полковымъ командиромъ. Грудь его украшалась георгіевскимъ крестомъ, заслуженнымъ при Андіи, въ виду г. главнокомандующаго, который, видя его достоинства на дѣлѣ, отличалъ его и полюбилъ почти отеческой любовью. Когда войска наши были въ Дарго, князь Орбельянъ имѣлъ счастіе показывать г. главнокомандующему свою прежнюю темницу, свою первую могилу, изъ которой довелось ему выйти на завидную, блистательную долю. Покойникъ не успѣлъ возложить на себя ленты св. Станислава, нынѣ ему пожалованной за дѣло 2-го ноября. Въ домашнему быту, посреди многочисленныхъ своихъ родныхъ онъ могъ считаться вполнѣ счастливымъ. Недавно только сочетался онъ бракомъ съ внучкой послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII, и когда находился уже въ отрядѣ и грудью стоялъ противъ турокъ узналъ, что Богъ даровалъ ему двухъ сыновей близнецовъ. Съ какой стороны онъ ни оглядывался, жизнь ему повсюду улыбалась. Собой молодецъ, съ орлинымъ быстрымъ взглядомъ, съ здоровьемъ богатырскимъ, любимый своими, завидуемый посторонними, онъ олицетворялъ понятіе о воплощенномъ счастьи и на него-то и палъ неумолимый жребій войны.

Всѣмъ извѣстно, что передъ кадыкларскимъ

дѣломъ турки отступили къ Карсу, и скораго сраженія не предвидѣлось, тогда князь Орбельянъ просилъ позволенія у командующаго корпусомъ отлучиться на нѣсколько дней отъ полка, чтобъ успокоить свою супругу и взглянуть на сыновей. Получивъ согласіе начальника, онъ отправился на Бѣлый-Ключъ, но на дорогѣ вдругъ узналъ, что непріятельская армія возвращается. Тогда, не колеблясь ни минуты, онъ отказался отъ ожидавшей его радости, поскакалъ, несмотря на опасность проѣзда, къ мѣсту сраженія и бодро и весело догналъ свой полкъ уже въ-виду непріятеля.

Тутъ онъ получилъ отъ своего бригаднаго командира князя Багратіона-Мухранскаго приказаніе идти съ 2 батальйонами отдѣльной колонной на приступъ высоты, на которой расположены были 22 непріятельскія орудія. Верхомъ передъ колонной, ободряя солдатъ онъ неустрашимо устремился на крутизну, и изъ первыхъ былъ раненъ пулею въ руку. Тогда онъ хладнокровно повернулся къ солдатамъ и крикнулъ: «молодцами идти, Гренадеры!» и въ тоже время снова раненъ штуцерной пулей въ правую лопатку. Истекая кровью, онъ былъ снятъ съ лошади и отнесенъ въ деревню, гдѣ его положили въ хатѣ на коверъ, тутъ онъ все спрашивалъ о своихъ батальйонахъ. Узнавъ, что батальйонный командиръ князь Шаликовъ опасно раненъ, что капитанъ Булыгинъ убитъ на орудіи, что штабс-капитанъ князь Тумановъ палъ подъ штыками, что двоюродный братъ

его маіоръ князь Іосифъ Орбельянъ раненъ, что батальйоны много потерпѣли, онъ не могъ удержать слезъ своихъ, говоря: «лучше бы мнѣ одному умереть». Когда непріятеля не осталось и слѣда, раненаго генерала отвезли въ Александрополь и здѣсь сильная его природа 18 дней боролась съ смертью. Тщетно отрядные и туземные врачи подавали надежду. Тщетно, прискакавшій къ брату, генерал-лейтенантъ князь Орбельянъ окружалъ его всѣми попеченіями самой неусыпной заботливости. Смерть ожидала своей добычи. Умирающій, чувствуя близкую кончину, потребовалъ прострѣленное знамя, и какъ-бы послѣднимъ поученіемъ своимъ солдатамъ поцѣловалъ воинскую святыню, и осѣненный ея покровомъ, поручая заслуженнаго знаменщика вниманію начальства, началъ готовиться къ смерти. Сперва онъ простился съ офицерами и георгіевскими кавалерами, потомъ съ теплымъ вѣрованіемъ пріобщился Св. Таинъ, вспомнилъ о всѣхъ близкихъ его сердцу, и 8 декабря вечеромъ отдалъ Богу душу, какъ воинъ и какъ христіанинъ.

Да не послужитъ его геройская кончина источникомъ безутѣшныхъ слезъ и томящей скорби. Когда человѣкъ оканчиваетъ земное поприще свое, съ мужествомъ, съ смиреніемъ и вѣрою, участь его завидна и всѣмъ должна ставиться въ при-

мѣръ. Онъ похвально совершилъ тотъ трудной путь, по которому мы всѣ идемъ. Онъ отошелъ отъ жизни минутной въ міръ свѣтлый, гдѣ жизнь безконечная, а въ могилѣ ему сопутствуетъ заступничество Православной Церкви и цѣлаго Русскаго Государства, молящагося объ успокоеніи душъ ратниковъ, убіенныхъ на полѣ брани.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ СІОНСКАГО СОБОРА

въ Тифлисѣ.

Кто-бы могъ подумать, что теперь на Кавказѣ, откуда разносятся по всей Россіи звуки битвъ и побѣдъ, совершается тихомолкомъ мирный, многозначительный, въ высшей степени замѣчательный подвигъ, подвигъ христіанскій и художественный въ одно время? Въ настоящихъ тревогахъ отрадно отдохнуть отъ картинъ разрушенія, при взглядѣ на трудъ успокоительный, на трудъ благочестивый, украшающій храмъ Господній вдохновенными произведеніями опытнаго и даровитаго искусства.

И не знаменательно-ли то, что трудъ этотъ совершается во славу нашей Церкви, въ то самое время, когда такъ нагло посягаютъ на нее и враги ея иновѣрцы и злобой ослѣпленные ихъ союзники. Такимъ образомъ на Кавказѣ въ одно время отражается со всѣхъ сторонъ напоръ непріятеля на наши святыни, а въ сердцѣ Кавказа, въ Тифлисѣ, возрождается въ новомъ блескѣ и

благолѣпіи древній храмъ—домъ смиренной молитвы о спасеніи всей христолюбивой братіи, о прощеніи всѣхъ преступленій, о помилованіи всѣхъ враговъ и супостатовъ. Возобновленіе Сіонскаго Собора въ Тифлисѣ не только можетъ назваться эпохой въ исторіи здѣшняго края, но истинной эпохой въ исторіи русскаго искусства, потому-что безошибочно уже можно сказать, что онъ станетъ на-ряду образцовыхъ произведеній подобнаго рода.

Князь Гагаринъ, принявшій одинъ на себя огромный трудъ внутренняго возобновленія собора, одинъ и можетъ только его выполнить. Соединяя въ себѣ знанія живописца, архитектора и орнаментиста, онъ всѣ отрасли искусства заботливо прослѣдилъ наукой и нагляднымъ изученіемъ. Древніе храмы, которыми такъ изобилуетъ Кавказъ, послужили ревностному художнику поводомъ къ постояннымъ соображеніямъ, къ математическимъ выводамъ, къ неутомимому усовершенствованію, такъ-что всѣмъ извѣстное его дарованіе вполнѣ только здѣсь развилось, утвердилось и приняло настоящее свое окончательное направленіе. Талантъ князя Гагарина требуетъ простора. Тѣсная рама полотна не удовлетворяетъ его воображенію. Оно созидаетъ монументальныя зданія, сочетаетъ живопись съ зодчествомъ, въ широкихъ, величественныхъ размѣрахъ, и тогда только художнику легко и привольно. Для цѣльности эффекта онъ не пренебрегаетъ тогда мелочами, и та-же рука, которая бойко набрасывала

фигуры и группы, терпѣливо чертитъ мелкіе узоры орнаментаціи, всегда безукоризненные по вкусу, всегда вѣрные избранному стилю.

Пребываніе князя Гагарина на Кавказѣ уже ознаменовалось двумя важными заслугами: изданіемъ сочиненія Le Caucase pittoresque, и превосходнымъ устройствомъ Тифлисскаго Театра. Первымъ — онъ познакомилъ образованную Европу съ Кавказомъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Вторымъ — онъ посвятилъ туземцевъ, не удаляясь отъ ихъ понятій въ совершенно-обаятельный міръ изящной фантазіи и перенесъ на Кавказъ условія европейски-образованнаго искусства.

Тифлисскій Театръ открытъ уже четвертый годъ, и каждый разъ, когда зрители въ него входятъ, они останавливаются, пораженные красотой общаго впечатлѣнія. Въ свое время мы представили въ столбцахъ нашей газеты краткое описаніе театральной залы, не имѣющей нигдѣ себѣ подобной, то есть, по внутренней отдѣлкѣ, а не по наружному архитектурному расположенію, которое отъ князя Гагарина не зависѣло. Но роскошное изданіе живописнаго Кавказа, но сооруженіе новой Алгамбры, обратившейся въ средоточіе тифлисской общественности не были достаточны для кипучей дѣятельности художника. Ему надо было испытать свои силы на высшемъ еще поприщѣ; гдѣ всѣ плоды многолѣтнихъ изученій, гдѣ затаенные порывы, такъ долго жаждущіе оли-

цетворенія, могли выразиться въ одномъ цѣльномъ, громадномъ созданіи. Представился случай, вполнѣ соотвѣтствующій его всегдашнимъ завѣтнымъ мечтаніямъ. Благочестивымъ рвеніемъ экзарха Грузіи высокопреосвященнаго Исидора, предположено возобновленіе древней грузинской святыни въ Тифлисѣ—Сіонскаго Собора. Исполненіе огромнаго труда принято княземъ Гагаринымъ съ радостью и любовью. И вотъ уже полтора года, какъ онъ, попеременно художникъ и мастеровой, приводитъ къ окончанію колоссальное предпріятіе. Работы подвигаются съ необыкновенной быстротой, и нынѣшнимъ лѣтомъ онѣ останавливались на-время только по причинѣ истинно-кавказской. Князь Гагаринъ служитъ въ военной службѣ. Въ настоящія тревожныя времена долгъ воина отзывалъ его отъ любимыхъ занятій къ грознымъ обязанностямъ боевой жизни. Но какъ-только русскій побѣдный кликъ раздался на полѣ сраженія, какъ-только непріятель разсыпался отъ штыковъ и грома нашихъ войскъ, воинъ снова сдѣлался художникомъ. Онъ поспѣшно вернулся къ другому, не менѣе славному дѣлу, взобрался на знакомые ему высокіе лѣса и съ палитрой въ рукѣ, проникнутый глубокимъ чувствомъ безспорнаго своего призванія, снова принялся за работу.

Сіонскій Соборъ основанъ еще въ 6-мъ столѣтіи царемъ Вахтангомъ-Гургасланомъ. Съ того времени его разоряли неоднократно лютые враги беззащитной тогда Грузіи, въ XIII вѣкѣ султанъ

Джелалъ-Эддинъ, въ XIV Тимуръ-Ханъ, въ XVI Шахъ-Измаилъ. Еще въ концѣ прошедшаго вѣка полчища Ага-Магометъ-Хана святотатствовали въ соборѣ, утопивъ при томъ въ Курѣ митрополита Досиѳея. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ русское владычество переступило за грань Кавказскаго Хребта и пріютило подъ сѣнь свою страждущихъ единовѣрцевъ, грузинскій народъ ожилъ новою жизнью, и теперь онъ видитъ, когда устремляются противъ его защитниковъ удары ненависти и темной зависти,—что, несмотря на окружающія смуты, въ древней его столицѣ, древняя его святыня возрождается въ новомъ блескѣ и величіи.

Въ Сіонскомъ Соборѣ хранятся, по лѣвую сторону алтаря, крестъ изъ виноградныхъ лозъ, связанныхъ власами св. Нины, просвѣтительницы Грузіи; по правую—обезглавленный трупъ князя Цыціанова: первая дарованная Небомъ грузинскому народу драгоцѣнность, — и первая драгоцѣнная жертва, принесенная Россіей для охраненія усыновленнаго края.

Сіонскій Соборъ, какъ вообще всѣ старинные храмы на Кавказѣ, построенъ въ византійскомъ вкусѣ. Внутреннее его расположеніе въ видѣ креста съ куполомъ и сводами, поддерживаемыми четырьмя массивными четырехугольными столбами. Настоящій иконостасъ поставленъ недавно. Прежняя живопись на стѣнахъ совершенно истерлась; кромѣ того, отъ чрезмѣрно-узкихъ оконъ въ церкви было всегда темно и сыро.

Теперь намъ остается разсказать, что намѣревается сдѣлать князь Гагаринъ, и въ особенности что онъ уже сдѣлалъ.

Сооруженіе храма, конечно, одна изъ труднѣйшихъ задачъ для ума человѣческаго. Выразить ограниченными человѣческими средствами могущество и безпредѣльность Творца Вселенной недоступно людской немощи. Но созидающій храмъ уже и тѣмъ совершитъ достойный подвигъ, когда онъ произведеніемъ своимъ растрогаетъ очерствѣлое сердце, вынудитъ умиленіе и молитву, когда вступающій въ храмъ невольно почувствуетъ торжественное присутствіе силы сверхъ-естественной, взывающей къ смиренію и упованію. Для этой цѣли великіе художники не жалѣли никакихъ пожертвованій. Мраморъ, стѣнная живопись и мозаика употреблялись ими попеременно въ искусно-обдуманныхъ сочетаніяхъ. Въ церквахъ византійскихъ куполы и высшія части зданія украшались мозаиками на золотомъ полѣ, среднія живописью, нижнія мраморными плитами и узорами.

Само-собою разумѣется, что возобновленный храмъ предполагается въ строгомъ византійскомъ стилѣ, съ нѣкоторыми улучшеніями въ подробностяхъ и отдѣлкѣ, необходимыхъ при требованіяхъ современнаго искусства.

Византійское зодчество, издревле водворившееся въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказа, имѣетъ для насъ русскихъ высокое значеніе, какъ коренной, символическій, наружный первообразъ нашей Цер-

кви. Въ этомъ отношеніи Сіонскій Соборъ долженъ сдѣлаться не только принадлежностью Грузіи, но и цѣлой Россіи, указывая уже въ самомъ своемъ основаніи на тотъ священный союзъ, который послѣ многихъ вѣковъ долженъ былъ соединить Россію и Грузію неразрывными узами. При настоящей передѣлкѣ зданія, постоянная забота художника устремлялась къ сохраненію чистыхъ византійскихъ началъ, безъ примѣси всякаго искаженія, безъ вмѣшательства какихъ-либо свѣтскихъ или иновѣрческихъ напоминаній.

Въ этомъ и заключается, по нашему мнѣнію, одно изъ преимущественныхъ достоинствъ труда князя Гагарина. Византійская церковная живопись не отличается, конечно, чувственною прелестью итальянской школы, но какъ выраженіе самой вѣры, греческая иконопись и должна рѣзко отдѣляться отъ католической. Она сохраняетъ характеръ отличительно-духовный, не изысканный, преисполненный простоты и глубокаго чувства, изумляющій или величественностію громадныхъ ликовъ, или спокойной строгостью рисунка. Она не льститъ чувствамъ, но поражаетъ душу, не заставляетъ восхищаться произведеніемъ рукъ человѣческихъ, а напоминаетъ человѣку про величіе Божіе, про собственное ничтожество, про то, что внѣ храма нѣтъ ему спасенія.

Конечно, и византійская живопись имѣетъ свои превосходные образцы, и своихъ посредственныхъ или даже неудачныхъ истолкователей. Но отли-

чить настоящіе источники отъ отдалившихся отъ нихъ подражаній, но возсоздать въ новомъ блеске образцовыя начала первобытнаго христіанскаго искусства,—вотъ безсомнѣнно задача, достойная пытливаго ума и высокаго дарованія. Вотъ цѣль къ которой стремится князь Гагаринъ, цѣль, которой онъ достигнетъ, судя по оконченнымъ уже имъ нѣкоторымъ частямъ собора. Мы поговоримъ о нихъ подробно, но сперва выскажемъ общій планъ, общую мысль цѣлаго.

Противъ входа въ церковь, на сводѣ и бокахъ горняго мѣста надъ иконостасомъ, на золотомъ полѣ, уподобляющемся мозаикѣ, располагаются божественные лики въ три яруса. Впереди Богоматерь, имѣющая по обѣ стороны Пророковъ—предвозвѣстителей перваго пришествія. На самомъ видномъ мѣстѣ Спаситель, посреди Апостоловъ-распространителей истинной вѣры; немного ниже Церковные Отцы, примѣнившіе христіанское ученіе къ человѣческой жизни. Подъ ними князь Гагаринъ предполагаетъ невысокій въ древнемъ стилѣ иконостасъ, изъ зеленаго здѣшняго камня, такъ-какъ иконостасъ настоящій, многоярусный, закрывающій видъ свода и вылѣпленный изъ гипса, очевидно не можетъ соотвѣтствовать художественной вѣрности всего зданія.

Къ возобновленію этой части собора еще не приступлено, и потому о ней можно судить только по соображенію съ прочими уже отдѣлываемыми частями. О нихъ, хотя лѣса еще не вездѣ

сняты, можно уже представить краткій отчетъ. Куполъ приводится къ окончанію. Въ глубинѣ его, какъ во всѣхъ древнихъ православныхъ храмахъ, изображенъ на золотомъ полѣ, колоссальный ликъ Спасителя, осѣняющій церковь силой и благодатью. Въ сферической части купола, ярко-синее поле, какъ южное небо, усѣяно золотыми звѣздами и головками херувимовъ. Ниже съ восточной стороны Св. Духъ въ видѣ голубиномъ, окруженный семью дарами Духа Святаго, въ видѣ ангеловъ. По угламъ четыре Евангелиста, а между ними св. Апостолы: Петръ и Павелъ и ангелы, возвѣщающіе трубнымъ гласомъ всей вселенной о распространеніи евангельскаго слова. На столбовыхъ углахъ, поддерживающихъ сводъ, безплотные ангелы, въ видѣ радужныхъ крылій. На самыхъ столбахъ грузинскіе святые: св. Нина, св. Або, св. Кетевена, св. Луарсабъ. На стѣнахъ сѣверныхъ и южныхъ по 6 большихъ картинъ двунадесяти церковныхъ праздниковъ. Съ западной стороны на стѣнѣ надъ входомъ Страшный Судъ, по сторонамъ 4 изображенія изъ ученія Христа: Благословеніе дѣтей, св. Магдалина, Изгнаніе продавцевъ изъ храма, и «Воздадите кесарево кесареви». Между ними поставлены ангелы. По оконечностямъ колоссальныя фигуры: св. великомученицы царицы Александры, св. Георгія побѣдоносца и св. великомучениковъ Бориса и Глѣба; св. Мученики, какъ столбы Церкви, изображены на столбахъ храма согласно церковному преданію.

Между ними, въ медальйонахъ, лики святыхъ: Софіи, Вѣры, Надежды и Любви. Наконецъ по сводамъ купола изображены 13-ть сирійскихъ отцевъ, прибывшихъ въ Грузію въ V вѣкѣ. Потолокъ ярко-синій съ золотыми звѣздами. Все это соединяется и окаймляется сверкающею связью самыхъ величественныхъ, раззолоченныхъ узоровъ, пестрыхъ по яркимъ краскамъ, но сливающихся въ общій гармоническій тонъ. Нижняя часть храма разукрашена зеленоватыми параллелограмами въ видѣ мраморныхъ плитъ, съ таковымъ-же карнизомъ.

Такова огромная программа, которую предназначилъ себѣ князь Гагаринъ, и едва вѣрится глазамъ, когда видишь, съ какой увѣренностью, съ какой изумительной быстротой подвигается его трудъ. Часть лѣсовъ съ западной стороны уже снята. Уже теперь, по тому, что́ есть, можно заключить о томъ, что будетъ. Фигуры св. Георгія, царицы Александры, Бориса и Глѣба, невольно поражаютъ и спокойнымъ своимъ величіемъ, и вѣрностью типа, и археологическою точностію одежды и даже, можетъ быть, слишкомъ тщательной отдѣлкой. Благословеніе дѣтей — картина, которая просится подъ раму и можетъ занять почетное мѣсто въ любой картинной галлереѣ. Эффектъ всѣхъ картинъ необыкновенный. Фигуры рѣзко отдѣляются на сизо-зеленоватомъ полѣ и окаймляются золотыми узорами, которыхъ верхніе вѣтвистые полукруги вѣнчаются золоты-

ми крестами,—кресты и окаймленія въ свою очередь сливаются съ золотыми звѣздами на синемъ полѣ свода. Въ одномъ мѣстѣ сводъ опоясывается синею лентою съ золотыми переплетенными узорами, чѣмъ вполнѣ смягчается рѣзкость синяго съ позолотой потолка; стрѣлы боковыхъ сводовъ съ западнаго входа сверкаютъ рисункомъ, подобнымъ парчѣ малиноваго цвѣта съ золотыми разводами и черными на нихъ крестами. Вообще въ сухомъ отчетѣ невозможно передать всей роскоши, всей прелести этой чудной орнаментаціи, которая и вьется и тянется со всѣхъ сторонъ, ослѣпляя яркостью и сверкающимъ разнообразіемъ. Отъ нея еще строже, еще величественнѣе кажутся изображенія святыхъ: Она какъ драгоцѣнные камни, вставляемые набожнымъ усердіемъ въ иконы, она наружное человѣческое приношеніе величію и святости божественныхъ ликовъ, но она останавливается у оклада. Самыя изображенія остаются внѣ условій человѣческой фантазіи, холодныя, величественныя, согласныя вѣковымъ преданіямъ нашей Церкви.

Въ немногихъ мѣстахъ, художникъ позволилъ себѣ припомнить прежнее свое знакомство съ образцами итальянской живописи. Такъ напримѣръ, ангелы, выражающіе семь даровъ Духа Святаго, сливаются въ прозрачномъ полутонѣ и напоминаютъ лучшія времена художественной Венеціи.

То-же можно сказать и объ оконченныхъ картинахъ въ западной части храма, но въ нихъ не

выражаются догматическія изображенія нашей Церкви, а наставительные законы, оставленные міру Богочеловѣкомъ. Общее исполненіе превышаетъ всякую похвалу, — но, какъ мы сказали выше, отъ тщательной отдѣлки рисунка изображенія въ отдаленіи можетъ быть утратятъ немного свой эффектъ. Онѣ назначены, чтобъ на нихъ глядѣли издали, а написаны такъ, что стоя передъ ними на подмосткахъ, ими можно любоваться, какъ мольбертными картинами.

Князь Гагаринъ пишетъ восковыми красками, въ первый разъ у насъ употребляемыми въ Россіи. Способъ этотъ, котораго превосходство уже дознано двадцатилѣтнимъ опытомъ въ Мюнхенѣ, отличается важными преимуществами предъ масляными красками. Живопись не чернѣетъ, не трескается, не блекнетъ, передаетъ равно матовые и блестящіе эффекты, не портится отъ прикосновенія наружнаго воздуха, дозволяетъ употребленіе всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ и, кромѣ того, сохраняетъ всѣ достоинства и всѣ удобства красокъ масляныхъ. Отъ счастливаго пользованія новымъ открытіемъ трудъ князя Гагарина и принялъ необыкновенный блескъ, необыкновенную рельефность. Яркость и сила его живописи, сверкающей въ золотистомъ окладѣ украшеній, изумляютъ немногихъ, живущихъ въ Тифлисѣ художниковъ, слѣдящихъ съ восторгомъ за быстрымъ ходомъ работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ узкія окна расширены и церковь получила настоящій свѣтъ

немного-таинственный, какъ подобаетъ въ храмѣ, но достаточный, чтобъ разглядѣть было можно до послѣднихъ мелочей всѣ подробности зданія.

Въ краткомъ отзывѣ мы хотѣли только передать общей извѣстности о замѣчательномъ тифлисскомъ событіи, требующемъ вниманія и тщательнаго изученія. Мы предоставляёмъ себѣ въ послѣдствіи поговорить о немъ отчетливѣе. Но все что пишется о предметѣ художественномъ всегда сухо и недостаточно. Трудъ князя Гагарина заслуживаетъ быть обнародованнымъ со всѣми подробностями въ литохромическихъ листахъ, какъ достояніе нашего народнаго искусства, какъ образецъ для молодыхъ художниковъ.

Впрочемъ, какъ всѣ великія произведенія, онъ получитъ постепенно возрастающую извѣстность. Имя князя Гагарина усвоится цѣлой Россіей. Пока оно уже увѣковѣчилось въ Тифлисѣ. Людскія смуты, военныя тревоги проходятъ, люди и событія скоро мѣняются; но храмъ Господній несокрушимъ и вѣченъ. Счастливъ тотъ, кто оставляетъ по себѣ слѣдъ въ благодарной памяти цѣлаго народа, посвятивъ свое дарованіе, усердіе и время на украшеніе обители Господней, гдѣ поминать его будетъ самое отдаленное потомство.

АРІЯ

ОБЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРѢ

въ Тифлисѣ.

Тифлисъ рѣшительно становится музыкальнымъ городомъ, еще немного и онъ даже будетъ итальянскимъ городомъ. Куда ни повернешься все слышатся итальянскіе напѣвы. Разсказываютъ, что на майданѣ всѣ муши то и дѣло, что поютъ — un pescator ignobile, а затѣмъ ложатся спать на улицѣ, въ ожиданіи золотыхъ кафтановъ и замаскированныхъ Лукрецій. Если кто на базарѣ покупаетъ бурдюкъ кахетинскаго, такъ ужъ не иначе, какъ на голосъ — un segretto per esser felice. Нѣкоторые чиновники неистово твердятъ съ-утра-до-вечера: Vieni la mia vendètta. Верблюжіе караваны становятся каждую ночь въ кружокъ и, при видѣ восходящаго мѣсяца, проводники ихъ затягиваютъ хоромъ: Casta diva. Зурна, бѣдная зурна, спряталась и замолкла. Два сазандаря, видя, что послѣдній ихъ часъ насталъ, застрѣлились, но умирая еще черезъ силы нашептывали: Ah, perche, non posso odiar ti. На улицѣ всѣ при-

вѣтствія, всѣ разговоры измѣнились. Теперь не спрашиваютъ — здоровы ли вы? спрашиваютъ — есть ли у васъ мѣсто въ Оперѣ. Не говорятъ, что такой-то господинъ ожидаетъ слѣдующаго чина, а что такой-то пѣвецъ немножко охрипъ, у такой-то пѣвицы болятъ ноги. Въ воздухѣ такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ гаммы, триллеры, фіоритуры, діезы, бемоли и dolce amore и tenero cuore на всѣ тоны на всѣ лады. Eviva il primo baritonio assoluto! Eviva la prima donna assolutissima! Всѣ бѣгутъ въ театръ. Всѣ алчутъ оперы. Хлопаютъ, кричатъ, вызываютъ, кидаютъ еще не букеты, но уже букетъ, первый букетъ въ Тифлисѣ, и потомъ всѣ расходятся по домамъ очень довольные, напѣвая, насвистывая кое-какъ кто allegro con fuoco, кто andante lamentoso, кто brindisi, а кто такъ-себѣ, что́-нибудь и будто-бы на итальянскія слова.

Въ этомъ общемъ пѣньѣ, нельзя же чтобъ музыкальная критика не пропѣла и съ своей стороны своей каватины, своей — aria di bravoura, не высказала бы отважно и откровенно своего мнѣнія. Критика судитъ холодно и безпристрастно. Она надѣваетъ очки, напрягаетъ слухъ, она не смущается ни восторгами, ни порицаніями. Она поетъ безжизненнымъ, безстрастнымъ голосомъ, но старается пѣть вѣрно, что́ не всегда случается и съ самыми первоклассными пѣвцами.

И такъ музыкальная критика, не желая отстать отъ общей моды, выступаетъ тоже въ свою

очередь передъ публикой, кланяется полу-робко полу-увѣренно и, какъ слѣдуетъ, начинаетъ съ речитатива:

E dunque vero! и такъ въ-самомъ-дѣлѣ, музыка, драматическая музыка, высшее эстетическое проявленіе искусства, водворяется окончательно на Кавказѣ. Прошлогодняя попытка укоренилась, развилась, получила право гражданства. Но въ прошломъ году у насъ былъ только абрисъ оперы, нынѣ у насъ опера настоящая, съ настоящими хорами, съ опытными пѣвцами, словомъ опера, какъ всѣ существующія оперы — и съ достоинствами и съ недостатками. Въ прошломъ году критики не могло быть, въ нынѣшнемъ году съ букетами порождается и критика, какъ змѣй, согрѣтый между цвѣтами. Оно естественно, оно неизбѣжно, оно доказываетъ значительный успѣхъ. Все подлежащее критикѣ гораздо выше того, что требуетъ безусловнаго снисхожденія. Теперь мы можемъ разсуждать оцѣнивать; сравнивать, теперь мы не поощряемъ болѣе, а уже судимъ, разумѣется нестрого, но судимъ благосклонно, какъ слѣдуетъ слушателямъ образованнымъ, признательной, благовоспитанной публикѣ.

Послѣ этого речитатива или вступленія начинается маленькое адажіо.

Прибывшіе въ нынѣшнемъ году пѣвцы и пѣвицы дебютировали въ трехъ операхъ, уже извѣстныхъ тифлисской публикѣ — Нормѣ, Лукреціи и Эрнани. По нашему мнѣнію, для нихъ было бы выгоднѣе и они бы лучше сдѣлали, когда бывы-

брали для своихъ дебютовъ пьесы еще здѣсь неигранныя. Важное дѣло въ драматическомъ искусствѣ быть первымъ въ изображеніи роли. Первое впечатлѣніе всегда сильнѣе послѣдующихъ; то, что зрители уже разъ прочувствовали, не можетъ произвести на нихъ при повтореніи прежняго потрясающаго дѣйствія. Положимъ, что роли исполнятся во сто разъ лучше, но новизна ощущеній останется за тѣми, которые первые ихъ передали. Этотъ законъ общій. Такъ, напримѣръ, вы вѣрно любили, читатель, на своемъ вѣку красавицъ съ сверкающими глазами, съ томными улыбками, но загляните въ свое сердце... чей образъ неизгладимо и выше всѣхъ врѣзался въ немъ, не тотъ ли, который заставилъ его не на шутку забиться впервые. Кто бы вы ни были, какъ бы вы не прожили свои лучшіе года, но вы никогда не утратите свѣжаго воспоминанія о душевной зарѣ вашей молодости, и грустно и весело будете вы всегда оглядываться на вашу первую любовь.

Словомъ любовью должно оканчиваться всякое добропорядочное адажіо. Теперь начинается Allegretto, и...

Jo vorrei trovar parole,—мы хотѣли бы найдти слова, которыя бы могли согласовать наше задушевное желаніе—съ должною благодарностью привѣтствовать даровитыхъ пришельцевъ, такъ храбро посягнувшихъ на Тифлисъ, съ первой обязанностью критики,—съ глубокимъ уваженіемъ и къ истинѣ и къ искуству.

Первыя мѣста между прибывшими артистами занимаютъ безспорно г-нъ и г-жа Рамони il primo baritono assoluto signor Gioachino Ramoni, la prima donna assoluta signora Adela de Ramoni. Съ ихъ пріѣздомъ начинается на тифлисской сценѣ новая музыкальная эпоха, эпоха правильной вокализаціи, основанной не на-авось, не на наслышкѣ, не на природномъ внушеніи, а на прилежномъ изученіи вокальной науки. Голосъ г-на Рамони собственно не баритонъ, а низкій теноръ, отъ того тамъ, гдѣ требуется сила, что часто бываетъ въ баритонныхъ партіяхъ,—онъ переходитъ отъ напряженія нѣсколько въ горловую интонацію, высокія же его ноты, какъ mi, fa, sol не имѣютъ той гремящей звучности, которая характеризуетъ настоящихъ басовъ и баритоновъ. Не смотря на то, г-нъ Рамони искусный пѣвецъ, котораго всегда можно слушать съ удовольствіемъ. Онъ поетъ вѣрно, отчетливо, умно. Наружность его прекрасная, движенія просты, благородны, не тороплuвы. Онъ видѣлъ хорошихъ образцовъ и самъ можетъ быть теперь образцомъ. Роль герцога въ Лукреціи, за исключеніемъ andante аріи, которое ему не по голосу, передалъ онъ какъ нельзя лучше. Любопытно будетъ видѣть его въ роляхъ семи характерныхъ, каковы Figaro, Belcore, Dandini, Malatesta и пр. Если онъ ихъ исполнитъ съ такою же тщательностью, съ такой художественной отдѣлкой, какъ и роли серьозныя, то критикѣ останется только самая пріят-

ная обязанность—хвалить и восхищаться. Она уже и теперь восхищается г-жею Рамони, хотя не рѣшается похвалить ее безусловно. Г-жа Рамони молодая, но уже опытная пѣвица, тоже изучившая свое искусство, она тоже фразируетъ безукоризненно-правильно. Голосъ ея гибокъ и звученъ, за исключеніемъ нижняго регистра, и мы убѣждены, что чрезъ нѣсколько времени она исправитъ свой главный недостатокъ, въ которомъ мы впрочемъ виноваты гораздо болѣе, чѣмъ она сама. Когда дѣло шло въ Италіи о формированіи оперной труппы для Тифлиса, нѣкоторыя итальянскія газеты объявили, что тифлисскимъ пѣвцамъ предстоитъ ѣхать 24 дня по морю и 5 дней на верблюдахъ. Ѣхать на Кавказъ значило ѣхать къ народу дикому, который только что не ѣстъ себѣ подобныхъ и который неспособенъ слѣдовательно понимать никакихъ художественныхъ оттѣнковъ. Г-жа Рамони, вѣроятно, полагала, что для такихъ дикарей, какъ мы, необходимы мелодраматическіе эффекты, сильно-бьющіе въ глаза,—отъ этого она не рѣдко впадаетъ въ утрированіе (извините за слово) и отъ этого же она не возбуждаетъ еще того полнаго сочувствія, котораго заслуживаетъ ея истинный талантъ. Въ томъ, что мы, жители Кавказа, немного дикіе, г-жа Рамони не совсѣмъ можетъ-быть ошиблась, но именно потому-что мы дикіе, мы и можемъ различить чувство настоящее отъ чувства поддѣльнаго, вынужденнаго, преувеличеннаго; именно

потому-что мы дикіе, мы гораздо ближе къ природѣ, чѣмъ къ условіямъ современнаго искусства. Мы даже думаемъ, что вѣнецъ искусства есть сближеніе съ природой.—Оставьте намъ эти дикія понятія, г-жа Рамони, не отнимайте у насъ счастливаго невѣдѣнія. Чего вамъ лучше, какъ оставаться тѣмъ, чѣмъ васъ природа создала съ вашей красотой и съ вашимъ голосомъ. Самое геніяльное притворство никогда не достигнетъ того эффекта, который производитъ простое выраженіе истиннаго чувства. Дайте намъ налюбоваться вами вдоволь, вами какъ вы есть, и тогда мы заглядимся васъ слушавши, заслушаемся, глядяна васъ!

. .

Кромѣ четы Рамони дебютировали двѣ сестры Вазоли, одна какъ soprano, другая какъ contrallo или, правильнѣе, какъ mezzo-soprano.—Обѣ выступаютъ только на сценическое поприще и обѣихъ можно обвинить только въ одномъ (но кто бы не пожелалъ такого обвиненія), въ томъ, что онѣ еще слишкомъ молоды. Чистые и хорошо-обработанные голоса еще не окрѣпли для сцены, въ пѣньѣ ихъ нѣтъ еще той страсти, той увѣренности, того brio, которыя требуются отъ пѣвицъ. Увы, прійдетъ время, оно исправитъ ихъ неумолимо отъ настоящаго недостатка и тогда сколько мы предвѣщать можемъ, онѣ будутъ замѣчательными талантами.

Новый тенорь г въ Кіссі еще не дебютировалъ.

Труппа дополняется нашими прошлогодними знакомыми. Г-нъ Фискети все обладаетъ тѣмъ же превосходнымъ груднымъ голосомъ, какъ и прежде и все такъ же пренебрегаетъ окончательнымъ его образованіемъ, отъ чего онъ и понынѣ не въ состояніи пропѣть вполнѣ—удовлетворительно ни одной кантилены, ни одного andante въ полголоса. Другое дѣло гдѣ нужно крикнуть, гдѣ нужно показать себя, тутъ г-нъ Фискети вынудитъ рукоплесканія и бóльшаго ему, кажется, не надо. За то мы съ большимъ удовольствіемъ замѣтили при представленіи Эрнани, что г-жа Миноци не теряла времени лѣтомъ. Звонкій, въ душу забѣгающій ея голосъ совершенствуется, гамма ея чище, одышка исчезаетъ. Слава будетъ и ей и Тифлису, если ея талантъ здѣсь образуется вполнѣ. Г-жа Барбіери, къ сожалѣнію, оставила театръ.

Гг. Вилла, Викки, Бони все тѣ же. Пріѣхали новые хористы и хористки, благодаря имъ оперныя представленія гораздо полнѣе. Можно бы было сказать кое-что на счетъ оркестра, въ особенности на счетъ банды, поставившей Лукрецію въ самое фальшивое положеніе, но всѣмъ аріямъ бываетъ конецъ, пора и нашей замолкнуть.

Въ заключеніе, per la coda, скажемъ, что здѣшняя опера видимо—совершенствуется и развивается, что отъ нея можно еще много ожидать въ будущемъ, что наша критика будетъ стараться

всегда выражать артистамъ полезную правду и что воздавать имъ заслуженную похвалу будетъ для нее не только обязанностью, но даже счастьемъ или, какъ поется, felicita, felicita, feli-i-i-i-cita!

НОВЫЙ ТЕАТРЪ

ВЪ ТИФЛИСѢ.

(Графу М. Ю. Віельгорскому).

Одного француза, вернувшагося изъ путешествія, просили въ Парижѣ, въ кругу короткихъ знакомыхъ, чтобы онъ описалъ впечатлѣніе, произведенное на него Германіею.

— Извольте, отвѣчалъ онъ, вы, конечно, видали нѣмцевъ, знаете, что̀ такое нѣмецъ?

— Помилуйте, кто-же не видалъ и не знаетъ?

— Ну такъ, продолжалъ онъ, представьте себѣ край, цѣлый край, гдѣ все и живутъ только, что одни нѣмцы.

Немного болѣе и я могу сказать до сего времени о пріѣздѣ моемъ въ Азію. Съ непривычки какъ-то странно, а страннѣе всего то, что куда ни взглянешь все азіятцы; и не оперные, не въ бархатныхъ халатахъ съ золотыми галунами, а

настоящіе азіатцы, у себя дома, въ разныхъ видахъ и нарядахъ; куда ни взглянешь повсюду черкесы, грузины, персіяне, армяне, татары, лезгины—всѣхъ въ день не перечтешь. Со всѣхъ сторонъ бараньи шапки, папахи, смуглыя и выразительныя лица, сверкающія оружія, грязныя лачуги, живописныя лохмотья, кривые переулки, дома съ плоскими крышами, базары, каравансараи, торговля на улицѣ, гулянья на крышахъ, кое-гдѣ группы женщинъ въ бѣлыхъ покрывалахъ, скромно-скользящія по пригоркамъ, какъ стаи пугливыхъ лебедей, и къ этому палящее солнце, а кругомъ горы, ущелья, выстрѣлы и чудныя картины величественной природы. Какъ заколдованный князь, я вдругъ перенесся въ край совершенно-фантастическій для постояннаго жителя Михайловской Площади, и до сего времени не могу опомниться, не могу собрать своихъ мыслей. И такъ не ожидайте отъ меня никакихъ общихъ заключеній, я вижу какъ во снѣ, какъ въ чужой книгѣ, и только въ неясномъ сознаніи догадываюсь, вижу и чувствую, что здѣсь есть объ чемъ подумать и призадуматься, что здѣсь на каждомъ шагу, то задача для художника, для экономиста, для ученаго, то зародышъ какого-нибудь богатаго надеждами предпріятія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, здѣшняя старина крайне-любопытна, какъ сохранившая неприкосновенно въ своихъ зданіяхъ первообразъ византійскаго и, слѣдовательно, коренно-русскаго характера. Съ дру-

гой стороны, дѣйствительность кипитъ отвагою и обновленною жизнію. Державная мысль выпукло выражается памятниками и событіями. Здѣсь вся жизнь на-дѣлѣ, за каждымъ начатіемъ истинно возникаетъ послѣдствіе; такъ, съ каждымъ годомъ враждебныя племена вытѣсняются все болѣе и болѣе въ безплодныя ущелья; такъ за ними вытѣсняется невѣжество и русскій штыкъ прочищаетъ дорогу просвѣщенію. Повсюду водворяется безопасность, усиливается торговля, обстроиваются города, разширяются новыя понятія и требованія; одинъ уже Тифлисъ измѣняется съ каждымъ днемъ: между саклей, отважно торчащихъ гнѣздами, надъ обрывистымъ берегомъ Куры, мгновенно выростаютъ красивыя зданія, сооружаются церкви, перекидываются чрезъ бурливую рѣку каменные мосты, выравниваются площади, возникаютъ цѣлыя улицы, цѣлые кварталы; каждый день приноситъ новый успѣхъ, новую мысль, новое развитіе, новую радость. Нынѣ въ одинъ годъ выполняется болѣе, чѣмъ прежде выполнялось въ цѣлое столѣтіе При этомъ безпрерывномъ движеніи очевидно разширяются и самыя умственныя потребности края, просвѣщается его вседневный бытъ. Такъ, напримѣръ, здѣшняя торговля ёжилась по темнымъ рядамъ, по узкимъ безпорядочнымъ базарамъ, составляющимъ впрочемъ одну изъ живописныхъ особенностей Тифлиса; но изобилующимъ въ

тоже время понятными злоупотребленіями и неудобствами.

Нынѣ прекрасное зданіе въ 4 яруса лавокъ возникло на Эриванской Площади. Зданіе это, построенное искуснымъ архитекторомъ Скудіери, вмѣщаетъ театръ. Промышленность и искусство зажили рука-объ-руку, — и даже промышленностью поддерживается искусство, потому-что театръ выстроенъ на счетъ лавокъ. Правильная торговля и эстетическое наслажденіе сливаются въ этомъ храмѣ возникающей образованности, — двѣ важныя стихіи для усовершенствованія здѣшняго быта указаны вмѣстѣ цѣлому населенію, — и это указаніе составитъ здѣсь, безъ сомнѣнія, эпоху. Конечно, открытіе театра въ просвѣщенной Европѣ — событіе самое обыкновенное: каждый городокъ, каждый нѣмецкій городокъ въ-особенности имѣетъ свой театръ, съ которымъ онъ свыкся какъ съ газетами, съ пивомъ и табакомъ. Но здѣсь, въ Грузіи, на Востокѣ, театръ слово, явленіе, понятіе съ-искони вѣковъ небывалое, неслыханное, для многихъ еще непостижимое. При здѣшнемъ образѣ жизни, при недавнемъ затворничествѣ женщинъ, при кочующей жизни мужчинъ, искусство еще не можетъ занимать большаго мѣста въ общественныхъ понятіяхъ. Высшія сословія находятъ еще удовольствіе въ слушаніи сазандарей, читающихъ на распѣвъ отрывки цвѣтистой персидской поэзіи, а простой народъ забавляется своей такъ-называемой музыкой. Но Вы

представить себѣ не можете, что это за музыка? При Вашемъ любимомъ занятіи она бы показалась Вамъ какимъ-то безсвязнымъ, лихорадочнымъ бредомъ. Вообразите себѣ трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ неистово свищетъ въ коротенькую дудочку, другой поскребываетъ перышкомъ по тоненькимъ струнамъ балалайки, а третій барабанитъ пальцами по тамбурину съ погремушками. Изъ этого выходитъ нѣчто въ родѣ звука, издаваемаго пустою бочкою, которую везутъ по мостовой на несмазанныхъ скрыпучихъ колесахъ. Посившаю присовокупить, для Вашей артистической любознательности, что эта дудочка и есть знаменитая *зурна*, воспѣтая поэтами, балалайка называется *чунгуромъ*, а тамбуринъ *дайрою*. Для вящшаго шума къ нимъ присоединяются иногда нехитрыя литавры изъ глиняныхъ горшечковъ, обтянутыхъ пузырями, извѣстныя подъ именемъ *дипплипито*. Не скрою чистосердечно, что во всемъ этомъ скрыпѣ есть что-то первобытное, молодеческое, нелишенное дикой прелести, въ-особенности издали, въ горахъ, или когда гдѣ-нибудь на крышѣ хорошенькая Грузинка, сбросивъ чадру и закрывшись рукою, пляшетъ лезгинку, или же когда идетъ гомерическая попойка подъ предсѣдательствомъ красноноснаго тулумбаша и безостановочно передаются изъ-рукъ-въ-руки кулы, азарпешы и турьи рога съ многоизвѣстнымъ и еще-болѣе употребляемымъ кахетинскимъ виномъ. Но, отдавая полную справедливость относитель-

нымъ достоинствамъ сазандара, зурны и кахетинскаго, нельзя однако же забыть, что просвѣщеніе даровало человѣчеству высшія наслажденія, и что димплипито далеко отстоитъ отъ оперъ Мейербера или отъ Бетховенскихъ симфоній. Какими же путями объяснить это цѣлому разноплеменному населенію? Какъ внушить ему постепенно вкусъ къ изящному? — Какъ смягчить чрезъ-чуръ первобытные нравы? Очевидно, средствомъ къ тому могъ бы служить театръ, но такой театръ, который, поражая пышностью и великолѣпіемъ, показался бы безукоризненно прекраснымъ и понятнымъ по своему наружному своенародному блеску, не только намъ Европейцамъ, но и послѣднему необразованному туземцу.

И дѣствительно, сооруженный въ Тифлисѣ, на Эриванской Площади театръ, по внутренней своей отдѣлкѣ, не найдетъ себѣ нигдѣ подобнаго. Я постараюсь доставить Вамъ подробные ему рисунки, которые тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія и изученія, что могутъ послужить для начала неупотребляемой еще у насъ орнаментаціи. Вы, которому такъ доступно все художественное и прекрасное, Вы, конечно, не безъ удовольствія прочитаете описаніе новаго театра; но позвольте мнѣ еще не вводить Васъ въ него.

У Васъ, признайтесь, теперь въ Петербургѣ идетъ дождь, Вы немного простудились, сидите дома; у Васъ есть, слѣдовательно, время прочитать нѣсколько лишнихъ строкъ, а у меня лежитъ

на совѣсти высказать нѣсколько пробудившихся мыслей.

Я знаю, что у насъ есть много людей, отвергающихъ съ убѣжденіемъ возможность народности въ искусствѣ, на повѣрку это тоже самое, что отвергать и самую народность. Что̀ такое искусство, какъ не свѣтлое проявленіе идеальной стихіи въ каждомъ народѣ; отнять самобытную олицетворяемость этой стихіи у народа, значитъ осудить его на жизнь совершенно матеріальную, позволить ему пить чай, ходить въ баню, играть въ карты; но отнюдь не мыслить, не чувствовать, не изъявлять ни радости, ни печали. Конечно, существуютъ общіе эстетическіе законы, но они только приводятъ въ порядокъ, а не создаютъ, въ особенности же они не могутъ придать предметамъ художественнымъ того отпечатка оригинальности, который относится къ искусству, какъ физіономія къ лицу, выговоръ къ голосу. Россини употребилъ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» нѣсколько русскихъ мотивовъ. Но онъ ихъ невольно передѣлалъ на итальянскій ладъ, и самый отчаянный славянофилъ не отважится назвать «Севильскаго Цирюльника» русской оперой. Въ искусствѣ, какъ въ языкѣ, есть свои идіотизмы, свои особенности, которыя выражаются сами собою, но которыхъ никакимъ основнымъ правиламъ подчинить нельзя; эти идіотизмы возникаютъ отъ смѣшенія различныхъ началъ, отъ своевольнаго присвоенія художникомъ постепенныхъ заимство-

ваній, слившихся въ одно цѣлое. Безспорно, что жизнь каждаго народа развивалась отъ присвоенія посторонних влiяній. Общество человѣческое живетъ и держится заимствованіемъ: стоитъ только развернуть исторію, — какой народъ можетъ назваться вполнѣ самостоятельнымъ, какая народная жизнь возникла сама изъ себя? У насъ было то же, что и у другихъ; въ русской исторіи мы видимъ начало индо-германское, пожалуй, съ цельтискимъ, потомъ призваніе варяжское, смягченное греческою вѣрою и письменностью, потомъ татарское иго, нашествіе поляковъ и впослѣдствіи вліяніе нѣмецкое и даже французское. Каждое изъ этихъ началъ имѣетъ своихъ представителей въ русской рѣчи, въ русской жизни, а слѣдовательно, должно ихъ имѣть и въ русскомъ искусствѣ. Нѣкоторыя же преимущественно заслуживаютъ вниманія и изученія, а именно тѣ, которыя знаменуютъ главнѣйшіе моменты нашей народной жизни. Такъ, принявъ христіанство отъ Византіи, Россія тѣмъ самымъ приняла и византійское зодчество. Церковная наша архитектура, слѣдовательно подчиняется, внушеніямъ, указанымъ ей самой вѣрою, а фантазія художника — строгимъ законамъ и размѣрамъ лучшихъ образцовъ византійскаго искусства. Съ другой стороны наша жизнь гражданская имѣетъ несомнѣнно свой источникъ на Востокѣ, какъ по самому корню, такъ и по вліянію монголовъ. Если обратить вниманіе на лучшіе образцы восточнаго искусства, мы очевидно

найдемъ образцы арабскіе, вытѣснившіе на Востокѣ всѣ прочіе и приведшіе ихъ къ одному знаменателю, дойдемъ такимъ-образомъ до заключенія, что арабскій стиль, приспособленный къ современнымъ понятіямъ, также приличествуетъ нашему гражданскому зодчеству такъ-какъ византійскій церковному.

– Я уже сказалъ нѣчто подобное въ своемъ «Тарантасѣ», въ томъ самомъ «Тарантасѣ», который мы строили во дни нашей молодости съ Гагаринымъ, такъ прекрасно его украсившимъ и доставившимъ ему безсомнѣнно его неожиданный успѣхъ. Князь Гагаринъ, съ-тѣхъ-поръ какъ мы разстались, остался вѣренъ своимъ художническимъ убѣжденіямъ, еще усовершенствовалъ свой талантъ и, поселившись въ Тифлисѣ, увѣковѣчиваетъ свое имя уже не иллюстраціями, не картинами, а цѣлыми памятниками. Имъ-то и отдѣланъ теперь новый Тифлисскій Театръ въ усовершенствованномъ арабскомъ стилѣ, и въ этомъ памятникѣ та странная особенность, что поражая всѣхъ красотою, онъ и русскимъ и азіатцамъ кажется своимъ. Мертвымъ перомъ нельзя выразить всей щеголеватости, всей прелести, всей ювелирной отдѣлки новаго зала. онъ похожъ на огромный браслетъ изъ разныхъ эмалей, сдѣланный Сторомъ и Мортимеромъ по восточнымъ рисункамъ. Разнымъ образомъ онъ напоминаетъ тѣ предметы древней русской утвари съ разноцвѣтной финифтью, которыми мы восхищаемся въ бо-

гатомъ хранилищъ Московской Оружейной Палаты; что и подтверждаетъ сказанное мною выше о присвоеніи арабскаго начала русскимъ гражданскимъ искусствомъ. Когда Вы входите въ театръ, Васъ поражаетъ нижній ярусъ ложъ, обозначенный широкой и нѣжной арабеской бѣлаго и голубаго цвѣта на блѣдносиреневомъ фонѣ. Надъ нимъ первый рядъ ложъ украшенъ широкою золотою лентою, поперегъ которой симметрически расписаны серебрянные продолговатые сосуды, наполненные различными цвѣтами, верхняя галлерея, вмѣсто балюстрада, окаймлена прозрачной бѣлой рѣшеткой самаго хитраго узора, гдѣ игриво вьется золотая полоса, а по ровнымъ мѣстамъ разставлены, сдѣланные въ томъ же вкусѣ, канделябры; нельзя себѣ представить ничего воздушнѣе, роскошнѣе и щеголеватѣе этой верхней галлереи. Въ глубинѣ театра выступаетъ, подъ золотымъ мавританскимъ куполомъ, царская ложа, по сторонамъ которой устроено въ 2 яруса по двѣ отдѣльныхъ ложъ съ золотыми рѣшетками. Первыя боковыя ложи отличаются особыми извѣстными арабскими украшеніями въ видѣ сталактитовъ, а равнымъ образомъ и арабесками, гдѣ, какъ и въ прочихъ частностяхъ зала, повторяются бирюзовый цвѣтъ и позолота; на авансценѣ бѣлыя съ голубымъ лѣпныя украшенія нѣжно выдаются на сиреневомъ фонѣ, а по-срединѣ вставлены стеклянные матовые часы. Плафонъ голубаго цвѣта, такъ-сказать залитой золотыми арабесками, удер-

живаетъ люстру въ видѣ золотаго восьмиугольнаго рѣзнаго фонаря съ придѣланными къ нему со всѣхъ сторонъ жирандолями и висячими пунцовыми кистями. Таковыя же, но въ меньшихъ размѣрахъ, повѣшены въ царской и въ боковыхъ ложахъ. Кромѣ того на плафонѣ, какъ-бы въ ободреніе всѣмъ будущимъ драматическимъ писателямъ, размѣщены медальоны съ именами: Эсхила, Плавта, Судрака, Шекспира, Кальдерона, Моліера, Гольдони, Гете и Грибоѣдова. Само-собою разумѣется, что перилы обиты голубымъ бархатомъ. Я Вамъ разсказалъ все это слогомъ присяжнаго оцѣнщика, чтобы дать Вамъ хоть приблизительное понятіе о новомъ подвигѣ князя Гагарина. Но мнѣ невозможно будетъ передать Вамъ общаго впечатлѣнія цѣлаго и, извините бѣдность русскаго языка, его роскошной граціи. Тутъ все придумано, даже окружающіе залъ корридоры нарочно выкрашены яркимъ краснымъ цвѣтомъ съ широкою черною каймою и таковою же куфическою надписью, чтобы по рѣзкому впечатлѣнію, произведенному ими на глаза, еще бы легче и нѣжнѣе казалась внутренность театра; за таковымъ корридоромъ перваго яруса зданія, хотя и проще стороны особый залъ (foyer), весь исписанный бѣлыми и зелеными узорами, по которымъ кругомъ зеркаловъ и каминовъ и огибая сводъ потолка, пущены извилистыя украшенія коричнево-малиноваго цвѣта. Съ другой стороны выстроенъ буфетъ съ наружными антресолями для

помѣщенія кофейной; отдѣлка этой части зданія, хотя и проще остальной, но тоже въ одномъ стилѣ и выкрашено оранжевою краскою съ коричневыми узорами. Весь этотъ кусочикъ новой русской алгамбры былъ открытъ въ праздничномъ сверкающемъ видѣ, на удивленіе края, въ прошедшій четвергъ, минувшаго 12 числа апрѣля, и былъ открытъ маскерадомъ, а не драматическимъ представленіемъ, потому-что до сего времени нѣтъ еще въ-виду представленій которыя бы могли согласоваться съ великолѣпіемъ театра и съ его нравственною цѣлью.

Въ Тифлисѣ существуетъ, правда небольшая водевильная труппа, но чтò такое водевиль посреди безпрерывной здѣшней драмы. Меня даже просто объемлетъ ужасъ при мысли, что тупые наши куплеты будутъ раздаваться въ зданіи такъ прекрасно-задуманномъ, такъ изящно-исполненномъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, представьте себѣ репертуаръ Александринскаго Театра съ его бенефисами и переодѣваніями, съ его мнимою Фанни Эльслеръ, съ его «Хочу быть актеромъ», съ его «Хочу быть актрисою», съ его страшными остротами, подготовленными для записныхъ посѣтителей пассажа и крымскихъ ночей И. И. Излера; весь этотъ хламъ, подаренный намъ французами, вся эта гиль и гниль, составляющія русскій водевиль, всѣ эти непростительныя шалости нашего петербургскаго досуга,—все это будетъ въ блѣдномъ снимкѣ и безъ приправы мѣстнаго интереса по-

редано, выражено, искажено въ пышныхъ стѣнахъ алгамбры передъ важнымъ, задумчивымъ Востокомъ. Неправда-ли, что мысль какъ-то неохотно останавливается на этой картинѣ. Въ-виду общаго здороваго стремленія на пути усовершенствованія и пользы, становится какъ-то совѣстно за нашу отсталую драматургію, въ-особенности предъ новыми непривычными слушателями; что̀ поймутъ они о значеніи сцены, да и что̀ поймутъ вообще, когда увидятъ, что какая-нибудь напудренная г-жа Дежермель весьма мило обманываетъ безтолковаго г-на Дежермеля, а виконтъ Артуръ де-Соланжъ, въ истертомъ бархатномъ кафтанѣ, злодѣйски обманываетъ обоихъ, или при переложеніи на русскіе нравы, что какой-нибудь Харламвій Харлампіевичъ Перевзяткинъ волочится за кухаркою, подличаетъ передъ начальникомъ отдѣленія и очень-забавно обкрадываетъ казну. Не правда-ли, какъ всѣ эти милыя шуточки придутся кстати въ-виду исполинскаго, суроваго Кавказа; въ краѣ, гдѣ не до шутокъ, гдѣ все дѣлается серіозно, гдѣ воинъ на каждомъ шагу встрѣчается съ смертью, гдѣ стройно возникаетъ общественный бытъ, сбрасывая постепенно съ себя пелену тысячелѣтняго невѣжества. Что̀ же мы, русскіе писатели, старшіе братья по просвѣщенію, литературные опекуны края, лепечущаго первое свое сознательное слово—что̀ дадимъ мы ему въ образецъ, какую высокую цѣль укажемъ мы его молодому порыву, какое поученіе, какую отраду

почерпнетъ онъ въ заботливости объ немъ русской музы? Неужели, открывъ ему театръ, указавъ ему на новое поле для умственной дѣятельности, на новое, неизвѣстное ему наслажденіе, мы научимъ его только способу горько и умно смѣяться надъ собою, познакомивъ его съ «Ревизоромъ» и «Горе отъ ума», затѣмъ сознаемся откровенно, что больше у насъ почти ничего нѣтъ, кромѣ развѣ передѣлокъ съ французскаго, да бенефисныхъ ловушекъ. У кого достанетъ духа разочаровывать грубою существенностью младенца у теплой еще колыбели. Неужели русская письменность отзовется незнаніемъ, невѣдѣніемъ, безсиліемъ, тогда какъ всѣ усердно работаютъ здѣсь для блага края, и говоря о краѣ, я разумѣю не Тифлисъ, не Грузію, а цѣлый Кавказъ и Закавказье, которыхъ я не могу отдѣлить въ-умѣ другъ отъ друга. Тифлису предстоитъ только очевидно честь начать великое дѣло народнаго образованія, и дай Богъ, чтобъ направленіе, принятое въ самомъ началѣ повело къ пользѣ и благу. Здѣсь уже чувствуется необходимость просвѣщенія, туземцы печатаютъ статьи свои въ кавказскихъ газетахъ, приготовляются обильные матеріалы для изданія ежемѣсячнаго грузинскаго журнала. Князь Георгій Эристовъ началъ писать комедіи на грузинскомъ языкѣ, а Мирза-Фетъ-Али-Ахундовъ — на татарскомъ. Наконецъ примѣръ, со времени Ноя небывалый, стараніемъ того-же князя Эристова въ Тифлисѣ образуется нынѣ труппа гру-

зинскихъ актеровъ, разумѣется безсознательныхъ и первобытныхъ, но не менѣе же того актеровъ, привлекающихъ своими представленіями большое стеченіе зрителей.

Все это, какъ мнѣ кажется, обнаруживаетъ безспорно развивающуюся духовную потребность и доказываетъ, что для здѣшняго края скоро нужны будутъ уже не зурна и не димплипито, а Россини, и Мейерберъ; что въ-особенности русскій водевиль, который въ своемъ родѣ едва-ли не тотъ-же димплипито, не можетъ соотвѣтствовать вкусу края, привыкшаго къ поразительнымъ ощущеніямъ и нуждающагося въ разумномъ умственномъ руководствѣ. Нельзя не пожелать отъ души, чтобы здѣшняя драматургія, понявъ свое призваніе, заняла достойное мѣсто въ общемъ стремленіи къ пользѣ и чтобы мысль, подарившая Закавказье театромъ, нашла отголосокъ въ русскихъ и грузинскихъ писателяхъ и пополнилась, осуществилась ихъ произведеніями.

О СЦЕНѢ ВООБЩЕ

И ТИФЛИССКОМЪ ТЕАТРѢ

ВЪ-ОСОБЕННОСТИ.

—

На дняхъ явился ко мнѣ бѣдный мальчикъ лѣтъ семи или осьми и подалъ мнѣ письмо отъ своего отца. Содержаніе этихъ писемъ извѣстно. «Благодѣтель всего страждущаго человѣчества, молва о твоихъ благодѣяніяхъ гремитъ во всѣ концы вселенной, простри десницу милосердія, спаси отъ конечной гибели многочисленное семейство, которое будетъ возсылать теплыя молитвы» и т. п. на двухъ страницахъ. Въ Петербургѣ подобныя письма продаются иногда уже готовыя въ нѣкоторыхъ мелочныхъ лавочкахъ по четвертаку и круглымъ числомъ приносятъ по цѣлковому. Письма эти впрочемъ никогда не читаются, и я по старой привычкѣ, хотѣлъ уже отослать полученное мной письмо въ Контору Общ. Пос. Бѣдныхъ, какъ вдругъ

вспомнилъ, что я не въ Петербургѣ а въ Тифлисѣ и что здѣшніе бѣдные должны же отличаться какой-нибудь особенностью слога. Дѣйствительно никакъ нельзя было предвидѣть страннаго заключенія челобитья. Въ концѣ письма проситель изъявлялъ желаніе, чтобъ, въ слѣдствіе моего ходатайства, дирекція здѣшняго театра приняла сына его въ актеры и назначила ему приличное жалованье. Признаюсь, при всемъ моемъ желаніи помочь ближнему, подобная неожиданность меня совершенно поразила.

«Любезный другъ, сказалъ я, подумавши, мальчику. . . заходи, пожалуйста, когда-нибудь, лѣтъ чрезъ пятнадцать. Если въ тебѣ окажутся способности, я буду просить дирекцію, чтобъ она тебя приняла.»

Этотъ истинный случай (подобнаго случая и выдумать нельзя) характеризуетъ вполнѣ понятія еще многихъ о значеніи сценическаго искусства. Всѣ согласятся, что скрыпачъ долженъ учиться играть на скрыпкѣ, что живописецъ не можетъ съ перваго раза написать картину; но не всѣ еще сознаютъ, что театральное искусство есть тоже искусство какъ всѣ прочія и даже труднѣе прочихъ потому-что кромѣ механическаго упражненія, оно требуетъ еще многосторонней образованности, начитанности, наблюдательности, ловкости и глубокихъ размышленій. Нравственныя свойства актера, образъ его воспитанія, привычки его жизни невольно отражаются въ его игрѣ, и

это самое составляетъ камень преткновенія театральнаго искусства, камень о который многіе актеры спотыкаются и о которомъ весьма немногіе думаютъ. Спросите почти всѣхъ въ Россіи актеровъ, о томъ, какъ они попали на сцену. Одинъ вздохнетъ и скажетъ вамъ: бѣдность. Другой пожметъ плечами и скажетъ: служба, а третій ничего не скажетъ, потому-что онъ самъ не знаетъ какъ это случилось, что онъ докутился до такой штуки. Его заманило какое-то ухарское пренебреженье общественныхъ условій, желаніе жить въ мірѣ картонномъ, а не дѣйствительномъ. Онъ самъ-по-себѣ. Онъ артистъ-дескать. Ему море по колѣна.

За исключеніемъ весьма немногихъ именъ, стяжавшихъ заслуженную славу на столичныхъ театрахъ, можно утвердительно сказать, что всѣ наши актеры не художники, посвятившіе себя любимому призванію, а болѣе или менѣе даровитые дилетанты, случайно попавшіе на неожиданное поприще. Съ другой стороны надо замѣтить и то, что русскіе, какъ народъ переимчивый и бойкій, одаревы замѣчательными природными способностями для театра, не говоря уже о той спокойной веселости (юморѣ), которая смѣшитъ не улыбнувшись и тѣмъ самымъ становится неоцѣненнымъ сценическимъ достоинствомъ. Но ни въ какомъ эстетическомъ дѣлѣ, природнаго дарованія не бываетъ достаточно. Каждое искусство требуетъ большихъ приготовленій, многихъ предваритель-

ныхъ познаній и неусыпнаго труда даже при самыхъ блистательныхъ успѣхахъ. Такъ, напримѣръ, безъ образованья голоса, безъ умѣнья читать правильно и внятно, актеръ какъ бы даровитъ онъ ни былъ, никогда не будетъ настоящимъ артистомъ. Кто не замѣчалъ, что у насъ на Руси большею частью не актеръ управляетъ голосомъ, а голосъ управляетъ актеромъ, то возвышается до крикливости, то вдругъ становится глухимъ и низкимъ. Слова не нижутся какъ жемчугъ, не льются какъ ручей, а торопливо мечутся на всѣ стороны, толкаютъ другъ друга, и спотыкаясь и задыхаясь спѣшатъ къ точкѣ, какъ къ станціи и тутъ вдругъ понижаются, ослабѣваютъ и исчезаютъ въ утомленной скороговоркѣ. Бываетъ и хуже. Иногда актеръ выбьется изъ рѣчи какъ изъ колеи, и два или три раза принимается съ усиліемъ за непокорное выраженіе, что̀ уже очевидно обращаетъ сцену не въ воспроизведеніе жизни, а въ плохо-вытверженный урокъ. О голосѣ, о томъ, что̀ называется дикція, почти всѣ русскіе актеры мало заботятся. Они уже очень-довольны, когда протвердятъ, я не говорю выучатъ роль свою, а тамъ, что̀ будетъ то будетъ, — и рѣдко кому прійдетъ въ голову, что для актеровъ знать роли все ровно, что для музыкантовъ держать въ рукахъ инструменты. Какого-то еще съиграютъ? Какія возбудятъ въ насъ чувства? Въ старые годы, въ годы классическаго педантства, которое имѣло однако же

свои хорошія стороны, декламація, мимика, вся пластическая обстановка ролей составляли для актера предметы неизбѣжнаго изученія, такъ-какъ правописаніе, грамматика, риторика изучались литераторами. Сценическое искусство, какъ ближайшее къ словесности, не могло избѣгнуть романтической реакціи, поставившей природное внушеніе выше сухихъ схоластическихъ правилъ. Все ложное, напыщенное, неестественное отбросилось съ пренебреженіемъ, но злоупотребленіе отбросилось вмѣстѣ съ прекраснымъ началомъ. Конечно геній выше привычки добытой трудомъ, но геніи отъ того и геніи, что угадываютъ и создаютъ эстетическія условія, которыя всѣ не геніи должны изучать. Здѣсь не лишнимъ будетъ высказать еще одну нѣсколько-рѣзкую истину. Романтическая школа чрезвычайно какъ пришлась по плечу нашимъ литературнымъ и сценическимъ дѣятелямъ, предложивъ широкій просторъ ихъ безпечности, *лѣности* и отвращенію ко всѣмъ продолжительнымъ, систематическимъ трудамъ. Романтическое или натуральное воззрѣніе на искусство не могло не привиться на нашей почвѣ. Оттого у насъ всякій, кто только держитъ въ рукахъ кое-какъ перо, готовъ рискнуть на литератора, всякій, кто владѣетъ голосомъ, то есть, не слишкомъ заикается и не огорченъ лишней уродливостью, въ одно прекрасное утро ни-съ-того, ни-съ-сего вдругъ становится актеромъ.

Въ этой истинѣ убѣдился каждый, кто только

вчитался безъ разбора въ нашу словесность и приглядѣлся безъ утомленія къ нашимъ провинціяльнымъ театрамъ. Въ оправданіе сихъ послѣднихъ можно сказать только, что ежедневныя перемѣны пьесъ, безпрестанные бенефисы отбиваютъ охоту и лишаютъ возможности обдумывать и создавать роли. Но это извиненіе второстепенное, практическое. Исскусству до него дѣла нѣтъ.

Все это я высказалъ не въ упрекъ а въ защиту нашему русскому театру въ Тифлисѣ. Было бы безрасудно требовать отъ него той полноты въ исполненіи, того совершенства въ эстетическомъ изображеніи жизни, которыя поражаютъ насъ въ Вѣнѣ или въ Парижѣ, но къ которымъ въ Россіи мы еще вовсе не привыкли. Принявъ въ основаніе, что провинціяльные наши актеры не артисты въ точномъ смыслѣ слова, а принаровившіеся дилетанты, мы отложимъ въ сторону всѣ мелочныя требованія, всю неумолимую строгость художественной критики и тогда намъ можно будетъ взглянуть на заслуги тифлисскаго русскаго театра съ настоящей точки зрѣнія.

Эти заслуги дѣйствительныя, не подлежащія сомнѣнію. Русская драматическая труппа, прибывшая за нѣсколько лѣтъ въ Тифлисъ, возвѣстила цѣлому краю о существованіи особаго духовнаго міра, полнаго наслажденій, чуждыхъ чувственности Востока. Она послужила началомъ дѣлу искони вѣковъ небывалому, образованію грузинской труппы, она распространила понятіе объ изящномъ,

вкусъ къ музыкѣ и тѣмъ привлекла въ Тифлисъ оперу, составившую въ нынѣшнемъ году главное событіе здѣшней общественной жизни.

Русская труппа въ Тифлисѣ не велика, но можно и даже должно сказать, что она изъ лучшихъ, если не лучшая изъ всѣхъ второстепенныхъ русскихъ труппъ. Въ ней господствуетъ какой-то особый тонъ приличія и благородства, который не замѣняетъ искусства, но уже доказываетъ уваженіе къ искусству. На тифлисской сценѣ вы не увидите гаерскихъ угожденій райку, ухарскихъ ухватокъ, свирѣпыхъ нарядовъ, ничего чтобы рѣзко бросалось въ глаза, или могло бы оскорбить вкусъ самаго взыскательнаго слушателя. Все это разумѣется достоинства отрицательныя, но не менѣе того достоинства. Впрочемъ въ труппѣ есть достоинства и положительныя объ которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Такъ, напримѣръ, комическія роли какъ самыя легкія и благодарныя находятъ здѣсь хорошихъ исполнителей въ гг. Ивановѣ, Арнольдѣ, Артурѣ, Марксѣ, Мухинѣ и въ г-жѣ Марксъ. Каждый изъ нихъ отличается разумѣется нѣкоторыми свойственными ему оттѣнками. Г. Ивановъ напримѣръ, обладаетъ драгоцѣннымъ для сцены спокойствіемъ и оттого не смущается ролью, даже ролью иногда мало ему извѣстной, а управляетъ ею свободно. На сценѣ г. Ивановъ у себя дома, а не въ гостяхъ какъ это обыкновенно бы-

ваетъ; онъ говоритъ громко и внятно, обладаетъ истиннымъ комизмомъ и по всей справедливости сдѣлался любимцемъ здѣшней публики. Г. Арнольдъ прекрасно исполняетъ роли повѣсъ, но несмотря на то характеръ его дарованія нѣсколько серьезенъ, и ожидаетъ еще развитія на поприщѣ болѣе обширномъ. Г. Артуръ, недавно прибывшій въ Тифлисъ, весьма неровенъ въ исполненіи своихъ ролей, которыя много зависятъ отъ расположенія его духа. Онъ то слишкомъ развязенъ, то черезъ-чуръ застѣнчивъ, къ тому же не поетъ и не декламируетъ, а рубитъ куплеты. Въ немъ есть зародышъ замѣчательнаго таланта и слѣды нѣкоторыхъ дурныхъ сценическихъ привычекъ, нравящихся зрителямъ второстепеннаго разбора, взирающимъ на искусство, какъ на проявленіе какой-то особой удали. Г. Мухинъ очень хорошъ въ роляхъ простяковъ и наивныхъ любовниковъ; но, къ сожалѣнію, дикція его далеко не безукоризненна. Г. Мухинъ еще молодъ и старателенъ; Исправивъ свой главный недостатокъ, онъ сдѣлается отличнымъ артистомъ. Г. Марксъ совѣстливый и полезный сценическій дѣятель, то что по-французски называется grande utilité, а по-русски можно назвать артистомъ на всѣ руки. Если можно упрекнуть въ-чѣмъ-нибудь г. Маркса, то это въ томъ, что онъ иногда слишкомъ старается и оттого смущается своей ролью, чего бы ему однако же не слѣдовало, благодаря его сценической опытности, теплому чувству и любви

къ искусству. О г-жѣ Марксѣ въ роляхъ старухъ, кромѣ похвальнаго ничего и придумать нельзя.

Первыхъ любовниковъ у насъ въ Тифлисѣ нѣтъ, но гдѣ же найдти ихъ теперь. Примѣрные любовники такъ же рѣдки, какъ и примѣрная любовь. Первыхъ кокетокъ у насъ тоже нѣтъ, что̀ очевидно дѣлаетъ честь тифлисскимъ нравамъ, но для сцены составляетъ существенный недостатокъ. Г-жи Максимова, Арнольдъ, Лилѣева и Цвѣткова, при всей ихъ миловидности и столичныхъ нарядахъ, еще далеки отъ требованій высшей комедіи, и не знаю дойдутъ ли когда-нибудь до исполненія ролей драматическихъ. Всѣ онѣ актрисы водевильныя, представительницы міра, изобрѣтеннаго г-мъ Скрибомъ, міра искаженнаго и переложеннаго столько разъ на руссіе нравы отсутствіемъ нашей сценической изобрѣтательности. Первое мѣсто между ними занимаетъ г-жа Максимова, которой слабость голоса и природная робость не позволяютъ иногда выказать всего ея таланта, истиннаго и совѣстливаго. Г-жа Арнольдъ тоже не безъ дарованія, но читаетъ до того торопливо, что рѣчь ея часто становится невнятна. Г-жа Лилѣева отважная актриса, съ блестящими способностями и прекрасной наружностью, но, къ сожалѣнію, игра ея не всегда подчиняется утонченнымъ эстетическимъ требованіямъ, которымъ г-жа Цвѣткова можетъ-быть слишкомъ подчиняется, отчего въ ея игрѣ бываетъ иногда много монотоннаго. Г-нъ Макси-

мовъ, по болѣзни, не участвовалъ почти въ представленіяхъ нынѣшняго сезона.

Съ такимъ ограниченнымъ составомъ, русская труппа не могла конечно одолѣть многосложныхъ пьесъ, но ей надо отдать полную справедливость за неутомимое ея рвеніе. Съ осени до великаго поста она играла 34 раза какъ въ прежнемъ, такъ и въ новомъ театрѣ. Нѣкоторые игранныя пьесы шли въ особенности хорошо. Таковы: Дѣдушка русскаго флота, Парики, Жоржета, Школьный Учитель, Медвѣдь, побѣдитель разбойника, Комедія съ дядюшкой и пр. Но несмотря на всѣ старанія нашихъ артистовъ, надо однако сознаться, что нашъ водевильный репертуаръ производитъ мало впечатлѣнія на туземцевъ, здоровый вкусъ которыхъ не охотно прилаживается къ миніатюрности нашихъ театральныхъ изображеній.

Прибывшая въ нынѣшнемъ году въ Тифлисъ итальянская труппа нашла напротивъ здѣсь неожиданный и замѣчательный отголосокъ, она обнаружила вдругъ въ здѣшней публикѣ не любовь къ новизнѣ, какъ многіе полагали, а рѣдкое чутье, инстинктивное понятіе прекраснаго. Во время бывшихъ до масляницы 29 итальянскихъ представленій ни одно искреннее выраженіе неподдѣльнаго чувства, ни одинъ музыкальный *N*, исполненный отчетливо не остался безъ знаковъ взрывочнаго одобренія. Самая труппа, удивленная неожиданнымъ пріемомъ, усилила свои старанія, и весьма

было любопытно видѣть какъ пѣвцы совершенствовались отъ публики, какъ публика заимствовала отъ пѣвцовъ вѣрныя, хотя еще безотчетныя понятія объ искусствѣ. Доказательствомъ, что это не было дѣло моды, то, что съ каждымъ представленіемъ восторгъ усиливался и усиливался по мѣрѣ того, какъ представленія становились удовлетворительнѣе.

Само-собою разумѣется, что странствующая италіянская труппа, почти-случайно заглянувшая въ Тифлисъ, не могла бы выдержать строгой музыкальной оцѣнки. Только—что собранный изъ разныхъ мѣстъ оркестръ, недостаточные хоры, приведенные болѣе для зрѣнія, чѣмъ для слуха, самые пѣвцы, неизвѣстные въ современныхъ лѣтописяхъ試 опернаго міра, все это, разумѣется, не могло обойтись, особенно въ началѣ, безъ нѣкоторыхъ лишнихъ и вовсе непрошенныхъ звуковъ, но постепенно все уладилось, благодаря искусному капельмейстеру Барбіери, укротившему смычкомъ своимъ возмутившіеся діезы и бемоли.

Артистамъ надо тоже отдать справедливость, что они сдѣлали немного болѣе чѣмъ могли.

Главныя изъ нихъ примадонны Барбіери и Миноцци, теноръ Фискети и басъ Викки могли доставить иногда даже и балованному слуху истинное удовольствіе. Г-жа Барбіери видная, опытная пѣвица, къ сожалѣнію, утратившая нѣсколько свѣжесть голоса, но привыкшая, какъ видно, къ классической вокализаціи, къ округленію музыкаль-

ныхъ фразъ, словомъ къ той широкой методѣ, которой Италія обязана своими знаменитостями; она спѣла и сыграла въ-особенности роль Лучіи безукоризненно. Если бы придать голосу г-жи Барбіери нѣсколько гибкости въ гаммахъ и фіоритурахъ и нѣсколько смягчить нѣкоторыя ноты ея впрочемъ звучнаго и сильнаго голоса, то г-жа Барбіери могла бы явиться на любомъ, столичномъ театрѣ. Другая примадонна Миноци, любимица тифлисской публики, представительница новой итальянской школы пѣнія, обладаетъ молодымъ, сребристымъ голосомъ, легко и свободно превозмогающимъ трудные пассажи, но въ отношеніи методы и бравурности нельзя не отдать г-жи Барбіери предпочтенія. Голосъ г-жи Миноци еще слабъ, а потому она должна избѣгать многихъ вокальныхъ эффектовъ, требующихъ возможности долго не переводить дыханія. Если она исправитъ этотъ недостатокъ, то можно ей предвѣщать въ будущемъ много успѣховъ. Она замѣчательно выразила здѣсь роль Лукреціи Борджіа, которую не знала даже передъ пріѣздомъ въ Тифлисъ, и въ этой ролѣ она нашла нѣсколько тѣхъ глубоко-вѣрныхъ и потрясающихъ звуковъ, которыя отгадываются сердцемъ, но которымъ выучиться нельзя.

Теноръ Фискети прекрасный грудный голосъ, свободно-доходящій до верхняго ut, до этого прославленнаго ut, которымъ такъ гордились Дюпре, Нури и Рубини. Къ сожалѣнію, сходство почти

тѣмъ и ограничивается. Г. Фискети могъ бы быть прекраснымъ пѣвцомъ. Въ минуты изступленія онъ даже и теперь прекрасенъ, благодаря сильному голосу и истинному чувству, но когда дѣло доходитъ до кантилены, до плавнаго трогательнаго пѣнія, столь свойственнаго теноровымъ партіямъ, тогда по неволѣ вспомнишь о пользѣ правильной вокализаціи, будь она хоть классическая. Вторый теноръ Бони отличается сильнымъ голосомъ, производящимъ сильный эффектъ въ исполненіи многоголосныхъ номеровъ (morceux d'ensemble). Г. Викки (Basso Cantante) имѣетъ сильный, но нѣсколько грубый голосъ. Объ немъ можно рѣшительно сказать, что онъ въ Тифлисѣ усовершенствовался, отмѣнивъ неумѣстныя и неудачныя рулады, которыми онъ подчивалъ насъ при началѣ сезона и замѣнивъ ихъ широкой пѣвучей методой. Смягчивъ и умѣривъ свой голосъ, придавъ ему ту звучную протяжность, которую итальянцы называютъ portamento di voce г Викки можетъ въ скоромъ времени сдѣлаться прекраснымъ пѣвцомъ, и этого нельзя не пожелать и для него и для его слушателей. Наконецъ г. Вилла (Buffo caricato) одинъ изъ лучшихъ комическихъ пѣвцовъ, которыхъ мнѣ случилось встрѣтить. Къ сожалѣнію, онъ пользуется вполнѣ правомъ комическихъ пѣвцовъ, то есть, отличается не голосомъ, а комизмомъ, котораго немногіе здѣсь понимаютъ. Всѣхъ оперъ въ теченіи зимы дано 9. Луція, Учитель въ хлопотахъ, Жемма де-Вержи,

Фурьозо, Сельскія пѣвицы, Севильскій Цирюльникъ, Гернани, Норма и Лукреція. Всѣ эти піесы были сыграны болѣе или менѣе отчетливо, но нельзя умолчать о тщательной ихъ постановкѣ, которой здѣшній театръ обязанъ искусному и опытному своему декоратору. Г. Дербезъ, много лѣтъ трудившійся въ Парижской Большой Оперѣ, и стяжавшій тамъ извѣстность какъ живописецъ и декораторъ, много содѣйствовалъ успѣху театральной дѣятельности нынѣшняго года.

Въ заключеніи надо бы было мнѣ сказать нѣсколько словъ о грузинскихъ актерахъ. Къ сожалѣнію, я не могу судить о томъ, что̀ говорится, а только о томъ, что̀ дѣлается у нихъ на сценѣ. Но и въ этомъ отношеніи замѣтилъ уже успѣхъ противъ прошлаго года. Тѣлодвиженія развязнѣе, рѣчь свободнѣе. Понятіе объ искусствѣ уже начинается.

И въ туземной публикѣ понятіе объ искусствѣ тоже начинается. Любовь къ искусству вкрадывается въ ея домашнюю жизнь, и это отрадное явленіе займетъ, хотя скромное, но не послѣднее мѣсто въ числѣ тѣхъ безчисленныхъ усовершенствованій, которыми обновляется жизнь здѣшняго края.

ПРОЩАЛЬНЫЙ БЕНЕФИСЪ Г-на ДЕРБЕЗА.

Однажды я ставилъ на столичной сценѣ грѣшный какой-то водевиль собственнаго произведенія. Водевиль былъ написанъ на случай; намековъ, куплетовъ и современности набралось вдоволь. Представленіе назначалось въ пользу одного извѣстнаго артиста, афиша дѣйствовала, у кассы толпился народъ. Все шло какъ нельзя лучше. На послѣдней репетиціи, утромъ въ день спектакля, я замѣтилъ только, что первый комикъ, исполнявшій главную роль, читалъ разсѣянно, безъ одушевленія. Авторское самолюбіе не выдержало. Я остановилъ представителя моей веселости и позволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній. Первый комикъ взглянулъ на меня съ кроткимъ, грустнымъ упрекомъ. — »Извините меня,» — сказалъ онъ, вечеромъ я постараюсь, а теперь право не могу. У меня сегодня мать умерла»..— И вы играете? воскликнулъ я съ ужасомъ. — «Что́ жъ дѣлать продолжалъ онъ, бенефисъ товарища, не могу же я испортить бенефиса. Онъ — главный доходъ, годовая надежда артиста.» Вечеромъ

театръ былъ полонъ: водевиль имѣлъ успѣхъ. Публика хохотала до-упаду отъ игры своего любимца, не подозрѣвая, что въ веселой шуткѣ, наброшенной для минутнаго смѣха, таилась цѣлая печальная, поразительная драма.

Съ того времени я понялъ только, что значитъ слово *бенефисъ*. Съ того времени оно внушаетъ мнѣ всегда какое-то тяжелое чувство состраданія, съ которымъ смѣшивается мрачная картина блѣдной покойницы на столѣ, у ногъ которой безутѣшный сынъ заучиваетъ сквозь слезы разныя остроты и каламбуры. Вотъ почему я всегда готовъ подать руку бенефиціанту, несмотря на то, что ненавижу бенефисы, какъ явное зло для искусства. Вотъ почему при видѣ пустаго бенефиса сердце мое сжимается; при видѣ бенефиса полнаго и удачнаго, мнѣ какъ-то легче на душѣ, и я готовъ благодарить почтеннѣйшую поблику за то, что она увлеклась афишей.

Въ нынѣшнемъ году въ Тифлисѣ необыкновенное изобиліе снѣга и бенефисовъ. Снѣгъ выпадаетъ вѣроятно въ бенефисъ любителей русской зимы, а бенефисы сыплются рѣшительно, какъ снѣгъ на голову.

Къ истинному моему удовольствію, я долженъ прибавить, что бо̀льшая часть бенифисныхъ представленій прошла необыкновенно-удачно, если не по качеству предлагаемаго публикѣ, то по количеству получаемаго отъ нея. Сборы нѣкото-

рыхъ бенефисовъ доходили, съ подарками, до 1500 руб. сереб., такъ-что иной столичный артистъ могъ-бы позавидовать своимъ тифлисскимъ собратьямъ. Бенефисы гг. Манохина, Иванова, Арнольда, Барбіери, г-жи Яблочкиной, Чесновой, Павловой, Рамори, Вазоли, представили итоги самые утѣшительные, почти-невѣроятные.

Теперь наступила масляница. Театральная дѣятельность въ самомъ разгарѣ. Еще нѣсколько представленій, и за тѣмъ здѣшнимъ жителямъ надолго останется только воспоминаніе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыми подарилъ ихъ Тифлисскій Театръ Такія воспоминанія никогда не изглаживаются. Искусство имѣетъ ту хорошую сторону, что оно входитъ въ душу, отсвѣчивается въ ней, и пріучаетъ ее къ эстетическимъ требованіямъ, къ пониманію всего прекраснаго. Театръ не только забава, не только средоточіе общественности. Онъ имѣетъ высшее значеніе, тѣмъ-что онъ изощряетъ вкусъ, знакомитъ съ произведеніями великихъ художниковъ, съ мыслями людей геніяльныхъ, и бросаетъ въ толпу начала изящнаго, то есть, благороднѣйшихъ стремленій человѣчества. Конечно, чѣмъ лучше зрѣлища, чѣмъ даровитѣе сценическіе дѣятели, тѣмъ и польза приносимая театромъ ощутительнѣе. Въ этомъ отношеніи Тифлисъ не можетъ еще стать на-ряду съ городами, гдѣ искусство развивалось въ теченіи вѣковъ. Наши артисты не могутъ еще называться первостатейными, о каждомъ изъ нихъ

въ-особенности, обо всѣхъ въ совокупности, въ общей гармоніи представленій, строгая критика могла бы высказать свои замѣчанія. Но у насъ находится, и, къ сожалѣнію, мы скоро должны будемъ сказать, что у насъ *находился*, одинъ истинный театральный художникъ, передъ которымъ придирчивость критики должна умолкнуть и обратиться въ безусловную похвалу. Этотъ истинно-замѣчательный артистъ не румянится, не завивается, не танцуетъ, не поетъ, и не говоритъ,—и со всѣмъ тѣмъ онъ всегда лицомъ-къ-лицу съ публикой. Онъ тотъ чародѣй, который изъ досокъ и тряпицъ созидаетъ цѣлый міръ очарованій, строитъ дворцы, громоздитъ горы, располагаетъ солнцемъ и мѣсяцемъ, и переводитъ природу на полотно. Отъ него въ театрѣ все получаетъ образъ и смыслъ. Онъ владыка того свѣта въ нѣсколько аршинъ, гдѣ при каждомъ представленіи является новая картина. Онъ властелинъ всѣхъ вымысловъ, всѣхъ обмановъ, такъ дорого-цѣнимыхъ публикой. У него въ зависимости и поэтъ и музыкантъ и всѣ толкователи искусства. Вмѣсто повелительнаго жезла онъ держитъ въ рукахъ толстую кисть, и въ простомъ нарядѣ, въ красной ермолкѣ, въ забрызганной куртке, окруженный глиняными горшечками, онъ, съ высоты чердака своего управляетъ своей маленькой вселенной. Подъ волшебной рукой его вдругъ возникаетъ мрачное кладбище Роберта, или веселая швейцарская деревенька, отчетливая

и граціозная, какъ мольбертный пейзажъ. Но какъ ни велика его власть, какъ ни высокъ его талантъ, онъ долженъ сознаться, что его искусство, какъ всѣ сценическія искусства, неблагодарное, неоставляющее по себѣ слѣдовъ. Другіе даровитые живописцы, написавъ картину, передаютъ ее потомству и потомство сохраняетъ ихъ имя, любуется, дорожитъ ихъ произведеніями. Труды декоратора не долговѣчны Они блекнутъ, вытираются, и самъ художникъ нерѣдко изъ армидина сада, написаннаго съ любовью, дѣлаетъ простую водевильную комнату: фнтазію обращаетъ въ прозу. По этой грустной причинѣ, декораторы не оставляютъ по себѣ громкаго имени, и если Дагерръ прославился, то это конечно не потому-что онъ былъ декораторомъ, чего никто почти не знаетъ, а потому-что, благодаря своей геніяльности, онъ искусство свое довелъ до степени науки, и изобрѣлъ дагерротипъ.

У насъ въ Тифлисѣ живетъ уже болѣе трехъ лѣтъ любимый ученикъ Дагерра, товарищъ Чичери и Камбона, извѣстныхъ декораторовъ Парижской Большой Оперы, безспорно первой въ мірѣ по своимъ обстановкамъ, г. Дербезъ, въ полномъ смыслѣ слова художникъ. Образовавшись подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, онъ уже болѣе сорока лѣтъ какъ посвятилъ себя своей специяльности. Въ Парижѣ онъ прожилъ весь вѣкъ свой, но не тревожной парижской жизнію, а въ скромныхъ, постоянныхъ, неусыпныхъ трудахъ.

Изъ Парижа онъ ѣздилъ только на три года въ Гамбургъ, гдѣ преобразовалъ тамошній театръ. Вторая его поѣздка—въ Тифлисъ. Его прибытіемъ мы обязаны другому первостепенному художнику, князю Г. Г. Гагарину. Князь Гагаринъ, подарившій Тифлисъ въ полномъ смыслѣ безподобной отдѣлкой здѣшней театральной залы, довершилъ свой художественный подвигъ тѣмъ, что, будучи въ Парижѣ, отыскалъ между парижскими артистами г. Дербеза и склонилъ его пріѣхать въ Тифлисъ. Нелегко было г-ну Дербезу начать въ Тифлисѣ небывалое дѣло; въ краѣ, гдѣ общественность и удовольствія туземцовъ имѣли свой рѣзкій, особенный, восточный характеръ. Г. Дербезъ полюбовался лезгинкой, поморщился отъ зурны; какъ артистъ восхитился всѣми артистическими особенностями, изобилующими на Кавказѣ; но въ тоже время, какъ двигатель кулиснаго міра, куда ни оглядывался, не находилъ себѣ помощника. На первое время онъ долженъ былъ припомнить всю черную работу своего дѣла и взять ее на себя. Онъ вооружился топоромъ и пилой, началъ пилить и рубить доски, сшивать холстъ, составлять, растирать краски. Онъ началъ съ азбуки, съ первыхъ основаній, одинъ, своимъ единственнымъ лицомъ, какъ-будто онъ за тѣмъ пріѣхалъ, какъ-будто онъ не обладалъ серьознымъ, признаннымъ талантомъ. Художникъ сдѣлался мастеровымъ, но за то мастеровой оказался вскорѣ отличнымъ художникомъ. Въ три года съ небольшимъ г. Дербезъ

одинъ исписалъ болѣе 17,000 аршинъ холста, и представилъ намъ цѣлый рядъ огромныхъ картинъ, которыя, къ сожалѣнію, ничто иное какъ декораціи, а то-бы доставили ему громкую извѣстность.

Какъ истинно-даровитый человѣкъ, онъ скроменъ и тихъ. Объ немъ никто не слышитъ, но всѣ видятъ и цѣнятъ его произведенія. Онъ не провозглашаетъ о своихъ заслугахъ, не удивляется себѣ, а съ-утра-до-вечера работаетъ въ своемъ уголку, изрѣдка урываясь изъ мастерской, чтобъ отдохнуть въ тѣсномъ кругу своихъ пріятелей; ихъ немного, потому-что г-ну Дербезу некогда; но кто знаетъ его, не можетъ не отдать должной справедливости его добродушной одолжительности, тихо-безмятежнымъ свойствамъ его кроткой природы. Несмотря на долговременную опытность, на бѣлые его волосы, онъ въ душѣ остался молодъ и кротокъ, и такъ же смиренно и неприхотливо уважаетъ отъ насъ, какъ и пріѣхалъ.

Но грѣшно будетъ, Тифлису, если онъ не проводитъ, какъ должно, лучшаго, хотя и незримаго артиста тифлисской сцены, артиста, въ теченіи трехъ лѣтъ съ половиной озабоченнаго отъ ранней зари удовольствіемъ и поученіемъ здѣшней публики. Дирекціей театра назначенъ завтра, 18 февраля, прощальный бенефисъ г. Дербезу. Въ этомъ представленіи участвуютъ наши 4 труппы, какъ и быть слѣдуетъ, потому-что г. Дербезъ трудился для каждой изъ нихъ. Я уже сказалъ,

что самъ я всегда сочувствую каждому бенефису и объяснилъ почему; но въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, что завтрашній бенефисъ заслуживаетъ, кромѣ обыкновеннаго участія, особеннѣйшаго уваженія и вниманія. Онъ долженъ быть свидѣтельствомъ благодарности здѣшняго города къ человѣку, водворившему здѣсь личнымъ трудомъ своимъ новое искусство, къ человѣку уже преклонныхъ лѣтъ, оставившему для насъ свое семейство, и такъ совѣстливо, такъ превосходно исполнившему свою обязанность.

ЧТО ТАКОЕ БЕНЕФИСЪ?

(Изъ интермедіи-дивертисемента Тамаша на бенефисъ актера Иванова).

(При поднятіи занавѣси всѣ участвующіе въ дивертисементѣ русскіе, итальянскіе и грузинскіе актеры группированы по обѣ стороны сцены. По срединѣ стоитъ актеръ Ивановъ).

Ивановъ *(актерамъ).*

Милостивые государи . . и вы милостивыя . . . что я . . . . нѣтъ, — правильнѣе, вѣрнѣе сказать, и вы жестокія, жестокосердыя государыни. Signori egregii Professori di canto. Любезные *аба батонебо, твени-чириме гмховтъ уморчилесадъ* . . . . . преуниженно кланяюсь вамъ, приношу вамъ душевную благодарность за то, что вы по-товарищески согласились принять участіе въ бенефисѣ бѣднаго артиста. Доброе сдѣлали вы дѣло, потому, что бенефисъ . . . Знаете-ли вы, что̀ такое бенефисъ, господа!. Вы-то, конечно,

знаете, слишкомъ знаете . . (публикѣ) а вотъ вы, господа, можетъ-быть не знаете, не подумали о томъ . . .

Бенефисъ, изволите видѣть, для актера то самое что для васъ хорошій урожай въ вашей деревнѣ, добрый барышъ на вашемъ товарѣ. Жалованье актера представляетъ насущный хлѣбъ, квартиру на Вельяминовской Улицѣ, дрова, кусокъ говядины, овчи . . . то есть, домашній обиходъ безъ котораго актеру пришлось бы не бѣгать по театру, а просто протянуть ноги.

Затѣмъ удовольствія жизни, предметы роскоши, такъ сказать, баловства, выражаются для насъ въ одномъ словѣ: бенефисъ. Въ бенефисѣ таятся: новый фракъ отъ г-на Гютиха, шаль для жены, игрушки для дѣтей,—иной разъ хорошая запечатанная бутылочка для пріятельской бесѣды, лишняя копейка на черный день. Все это бенефисъ. Да-съ.

Такъ оно весьма понятно, что актеръ цѣлый годъ думаетъ и хлопочетъ о бенефисѣ, разсчитываетъ какъ-бы угодить почтеннѣйшей публикѣ Но тутъ позвольте. Тутъ тотчасъ встрѣчается существенное, прискорбное неудобство. Вы-сами знаете, въ какомъ положеніи у насъ современное драматическое искусство. Во-первыхъ играть у насъ нечего. Во-вторыхъ играть у насъ не кому. Выбирай-ка г-нъ бенефиціантъ въ репертуаръ для поддержанья твоихъ доходовъ, а глядь въ репертуарѣ такая дрянь, что и смотрѣть грустно, или такое старье, что всякій наизусть знаетъ. Но и

это не все. Пожалуй, можно бы было отыскать образцовыя произведенія Шекспира, Мольера, Шиллера и другихъ геніевъ, да играть-то ихъ кто станетъ. Мы всѣ водевильные актеры, комики. Я, напримѣръ, комикъ. Товарищи мои комики. Играемъ мы на скорую руку (указ. на суфлера). Вотъ съ помощью этого господина. А какъ дѣло дойдетъ до высокой комедіи до изображенія страстей человѣческихъ и всѣхъ изгибовъ сердца, до настоящей драмы, до трагическаго потрясающаго выраженья, до утонченностей сценической науки. Тутъ ужъ слуга покорный. Прошу не взыскать. Лучше и не браться не за свое дѣло.

И такъ играть нечего, играть не кому — а жить надо. Актеръ тоже нуждается въ презрѣнномъ металлѣ не хуже зрителя.

Задача какъ изволите видѣть, не лёгкая. Что станемъ дѣлать? Вотъ-съ актеръ выписываетъ со всѣхъ сторонъ пьесы, а если у него есть знакомый писатель идетъ къ писателю.—Помогите батюшка, жена, пять человѣкъ дѣтей, шестая квартера. Не откажите въ помощи. Писатель думаетъ: зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ не помочь доброму человѣку, да въ два присѣста и наваляетъ какую-нибудь скороспѣлку, чтобъ хватило на одинъ вечеръ. Выходитъ на повѣрку, что если бенефисы терпятъ отъ словесности, то и словестность терпитъ отъ бенефисовъ. Но это не все. Теперь надо подумать объ афишѣ.

Составленіе афиши дѣло нелегкое, надо всѣмъ угодить: партеръ любитъ веселье, остроуміе, тонкіе намеки, двуемыслія. Въ ложахъ сидятъ дамы, для нихъ нужно что-нибудь деликатное, нѣжное, сентиментальное; признанія въ любви, въ особенности трогательное пѣніе. А на верху, тамъ давай тамашу, чтобы стулья ломали, чтобы кто-нибудь непремѣнно зарѣзался, чтобы увезли какую-нибудь дѣвушку, чтобы было объ чемъ пошумѣть. Люди среднихъ лѣтъ въ Тифлисѣ очень любятъ интриги, молодые люди требуютъ балета, потому что молодыя сердца въ особенности задѣваются ногами. На всѣхъ надо угодить! Наконецъ спектакль кое-какъ склеянъ, афиша составлена длинная, предлинная и бьетъ въ глаза за версту, какъ фейерверкъ. Авось кто-нибудь клюнетъ на эту удочку. Роковой день приближается. Актеръ надѣваетъ черный фракъ, бѣлыя перчатки, нанимаетъ извозчика по два абаза въ часъ, по таксѣ, и отправляется по городу съ приглашеніями. Доложите, дескать, такъ и такъ, что вотъ бенефиціантъ афишечку привезъ, а афишечка то въ сажень. Человѣкъ приходитъ съ отвѣтомъ. «Дома, говоритъ, нѣту, нездоровы, сами за билетомъ пришлютъ, не знаютъ поѣдутъ-ли...» Проваливай, то есть, себѣ знай, проваливай.

Вотъ наконецъ наступаетъ день бенефиса. Батюшки, свѣты, бѣда да и только. Вдругъ пошелъ дождь, на улицахъ слякоть страшная. Афиша не пересилила. Все пропало. Въ дурную погоду вся-

кій сидитъ дома, въ особенности, въ Тифлисѣ, Вотъ тебѣ и ожиданіе цѣлаго года. Снѣгъ пошелъ, обновы останутся у Гютиха, на дворѣ грязь по колѣни, о запечатлѣнной бутылочкѣ и думать не смѣй, пей круглый годъ бурдючное; а ты между-тѣмъ изъ кожи лѣзъ, смѣши пустыя кресла, когда тебѣ не досмѣха, когда на умѣ твоемъ убытокъ. Да еще я сказалъ про обыкновенный ходъ дѣла, а тутъ еще можно прибавить о мелкихъ неудовольствіяхъ, о закулисныхъ тайнахъ; да лучше сора изъ избы не выносить.

Впрочемъ я говорю вообще. Самъ, какъ вы видите, я жаловаться не могу. Вы истинно наградили меня своимъ присутствіемъ. Остались-ли довольны, не знаю. Во всякомъ случаѣ.

Теперь могу я говорить,
Что награжденъ я за старанье,
Но какъ мнѣ васъ благодарить
За ваше лестное вниманье?
Вотъ здѣсь останется оно,
Въ томъ увѣряю васъ заранѣ
Въ душѣ и даже въ сердцѣ, но...
Но болѣе всего въ карманѣ.

СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ

ВЪ ТИФЛИСѢ.

(*Письмо Ростиславу.*)

Ты вспомнилъ обо мнѣ посреди столичнаго шума, между двумя итальянскими операми, между четырьмя газетными статьями. Хотя изъ одной благодарности, я долженъ откликнуться. Я уже давно выбылъ изъ вашего опернаго и литературнаго круга, а ты еще недавно началъ проповѣдывать, и съ полнымъ, заслуженнымъ успѣхомъ. Тебѣ вздумалось прогуляться по пустопорожнему полю нашей Словесности. Въ добрый часъ: была-бы охота. Имя Ростислава сверкаетъ въ фельетонахъ почти всѣхъ петербургскихъ газетъ. Ты овладѣлъ, по праву вкуса и знанія, музыкальной критикой столицы. Сужденія твои сыплются фіоритурами и аллегретами на русскіе и итальянскіе мотивы. Тебѣ и книги въ руки, да и ноты туда же.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, тебѣ взду-

малось бросить перчатку за 3000 верстъ, и вызвать меня не на простой турниръ, а на журнальный бой. Но, любезный Ростиславъ (puisqu'il Rostislaff y a), ты предлагаешь мнѣ странную роль. Ты хочешь, чтобъ я защищалъ тривіальный элементъ нашей литературы. Чѣмъ же я это заслужилъ? Когда же я былъ поборникомъ безвкусія? Моя муза мѣняла часто наряды, но она всегда была благовоспитанная; не выбѣгала растрепанная и раскраснѣвшаяся изъ мелочныхъ лавочекъ; не искала народности на толкучемъ рынкѣ, а потому и была, можетъ-быть, всегда немного блѣдна, какъ и слѣдуетъ быть свѣтской дамѣ.

Отвѣчая прямо на твое письмо, скажу тебѣ только, что, по моему убѣжденію, Гоголь былъ великій писатель не потому, что позволялъ себѣ, и то изрѣдка, кое-какія пересоленыя выходки, а не смотря на то, что позволялъ ихъ себѣ. Это былъ недостатокъ отъ избытка силы. Онъ употреблялъ иногда тривіальныя выраженія, но никогда тривіально не думалъ, чѣмъ не могутъ похвалиться нѣкоторые лютые его критики. Въ самомъ безукоризненномъ слогѣ отзывается нерѣдко пошлость вымысла, тогда какъ самыя пошлыя слова и даже картины не могутъ ослабить самороднаго дара творчества.

Никогда, впрочемъ, Гоголь не покушался отнимать у жизни, и слѣдовательно у искусства, ея поэтическую, идеальную сторону. И Гоголь и Тургеневъ, на котораго ты ссылаешься, не за-

служили бы своей известности, если-бъ они стремились къ такой цѣли. По прочтеніи ихъ произведеній, тебѣ становится грустно, а въ грусти всегда таится поэзія; къ тому же я-бы могъ указать тебѣ на многія, истинно-прекрасныя и поэтическія мѣста въ ихъ сочиненіяхъ; но ты самъ имъ сочувствуешь, самъ ихъ понимаешь даже лучше многихъ, через-чуръ восторженныхъ ихъ цѣнителей. Но гдѣ же люди безъ упрека, гдѣ таланты безъ недостатковъ? И Шекспиръ грѣшилъ противъ вкуса, а не смотря на то, онъ былъ Шекспиръ, и Мольеръ пересаливалъ, а выше его еще не бывало; и Бетховенъ перемудрилъ не разъ на своемъ вѣку, и Россини не всегда ровенъ, а все-таки ихъ произведенія сдѣлались достояніемъ всего человѣчества.

. . . .

Мы возставать не будемъ другъ противъ друга. Какая можетъ быть борьба, когда противники стоятъ за одно и то же? Но ты хочешь отвѣта, хочешь письма объ эстетическомъ вкусѣ въ искусствѣ. Отвѣтъ свой я нашелъ во вчерашней афишкѣ. Въ Тифлисѣ давали «Севильскаго Цирюльника.» Вотъ безспорно произведеніе двухъ огромныхъ талантовъ, въ которомъ вкусъ доведёнъ до геніяльности.

И задача была для нихъ тѣмъ болѣе трудная, что никакихъ драматическихъ уловокъ, никакихъ сценическихъ эффектовъ, даже никакихъ страстей въ избранную ими тѣсную раму не входило.

«Севильскій Цирюльникъ» представляется какъ фарсъ; но этотъ общій тонъ, необыкновенно ловко ему приданный, скрадываетъ только рѣзкость сюжета, изображающаго очеркъ мелочныхъ людскихъ пороковъ и слабостей. Я не знаю мелодрамы, которая бы производила на меня такое впечатлѣніе, какъ эта шутка Каждое лицо такъ страшно вѣрно, каждый характеръ выказывается въ такой наготѣ, что при зрѣлищѣ столь безотрадной истины невыносимо было бы тяжело, если бы только постоянная веселость подробностей допустила призадуматься.

Если бъ «Севильскаго Цирюльника» писалъ Русскій, Гоголь напримѣръ, то конечно все, что теперь обозначено въ полутонахъ, выразилось бы гораздо рѣзче, ярче и выпуклѣе. Такова особенность нашего народнаго художественнаго пониманія. Шутка наша опредѣлительна, и даже нѣсколько груба; она сперва досадуетъ, а ужъ потомъ смѣется. Французская шутка прежде всего смѣется и все поднимаетъ на смѣхъ... Ея веселость неистощима. Конечно, она признакъ вѣтренности и равнодушія; но въ жизни и въ словесности, она составляетъ неуловимую и неизвѣстную намъ стихію и допускаетъ безчисленные оттѣнки, распредѣляемые тонкимъ чутьемъ художественнаго приличія, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ приличіемъ нравственнымъ. Бомарше написалъ фарсъ, имѣющій достоинство драмы, и въ этомъ очевидно доказалъ болѣе эстетическаго

вкуса, чѣмъ многіе писатели, коихъ драмы имѣютъ достоинство фарсовъ.

О ходѣ піесы мы говорить не станемъ; онъ второстепенный и слишкомъ извѣстенъ. Но разберемъ характеры дѣйствующихъ лицъ; посмотримъ, что̀ они выражаютъ.

Взгляни сперва на Розину. Не высказана-ли въ ней вся миловидная и опасная плутоватость женщины? Она—существо нарядное и нерѣшительное; она любитъ, потому что любовь ей къ лицу, что ей скучно, что опекунъ ея несносенъ, старъ и безтолковъ. Но ты уже предчувствуешь, что героиня напрасной предосторожности сдѣлается вполнѣ свѣтской дамой, разряженной, безцвѣтной и безхарактерной, какъ и представилъ ее Бомарше въ своихъ послѣдующихъ комедіяхъ.

Подлѣ Розины красуется Альмавива, — Донъ-Жуанъ въ миніатюрѣ; но онъ далеко не доходитъ до порывистой, сокрушительной энергіи вѣчно неудовлетвореннаго искателя счастія и наслажденій. Альмавива—левъ своего времени; онъ доволенъ собой, своимъ шитымъ кафтаномъ; онъ переодѣвается, дурачится; онъ любитъ, какъ важный господинъ, убѣжденный, что никто ему противустоять не можетъ. Въ сущности онъ пустой человѣкъ, легкомысленный, избалованный, самолюбивый, упрямый, типъ жалкихъ особенностей, присвоенныхъ аристократамъ коварными умыслами французской словесности прошедшаго вѣка.

Главное лицо драмы—Фигаро. Въ немъ выражается ужъ не типъ, а цѣлая порочная сторона человѣчества. То низкопоклонный, то дерзкій по разсчету, вертлявый, остроумный, продажный, безъ совѣсти, безъ убѣжденій, онъ ищетъ только минутной выгоды и всѣхъ готовъ принести себѣ въ жертву, начиная съ отца своего Бартоло.

Бартоло олицетворяетъ скаредный эгоизмъ, въ самомъ отвратительномъ безобразіи; ему все ни почемъ—и молодость, и красота, и чувство. Выше, дальше себя, онъ ничего не видитъ и понять не можетъ.

Наконецъ Донъ-Базиліо — отъявленный мерзавецъ, готовый на всякую подлость, подготовляющій изподтишка нравственное убійство, трусъ, взяточникъ, признанный представитель и защитникъ клеветы.

Такимъ образомъ въ веселой насмѣшкѣ выражены самыя печальныя свойства человѣческой природы: малодушіе, легкомысліе, безнравственность, эгоизмъ и подлость. Отъ этой яркой картины всѣхъ видовъ себялюбія раждается тягостное, разочаровывающее впечатлѣніе.

Но каждое слово такъ весело, что забываешь негодовать, такъ ядовито-мѣтко, что оно невольно остается въ памяти.

Трудная была задача музыканту передать въ звукахъ не драматически-разсчитанные эффекты, а блестки ожесточеннаго противъ жизни остроумія. Передать чувства музыкою могутъ многіе, но

передать умъ могъ едва-ли не одинъ Россини. Онъ такъ геніяльно освоился съ своимъ предметомъ, что иногда недоумѣваешь, не Россини-ли писалъ слова, не Бомарше-ли писалъ музыку. Вся партія Розины испещрена украшеніями: они, какъ бантики ея долго-обдуманнаго розоваго платья, такъ и опредѣляютъ граціозную ничтожность молодой красавицы. Въ цѣлой роли нѣтъ ни одного звука, забѣгающаго въ сердце. Она блеститъ и сверкаетъ, какъ молодость, какъ жизнь, какъ любовь, которая хотя и не глубокая и не надежная, а все-таки любовь. Впечатлѣніе отъ нея пріятное, минутное, но оно не оставляетъ въ душѣ слѣдовъ, хотя и миритъ нѣсколько съ остальными подробностями піэсы.

Партія Альмавивы начинается прелестной мелодіей, преисполненной чувственнымъ очарованіемъ теплой испанской ночи. Далѣе въ дуэтѣ уже обрисовывается размашистая небрежность молодаго вельможи и Фигаро ей поддакиваетъ насмѣшливо-подобострастной скороговоркой. Самый характеръ цырюльника, порывистая и язвительная его веселость съ истиннымъ вдохновеніемъ переданы въ его выходной аріи. — Всѣ они вѣрны сами себѣ. Партія Бартоло, какъ нелѣпѣйшаго изъ дѣйствующихъ лицъ, доходитъ до каррикатурности. За то исповѣдь Донъ-Базилю проникнута мрачнымъ драматизмомъ, потрясающимъ какъ преступленіе. Такъ выдержана вся піэса до конца и вдругъ она кончается водевильнымъ припѣвомъ, гдѣ ви-

сатель и музыкантъ, пошутивъ надо всѣмъ, шутить кажется уже надъ собою, заключая свое созданіе съ явнымъ пренебреженіемъ. Но самое созданіе отличается не полнотою вымысла, а огненнымъ блескомъ частностей. Россини передалъ ихъ въ мотивахъ, которые, не наскучивъ, поются всѣми, тогда какъ рѣчи Бомарше обратились въ пословицы.

Мотивы Россини не изысканны, не вынужденны, а льются сами-собой такъ легко и свободно, что каждому слушателю кажется, что онъ бы самъ ихъ нашелъ. Но въ этой естественности и таится отпечатокъ генія. Говорить языкомъ всѣхъ доступно весьма и весьма немногимъ.

Однако я забываю, что я пишу къ тебѣ и что ты затвердилъ наизусть всю оперу отъ доски до доски. Я помню даже одинъ случай, когда твой добрый знакомый, въ курточкѣ Фигаро, отбилъ у самаго Альмавивы руку прелестной Розины.

Ты скажешь мнѣ, что достоинства и Бомарше Россини тебѣ хорошо извѣстны, но что имъ нужны истолкователи по плечу, что въ драматическомъ дѣлѣ исполненіе занимаетъ такое же мѣсто, какъ мысль писателя, какъ фантазія музыканта.

Тебѣ, наконецъ, какъ критику и знатоку, любопытно провѣдать, какъ именно въ Тифлисѣ исполняется «Севильскій Цирюльникъ». Вотъ чего ты отъ меня ждешь и что я долженъ тебѣ сказать,

какъ ни оттягивалъ я длиннымъ предисловіемъ своего провинціяльнаго признанія.

Во-первыхъ музыка Россини поётся въ Тифлисѣ,—и это уже много значитъ. Тифлисъ столица Кавказа; а при мысли о Кавказѣ, конечно, не итальянская опера придетъ тебѣ на умъ. Однако вотъ 4-й годъ, что на Кавказѣ существуетъ опера, которую можно съ удовольствіемъ видѣть, а иногда даже и слушать.

Два года назадъ пріѣхали къ намъ изъ Венеціи двѣ молодыя дѣвушки. У одной изъ нихъ былъ нерѣшительный сопрано, у другой нерѣшительный контральтъ, — но обѣ были рѣшительно прекрасны собой, что̀ нигдѣ не мѣшаетъ, а на сценѣ составляетъ существенное достоинство. Контральтъ владѣлъ чудными, выразительными глазами и еще болѣе чуднымъ и выразительнымъ голосомъ, нѣсколько слабымъ, но серебристымъ и пріятнымъ до крайности. Голосъ доходилъ до верхняго sol, и отличался необыкновенной природной гибкостью,—самобытной гаммой, какую не часто удается слышать отъ опытныхъ пѣвицъ и той свободой, что̀ дается только пернатымъ пѣвуньямъ да итальянскимъ голосамъ. Робкой красавицѣ не доставало только умѣнія фразировать, строгой школы, увѣренности въ пользованіи своими средствами,—словомъ посвященія во всѣ тайны вокализаціи и театральныхъ подмостковъ. Между тѣмъ она дебютировала и весьма понравилась публикѣ, но болѣе всѣхъ понравилась ка-

пельмейстеру г-ну Шёнингу; въ то же время капельмейстеръ понравился ей более, чѣмъ публика, для которой долго нужно учиться. Искусство ищетъ пустой славы, а любовь ищетъ счастья. Къ тому же въ Тифлисѣ нѣтъ еще любви къ искусству, нѣтъ даже искусства любвь. Нравы наши патріархальные; семейная жизнь замѣняетъ порывы къ выгодной извѣстности. Не знаю, вторая или третья опера кончилась не притворнымъ убійствомъ, а настоящей свадьбой. Въ одно теплое тифлисское утро дѣвица Вазоли объявлена на афишѣ г-жею Шенингъ,—и старый споръ между итальянской и нѣмецкой музыкой благополучно порѣшенъ на Кавказѣ брачнымъ союзомъ.

Но безмятежное довольство домашняго очага едва-ли совмѣстно съ сольфежами, упорными триллерами, съ азбукой и грамматикой науки пѣнья.—Роль Розины исполнила г-жа Шёнингъ,—и исполнила её скорѣе какъ даровитая любительница, чѣмъ какъ самоувѣренная примадонна. Но эта самая робость и нерѣшительность придавала роли новую прелесть, — особую естественность, къ которой мы въ этой партіи не привыкли, такъ какъ на нее покушаются обыкновенно только пѣвицы отважныя, заранѣе отчеканившія каждую ноту. Нѣкоторыя трудныя фіоритуры были переданы г-жею Шёнингъ необыкновенно легко,—но самыя фіоритуры въ особенности fermato изъ andante аріи отзывались нѣсколько германизмомъ, въ чѣмъ надо обвинить уже не ее,

а счатливаго капельмейстера. Голосъ г-жи Шёнингъ все также пріятенъ и серебристъ, но возвысился на двѣ ноты и. отъ этого сталъ можетъ-быть еще немного слабѣе. Объемъ его довольно замѣчательный, достигаетъ верхняго si и do и спускается до густаго mi, слѣдовательно въ 3 октавы безъ 2-хъ нотъ. Въ пѣньѣ замѣтенъ тотъ же недостатокъ ровности и рѣзкаго обрисованія музыкальныхъ фразъ. Объ игрѣ можно сказать, что Розина была дѣйствительно Розиной, не бойкой и черезъ-чуръ одушевленной, а недоумѣвающей, боязливой, какъ должно быть дѣвушкѣ даже въ Севильѣ. За фортепьянами г-жа Шёнингъ спѣла по-русски боллеро соч. Шифа и, вообще, и для слуха и для взора впечатлѣніе было самое пріятное.

Роль Альмавивы исполнилъ — какъ-бы это тебѣ сказать, а выговорить нелегко — хористъ здѣшней труппы. Въ Тифлисѣ было два тенора. Одинъ изъ нихъ скитается по Россіи, другой успокоился на-вѣки. По необходимости нужно было обратиться къ тенору подставному, — изъ собственныхъ средствъ, изъ домашняго обихода. Къ немалому удивленію публики, на сцену явился молодой человѣкъ съ пріятнымъ голосомъ и съ хорошими музыкальными познаніями. О методѣ и игрѣ, разумѣется, и помина быть не можетъ. Но самъ Рубини началъ тѣмъ, что былъ хористомъ и даже участвовалъ въ балетахъ, какъ я самъ отъ него слышалъ, когда труппа, съ ко-

торой онъ странствовалъ, была освистана и онъ принужденъ былъ пойдти да поплясать. Для г-на Сабателли этотъ анекдотъ можетъ послужить поощреніемъ. Жаль только, что дебютантъ начинаетъ съ конца, съ самой трудной роли, когда-либо написанной для пѣнія и игры артиста. Можно сказать, что онъ пѣлъ добросовѣстно и что его слѣдуетъ благодарить не столько за наслажденіе, сколько за одолженіе, потому что безъ него и оперы нельзя бы было представить Въ финалѣ онъ былъ особенно слабъ и намазалъ лицо такой кирпичной краской, и такъ шатался, что настоящій графъ Альмавива скорѣе бы отказался отъ руки Розины, чѣмъ прибѣгнуть къ подобнымъ средствамъ.

Роль Фигаро игралъ первый артистъ здѣшней труппы, г-нъ Рамони. Наружность его прекрасная ростъ высокій, слишкомъ даже высокій для цирюльника, который долженъ быть развязенъ, ловокъ и суетливъ. Г-нъ Рамони можетъ пѣть вездѣ такія партіи, какъ Гернани, Риголето и т. п. Высокій его баритонъ звучный до mi и доходящій до sol dièze; благородные его пріемы, артистическое его одушевленіе въ особенности эффектны въ музыкальныхъ драмахъ; но для настоящей роли голосъ его не имѣетъ довольно гибкости, и тѣлодвиженія довольно подвижности. Впрочемъ онъ ничего и никогда не испортитъ. Г-нъ Вилла, представлявшій Бартоло—старый комикъ caricato, предпочитающій громкій смѣхъ райка

эстетической улыбкѣ партера, и хотя не всегда подчиняется строгому вкусу въ выборѣ своихъ старинныхъ фарсовъ, однако оживляетъ сцену. Выходки его въ особенности нравятся тѣмъ любителямъ музыки, которые приходятъ въ восторгъ, когда Бартоло снимаетъ парикъ, или обсыпанный мукою фыркаетъ въ лицо цирюльнику. Впрочемъ г-нъ Вилла артистъ опытный; когда у него былъ голосъ, онъ вѣроятно не прибѣгалъ къ крупнымъ остротамъ, передъ которыми блѣднѣютъ нѣкоторыя остроты современной словесности, возбудившія твое негодованіе.

Партію Донъ-Базиліо отлично пѣлъ г-нъ Викки, сильный и звучный басъ, который въ другихъ операхъ можетъ заслужить иногда нѣкоторое порицаніе за небрежность, но роль Донъ-Базиліо исполнилъ отчетливо и вполнѣ удовлетворительно. Только арію о клеветѣ могъ бы онъ спѣть серьезнѣе и мрачнѣе, такъ какъ она уже выходитъ изъ общаго тона піесы.

Наконецъ надо сказать два слова и о Бертѣ— г-жѣ Лаборне, сыгравшей свою роль съ разумѣніемъ.

Хоры исполнили свою обязанность прекрасно, оркестръ тоже, а будущій разъ исполнитъ еще лучше; первое представленіе бываетъ всегда последней репетиціей «Севильскаго Цирюльника» впрочемъ уже играли въ Тифлисѣ въ прошедшіе года, но теперь опера поставлена за-ново. Речитативы, инструментація, хоры, даже всѣ партіи пересмот-

рѣны и изучены съ новою тщательностію; капельмейстеръ г-нъ Шёнингъ истинно con amore принялся за дѣло, порученное его дѣятельности и близкое его сердцу.

Изъ всего этого составилось, какъ ты видишь цѣлое, довольно-неудовлетворительное для вкуса избалованнаго, но не менѣе того дающее понятіе о созданіи двухъ геніальныхъ талантовъ. Но и гдѣ же, другъ мой Ростиславъ, встрѣчалъ ты совершенство?.. Въ тѣсныхъ предѣлахъ земныхъ условій нѣтъ его, и одно только болѣе или менѣе удачное стремленіе къ нему и въ жизни и въ искусствѣ можетъ отличать немногихъ избранниковъ. Не укоряй же ихъ за ихъ недостатки, не требуй отъ нихъ того, чего они дать тебѣ не могутъ, а напротивъ, будь имъ благодаренъ, хотя и за неровное эстетическое наслажденіе, которое они тебѣ доставляютъ.—А потому и не обвиняй Гоголя въ томъ, что въ многостороннемъ его дарованіи не доставало одной стороны, и что въ его задумчивости выражалось болѣе рѣзкости, чѣмъ мечтательности. Не забудь наконецъ, что искусство со всѣми его идеальными требованіями недосягаемо какъ цѣль, но благотворно какъ средство, какъ свѣтлая вдохновляющая отрада въ тревогахъ утомленной жизни, и что другаго назначенія искусство не имѣетъ.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

НА

КАВКАЗѢ.

ГЛАВА I.

ОТЪѢЗДЪ.

Сельцо Васильевское хорошее сельцо, то чтó называется дворянское имѣніе, сто душъ съ небольшимъ, земли по 7-ми десятинъ на душу, правда лѣса ни бревна, но за то хорошіе выгоны, отличный сѣнокосъ близъ Козьяго овражка, гдѣ шиповникъ и орѣшникъ плотными кустами обозначаютъ русло небольшаго ручья. Тутъ заботливое хозяйство напрасно надѣялось когда-то устроить хотя въ половодье мельницу. Неудавшаяся мельница, съ согнившими тесинами и перекладинами, съ провалившейся крышей, стоитъ печально надъ веселымъ ручейкомъ, который бѣжитъ—себѣ серебрянной струйкой; не а ботясь о помѣщичьихъ разсчетахъ. Между ку-

старииками расхаживають коровы, да изрѣдка промелькиваетъ мальчишка съ длинной хворостиной въ рукахъ, а кругомъ, куда не взглянешь, широкою ровною гладью растилается степь. Созрѣвающая жатва желтыми волнами колышется отъ вѣтра. Среди колосьевъ самоцвѣтными почками дрожатъ и алый макъ и синій василекъ. Кузнечикъ трещитъ тутъ на покоѣ, жаворонокъ вьется, пролетитъ стая дикихъ утокъ. Пройдетъ баба съ полотвы, или дюжій парень съ косой на плечѣ. Подымутъ они голову, вперятъ глаза въ стаю, да и стоятъ—себѣ и смотрятъ на нее съ какимъ-то безотчетнымъ чувствомъ, смотрятъ еще и тогда, когда воздушная крылатая вереница уже давно скрылась изъ вида, а по небу несутся только узорчатою чередою сизыя волокнистыя облака. Посмотрятъ они да еще постоятъ, а потомъ пойдутъ-себѣ каждый за своимъ дѣломъ, баба браниться съ свекровью да готовитъ похлебку, а мужикъ залѣзетъ на полати да и завалится спать, пока десятскій снова не выгонитъ его на работу... Сéльцо не далеко. Изъ-за колючаго плетня торчать угловатыя, почернѣвшія соломенныя крыши приземистыхъ избушекъ. По срединѣ ихъ въ чащѣ березъ и вязовъ передъ дворомъ, на которомъ сушится бѣлье и растянута крашенина, возвышается ветхій, сѣренькій господскій домикъ, съ фасадомъ въ пять оконъ, съ четырьмя деревянными, треснувшими колоннами, съ балконами и мезониномъ. Въ мезонинѣ ставни

заколочены, и по ненадежности жительство въ немъ давно прекратилось. На нижнемъ балконѣ, въ тулупчикѣ на мерлушкахъ, съ трубкой во рту, сидитъ помѣщикъ и слушаетъ докладъ красноносаго приказчика, о томъ, что гречиха цвѣтетъ на славу, а просо маленько подгуляло. Помѣщикъ разсѣянно внимаетъ рѣчи своего повѣреннаго и глядитъ въ даль, гдѣ во всѣ стороны тянется, озаряемая красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца, гладкая, безпредѣльная равнина казанской степи. Но кто же этотъ помѣщикъ, тихо прозябающій среди торжественнаго спокойствія степной природы, среди торжественнаго спокойствія нашего крестьянскаго быта? Не кто иной, добрые мои читатали, какъ Иванъ Васильевичъ.

Я не хочу обидѣть себя грустнымъ предположеніемъ, что вы забыли Ивана Васильевича, того самаго Ивана Васильевича, который изучалъ когда-то Русь, странствуя съ Васильемъ Ивановичемъ въ тарантасѣ. Я даже не хочу думать, что вы не помнили въ какомъ положеніи я оставилъ своихъ героевъ, когда тарантасъ опрокинулся и дальнѣйшая судьба странствователей осталась совершенно покрыта мракомъ неизвѣстности. Напротивъ того, я убѣжденъ, что всѣ читавшіе мою книгу принимають до сего времени живѣйшее участіе въ лицахъ мною представленныхъ и даже вовсе не прочь узнать, какъ они доѣхали до Мордасъ, и какъ они поживаютъ, и женился-ли Иванъ Василье-

вичъ и на комъ именно, сколько взялъ приданаго, вступилъ-ли онъ на поприще гражданской службы, получаетъ-ли награды, и до какого дослужился чина.

Меня самаго, коли сказать правду, мучила немного совѣсть, что я такъ невѣжливо, такъ рѣзко разстался на столбовой дорогѣ, съ столбовыми дворянами, и въ то самое время, когда они летѣли въ оврагъ вверхъ ногами.

Да и къ тому же, грѣха таить нечего, я не могу быть къ нимъ равнодушнымъ, потому что я ихъ встрѣтилъ когда еще былъ молодъ. Мы уже такъ созданы, что всегда припоминаемъ съ удовольствіемъ тѣхъ, съ которыми провели и раздѣлили молодость. Мы сознаемъ ихъ недостатки, осуждаемъ ихъ и бранимъ, а все-таки любимъ. Такъ, напримѣръ, мы укоряемъ вѣтряныхъ красавицъ пошаливших когда-то нашимъ счастіемъ и бросившихъ любовь нашу, какъ прошлогодній нарядъ; мы очень сердимся на прежнихъ добрыхъ товарищей, замѣнившихъ важностью честолюбія теплый размѣнъ, неразсчетливой дружбы. Но мы сохранимъ въ душѣ ихъ образы не такъ-какъ они въ самомъ дѣлѣ, а такъ-какъ они были для насъ, какъ они могли бы, должны бы остаться, и съ этими образами, съ этими воспоминаніями мы никогда; не разстанемся, потому-что съ ними сливается свѣжее, свѣтлое чувство первыхъ радостей и убѣжденій; потому-что въ нихъ отзывается наша молодость и что мы ничего такъ не любимъ, какъ нашу молодость.

По той же причинѣ и сочинитель всегда пристрастенъ къ тѣмъ своимъ произведеніямъ, въ корыхъ выразились и отозвались впечатлѣнія его юности. Онъ сознаетъ ихъ незрѣлость, но именно этой незрѣлостью онъ и дорожитъ. Не сопровождалась-ли она такими прекрасными стремленіями, порывами и вѣрованіями? Не раскрывался-ли тогда такъ ясно передъ нами цѣлый пестрый міръ заманчивой невозможности, полный то упоительныхъ надеждъ, то полуребяческихъ негодованій.

Тогда не разсчетливая, сухая опытность водила перомъ, а неразборчивое чувство само-собою бросалось на бумагу, не сдерживаясь разсудкомъ, не признавая рѣзкихъ предѣловъ, поставляемыхъ искусствомъ и жизнью. Въ тѣ счастливые годы мы не пишемъ,— намъ пишется.

Вотъ почему мы и любимъ написанное въ молодости, то есть, любимъ то, чѣмъ жили, радовались и томились тогда.

Вотъ почему, оглядываясь на свою въ даль уходящую старину, я отыскиваю своего стараго знакомаго Ивана Васильевича и снова хочу заглянуть въ его душу, хочу посмотрѣть что̀ онъ подѣлываетъ и какъ поживаетъ. Но ктò узнаетъ полу-парижскаго франта, когда-то нареженнаго модной картинкой, съ бойкой рѣчью, перемѣшанной итальянскими припѣвами, въ сутуловатомъ брюзгливомъ помѣщикѣ, неодѣтомъ, а покрытомъ канифасными тулупчикомъ на мерлушкахъ?

Кто бы могъ подумать, что и ему придется не хуже Василія Ивановича слушать приказчика, продавать овесъ и горохъ, торговаться съ купцами, и собирать свои доходы по копейкамъ? Тайна такого преобразованія объясняется однако же очень просто. Съ Иваномъ Васильевичемъ, случилось то что̀ и съ вами случилось, прежніе мои читатели, что̀ и со мной случилось, по закону неумолимаго времени.

Иванъ Васильевичъ состарѣлся;
Состарѣвшись онъ успокоился,
Успокоившись онъ смирился.

Объ этомъ можно бы было составить цѣлую книгу, какъ онъ съ каждымъ годомъ привыкалъ къ дѣйствительности, признавалъ ея необходимость и неминуемость. Онъ началъ постигать здравый смыслъ Василія Ивановича, и конечно, могъ бы много заимствовать изъ нехитрой опытности стараго сосѣда.

Но Василія Ивановича давно уже не было на свѣтѣ. Давно уже Василій Ивановичъ обкушался какъ-то гуся съ груздями, прохворалъ недѣли двѣ да и умеръ, какъ умираетъ русскій человѣкъ, просто, смиренно, съ надеждой на будущее, безъ сожалѣнія о прошедшемъ. Странно то, что въ теченіи цѣлой жизни, Василій Ивановичъ съ необыкновеннымъ малодушіемъ боялся смерти, а встрѣтилъ смерть бодро и хладнокровно, какъ будто бы онъ только готовился на новое дальное путешествіе. Умеръ бѣдный Василій Ивановичъ, и

вы его уже не увидите на Руси. Вы его не встрѣтите болѣе, утопающаго въ перинахъ его тарантаса. Его самородный разсудокъ, его необтесанная натура не заставитъ васъ болѣе улыбнуться. Онъ исчезъ вмѣстѣ съ своими недостатками и достоинствами.—Одинъ остался еще Иванъ Васильевичъ но не такой уже, какъ мы его знали.

— Восторженная рѣчь, рѣзкіе разговоры, жажда впечатлѣній охладѣли постепенно подъ успокоительнымъ вліяніемъ деревенской жизни. Да и не мудрено. Когда Иванъ Васильевичъ вернулся въ домъ своего родителя, родитель церемонился не много. Онъ привѣтствовалъ сына своего довольно холодно, взялъ счеты и разсчиталъ на счетахъ всѣ его проказы. Въ итогѣ оказалось, что у нихъ всего имѣнія сто душъ, изъ коихъ половина составляла достояніе Николая Васильевича, старшаго, брата Ивана Васильевича. Николай Васильевичъ, служившій въ Казанскомъ Губернскомъ Правленіи, скончался правда во время первой холеры, но послѣ него осталось двое дѣтей, съ правомъ на цѣлую половину Сельца Васильевскаго съ его угодьями.

— Изъ всего этого возникало грустное заключеніе, что Иванъ Васильевичъ прокутилъ за границей свое прошедшее, настоящее и почти все грядущее. Ему оставалось или идти по міру или оставаться при батюшкѣ, какъ ракъ на мели, помышляя сколько ему угодно о Мюзарѣ и

королевъ Помаре, насвистывая всѣ возможные мотивы изъ всѣхъ возможныхъ оперъ, но не отлучаясь ни на шагъ изъ Васильевскаго, гдѣ впрочемъ ему представлялось заняться хозяйствомъ и кормиться чѣмъ Богъ послалъ. Неумолимая логика стараго помѣщика не ожидала даже отвѣта, да и отвѣчать было нечего.

Иванъ Васильевичъ отправился въ степь и свирѣпымъ отчаяннымъ голосомъ затянулъ каватину, прерываемую страшными проклятіями судьбѣ, надѣлившею его неограниченными желаніями и болѣе чѣмъ ограниченными средствами. Но все-таки дѣлать было нечего. Прошелъ годъ, за нимъ пробѣжали другой и третій. Парижскія платья износились, душевные порывы пріутихли. Иванъ Васильевичъ сталъ понимать, что все то, что есть, должно быть и что не человѣческому мудрованію, измѣнять предначертанія Промысла. Онъ пересталъ изучать Россію и тогда мало-по-малу узналъ ее, не торопливо, не раздражительно, не на словахъ, а на дѣлѣ. Онъ понялъ и святость преданій и значеніе, привычки и величественное спокойствіе, которымъ такъ крѣпка и знаменательна русская жизнь. Конечно этотъ переворотъ въ его понятіяхъ совершился медленно, онъ не могъ отъ всеъмчивой односторонности перейти прямо къ безпристрастію, но ему помогла деревенская жизнь. Иванъ Васильевичъ по-неволѣ началъ свыкаться съ сельскими заботами.

Онъ не хуже любаго сосѣда сталъ подмѣчать чтобъ мужики выѣзжали во время на работу, въ случаѣ драки чинилъ судъ и расправу, ходилъ любоваться къ деревенскимъ сплетнямъ, раскладывалъ гранъ-пасьянсъ старыми картами и свыкся съ халатомъ, сперва щегольскимъ, а потомъ съ протертыми локтями. Впрочемъ онъ не женился и не сдѣлался пьяницей. Послѣднему обстоятельству много содѣйствовала его любовь къ чтенію. Когда представлялся случай добыть книгу онъ принимался за нее съ жадностью, и читалъ, читалъ до того, что весь переносился въ міръ отвлеченный, такъ-что дѣйствительность казалась ему вымысломъ, а вымыслъ дѣйствительностью.

Наши журналы, на толщину которыхъ отпущено было столько остротъ, служили ему душевнымъ убѣжищемъ и точно, для такихъ затворниковъ, какъ онъ, чѣмъ толще книга тѣмъ продолжительнѣе избавленіе отъ ига вседневной скуки. Такимъ образомъ жизнь выразилась для Ивана Васильевича въ трехъ словахъ: хозяиство, чтеніе и лѣнь. И вотъ опять прошло нѣсколько лѣтъ. Тогда отецъ Ивана Васильевича умеръ; урожаи были порядочные. Иванъ Васильевичъ скупилъ у племянниковъ ихъ часть въ имѣніи, и для этого вступилъ въ новые уже дѣльные долги. Для уплаты новыхъ долговъ слѣдовало еще крѣпче привинтится къ домашнему уголку. Долго, лѣтъ десять безъ малаго, уплачивалась племянникамъ ихъ доля по наслѣдству; тогда Иванъ Васильевичъ

узналъ уже вполнѣ крестьянскій бытъ, не думая болѣе изучать его. Но въ то же время Иванъ Васильевичъ посѣдѣлъ, обрюзгъ и началъ страдать головными болями. Ни у одного народа не встрѣчаются такъ часто головныя боли, какъ у насъ. Ихъ бываетъ несмѣтное количество отъ разныхъ обще-человѣческихъ и спеціально-русскихъ причинъ. Бываютъ онѣ отъ угара, отъ бани, отъ мороза, отъ запоя, отъ карточной игры, отъ жирныхъ пироговъ, отъ дурныхъ обѣдовъ, отъ сырости, отъ частыхъ простудъ, отъ праздности, отъ хлопотъ, въ особенности отъ черезъ-чуръ сидячей жизни, отъ небрежности къ поддержанію здоровья, отъ обманутыхъ надеждъ, отъ обиженнаго самолюбія, отъ непріятностей по службѣ.

. . . .

Ивану Васильевичу было 40 лѣтъ, съ небольшимъ, а по здоровью онъ чувствовалъ какъ будто ему 60. Довольно странно, что съ того времени какъ состояніе его поправилось, онъ началъ хворать и хандрить не на шутку. Иногда въ немъ заискривались проблески молодости, — но къ чему думалъ онъ. Вѣка новаго не жить, прежняго не воротить, будущее такъ коротко, да изъ чего наконецъ хлопотать? — Съ каждымъ днемъ здоровье его становилось хуже, расположеніе духа угрюмѣе, да и то правда, что головныя постоянныя страданія хоть на кого тоску нагонятъ.

Въ то время наступила весна, солнце живитель-

ными ласковыми лучами, казалось, хотѣло вознаградить за томительную зиму.

Природа молодѣла. Все ликовало на деревнѣ, и свѣжая зелень на серебристыхъ березахъ и бархатные изумрудные ковры озимовыхъ всходовъ и сверкающія полныя рѣки, и веселыя лица поселянъ. Душу обхватывало то безимянное весеннее чувство, отъ котораго человѣку такъ свободно и легко, что ему кажется, что онъ обновляется и воскресаетъ на новую жизнь. Одинъ Василій Васильевичъ не раздѣлялъ общей радости. На душѣ его было пусто, онъ похудѣлъ, утомился жить, и собирался доживать съ апатической покорностью, свойственной русскому народу. Онъ не хотѣлъ ни жить, ни умирать. Ему было все равно, объ этомъ онъ объяснился случайно съ своимъ пріятелемъ уѣзднымъ докторомъ, заѣхавшимъ къ нему по слѣдствію о найденномъ по близости мертвомъ тѣлѣ. Докторъ былъ хорошій человѣкъ, что у насъ въ провинціи случается довольно часто, но что случается гораздо рѣже — онъ былъ хорошій докторъ.

— Ваша болѣзнь, сказалъ онъ, покачавъ головою, ничто иное, какъ скука и сидячая жизнь. Но вы этою болѣзнью не шутите. У насъ отъ нея многіе умираютъ. Если вы меня спрашиваете для совѣта, а не для разговора, я вамъ вотъ что скажу, вамъ непремѣнно надо разшевелиться, отряхнуться, пожалуй, даже пить воды, но главное вамъ надо путешествовать. . . . .

— Путешествовать? съ ужасомъ воскликнулъ Иванъ Васильевичъ, куда же я поѣду?

— Куда, разумѣется, за границу....

Иванъ Васильевичъ призадумался. — Нѣтъ, сказалъ онъ, за границу я не поѣду... Чтò я тамъ буду дѣлать? Наряжаться опять модникомъ мнѣ уже не по лѣтамъ. Крикуномъ быть тоже не хочу. Мы видимъ куда ведетъ это краснорѣчіе. Для ученья я излѣчился, для жизни роскошной и праздной, я не довольно богатъ. Нѣтъ я не поѣду за границу.

— Ну такъ путешествуйте по Россіи.

Иванъ Васильевичъ невольно улыбнулся. Какое то далекое и грустное воспоминанье отразилось въ его улыбкѣ.

—Въ Россіи, возразилъ онъ, не путешествуютъ а ѣздятъ, какъ говорилъ одинъ мой добрый знакомый, ѣздятъ по службѣ и по собственной надобности.

— Поѣзжайте въ Сибирь, край любопытный.

—Конечно, любопытный, да тамъ я слышалъ, холодно и пусто.

— Ну такъ, поѣзжайте на Кавказъ!

Иванъ Васильевичъ вытаращилъ глаза.—Чтó вы говорите на Кавказъ.

— А почему жъ нѣтъ? Кавказъ теперь та же Россія, только не съ гладкой, а съ взъерошенной поверхностью.

—Помилуйте, да тамъ страшныя горы.

—Горы будутъ лучшимъ рецептомъ для вашей болѣзни.

— А Горцы ?

— Горцы—жители горъ.

— А война ?

—Посмотрите пожалуй на войну, коли есть охота, а нѣтъ охоты, такъ вы объ ней и не услышите.

— Куда же мнѣ ѣхать ?

— Ступайте прежде всего на кавказскія воды. У васъ завалъ въ печени, для котораго они цѣлительны. Вставайте пораньше, ходите побольше, ѣздите верхомъ, возьмите съ собой англинское сѣдло, если не привыкли къ казачьему, я вамъ прописываю верстъ по 20 въ день и повѣрьте вы опять будете здоровы и объ вашихъ головныхъ боляхъ помина не будетъ.

—Вы были на Кавказѣ? Спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Нѣтъ, а въ нашемъ уѣздномъ городѣ есть аптекарь. Онъ жилъ три года въ Грузіи. Я васъ сведу, если хотите.

Послѣдствіемъ этого разговора было то, что Иванъ Васильевичъ отправился въ уѣздный городъ, познакомился съ аптекаремъ и наслышался такихъ чудесъ, что воображеніе его столько лѣтъ дремавшее, снова оживилось и заговорило едва-ли не по-старому. Онъ рѣшился воспользоваться совѣтомъ уѣзднаго врача и началъ готовиться на длинный путь изъ Васильевска въ Петербургъ. Приготовленія про-

должалось не менѣе двухъ недѣль. Помышляя заранѣе о предстоящихъ ему опасностяхъ, Иванъ Васильевичъ не безъ удовольствія замѣтилъ въ себѣ нѣкоторыя воинственныя наклонности. Прежде всего онъ позаботился о вооруженіи, привелъ въ порядокъ заржавленное двухствольное ружье, запасся пистолетами, выбралъ для сопутствованія двухъ парней, поплечистѣе и снабдилъ ихъ огромными ножами. Затѣмъ онъ началъ снаряжать тарантасъ свой, какъ снаряжаютъ корабль для плаванія вокругъ свѣта. Конечно, этотъ тарантасъ не принялъ того живописно-безпорядочнаго вида, изображеннаго нѣкогда такъ бойко остроумнымъ карандашемъ художника, — но все-таки своей обдуманною вмѣстительностью онъ могъ обратить на себя вниманіе знатока. Иванъ Васильевичъ забылъ только книгу для путевыхъ впечатлѣній, почитая ее вовсе не нужною; но за то складная кровать, погребецъ, самоваръ, ящики для провизіи, для платья, фонари, кухонная посуда, всѣ возможныя снадобья для дороги, распредѣлились по уголкамъ, размѣстились акуратно подъ ноги, подъ сидѣнье, на запяткахъ, подъ козлы, подъ фартухомъ, вездѣ, гдѣ только можно было воспользоваться малѣйшимъ пространствомъ.

Въ одно прекрасное іюнское утро, тарантасъ, запряженной господской тройкой, подъѣхалъ къ крыльцу въ-виду сбѣжавшагося населенія. Иванъ Васильевичъ отслужилъ сперва молебенъ, потомъ

посидѣлъ немного, потомъ началъ цѣловаться съ приказчикомъ, съ старостой, съ нарядчикомъ и со всѣми православными бородками, рыжими и сѣдыми, клиномъ и заступомъ; потомъ Иванъ Васильевичъ сѣлъ въ тарантасъ. Вооруженные Ванька камердинеръ и Тришка поваръ усѣлись, — первый на козлахъ, второй на заднемъ чемоданѣ, чтобъ охранять барское добро отъ воровскихъ покушеній. Затѣмъ Иванъ Васильевичъ перекрестился. Православный народъ тоже сотворилъ крестное знаменье и въ общемъ говорѣ пожелалъ счастливаго пути.

Тарантасъ тронулся.

ГЛАВА II.

Дорога Ивана Васильевича лежала черезъ Симбирскъ, Саратовъ, и Донскую землю. — Путнику предстояло изучать степь во всѣхъ ея видахъ; степь хлѣбную, русскую, степь табачную нѣмецкую, съ бритыми колонистами, въ синихъ куртхахъ, степь воинственную съ перетянутыми въ обхватъ Донцами. Картина утомительнаго однообразнаго величія степной природы была давно и слишкомъ извѣстна Ивану Васильевичу. Съ свойственной ему въ этомъ дѣлѣ опытностью онъ не глядѣлъ на стороны, онъ спрашивалъ только ямщиковъ: А что̀ братецъ, я чаю, зимою здѣсь иной разъ не дай Богъ? Ямщики хладнокровно оборачивались, потряхивали головой и отвѣчали: не дай Богъ, ваше благородіе.—Къ этимъ словамъ одинъ прибавилъ: сдѣлается фуга, такъ бѣда просто . . . . Другой отвѣчалъ: станетъ пыль такъ упаси Господь.

Третій сказалъ: подымается вьюга, такъ ложись да умирай. — Четвертый отозвался: всего хуже коли буранъ, хуже быть не можетъ. Иванъ Васильевичъ заключилъ основательно, что фуга, вьюга, буранъ и пыль выражаютъ, смотря по мѣстности, одно и тоже понятіе, а именно: страшную степную метель, которая подъ часъ обхватываетъ оплошнаго путника бѣлымъ сыпучимъ саваномъ. Пятый ямщикъ присовокупилъ: погода еще не такъ, ваше благородіе, — а вотъ подлинно наказаніе, какъ понадѣлаются зажоры... А въ балочкахъ, ваше благородіе. При этомъ случаѣ путникъ узналъ, что балками называются небольшіе овраги, куда весною стекаютъ снѣжныя воды. — Воды эти замерзаютъ отъ весеннихъ морозовъ, но не выдерживаютъ тяжести дорожныхъ экипажей. Хрупкій ледъ подламывается, колеса, окруженныя льдомъ, погружаются въ воду, а лошади фыркаютъ и безуспѣшно рвутся во всѣ стороны, не подвигаясь съ мѣста. Эти ледяныя лужи и называются зажорами; противъ нихъ необходимо запастись топоромъ, которымъ вырубается во льду колея. Иначе можно просидѣть въ балочкѣ до оттепели. Кромѣ заморъ путникамъ предлагаютъ много развлеченій снѣжные сугробы. Степной вѣтеръ, гуляя и распоряжаясь на просторѣ, сметаетъ въ огромныя кучи цѣлыя груды снѣга, обнажая совершенно въ другихъ мѣстахъ шероховатую почву, черную съ просѣдью.

Изъ этого возникаетъ то, что по землѣ нельзя ѣхать въ саняхъ, по снѣгу нельзя ѣхать на колесахъ. Когда же снѣжная гора улеглась посреди дороги, путникъ, попавшій въ эти горизонтальные степные завалы, долженъ снова прибѣгать къ искуственнымъ мѣрамъ; но тутъ топоръ уже не помогаетъ, тутъ необходима лопата.

«Пріятное должно быть путешествіе», думалъ про себя Иванъ Васильевичъ. На одной станціи ему разсказали слѣдующій случай: Одна молодая помѣщица поѣхала однажды на масляницѣ изъ своей степной деревни къ сосѣдамъ на блины, за 17 верстъ; ѣхала она въ хорошой, крытой кибиткѣ, съ двумя маленькими дочерьми и двумя слугами. Погода стояла хорошая. Веселенькій морозъ пощипывалъ раскраснѣвшія лица.

Дорога вилась, какъ неподвижная струя въ скованномъ океанѣ, по бѣлой необозримой равнинѣ.— Кучеръ постегивалъ тройку. Было и холодно и пріятно. Зима такъ зима. — Вдругъ рванулъ вѣтеръ, — снѣгъ повалилъ хлопьями, бѣлое небо слилось съ бѣлой землей; снѣжные столбы начали вздыматься, качаться и кружиться по воздуху. Дорогу мигомъ занесло . . . лошади дрожали и едва могли идти противъ бури . . . Кучеръ, не видя слѣда, сбился съ пути и поѣхалъ какъ говорится цѣликомъ. Скоро было нужно остановиться и поворотить кибитку по направленію вѣтра. Больше дѣлать и ничего не оставалось. Кучеръ пошелъ отыскивать дорогу или по-

мощи, и пропалъ; за нимъ отправился сперва одинъ слуга, потомъ другой, и оба тоже исчезли безъ вѣсти. Молодая женщина осталась одна съ маленькими дѣтьми. Дѣти сперва плакали, потомъ заснули и стали бредить, потомъ на нихъ показался холодный предсмертный потъ, и они постепенно начали коченѣть; бѣдная мать сняла съ себя шубу, шаль, все что на ней было, чтобъ только прикрыть дѣтей своихъ, согрѣвая ихъ въ объятіяхъ, удерживая въ нихъ жизнь слезами, поцѣлуями и молитвами. Такое положеніе продолжалось 43 часа. Черезъ 43 часа отрыли ихъ только изъ подъ шатра, нагромоздившагося надъ ними снѣга. Къ счастью материнское самоотверженіе вознаградилось вполнѣ. Дѣти остались живы.

Изъ этого разсказа Иванъ Васильевичъ вывелъ то нравоученіе: во-первыхъ, что весьма благодѣтельнымъ открытіемъ было бы изобрѣтеніе предохранительныхъ мѣръ отъ подобныхъ крушеній на сушѣ; во-вторыхъ, что на Кавказъ надо ѣхать не иначе, какъ лѣтомъ. Послѣ онъ узналъ, что еще лучше ѣхать осенью, во избѣжаніе лихорадокъ и жаровъ, и потому-что кавказская осень равняется русскому лѣту. Самъ же Иванъ Васильевичъ поступилъ съ должной осторожностью, и если скучалъ отъ знакомой ему степи, то не подвергался степнымъ опастностямъ.

Ѣхалъ онъ тихо, съ разстановкой, и вотъ онъ уже проѣхалъ почти всю Донскую Землю.— Онъ

уже перебывалъ почти во всѣхъ станціонныхъ домикахъ, прекрасно и удобно построенныхъ на одинъ образецъ. Зная, что на этихъ станціяхъ кромѣ, лакированныхъ лавокъ, онъ ничего не найдетъ, онъ везъ съ собой полные запасы зажаренныхъ *живностей*, цѣлый погребъ различныхъ напитковъ, такъ-что голодная смерть ему нигдѣ не угрожала. Онъ пожалѣлъ только, что не захватилъ съ собою дровъ, по невѣдѣнію, что донскія станціи и станицы отапливаются, отъ совершенной безлѣсности края, соломой съ навозомъ, что̀ вмѣсто тепла производитъ только дымъ и страшную вонь. За то о Новочеркасскѣ осталось въ немъ самое пріятное воспоминаніе. Предъ нимъ вдругъ открылся цѣлый, новый, воинственный міръ, гдѣ каждый родится воиномъ, живетъ воиномъ и умираетъ воиномъ. Онъ не могъ налюбоваться этимъ прославленнымъ казачествомъ, подчиненнымъ привычкой и чувствами дисциплинѣ, и проявляющимся всегда такъ своебытно, откровенно и молодецки во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. И можетъ-ли быть иначе въ краѣ, который весь поголовно на службѣ; который выплачиваетъ подать свою не деньгами, а трудомъ и кровью. Въ самомъ жизненномъ основаніи Дона, отзывается что̀-то благородно-удалое, и потому не мудрено, что Иванъ Васильевичъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, видя что въ Новочеркасскѣ дѣти всѣ уже въ мундирахъ, дряхлые усастые старики все-таки еще въ мундирахъ. Всѣ слу-

жать пока живутъ Жизнь и служба одно и то же. Бо́льшая дѣятельность на служебномъ поприщѣ обозначается только эполетами. Два или три попавшіе въ Новочеркаскъ, черные фраки непріятно подѣйствовали на Ивана Васильевича. Ему показалось, что они совершенно лишніе, что ихъ не надо. Они выражаютъ просвѣщеніе запада,—а какого еще искать просвѣщенія запада когда цѣлая земля живетъ чувствомъ долга? Просвѣщеніе, и притомъ истинное просвѣщеніе, лучшему не научитъ. Въ особенности поразило Ивана Васильевича то, что при веселой откровенности, при рѣзкой и бойкой рѣчи, при свободной ловкости донскаго племени, живетъ въ немъ такое глубокое чувство преданности къ его родинѣ, къ коренньымъ началамъ его существованія, то есть, самопожертвованію и повиновенію. Таковая преданность проявляется вездѣ и повсюду, въ почтеніи къ старикамъ, въ строгой субординаціи, въ благоговѣніи къ войсковымъ регаліямъ.

Трогательно видѣть, съ какимъ пышнымъ почетомъ сохраняются въ Новочеркаскѣ свидѣтельства народныхъ заслугъ, и какъ во время крестныхъ ходовъ, они выносятся въ числѣ святынь на радость казакамъ заслуженнымъ, на поученіе молодымъ казакамъ. Иванъ Васильевичъ понялъ почему донской народъ называется донскимъ войскомъ. Онъ понялъ тоже, что съ такимъ войскомъ, съ такой живой гранью, съ такимъ оплотомъ ни близость Кавказа, ни ополченія всего

востока со всѣми его союзниками , никогда не могутъ быть опасны для спокойствія Россіи.

Изъ Новочеркаска Иванъ Васильевичъ отправился въ Аксайскую богатую Станицу, гдѣ переѣхалъ, черезъ тихій Донъ За тѣмъ, по маршруту въ 145 верстъ , отъ Новочеркаска уже начинается Кавказъ . . Тутъ Иванъ Васильевичъ зарядилъ ружье и пистолеты, осмотрѣлъ рѣшимость и кинжалы своихъ сподвижниковъ, и началъ готовиться къ мужественнымъ подвигамъ, и отчаянному сопротивленію. Ему такъ и казалось, что вотъ сей часъ пойдутъ утесы, и пропасти, и что изъ-за всѣхъ угловъ будутъ выглядывать звѣрскія лица горцевъ съ винтовками. Вообще незнающимъ еще Кавказа, при мысли о немъ, тотчасъ является страшная картина ущелій, скалъ и водопадовъ, между которыхъ скачутъ разбойники и лежитъ подъ деревомъ кавказскій плѣнникъ.—Пріѣзжая на Кавказъ, путникъ только узнаетъ, что настоящій Кавказъ еще далеко. Первая минута, минута разочарованія и досады за свою безопасность. Иванъ Васильевичъ ждалъ и требовалъ горъ, а передъ нимъ тянулась знакомая, надоѣвшая степь; и вотъ уже мостъ, отдѣляющій Ставропольскую Губернію, отъ Земли Войска Донскаго. Вотъ столбъ, означающій на Средне-Егорлыкской Станціи границу. Иванъ Васильевичъ на Кавказѣ.

Иванъ Васильевичъ пріосанился, собрался съ духомъ и началъ оглядываться. Но куда онъ ни

оглядывался, передъ нимъ расчилалась все прежняя картина: Все та же степь . . . безлесная и безжалостная. Кое-где выказывались редкія деревеньки, и не воинственныя,—а просто переселенныя, мужички. Вотъ миновали 3, 4 станціи и все продолжается по-старому . . . Все те же ямщики, те же старосты, и те же смотрители. Только смотрители въ однобортныхъ сюртукахъ. Однобортнымъ сертукомъ возвещается Кавказъ. Даже на одной станціи лошадей не было.—«Эге, подумалъ Иванъ Васильевичъ, да это по-нашему, для это и не стоило и ехать такъ далеко».

На станціи Иванъ Васильевичъ провелъ тревожную ночь, сражаясь не съ Черкесами а съ насекомыми. Къ утру онъ поехалъ далее, и, проехавъ 190 верстъ пустынной степью, именуемой Кавказомъ, торжественно прибылъ въ столицу прежней Кавказской Области, въ губернскій городъ Ставрополь. Не мало было удивленіе его, когда онъ увиделъ, городъ, похожій на все губернскіе города второй руки. Единственная большая улица, бульваръ, заборы, слободка, выглядывающая въ поле, присутственныя места, чиновники на всехъ перекресткахъ и во всехъ окнахъ, вывески присутственныхъ местъ, гостинница съ плохими нумерами, общій губернскій видъ; но только безъ дворянства, придающаго ему жизнь. Все это странно озадачило искателя кавказскихъ впечатленій. Онъ уже началъ

думать, что Кавказа нѣтъ вовсе, что его выдумали охотники похвастать; тщетно увѣряли Ивана Васильевича, что изъ Ставрополя уже видны оконечности исполинскаго хребта. Онъ приподнимался на цыпочки, таращилъ глаза, но все, кромѣ степи кругомъ, кромѣ облаковъ на небѣ, ничего не видалъ. Онъ только тогда началъ понимать, что онъ не въ степной великорусской губерніи, когда передъ нимъ мелькнули по бульвару офицеры въ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ съ шашками на перевесъ. Въ уличномъ движеніи изобличалось, что-то воинственное; но не то воинственное спокойствіе, которымъ онъ любовался на Дону, а нѣчто озабоченное, походное, отзывающееся сосѣдствомъ близкаго но невидимаго непріятеля. По бульвару даже прошли нѣсколько человѣкъ горцевъ, вооруженныхъ кинжалами, пистолетами, шашками, въ черкескахъ, въ буркахъ, въ папахахъ. Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ этотъ нарядъ и по картинкамъ и вообще потому-что къ нему пристрастенъ русскій помѣщикъ. Онъ поспѣшно подошелъ къ суровымъ дѣтямъ горной природы, чтобъ поглядѣть поближе на ихъ азіатскую красоту, и, къ величайшему изумленію своему, услыхалъ, какъ одинъ горецъ обратился къ товарищу съ вопросомъ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— А Степка гдѣ?

Другой горецъ отвѣчалъ равнодушно. — А лѣшій его знаетъ . . .

— Такъ вы не горцы! невольно воскликнулъ Иванъ Васильевичъ.

Казаки остановились, думая, что чиновникъ ихъ спрашиваетъ, не Горскаго-ли они Линейнаго Казачьяго Полка. Урядникъ, который шелъ впереди, вытянулся.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, мы съ Сунжи, а вотъ эти Владикавказскіе.

Тутъ Иванъ Васильевичъ замѣтилъ, что почти на всѣхъ горцахъ были георгіевскіе кресты, что урядникъ, отличающійся отъ товарищей галуномъ на шапкѣ, несъ на рукахъ запечатанный казенный пакетъ съ №, крупно выставленнымъ подъ адресомъ. Ивану Васильевичу стало совѣстно показаться передъ ними совершеннымъ новичкомъ. Онъ принялъ нѣсколько важный тонъ и спросилъ почти повелительно.

— Куда это вы?

Урядникъ еще болѣе вытянулся, думая, что передъ нимъ стоитъ по-крайней мѣрѣ неизвѣстный ему вице-губернаторъ.

— Съ приказаньями, ваше превосходительство, въ Георгіевскъ.

Другой казакъ прибавилъ съ сильнымъ малороссійскимъ выговоромъ.

— Станетой бѣгитъ, ваше благородіе.

— А! произнесъ Иванъ Васильевичъ:—Эстафетой, такъ они съ тобой вмѣстѣ для безопасности.

— Никакъ нѣтъ я одинъ бѣгу. Они меня провожаютъ только до коня. Мы конвойные, ваше превосходительство.

— А, такъ вы конвойные, вымолвилъ протяжно Иванъ Васильевичъ. Я такъ и вижу, что вы конвойные.— Иванъ Васильевичъ сказалъ впрочемъ это для важности. Онъ не зналъ вовсе о томъ, что на плоскости, примыкающей къ горамъ, поселены линіями станицы казаковъ; еще менѣе зналъ онъ, что изъ этихъ казаковъ составляются небольшія конвойныя команды при главныхъ военныхъ начальникахъ . . Затѣмъ казаки поглядѣли на Ивана Васильевича, Иванъ Васильевичъ поглядѣлъ на казаковъ, и потомъ ласково простился съ ними, сказавъ:—«Счастливо оставаться.»—Такъ-что казаки уже не знали, что отвѣчать и повернули дружно налѣво кругомъ, послѣ чего они пошли-себѣ пріосанясь, твердой, увѣренной и вольной поступью, свойственной кавказцамъ. Иванъ Васильевичъ долго глядѣлъ имъ во слѣдъ и разсуждая, что въ Ставрополѣ дѣлать ему нечего, влѣзъ снова въ свой тарантасъ и продолжалъ свое слѣдованіе.

За Ставрополемъ, гдѣ на пригоркахъ зеленѣли по-крайней-мѣрѣ кое-какіе сады, снова потянулась на всѣ стороны широкая, пустынная, безлѣсная степь. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, Иванъ Васильевичъ увидалъ близъ дороги четыре бревна, стоймя поддерживающія небольшую караульню подъ навѣсомъ, и съ приставленной къ ней лѣст-

ницей. Странное зданіе, похожее на избушку на курьихъ ножкахъ, рѣзко отдѣлялось на степи, терявшейся въ дальнемъ сизомъ туманѣ....

— Это что за штука? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Вышка, ваше благородіе, отвѣчалъ ямщикъ,

— А на что она?

— На случай опасности. Казаки стерегутъ.

— Да отъ чего казаковъ нѣтъ?

— Стало быть ненадыть. Прежде стерегли.. Дальше, чай будутъ.—Дѣйствительно, въ семи верстахъ, разстоянія одна отъ другой, показались другія вышки, иныя уединенно-торчащія въ степи, другія съ избой и огороженныя тыномъ. Въ каждой караулкѣ стоялъ, опираясь на ружье, казакъ въ буркѣ и папахѣ. У лѣстницы были привязаны двѣ или три осѣдланныя лошади, да нѣсколько казаковъ смотрѣли съ любопытствомъ на проѣзжающаго. Картина такъ и просилась подъ кисть или карандашъ живописца.. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Георгіевску, тѣмъ предосторожности становятся замѣтнѣе.—Станціи учреждены въ станицахъ. Станицы окружены рвомъ и палисадникомъ. Для въѣзда устроены ворота, а надъ воротами караульщики день и ночь стоятъ на часахъ. Между тѣмъ гладкая равнина, какъ кажется, не допускаетъ возможности набѣга. Убѣжденный, что степь ему не измѣнитъ, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ ѣхать

ночью, тѣмъ болѣе, что днемъ погода стояла знойная, а ночи были мѣсячныя.

Пріѣхавъ на одну станцію, когда уже вечерѣло, онъ громко кликнулъ: лошадей! тѣмъ начальническимъ тономъ, къ которому охотно прибѣгаютъ путники, чтобъ придать себѣ болѣе вѣса въ глазахъ смотрителей и ямщиковъ. На этотъ разъ извѣстная уловка не произвела ожидаемаго эффекта.

Смотритель вышелъ на крыльцо и спросилъ равнодушно:

— Курьеръ что-ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ямщикъ, проѣзжающій.

— А что, листъ есть, такъ послать къ приказному.

— Листа, кажись, нѣту, отвѣчалъ ямщикъ.

Дѣйствительно, у Ивана Васильевича не было конвойнаго листа отъ мѣстнаго военнаго начальства, безъ чего онъ не могъ получить казаковъ для охраненія въ ночной переѣздъ на пути до Екатеринограда.

— Извольте здѣсь ночевать, сказалъ смотритель.

— А что, спросилъ Иванъ Васильевичъ; развѣ лошадей нѣтъ?

— Лошади есть, а пущать не велѣно.

— Да отъ чего же?

— По военнымъ обстоятельствамъ края, для опасности отъ горскихъ хищниковъ.

— Какихъ тутъ горскихъ хищниковъ? возразилъ Иванъ Васильевичъ. Тутъ и горъ-то вовсе нѣтъ. Земля какъ ладонь, какіе же тутъ горцы?

— Не могу знать-съ. На это воля начальства. Строгое есть подтвержденіе. Далѣе и курьеровъ не пущаютъ ночью.

— А развѣ бываютъ нападенія?

— Нѣтъ-съ не бываютъ . . Какія тутъ нападенія. Развѣ такъ, иногда, шалости. Иногда и мирные вѣдь шляются по ночамъ. Ночью кто ихъ разберетъ. Вотъ недалече адъютанта да майоршу взяли,—да ужъ давно; а впрочемъ эти азіятцы ужъ такой народъ. Имъ человѣка убить, какъ нашему брату, съ позволенія сказать, рюмку водки выпить.

Послѣднее замѣчаніе охладило нѣсколько желаніе Ивана Васильевича искать ночныхъ приключеній.

Онъ вошелъ на станцію.

ГЛАВА III.

Кавказская станція, за исключеніемъ ея военной обстановки, похожа на русскую станцію. Въ ней тоже видна общая заботливость почтоваго начальства и частное равнодушіе содержателя къ удобствамъ или прихотямъ проѣзжающаго. Вы въ комнатахъ найдете диваны по положенію; но диваны изорваны и никому не пришло въ голову замѣнить ихъ лохмотья.

На стѣнахъ развѣшены и приклеены разныя правила, относительно гоньбы лошадей и платы прогоновъ. Между этими мирными постановленіями иногда попадаются вовсе, непривычныя на Руси, мѣстныя предписанія уѣздныхъ начальниковъ, о предосторожностяхъ по случаю, показавшейся партіи абрековъ , или строжайшія подтвержденія не отпускать вечеромъ проѣзжающихъ. Лучшій уголокъ станціоннаго дома несомнѣнно отдѣленіе, гдѣ проживаетъ самъ смотритель, который, по общему человѣческому чувству себялюбія, заботится болѣе о себѣ, чѣмъ о своихъ минутныхъ

гостяхъ, но тутъ вы не найдете обыкновеннаго смотрительскаго щегольства, ни фарфоровыхъ чашекъ, ни банокъ съ помадою, ни бисерныхъ кошельковъ, расположенныхъ на комодѣ. Тутъ непремѣнно близъ кровати, по стѣнѣ, натянутъ персидскій коврикъ. На коврикѣ висятъ пистолеты, шашки, кинжалы, винтовка,—весь кавказскій арсеналъ Пистолеты заряжены. Шашка отточена, все на-готовѣ, про случай. Въ русскихъ губерніяхъ смотритель мѣтитъ въ чиновники, на Кавказѣ онъ норовитъ въ военные люди! Его не озадачатъ ни тревога, ни перестрѣлка. Онъ самъ, при надобности, заломитъ на—бокъ папаху, набросить бурку на лѣвое плечо, да стиснувъ ногами, кабардинскаго коня, понесется джигитомъ на азіятцевъ. Отъ этого кавказскій смотритель всегда въ усахъ, по-домашнему ходитъ въ черкескѣ, въ движеніяхъ ловокъ, не суетится, не кланяется и не грубитъ. Онъ вообще человѣкъ серьезный, какъ всѣ люди привыкшіе къ опасностямъ. Станція на которую вошелъ Иванъ Васильевичъ, раздѣлялась, по обыкновенію, на двѣ комнаты. Первую занимало семейство какого-то провіантскаго чиновника, во второй сидѣли около самовара два офицера, пили медленно чай и курили трубки, выпуская отъ времени до времени изъ-подъ усовъ колечками и фонтанами узорчатыя струи дыма. Одинъ изъ нихъ въ маіорскихъ эполетахъ, былъ небольшаго роста съ жиденькими бѣлокурыми волосами, съ цвѣтомъ лица

похожимъ на полинявшій красный сафьянъ. Видно было, что горные морозы и палящіе лучи закавказскаго солнца лѣтъ двадцать закаливали его, впрочемъ весьма некрасивую, наружность. Товарищъ его, въ чинѣ поручика, былъ высокій мужчина, съ огромными черными усами и бакенбардами. Оба сидѣли въ однобортныхъ сюртукахъ, надѣтыхъ сверхъ черныхъ бешметовъ. На первомъ воротникъ былъ красный, на второмъ темный съ красной выпушкой. На обоихъ же чрезъ плечо надѣты были шашки, съ которыми кавказцы не разстаются, въ особенности же въ дорогѣ. Неровенъ часъ, лишняя предосторожность никогда не мѣшаетъ, да и вообще на линіи человѣкъ безъ оружія кажется одѣтымъ непристойно,—онъ производитъ то впечатлѣніе, которое произвелъ бы въ Петербургѣ человѣкъ въ дамскомъ обществѣ безъ галстуха.

Собесѣдники довольно сухо отвѣчали на вѣжливый поклонъ Ивана Васильевича. Иванъ Васильевичъ усѣлся въ уголокъ и началъ прислушиваться къ разговору.

—Счастье такъ счастье—разсуждалъ черноволосый,—тутъ что̀ и говорить. Въ прошломъ году взялъ штабсъ-капитана, въ нынѣшнемъ получилъ Анну съ бантомъ. Того гляди баталіонъ дадутъ.

—Такъ что̀ жъ, отвѣчалъ бѣлокурый, онъ офицеръ хорошій Службу знаетъ.

—Конечно, Терентій Петровичъ, объ этомъ и слова нѣтъ. Малый онъ смѣтливый, не бонжуръ

какой-нибудь, ядрамъ не кланяется. Это всѣ подтвердятъ. Да все-таки нужно счастіе . . . Вотъ недавно еще, я вамъ доложу . . . былъ случай. Были мы на рубкѣ . . . Была перестрѣлочка, такъ—себѣ, пустячная. Стянулись въ укрѣпленіе, отдохнули; на другой день, только-что начали закусывать, вдругъ тревога. Чортъ ее знаетъ, откуда взялась партія, значковъ пять или шесть, не меньше. Захватили нашъ табунъ да барановъ штукъ до тысячи, и погнали. А онъ, на его счастье, былъ въ секретѣ съ ротою . . . Какъ подошли они къ опушкѣ лѣса, онъ и открылъ по нимъ огонь. Они было въ шашки, а онъ на ура, по-русски, въ штыки; ну, разумѣется, имъ не устоять, они сейчасъ же давай улепетывать. Да понимаете-ли, въ лѣсу-то наши, въ лѣсъ-то имъ нельзя ну, нечего дѣлать по полямъ. А между-тѣмъ по линіи тревога, да о партіи лазутчики успѣли увѣдомить въ Червленную, какъ разъ они голубчики и наткнулись на двѣ сотни Гребенцовъ; ну, тутъ ужъ, на чистомъ-то полѣ, мое почтеніе, скотъ побросали, 80 тѣлъ оставили да 2 значка, да наиба у нихъ убили.

—Хорошенькое дѣльцо, лаконически отозвался маіоръ.

—Да вѣдь на все нужно счастье, Терентій Петровичъ. Нужно-жъ, чтобъ именно ему пришлось быть въ секретѣ. Я что̀ говорю? Иному посчастливится, а другому нѣтъ. Вѣдь можно же непасть въ такую трущобу, что и выстрѣла не

услышишь. Съ тоски помрешь. Промаешься-себѣ нѣсколько лѣтъ, да по-неволѣ и попадешь въ сентябристы. . . .

Слово сентябристъ сильно озадачило Ивана Васильевича.

—Позвольте любопытствовать, сказалъ онъ вѣжливо. Извините, что не имѣвши чести быть съ вами знакомымъ, я вмѣшиваюсь въ вашъ разговоръ. Кого вы это изволите называть сентябристами?

—А тѣхъ, отвѣчалъ улыбаясь высокій офицеръ, которые въ сентябрѣ подаютъ въ отставку. Да не угодно-ли чаю. . . продолжалъ онъ, съ ямайскимъ. . . смѣю рекомендовать. . . контрабандный изъ Турціи. . . Вы, кажется, пріѣзжій.

—Такъ точно-съ.

—И въ первый разъ на Кавказѣ?

—Въ первый разъ.

—Вы насъ извините, намъ угостить васъ нельзя ничѣмъ особеннымъ, а попросту по-кавказски, чѣмъ Богъ послалъ. У насъ ужъ такой обычай на Кавказѣ: каждый пріѣзжій, намъ гость.

Иванъ Васильевичъ съ истиннымъ удовольствіемъ присосѣдился къ своимъ новымъ знакомымъ и выпилъ два стакана чаю, послѣ чего онъ почувствовалъ непреодолимое желанье выказать нѣкоторое воинственное расположеніе духа.

—А позвольте спросить, сказалъ онъ довольно небрежно, какъ близокъ отсюда непріятель?

Офицеры переглянулись. Маіоръ, который вооб-

ще казался не словоохотливъ, проглотилъ цѣлую струю дыма и поперхнулся.

—Да какъ вамъ сказать, отвѣтилъ поручикъ, непріятель здѣсь вездѣ. Здѣсь не то, чтобъ какая-нибудь правильная война . . . Здѣсь кустъ, такъ и непріятель; балка или гора, такъ и непріятель; тростникъ, такъ и непріятель. Здѣсь нельзя сказать, что непріятель въ такомъ-то мѣстѣ, а самое мѣсто и есть непріятель.

—Какимъ же образомъ? возразилъ Иванъ Васильевичъ. Я чтó-то не понимаю.

—Да оно, конечно странно, съ перваго взгляда. Да на то вѣдь здѣсь и Кавказъ. Кавказъ не свой братъ. Съ нимъ съ одного раза не совладаешь. Положимъ, горецъ иной и не трусливъ, въ особенности на правомъ флангѣ, да что онъ, сами посудите, противъ нашего солдата,—просто байгушъ, дрянь. Да сидитъ-то онъ, каналья, въ такой трущобѣ, что самъ чортъ ногу переломитъ. Поди-ко и вѣдайся съ нимъ.

—Такъ оставить бы его тамъ, подумавши отозвался Иванъ Васильевичъ.

—Да мы такъ и дѣлаемъ, только имъ-то, изволите видѣть, не приходится. Въ горахъ-то у нихъ какіе посѣвы? Кое-гдѣ косыя площадки понадѣланы, около саклей, а сакли, я вамъ доложу, торчатъ какъ гнѣзда надъ обрывами. Ну, можете себѣ представить, какое тутъ хлѣ-

бойнашество . . . да и подножнаго корма гдѣ взять, стада пасти? Вотъ они, какъ рѣки спадутъ, и начинаютъ набѣги, и характеръ-то у нихъ разбойничій, все наровятъ какъ застать насъ въ-расплохъ, да поживиться. Думаютъ, мирные помогутъ. А выходитъ не тутъ-то было . . . Мы ихъ отъ себя протуримъ, да и сами къ нимъ, въ гости сходимъ. Впередъ не шали!

— Стало быть, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, и знать нельзя откуда они нагрянутъ?

—Конечно.

—Стало быть, прибавилъ съ необычайной рѣшительностью Иванъ Васильевичъ, можетъ-быть придется и мнѣ подраться?

Трубка едва не выпала изъ рукъ маіора. Поручикъ улыбнулся.

— Ну, врядъ ли, сказалъ онъ. Прежде, точно, между Екатериноградомъ и Владикавказомъ ходили оказіи?

— Вамъ угодно сказать бывали оказіи.

—Нѣтъ-съ ходили оказіи. У насъ называется оказія, когда проѣзжающіе, отправляются съ отрядомъ для безопасности. Прежде обыкновенно ходилъ баталіонъ, съ двумя пушками, а теперь по военно-грузинской дорогѣ это уже вывелось.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что не нужно, съ-тѣхъ-поръ какъ на Сунжѣ повыстроены станицы, да Слѣпцовъ нашъ задалъ страху горцамъ.

— Извините меня, я человѣкъ новый, вымолвилъ съ разстановкой Иванъ Васильевичъ, мнѣ все это, какъ-то неясно. Здѣсь мы въ Ставропольской губерніи?

— Точно-съ.

— Какъ же губернское начальство можетъ принять такія дѣятельныя мѣры, чтобъ вполнѣ обезопасить дорогу?

— Позвольте мнѣ вамъ это объяснить. Здѣсь два управленія: гражданское—по гражданскимъ дѣламъ, а военное—по военнымъ. Иначе и быть не можетъ. Представьте себѣ кавказскій край. Взгляните на карту. Что вы увидите? Черту горъ наискось между двумя морями: Черта-то впрочемъ на 1000 верстъ съ небольшимъ. Впереди плоскость . . . . вотъ-съ, по которой мы ѣдемъ такъ-ли? Ну-съ, по опушкѣ горъ, чтобъ не пускать разбойниковъ, которые все норовятъ на плоскость, и поселены казачьи станицы, съ незапамятныхъ временъ. Да перпендикуляромъ, такъ сказать, къ нимъ тоже станицы, по которымъ вы теперь изволите слѣдовать. Это-то и есть военно-грузинская дорога Такимъ образомъ вы ѣдете прямо на горы, но у подножія ихъ, васъ оберегаютъ и поселенные казаки и кавказскія войска, то есть, мы грѣшные. Военное управленіе по-сю сторону Кавказа раздѣляется на правый флангъ, центръ, владикавказскій военный округъ и лѣвый флангъ, къ этому можете прибавить и Черноморское Войско;

штабъ-квартиры распредѣлены такимъ-образомъ: командующаго войсками на линіи,—въ Ставрополѣ; праваго фланга, въ Прочномъ Окопѣ;—центра, въ Нальчикѣ. Владикавказскаго округа—въ Владикавказѣ, а лѣваго фланга,—въ кр. Грозной. Линѣйныя казачьи станицы составляютъ 22 полка кавалерійскихъ, всегда готовыхъ на бой, и подчиняются особому атаману. Станицы выстроены по теченіямъ рѣкъ, вдоль горъ вправо, на правомъ флангѣ, по Кубани, да передовая линія, то есть, ближе къ горамъ, недавно устроена на Бѣлой, отъ Владикавказа къ лѣвому флангу на Сунжѣ и на Терекѣ. Впереди ихъ поставлены еще крѣпости, изъ нихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ Воздвиженская, уже подъ самыми Черными Горами, на Аргунѣ. Вотъ это все и держитъ горцевъ въ страхѣ и оберегаетъ военно-грузинскую дорогу; да я вамъ доложу—народъ такой азартный, что партія, разумѣется, не пройдетъ, а такъ нѣсколько сорванцевъ заѣдутъ въ мирный аулъ, а оттуда ночью и нашалятъ, пожалуй. Да противъ этого всѣ предосторожности тоже приняты. Вездѣ устроены пикеты, разъѣзды, секреты поставлены, такъ-что вы проѣдете совершенно безопасно, и вамъ драться навѣрно не придется. Вотъ-съ если къ намъ въ Чечню пожалуете, такъ мы можемъ вамъ доставить это удовольствіе. Въ особенности во время экспедиціи на рубкѣ. . . . . . .

—На какой рубкѣ? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Просѣки въ лѣсу рубимъ. Изволите видѣть, гдѣ дорога проложена широкаа на Кавказъ,— тамъ гдѣ сообщенія правильны, тамъ и войны почти быть не можетъ. Горцу хорошо въ Чечнѣ, потому - что тамъ травы въ ростъ человѣческій; балки со всѣхъ сторонъ, да такой дремучій кустарникъ, что бѣда. Пока горца отыщешь онъ уже выстрѣлилъ, да поминай какъ звали. Вотъ этимъ мы и начинаемъ экспедицію, что лѣсъ рубимъ. Выступаемъ изъ укрѣпленія ящикомъ.

— Какъ ящикомъ? воскликнулъ Иванъ Васильевичъ.

— Такъ-съ ящикомъ, въ боевомъ порядкѣ. Впереди авангардъ , потомъ колонна съ цѣпью и резервами по бокамъ, сзади арьергардъ.— Цѣпь отстрѣливается. . . Ставимъ ее по - Вельяминовски, пошире, чтобъ въ колонну пули не долетали Вотъ-съ придемъ къ мѣсту рубки. Изъ за кустовъ начинаютъ строчить по насъ, а подойдемъ къ кустамъ уже нѣтъ никого. Солдатамъ даютъ топоры. Одни рубятъ; другіе отстрѣливаются; теперь просѣки понадѣланы въ полторы версты. Иногда стоимъ такъ лагеремъ, мѣсяца два и больше. А потомъ сдѣлаемъ обыкновенно движеніе, въ случаѣ, если надо наказать за дерзость, аулъ что-ли истребить. Тутъ обыкновенно насъ поджидаютъ, рвы пона-

дѣланы, завалы. Мы ихъ беремъ штурмомъ, потомъ дѣло-таки—свое сдѣлаемъ, потомъ возвращаемся. Тутъ, при отступленіи, всегда уже жаркія дѣла, по азіятскому обычаю. Горцы провожаютъ, и чортъ ихъ знаетъ никакъ не поймешь иногда, откуда они стрѣляютъ, и мѣтко такъ, шельмы!. Рѣдко кто промахнется. Въ третьемъ году, нашъ князь славную съигралъ съ ними штуку: пришли мы въ аулъ, заняли. Хорошо-съ. Горцы, какъ водится, въ лѣсъ; ждутъ, чтобъ мы отступили. А князь расположился себѣ въ аулѣ. «Воздухъ, говоритъ, хорошій». День проходитъ, два— не выступаемъ. Горцы думаютъ, что жъ это наконецъ! А замѣтьте, зима. Въ лѣсу ихъ морозъ пробралъ. Наконецъ терпѣнія не стало. Присылаютъ спрашивать: «скоро-ли отступать будете?»—Князь говоритъ: «мнѣ и здѣсь хорошо».— Вотъ-съ, они видятъ, что напали на доку.— «Нечего дѣлать, говорятъ, ваша взяла. Мы покориться готовы».—«Вотъ это статья другая, говоритъ князь. — Позовите ихъ ко мнѣ».— Пришли они, князь велѣлъ имъ возвратить отобранное оружіе, приказалъ имъ себя караулить, да самъ спать легъ. А проснувшись, онъ и выступилъ безъ выстрѣла, да всѣхъ байгушей,—оборванцовъ, то есть, и привелъ съ собою въ Грозную.

— Скажите, пожалуйста, и вся война такая на Кавказѣ?

— Ну нѣтъ-съ, этого нельзя сказать. Все это, смотря по мѣстности. Вотъ они, сказалъ поручикъ, указывая на маіора,—они служатъ въ Дагестанѣ. Тамъ лѣса въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ ни прутика; а все сѣрый камень, такія пропасти, утесы, что голова кружится.

— Какъ же вы тамъ время изволите проводить? спросилъ Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ маіору.

— Служимъ, отвѣчалъ маіоръ.

— И трудная, коли смѣю спросить, служба-съ?

— Нѣтъ, нельзя сказать. То въ походѣ, то на стоянкѣ; въ походѣ надо только брать все штурмомъ,—такъ оно утомительно. . . А на стоянкѣ ничего.

— Когда же вы идете въ походъ?

— Когда трава показывается, тогда ходимъ.

— Да куда, коли смѣю спросить?

— Сборъ бываетъ на Турчедагѣ, а тамъ куда пошлютъ.

— А на стоянкѣ, что же вы дѣлаете?

— Въ аулахъ стоимъ у басурмановъ.

— Да какъ вы тамъ время изволите проводить?

— Да такъ проводимъ, — трубку покуримъ на крышѣ, посидимъ, погрѣемся на солнушкѣ, въ саклѣ у нихъ холодно. Не топять. Не чѣмъ. Придутъ татары Спросишъ ихъ.. что новаго

по-ихнему, *нахабара*, смотри, только не шелтай-болтай.

— Это что значитъ по-татарски?

— Ничего не значитъ, это выдумали наши солдаты. Не шелтай-болтай, не ври, только смотри,— Татары всѣ знаютъ это и сами говорятъ, шелтай балтай іокъ-туръ, то есть, врать не станемъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ, и пойдутъ разсказывать о Шамилѣ, о томъ, что у него такія-то ссоры съ наибами; а потомъ офицеры придутъ. . . Говорятъ про штаб-квартиру. . . Наша штаб-квартира въ Темир-Хан-Шурѣ. Вотъ-съ такъ и живемъ.

— А вы давно служите?

— Лѣтъ двадцать

— Были ранены?

— Какъ же-съ, три раза. Да это ничего, а вотъ до-сихъ-поръ не могу поправиться съ того времени, какъ попалъ подъ башню.

— Какъ это-съ?

— Да штурмовали мы аулъ: надъ самой кручей развалилась башня да меня и прищемила. Шестьнадцать часовъ лежалъ подъ камнями.

— Помилуйте... да это страшное положеніе... объ чемъ же вы думали тогда?

— Да объ чемъ думать? Думалъ, пропалъ бѣдный Терентій. . Такъ и думалъ, больше объ чемъ же думать? Однако господа, закусить бы пора,—пыжа хватитъ.

— Какъ-съ?

— Пыжа бы хватить.—Рюмочку водки и кусочекъ хлѣба,—да и спать, кажется, время.

Маіоръ позвалъ своего денщика, хватилъ пыжа, выпивши поздравилъ собесѣдниковъ съ праздникомъ, потомъ крякнулъ, и не безъ удовольствія замѣтилъ:

— Вотъ это совершенно другой табакъ.

Послѣ этого онъ облекся въ тулупъ, и растянулся на диванѣ. Его примѣру послѣдовали его собесѣдники. Но Иванъ Васильевичъ долго не могъ заснуть. Въ головѣ его ходили оказіи, цѣпи, горцы, пыжи;—такъ-что онъ долго ворочался со стороны на сторону, не разрѣшивъ еще вопроса: имѣетъ-ли онъ болѣе наклонности къ мирнымъ гражданскимъ занятіямъ, или къ воинскимъ доблестямъ и къ поэтическимъ опасностямъ боевой жизни.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАЧАЛѢ

КАВКАЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Сколько разъ случалось мнѣ слышать отзывы удивленія тому, что всѣ, бывшіе на Кавказѣ, говорятъ о немъ съ восторгомъ и такъ и тянутся душею къ полюбившимся горамъ. Дѣйствительно, кто пожилъ кавказской жизнью, тотъ уже до гроба считаетъ себя какъ-бы *родней* Кавказу. Судьбы прекраснаго края останутся навсегда близкими отчужденному. Иначе и быть не можетъ. Сторона, гдѣ поэзія на каждомъ шагу: и въ природѣ, и въ туземныхъ и военныхъ нравахъ; гдѣ разнообразіе впечатлѣній не допускаетъ скуки,—такая страна приковываетъ къ себѣ поневолѣ. Но отсутствіе скуки не условливаетъ еще сердечной родственной связи. Въ любви русскаго къ Кавказу, и въ особенности къ Закавказью,

таится много другихъ побужденій: духовное братство съ мѣстными жителями по вѣрѣ, сознаніе безпримѣрнаго заступничества, воспоминаніе о кровавыхъ пожертвованіяхъ, надежда на прекрасное возмездіе, выраженное не только щедротами природы, но и цвѣтущимъ состояніемъ края, образующаго безспорно нашу *русскую Италію.*

Какимъ бы душевнымъ просторомъ ни дышала русская грудь въ безбрежныхъ снѣговыхъ степяхъ, какъ бы ни крѣпло чувство народнаго самопознанія на родномъ морозѣ, все-таки остается въ душѣ уголокъ, требующій знойнаго солнца, великолѣпныхъ видовъ, чудной растительности, однимъ словомъ, роскошной природы, вызывающей въ свою очередь душевную роскошь поэтическихъ думъ и художественныхъ стремленій. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Россія дополняется Кавказомъ, и тогда становится ясно, почему каждый русскій, живущій на Кавказѣ, находитъ въ немъ свою вторую, какъ-бы дополнительную родину. . . . .

Безспорно то, что война составляетъ одну изъ поэтическихъ сторонъ кавказской жизни, но безспорно тоже и то, что отъ войны другія стороны еще не опредѣлились вполнѣ, въ настоящемъ ихъ значеніи. Такъ, напримѣръ, до сего времени еще мало было обращено вниманія на то благодатное дѣйствіе, которое Кавказъ могъ-бы имѣть и на русскую словесность и на русское искусство вообще. Такое дѣйствіе объясняется про-

сте. Понятіе о прекрасномъ добывается созерцаніемъ красоты. Конечно, самая восхитительная мѣстность не можетъ создать въ человѣкѣ дарованія; но она можетъ возвысить, направить, усовершенствовать дарованіе, уже существующее; она можетъ образовать вкусъ, обогатить воображеніе, вызвать дремавшее чувство. Все что дѣйствуетъ на душу, отсвѣчивается въ художественныхъ произведеніяхъ, и безошибочно можно обѣщать русскому искусству на Кавказѣ блистательную будущность, если оно только не встрѣтитъ внѣшнихъ препятствій столь обыкновенныхъ въ краѣ, отъ царя Миріана до послѣдняго вторженія Шамиля.

Грѣшно было-бы не упомянуть при этомъ съ глубокой признательностью о томъ мудромъ правителѣ, который возобновилъ на Кавказѣ давнозабытыя преданія, и въ чувственной жизни востока указалъ на возрожденіе духовной, исчезнувшей въ злополучіяхъ жизни. Правленіе князя Воронцова ознаменовалось изящными памятниками, возбужденіемъ умственной дѣятельности въ немногихъ писателяхъ русскихъ и грузинскихъ, обласканныхъ его вниманіемъ. Съ пріѣздомъ его въ край возникла газета «Кавказъ», уже представившая, равно какъ и Кавказскій Календарь, въ теченіе 10-ти лѣтъ, цѣлый рядъ статей любопытныхъ и преимущественно этнографическихъ, какъ и надобыло ожидать. Первымъ движеніемъ пробужденнаго ума бываетъ всегда потребность самопозна-

нія, отчета во всемъ окружающемъ, а уже потомъ онъ переходитъ постепенно къ творчеству, обусловливаемому вдохновляющей природой. Въ этомъ отношеніи вышедшій не давно въ Тифлисѣ альманахъ, *Зурна*, долженъ остановить особое вниманіе каждаго человѣка, не ограничивающаго воззрѣніе свое на книгу тѣсной рамой ея содержанія. Въ каждой книгѣ, кромѣ буквъ и статей, ее составляющихъ, отражается еще другой смыслъ, отпечатокъ времени и мѣстности, духовнаго требованія нравственнаго или художественнаго развитія. Такъ напримѣръ новый альманахъ, при всѣхъ его достоинствахъ, явленіе истинно-замѣчательное не столько въ литературномъ смыслѣ, сколько потому, что онъ изданъ въ Тифлисѣ.

Стоитъ только поставитъ вопросъ: могла ли явиться «Зурна» десять лѣтъ тому назадъ? Было-ли возможно за десять лѣтъ въ Тифлисѣ щегольское изданіе, составленное изъ трудовъ кавказскихъ писателей? Знавшіе край, конечно, отвѣтятъ отрицательно. Изъ этого очевидно, что Зурна составляетъ эпоху въ кавказской исторіи, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ выказалось и вліяніе края на русское слово, и вліяніе русскаго слова на художественную воспріимчивость туземцевъ. Конечно, альманахи всегда бываютъ признакомъ дѣтства словесности; но по этому-то самому кавказская словесность и должна была возвѣстить о своемъ появленіи альманахомъ. Впрочемъ альма-

уже не календарь, не газета. Онъ сборникъ литературный или *беллетрическій*, какъ выражается наша критика. Онъ уже подлежитъ области искусства, и уже вышелъ изъ схоластическихъ пелёнокъ. Онъ заключаетъ не путевыя записки, не статистическія данныя, а цѣлый строй стихотвореній и статей въ прозѣ, не равнаго конечно достоинства, но запечатлѣнныхъ тѣмъ знаменательнымъ достоинствомъ, что онѣ высказались подъ вліяніемъ кавказской жизни.

Самая наружность книги уже можетъ назваться событіемъ. Никогда такой книги на Кавказѣ не бывало. Бумага, шрифтъ, форматъ, превосходная виньетка г-на Василенко, живо и вѣрно выражающая уголокъ Тифлиса, съ неугомонной его зурною, все это приноситъ честь заботливости издателя, показавшаго товаръ лицомъ. Новоселье изукрашено какъ нельзя лучше. Въ такой домъ можно пригласить хорошихъ жильцовъ, и жильцы оказались достойными приготовленной для нихъ квартиры.

Разберемъ сперва стихотворенія. Ихъ счетомъ 19, и лучшее изъ нихъ, по глубокой мысли и тщательности отдѣлки, принадлежитъ самому издателю. Не знаю только, зачѣмъ оно названо отвѣтомъ совѣтовавшему о долговременномъ молчаніи Русской Музы. Не смотря на это длинное, ненужное и прозаическое заглавіе, стихотвореніе заключаетъ истинно-поэтическія красоты. Стихъ роменъ, силенъ и звученъ; риѳмы ложатся есте-

ственно и звонко, вся пластическая отдѣлка обнаруживаетъ разборчивость вкуса. Мысль прекрасна, вѣрна, не затуманена, не растянута. Поэтъ сравниваетъ русское слово съ русскою природою, съ моремъ, съ небомъ, съ лѣсами нашей громадной родины.

Вотъ образецъ его стиха:

Долго дремлетъ нѣмое море,
Льдами кроется оно;
На большомъ его просторѣ,
Снѣговое полотно
Разстилается полгода,
И до срока, до весны,
Ясный день и непогода
Чужды скрывшейся волны.
Но когда весна обниметъ
Землю юной красотой —
Снѣжный саванъ море сниметъ,
И заблещетъ и подниметъ
Пробужденный ропотъ свой....

Далѣе мастерски очерчена мятель:

И мятель, сгущая тучи,
Кроя ликъ померкшій дня,
Сыплетъ долго снѣгъ летучій
На заснувшія поля.

Эти четыре стиха достойны пера Пушкина. Стихвореніе оканчивается заключительной строфой:

Нѣтъ, какъ русская природа:
Море, небо и лѣса,
Дремлютъ нашего народа

Думы тайной чудеса:
Но пускай печать молчанья,
Бардъ полуночи хранитъ:
Онъ въ безмолвьи созерцанья
Много свѣжихъ думъ таитъ;
И въ дремотѣ полусонной
Не напрасно онъ затихъ,
Нѣтъ: въ душѣ его бездонной
Созрѣваетъ обновленный
Въ слово жизни вѣщій стихъ.

За исключеніемъ прозаической принужденности стиха. «Много свѣжихъ силъ таитъ» и слова «Бардъ», несвойственнаго русскому пѣвцу или баяну, послѣдняя строфа не уступаетъ прочимъ. Все стихотвореніе—истинный подарокъ словесности и служитъ лучшимъ отвѣтомъ на всѣ сѣтованія о молчаніи отечественной музы.

Имя г. Вердеревскаго было мало извѣстно до сего времени въ нашей литературѣ. Принявъ на себя редакцію газеты «Кавказъ», онъ долженъ былъ по обязанности ознакомиться съ краемъ, и это имѣло на его дарованіе самое благотворное дѣйствіе. Вымыселъ въ его стихотвореніяхъ опредѣлился выпуклѣе и ярче, чувство заговорило проще и теплѣе, отдѣлка стиха сдѣлалась тщательнѣе. Любители изящной словесности конечно оцѣнили его стихотвореніе. «Дума Урала», напечатанное въ «Кавказѣ» и потомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Настоящій *Отвѣтъ* еще выше, и включаетъ окончательно г-на Вердеревскаго въ число нашихъ хорошихъ стихотворцевъ. Кромѣ Отвѣта, въ «Зурнѣ» помѣщено еще пять его стихотвореній. Изъ нихъ лучшее, по какому-то неопредѣленному поэтическому чувству, «Три сцены». Въ немъ особенно удачны слѣдующіе стихи:

Слава, слава Богу
За счастливый день!
Въ мирѣ да совѣтѣ
Сладко дышетъ грудь...
Неужели въ свѣтѣ
Плачетъ кто-нибудь?

Эти строки такъ и дышатъ счастіемъ; но сцена мѣняется и грустною противуположностію истерзанное сердце высказываетъ свою безвычурную грусть:

Вотъ въ тиши молчанья
Слышны за стѣной
Кашель и стенанья
Матери больной!...
А вдали несется
Оживленный звукъ:
Кто-нибудь смѣется!
Гдѣ-нибудь живется
Безъ сердечныхъ мукъ!

Вліяніе Кавказа на талантъ г-на Вердеревскаго не подлежитъ сомнѣнію; свойство его таланта

дидактическое и описательное, — нуждающееся, слѣдовательно, въ яркихъ картинахъ. Быть можетъ, нѣкоторые его стихи были задуманы прежде, но они навѣрно приведены въ окончательную художественную стойкость только въ Тифлисѣ. Безспорное благодѣтельное дѣйствіе обвороживающей природы на творчество писателя еще ярче выразилось въ имеретинскихъ мелодіяхъ г-на Бобылева, Ихъ три... Онѣ названы прекрасно, потому-что такъ и поютъ про благословенную Имеретію. Первая мелодія, *Послѣ бури*, звучными стихами рисуетъ восхитительную мѣстность. Вторая, еще лучше Она подъ заглавіемъ «Сусанна», какъ-бы тихо напѣваетъ про имеретинскую красавицу:

Взгляните, какъ катится ясно и плавно
По сѣрому камню живая вода,
Кустами по узкой тропинкѣ, недавно
Она приходила украдкой сюда,
И, сѣвъ подъ зеленой, развѣсистой сѣнью,
Очами окинувъ окрестность кругомъ,
Раздѣлась стыдливо, и вся наслажденью
Въ стыдливыхъ струяхъ отдавалась... Потомъ
То гибкою ножкой играла съ водою,
То, косы раскинувъ, спокойно плыла;
То, вѣтку гранаты нагнувши рукою,
Цвѣтокъ пурпуровый безпечно рвала.

Такими стихами русская поэзія даритъ насъ не часто, и потому именно, что это стихи—южные, вылившіеся въ форму пластическую, напоминающую греческое древнее искусство, и условленную красотой предмета и края.

Третья мелодія «Лезгинка» разсказываетъ про имеретинскіе нравы. Она менѣе обработана, но чрезвычайно вѣрна по колориту и общему впечатлѣнію. Г. Бобылевъ уже нѣсколько лѣтъ испытываетъ силы свои на скользкомъ литературномъ поприщѣ. Но дарованіе его вдругъ развилось, и никогда еще не высказывалось такъ рѣзко, какъ въ настоящихъ мелодіяхъ. Пусть-же вникнетъ онъ еще глубже въ бытъ, его окружающій; въ немъ почерпнетъ онъ истинное вдохновеніе, и небольшая семья русскихъ литераторовъ съ радостью прійметъ въ тесный свой кругъ Кавказомъ подареннаго ей собрата. Послѣ имеретинскихъ мелодій нельзя не упомянуть о поѣздкѣ въ Цинондалы г-на Д—ча. Въ ней тоже выражается впечатлѣніе, навѣянное мѣстностію; но впечатлѣніе это не лѣнивое, свойственное черноморскому прибрежью, а душевный просторъ при видѣ Алазанской Долины:

Упоительница наша,
Въ полномъ блескѣ, вотъ она,
Нескончаемая чаша
Кахетинскаго вина.

Пѣснь г-на Д-ча напоминаетъ нѣсколько свободный размахъ языковскаго стиха.

За тѣмъ въ «Зурнѣ» помѣщаются еще нѣкоторыя стихотворенія гг. Гранкина, Шишкова, А—ва и мои собственныя. Но это не стихи, а стишки альбомные, пожалуй, альманашные. Одно изъ ихъ

достоинствѣ то, что они коротки. Того нельзя сказать о длинной «Пѣснѣ Невѣстѣ» за подписью Кержака Уральскаго. Непонятно, какъ этотъ длинный, аналитическій и докторальный диѳирамбъ о наукѣ супружества могъ попасть въ «Зурну»?! Къ чему это безполезное разсужденіе, въ гладкихъ, впрочемъ, стихахъ, выраженное о предметѣ, столько разъ повторенномъ и такъ тонко прослѣдованномъ Бальзакомъ, въ извѣстной его, Физіологіи брака. Изъ всѣхъ статей «Зурны», одна только «Пѣснь Невѣстѣ» не подходитъ подъ общій тонъ изданія, тѣмъ болѣе, что она уже была предназначена для Москвитянина, куда ей и была дорога, по догматическому тону.

Обратимся теперь къ статьямъ въ прозѣ. Самая существенная изъ нихъ, самая занимательная, — самая даже близкая, по заключенію, къ будущимъ возможнымъ судьбамъ Кавказа, названа Воспоминаніями о Брюловѣ. Собственно это не отдѣльный замкнутый трудъ, а собраніе нѣсколькихъ вѣрныхъ и драгоцѣнныхъ матеріяловъ, отзывъ художника о великомъ художникѣ, его наставникѣ, — опредѣленіе глубоко-задуманное, хотя въ немногихъ словахъ выраженное, о свойствахъ русскаго искуства и нѣкоторыхъ его началъ. То, что̀ выше было сказано о вліяніи Кавказа на нашу словесность, еще вѣрнѣе можетъ примѣниться къ живописи, ваянію и зодчеству. Не говоря о природѣ, этомъ вѣчномъ образцѣ всего прекраснаго, не говоря о пестромъ разно-

образій типовъ и нарядовъ, самая исторія края обозначилась памятниками, опередившими 7-ю вѣками водвореніе христіанства въ Россіи. Такимъ образомъ, такъ-какъ нельзя опять у искуствъ ихъ духовныхъ источниковъ, то изученіе этихъ источниковъ и становится вѣрнымъ путеводителемъ для достиженія высшей цѣли художника, то есть, истины и вѣрности его коренному призванію. Въ этомъ отношеніи Кавказъ, не безъ причины названный мною русской Италіей, можетъ представить мпою *первообразовъ*, сохраненныхъ въ стѣнной живописи и церковныхъ подробностяхъ, какъ въ пимятникахъ Православія, столь нераздѣльнаго съ нашей народностью. Тѣ, которые смотрятъ на искусство какъ не на пустую игрушку, а какъ на высшее проявленіе народности въ человѣческомъ творчествѣ не усомнятся въ знаменательности художественныхъ сокровищъ, лучшаго дара христіанскаго Кавказа заступившимся за него братьямъ. Такое воззрѣніе можетъ показаться рѣзкимъ и произвольнымъ только людямъ, не изучившимъ внимательно Кавказа, — и потому нельзя не пожелать, чтобъ мысль, брошенная въ статьѣ о Брюловѣ, выразилась отчетливо въ цѣлой книгѣ, въ роскошномъ изданіи, опредѣляющемъ *наглядно* отношенія греческихъ началъ къ нашей наружной, народной жизни. Такой прекрасный трудъ можетъ быть исполненъ только художникомъ, сочетавшимъ науку съ искусствомъ, опытность съ не-

погрѣшительнымъ вкусомъ, любовь къ прекрасному съ познаніемъ полезнаго. Назвать его не трудно. Тотъ, кто увѣковѣчилъ свое имя на Кавказѣ разумнымъ и великолѣпнымъ возсозданіемъ его главной святыни, одинъ можетъ опредѣлить ту связь, въ храмахъ воплощенную, которая существуетъ между Россіей и Кавказомъ.

Кромѣ Воспоминаній о Брюловѣ, «Зурна» заключаетъ еще нѣсколько любопытныхъ статей. Выше было сказано, что въ ней приняли участіе и туземцы. Эта особенность не маловажна. Имена Цискарова, Берзенова, Ахундова, князя Эристова и оригинальная подпись Будущей Грузинской Писательницы доказываютъ, что русское слово уже вкоренилось на Кавказѣ. Статья князя Эристова «Оборванецъ» отличается художественной цѣльностью и простотой разсказа. Въ ней обрисованъ случай горнаго кровомщенія, не чуждаго и христіанскихъ кавказскихъ племенъ. Князь Эристовъ не впалъ въ заблужденіе своихъ одноземцевъ, которые вѣроятно полагаютъ, что о Кавказѣ нельзя писать иначе, какъ высокопарно. Они приняли за образецъ слогъ Марлинскаго, писателя даровитаго, но вычурнаго и въ свое время образовавшаго въ нашей словесности какую-то манерную, напыщенную школу. Князь Эристовъ догадался, что чѣмъ величественнѣе предметъ, тѣмъ проще долженъ быть разсказъ. Это воззрѣніе приноситъ честь его критическому взгляду и обѣщаетъ впослѣдствіи рядъ статей,

тѣмъ болѣе занимательныхъ, что князь Эристовъ превосходно знаетъ жизнь нѣкоторыхъ горцевъ, а на горную жизнь глядитъ глазами художника.— Что касается до Будущей Грузинской Писательницы, то можно сказать, что г. Вердеревскій вводитъ ее на литературное поприще самымъ вѣжливымъ образомъ, надѣвъ лайковую перчатку, какъ-бы въ роскошную гостиную, убранную цвѣтами. Съ дамой такъ и слѣдуетъ поступать. Зачѣмъ говорить ей, что словесность наша не цвѣтистый пріютъ, а каменная, тернистая скала, окруженная обрывами не лучше Гудъ-горы или Казбека!

Автобіографія, выписанная изъ исповѣди будущей писательницы, знакомитъ читателя съ жизнью грузинской женщины, съ вѣковыми препятствіями, останавливающими ее на пути образованія. Затѣмъ самая повѣсть или начало повѣсти описываетъ живо и вѣрно сватовство и свадьбу двухъ деревенскихъ дѣвушекъ. Сколько кажется, перо грядущей писательницы поддерживалось нѣсколько рукою, болѣе опытною, но впечатлѣніе отъ разсказа пріятно, хотя и приводитъ къ невольному размышленію. Въ повѣсти уже выказывается борьба между старымъ бытомъ и новыми нравами. Это борьба предразсудка и невѣжества, но не съ истиннымъ просвѣщеніемъ, а съ личиной просвѣщенія съ роскошью и безнравственностью. Тифлисскій франтъ во фракѣ, съ развязнымъ обращеніемъ, и перенявшій одни

европейскіе пороки, не заменитъ прежняго благочестиваго грузина, даромъ-что последній лежалъ полвѣка на тахтѣ съ четками въ рукахъ. Но да сохранитъ Богъ и Грузію, и насъ всѣхъ, отъ половинныхъ чувствъ и половинныхъ убѣжденій и познаній. Если уже браться за просвѣщеніе, то конечно уже слѣдуетъ заимствовать не покрой его и не злоупотребленія, а всю его благодать,—и такая задача, конечно, не легка. Полупросвѣщеніе такъ-же пагубно, какъ свято и свѣтозарно просвѣщеніе настоящее, основанное на истинѣ и наукѣ.

Къ усвоенію этого великаго правила должны, сколько мнѣ кажется, стремиться всѣ усилія края, всѣ труды и порывы всѣхъ будущихъ грузинскихъ писателей и даже писательницъ.

Кромѣ имеретинской легенды, записанной г. Дункель-Веллингомъ, и страшной были, красноречиво-разсказанной графомъ Стейнбокомъ и смерти Ага-Мухамед-Шаха, послѣдняго палача тифлисскихъ жителей, въ «Зурнѣ» отпечатаны еще два драматическія произведенія: Тифлискій Муша и Грузія черезъ 1000 лѣтъ. Обѣ піесы разсчитаны для сцены, на которую обѣ не попали. Первая заимствована изъ французской мелодрамы и не совсѣмъ клеится къ грузинскимъ нравамъ. Нововведеніе грузинскихъ пѣсенъ въ русскомъ подлинникѣ едва-ли возможно въ театрѣ. Въ печати онѣ представляютъ интересъ этнографическій. Вторая піеса, о которой мнѣ распространяться не-

возможно, потому что она написана мною, задумана была для декорацій, балета и прежней роскоши тифлисскаго театра. Она написана собственно для актеровъ, когда я не думалъ оставлять Кавказа,— и, право, мнѣ теперь и досадно, и совѣстно, что въ память о себѣ, уѣзжая изъ Тифлиса, я оставилъ ничтожную шутку. Нѣтъ, не шутовской рѣчью, не пустой бездѣлицей хотѣлъ-бы я помянуть прекрасные годы, проведенные мною на Кавказѣ, непривѣтливомъ издали, но радушномъ, гостепріимномъ, незабвенномъ для всякаго, кто узналъ его вблизи. Я оставилъ его съ грустнымъ сожаленіемъ, но съ свѣтлой надеждой, что все, прекрасно въ немъ начатое, не заглохнетъ; что брошенныя въ него сѣмяна мысли и художественнаго чувства разовьются для его блага; что въ немъ не изсякнетъ благой источникъ искувсствъ; что русское слово найдетъ въ немъ живыя вдохновенія и что «Зурна» будетъ предвѣстникомъ новой, прекрасной и полезной отрасли нашей слевесности, сопряженной съ истиннымъ, *внутреннимъ* просвѣщеніемъ края.

С. Сенницы, Рязан. Губ.
4 Іюля 1855 г.

Боржомъ.

О Тифлисѣ теперь говорить нечего—Тифлисъ теперь не въ Тифлисѣ. Его теперь нѣтъ дома. Онъ выѣхалъ на дачу, на воды, на чистый воздухъ. Онъ въ Каджорахъ, въ Боржомѣ, въ Манглисѣ, на Бѣломъ Ключѣ, въ Кисловодскѣ, въ ущельяхъ, на кочевкѣ въ горахъ. Онъ вездѣ, только не въ Тифлисѣ, гдѣ въ удушливомъ котлѣ прозябаютъ нѣсколько служебныхъ тружениковъ, нѣсколько лавочниковъ, да нашъ братъ журналистъ, прикованный къ Кавказу, какъ нѣкогда нашъ предокъ Прометей.

Итакъ Тифлисъ разбѣжался по всѣмъ дорогамъ. Намъ же, обязаннымъ говорить о Тифлисѣ, остается пуститься за нимъ въ погоню, но куда?...

Поѣдемъ сперва въ Боржомъ, любезный читатель, тамъ дышетъ прохладой, тамъ кипитъ теперь работа, строятся дома, разводятся сады; тамъ возникаетъ цѣлый городокъ около цѣлебнаго ключа, къ которому стекаются чающіе дви-

женія воды, кто для удовольствія, а кто и для исцѣленія. Тамъ мы отдохнемъ и освѣжимся отъ тифлисскаго зноя. Тамъ въ ущеліи постоянно и со всѣхъ сторонъ раздается журчаніе рѣкъ, ручейковъ, потоковъ, источниковъ и водопадовъ. Отъ Боржома вѣетъ постоянною свѣжестію, не той, которая казнитъ простуженное человѣчество насморкомъ, кашлемъ и лихорадкою; но той, которая заманиваетъ васъ въ минуты невыносимой южной теплыни подъ серебристо-алмазную сѣнь сверкающей влаги. Тамъ неумолкно раздается добродушное ворчаніе Дяди Струя, тамъ весело смѣется рѣзвая, неусидчивая Ундина и плещется въ играющихъ волнахъ, а потомъ, отряхнувъ длинные волосы, любуется съ утеса какъ торопливыя тучки бѣгаютъ въ-запуски по горнымъ вершинамъ, обвивая ихъ сизыми, прозрачными чадрами. Въ Боржомѣ дождь не то, что въ другихъ мѣстахъ. Въ Боржомѣ дождь не что иное какъ дополненіе къ водяному царству. Онъ не вызываетъ ни калошъ, ни зонтиковъ,—отъ него не видать ни грязи, ни лужи. Онъ промелькнетъ и, отъ перваго луча солнца не оставитъ уже слѣда; а если онъ заупрямится, то для защиты отъ него, у каждаго конь, башлыкъ да бурка, выражающіе всю удаль Кавказа.

Отъ Тифлиса до Боржома 156 верстъ, дорога вездѣ прекрасная, исключая двухъ переправъ: чрезъ Ксанку и Ліяхву. Тутъ намъ придется переѣхать черезъ стремительныя рѣки въ бродъ,

что для искателей приключеній, конечно, не лишено занимательности, но для мирныхъ горожанъ можетъ показаться нѣсколько неудобнымъ; впрочемъ этого неудобства скоро не будетъ, когда подоспѣютъ строящіеся на Курѣ новые мосты и откроется новая дорога. Проѣхавъ черезъ Гори, вы перемѣните лошадей недалеко отъ Сурама и полюбуетесь широкою сумарскую равниною, далеко кругомъ окаймленную горами, на скатахъ которыхъ красуются въ зеленыхъ кущахъ, живописныя деревни и развалившіеся башни, остатки прежнихъ замковъ и укрѣпленій. Вправо отъ станціи вы увидите дорогу, которая тянется къ сурамскому перевалу, отдѣляющему Грузію отъ роскошно-зеленѣющей Имеретіи. Влѣво другая дорога ведетъ къ Боржому.

Въ 9-ти верстахъ отъ Сурама вы уже услышите шумный неумолкный говоръ Куры, которая, пробиваясь сквозь горы, быстро несется къ намъ на встрѣчу. Тутъ начинается боржомское ущелье, или правильнѣе, ущелье Куры, Мткварисъ—хеоба;—боржомскимъ же оно названо недавно, едва-ли не русскими, не захотѣвшими вѣроятно ломать себѣ языка и придавшими пространству въ 48 верстъ, названіе—незначительнаго ущелья выше Ахалциха. Впрочемъ нѣсколько старожиловъ увѣряютъ, что при входѣ въ ущелье, отъ стороны Сурама, находилась сторожевая башня, называемая боржомскою. Дѣйствительно, до сего времени замѣтны при входѣ въ ущелье

остатки не только башни, но и бывшаго нѣкогда каменнаго моста и большаго замка, расположеннаго на самой вершинѣ высокой, конической горы; впрочемъ, вамъ тутъ не будетъ времени разсуждать о мертвыхъ названіяхъ передъ оживленной картиной, которая разовьется въ вашихъ глазахъ. Прежде всего васъ поразитъ, въ особенности послѣ обнаженной, безлѣсной дороги, густая, яркая, веселая растительность, которая, то вѣнчаетъ отвѣсныя базальтовыя скалы, то разстилается по отлогимъ изумруднымъ горамъ, разсѣченнымъ серебряной лентой буйно-текущей Куры. Дорога вьется по лѣвому берегу рѣки между сжавшихся горъ, вплоть до Ацхура, гдѣ горы снова раздвигаются. На всемъ этомъ пространствѣ, по обѣ стороны сплошною массою громоздятся цвѣтистые кустарники и стройныя, хвойныя деревья. Панорама измѣняется съ каждымъ изгибомъ рѣки, по обѣ стороны котороой упираются въ главное ущелье другія меньшія, сопровождающія теченіе рѣчекъ и журчащихъ потоковъ. Въ одномъ изъ этихъ второстепенныхъ ущелій, изъ которыхъ съ шумомъ вытекаетъ Шавицхали, черная вода,—и расположенъ Боржомъ,—Боржомъ, куда мы ѣдемъ, любезный читатель, и гдѣ если вы нездоровы, вы можете полечиться; гдѣ, если вамъ скучно, вы можете весело провести время; гдѣ, если вы любознательны, вы можете многому научиться. И точно въ Боржомѣ вы можете снова увидѣть и понять живое примѣненіе

того упорно-благодѣтельнаго правила, которому Новороссійскій Край обязанъ своимъ богатствомъ, Крымъ своими живописными и доходными садами, Бессарабія своимъ возрастающимъ образованіемъ, Тифлисъ и Грузія своею обновленною жизнію. Это правило просто, какъ все великое, какъ все истинное, какъ все прекрасное. Оно заключается въ оживленіи частной дѣятельности — которая, находя въ стремленіи своемъ личныя для себя выгоды и поощренія, достигаетъ такимъ образомъ выгоды общественной. Въ Тифлисѣ мы уже къ нему привыкли, но въ Боржомѣ оно начало дѣйствовать недавно, только съ прошлаго года. До того времени немногіе, кромѣ туземцевъ, знали о существованіи боржомскаго ущелья; еще менѣе слышали о боржомскихъ минеральныхъ водахъ. Въ 1842 году, бывшій главноуправляющій Закавказскимъ Краемъ, генералъ-отъ-инфантеріи Е. А. Головинъ положилъ начало устройству боржомскихъ водъ; но это устройство ограничивалось двумя или тремя незначительными постройками, и вѣроятно боржомскіе ключи долго бы еще били и пѣнились въ уединеніи и безвѣстности, еслибы намѣстникъ кавказскій не посѣтилъ Боржома, и въ прошломъ году не провелъ бы въ немъ нѣсколько недѣль. Послѣдствія этого пребыванія ярко выразились въ короткое время. Спорная собственность боржомскаго ущелья опредѣлилась окончательно къ взаимной выгодѣ казны и частныхъ владѣльцевъ. Земля вокругъ ключей разбита на

небольшія участки и роздана безденежно желающимъ построить дома въ теченіи года. Болѣе тридцати домовъ возникли такимъ образомъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, по обѣ стороны Шави-цхали, бѣшенаго и вѣчно-журчащаго потока, стремительно-пробивающаго себѣ путь къ Куръ между зеленѣющими гористыми обрывами тѣсно-сжатаго ущелья. Большая каменная гостинница на 57 саженяхъ, еще не конченная, приготовляется, для будущихъ посѣтителей со всѣми удобствами европейскаго общежитія, а у входа ущелья уже толпятся, какъ отличительный признакъ туземнаго довольства, оживленные духаны—эти грузинскія мелочныя лавочки, эти любимые полу-уличные клубы здѣшняго простонародія, гдѣ отъ шашлыка и кахетинскаго, до войлоковъ и оружія громоздятся на полкахъ и прилавкахъ, всѣ нехитрыя потребности карталинскаго жителя. Но это еще не все. Далѣе на зеленой площадкѣ, подъ густою сѣнью орѣховыхъ деревьевъ, выстроены и готовятся уже настоящіе магазины для всякаго товара и европейскаго и азіятскаго. Тутъ же находится временной домъ съ нумерами для пріѣзжающихъ, а далѣе на берегахъ Куры устроена нѣмецкая гостинница съ табльдотомъ, съ биліардомъ, съ стрѣльбой въ цѣль, не хуже какъ въ любомъ нѣмецкомъ городкѣ. Какъ вспомнишь, что не болѣе, какъ за годъ тутъ-же на мѣстѣ этой кипучей дѣятельности, этого работящаго населенія—не было ничего,

кромѣ двухъ или трехъ опустѣвшихъ лачужекъ, да двухъ или трехъ инвалидовъ, съ трудомъ повѣрить своимъ глазамъ. Но и это только начало къ будущему обширнѣйшему устройству. По обѣ стороны Куры раздаются теперь участки уже не подъ отдѣльные дома, а подъ цѣлыя усадьбы, въ которыхъ расчетливое хозяйство предприметъ со временемъ и плантаціи и посѣвы. Наконецъ вокругъ боржомской колоніи уже начертаны дороги для прекраснаго парка. Впрочемъ все боржомское ущелье не что иное, какъ огромный паркъ съ горами и долинами, съ скалами и водопадами, съ роскошной растительностію, съ безчисленными развалинами, живописно свидѣтельствующими о прежней населенности края. Подъѣзжая къ Боржому, вы уже видите на высокомъ холмѣ, близь моста, переброшеннаго черезъ Куру, развалившійся замокъ, Гогіесцихе. Немного далѣе, на другомъ берегу, на высокомъ уступѣ, обросшемъ лѣсомъ, надменно выдвигается соперникъ его Петерцихе. Въ этихъ каменныхъ гнѣздахъ жили нѣкогда, какъ гласитъ народная легенда, два брата враждующіе между собою. Тутъ во всемъ ихъ разгулѣ разыгрывались феодальные нравы, лихія схватки рыцарей большихъ дорогъ. Тутъ нерѣдко доставалось и запоздалому путнику, и купцу-армянину, и оплошавшему каравану. Нерѣдко оба братья съ ихъ азнаурами и нукерами встрѣчались въ кровопролитныхъ стычкахъ и ужасали тавадовъ своею неслыханной

противоприродной враждой. Наконецъ ихъ согласили какъ-то къ примиренію; они съѣхались каждый съ своими приближенными въ домъ примирителя. Братья обнялись, поклялись въ вѣчной дружбѣ, и въ-замѣнъ будущаго согласія начали опорожнять турьи рога и азарпеши. Но кахетинское вино, при всей своей миролюбивности, не могло залить таящагося въ ихъ сердцахъ пламени. Отъ перваго ничтожнаго предлога завязался споръ, отъ спора перешло до ссоры, отъ ссоры до драки, отъ драки до ножей. Азнауры и лукера не отстали отъ своихъ владѣтелей и пиръ кончился тѣмъ что шестьдесятъ человѣкъ легло на мѣстѣ. Съ-тѣхъ-поръ замки опустѣли и преданы разрушенію. Вотъ что живетъ въ преданіи, но когда это было и было ли это въ-самомъ-дѣлѣ, неизвѣстно. Извѣстно и несперно только то, что до XVI столѣтія, въ окружностяхъ боржомскихъ лѣсовъ было весьма значительное населеніе. Отъ существованія его сохранилось, кромѣ многихъ развалившихся замковъ, несмѣтное количество разрушенныхъ церквей, краснорѣчиво свидѣлельсвующихъ о древнемъ картвельскомъ благочестіи. Нѣкоторые изъ самыхъ приближенныхъ къ Боржому въ Ликанскомъ Ущельѣ, въ Дабѣ, въ Цимотисманѣ и такъ далѣе, сохранили слѣды и величественные размѣры византійскаго зодчества, столь драгоцѣннаго для насъ русскихъ, находящихъ въ немъ источникъ нашего народнаго искусства, такъ-какъ мы обрѣли въ Византійской Церкви на-

чало нашего роднаго Православія. Большая часть этихъ церквей относятся къ славнымъ временамъ Грузіи, къ царствованію Тамары, которая, почитая верхнюю Карталинію лучшимъ перломъ своего вѣнца, основала свое пребываніе въ окрестностяхъ Ахалциха, въ крутой, обрывистой скалѣ, въ которой высѣченъ и выдолбленъ былъ дворецъ изъ трехъ-сотъ-шестидесяти покоевъ и названъ Вардзія. Путешественникъ можетъ еще видѣть остатки этого необыкновеннаго царскаго жилища, гдѣ между кельями и проходами сохранился, въ нѣдрахъ земли, великолѣпныхъ размѣровъ храмъ, съ превосходною живописью на стѣнахъ. Между сохранившимися изображеніями особенно замѣчателенъ портретъ во весь ростъ самой царицы Тамары; тутъ-же въ боковомъ придѣлѣ видѣнъ еще каменный балдахинъ, подъ которымъ вѣроятно Тамара была первоначально похоронена. Извѣстно, что она скончалась въ Вардзіи, но многіе полагаютъ, что тѣло ея отвезено въ Гелатъ, другіе же утверждаютъ, что есть преданіе, что настоящая ея могила находится въ недоступной для насъ Сванетіи.

Вообще въ судьбѣ Тамары есть что-то таинственно-величественное: образъ ея до-сихъ-поръ носится надъ Грузіею, но не въ точномъ сознаніи ея правительственныхъ подвиговъ, а въ какомъ то восторженномъ поклоненіи, сливающемъ истину съ баснословіемъ, возможное съ гиперболическимъ. Грузинскій народъ горделиво сохра-

иметъ послѣ семи вѣковъ, какъ драгоцѣнную святыню, память великой жены, подарившей его нѣкогда могуществомъ и славой, послѣ того, какъ святая Нина озарила его свѣтомъ христіанской вѣры. Въ этихъ двухъ именахъ выражаются не столько историческія лица, сколько отвлеченныя понятія о просвѣщеніи, силѣ и благоденствіи; и потому не удивительно, что эти имена живутъ такъ упорно въ благодарной памяти страны, испытавшей всѣ бѣдствія въ теченіи семи вѣковъ. Отъ того все счастливое, все хорошее, все благословенное относится до сего времени до царствованія Тамары. Къ ея благочестію приписываютъ то несмѣтное количество памятниковъ и церквей, которыхъ слѣды каждый день отыскиваются въ густой чащѣ лѣсовъ и непроходимыхъ дебряхъ, гдѣ прежде очевидно было населеніе, но гдѣ нынѣ надо пробивать себѣ дорогу топоромъ. Въ одномъ боржомскомъ имѣніи насчитано таковыхъ церквей и памятниковъ до двухъ сотъ. Эти развалины, разбросанныя по вершинамъ и ущельямъ, предлагаютъ прекрасную цѣль для прогулокъ, живописные виды для художниковъ, цѣлое поле для изысканій археологамъ. Такимъ образомъ боржомское ущелье оказывается важнымъ и въ отношеніи хозяйственномъ, по богатству лѣсныхъ дачъ, и въ отношеніи искусства, и въ отношеніи науки, но главное его достоинство заключается въ цѣлебномъ свойствѣ его минеральныхъ водъ.

Мы надѣемся, любезные читатели, что вы, сла-

за Богу, здоровы и не нуждаетесь ни въ чемъ, кромѣ живописныхъ мѣстоположеній и свѣжаго воздуха для нашихъ лѣтнихъ впечатлѣній. Но если, паче чаянія, какой-нибудь злой недугъ заставилъ васъ тревожно призадуматься, то вспомните, что Кавказъ богатъ источниками, сохраняющими жизнь въ замѣнъ того, можетъ-быть, что онъ такъ часто подвергаетъ ее различнымъ опасностямъ. Для жителей Тифлиса самыя близкія, самыя удобныя воды боржомскія, которыя для нѣкоторыхъ болѣзней дополняются абасъ-туманскими и уравельскими, находящимися въ близости Ахалциха. Свойство боржомскихъ водъ щелочное абасъ-туманскихъ—сѣрное, уравельскихъ—кисло-железное. Желающимъ ближе познакомиться съ ними, мы можемъ указать на изданную въ нынѣшнемъ году брошюру, (*) въ которой изложены и достоинство поименованныхъ источниковъ, и примѣры бывшихъ изцѣленій. Эта брошюра составлена двумя опытными врачами г.г. Верзейномъ и Амировымъ и дополнена любопытными замѣчаніями управляющаго медицинскою частію гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ Э. С. Андреевскаго.

Устройство водъ подвигается быстро. У ключа по длинной галлереѣ уже ходятъ больные, по-

(*) Абастуманъ, Боржомъ, Уравель, главнѣйшія изъ карталинскихъ минеральныхъ водъ. бальнеографическій очеркъ, напечатанный по приказанію намѣстника. Тифлисъ, 1852 года.

глядывая на часы. Ванны согрѣваются, и паръ клубится надъ трубами. Доктора, сидя на лавочкахъ, бесѣдуютъ въ полголоса съ своими паціентами. Наконецъ принадлежность всѣхъ минеральныхъ водъ—нѣмецкій оркестръ наигрываетъ веселые штраусовскіе вальсы, которымъ вторитъ вольный говоръ потока, и Дядя Струй, вѣроятно, хмурится, что его потревожили въ его болтливой скороговоркѣ. Но зато Ундина, вѣрно, съ любопытствомъ прислушивается къ незнакомымъ ей и чарующимъ звукамъ и лукаво улыбается, глядя на толпу юношей быстро скользящихъ по крутизнамъ Боржомскаго Ущелья.

УПЛИСЪ-ЦИХЕ.

Въ здѣшнемъ поэтическомъ краѣ, все принимаетъ образъ поэтическій даже лингвистика, даже палеографія, даже археологія—самыя сухія науки изъ всѣхъ сухихъ наукъ. Здѣсь напримѣръ, археологъ не то, что археологъ въ другихъ мѣстахъ. Археологъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ мы къ нему привыкли, существо нѣмецкое въ очкахъ, въ бѣломъ галстухѣ, чинное, мирное, акуратное, угловатое, которое смѣется по-латыни, садится по-гречески, живетъ за 2000 лѣтъ и только ошибкой попалъ въ современный бытъ. На Кавказѣ совсѣмъ другое дѣло, на Кавказѣ археологъ одѣтъ разбойникомъ въ папахѣ, съ кинжаломъ и съ пистолетами. На Кавказѣ археологъ вѣчно верхомъ, не на ученомъ конькѣ, не на троянской лошади, а на настоящемъ карабахскомъ или кабардинскомъ иноходчикѣ, который преисправно потряхиваетъ его науку, по оврагамъ и кручамъ и по трущобамъ

черезъ долы и броды, черезъ горы и лѣса. Впрочемъ отъ этой кавказской воинственности, отъ этого вѣчно-тряскаго и неудобнаго житія и страждетъ можетъ-быть нѣсколько кавказская археологія. Напримѣръ, въ кабинетѣ своемъ, кругомъ заваленномъ и заставленномъ съ пола до потолка фоліантами и брошюрами, археологъ, облеченный въ халатъ и ермолку, съ крючковатой трубкой во рту, готовъ написать вамъ длинное разсужденіе о Троглодитахъ, объяснитъ все что говорили о нихъ Геродотъ и Страбонъ; онъ начинитъ свою статью цитатами на всѣхъ исчезнувшихъ языкахъ; разбранитъ въ-пухъ-и-прахъ своего какого-нибудь ученаго соперника или друга, и докажетъ даже, что ученый другъ или соперникъ совершенный невѣжа, что, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ удовольствій археологическаго самолюбія. Наконецъ онъ напечатаетъ цѣлую книгу, которую всѣ расхвалятъ и никто не прочитаетъ цѣликомъ, за исключеніемъ можетъ-быть ученаго друга или соперника, который въ свою очередь докажетъ, что напавшій на него ученый другъ самъ ничего не смыслитъ,—за этотъ споръ оба получатъ лестныя отзывы въ спеціальныхъ журналахъ и длинные дипломы на членовъ разныхъ сѣверныхъ и южныхъ ученыхъ академій.

Но отъ этой халатной полемики далеко до вооруженной жизни, до опасностей Кавказа. Троглодиты въ книгѣ, не то что Троглодиты на

дѣлѣ. Въ нихъ пещеры надобно нерѣдко спускаться на веревкахъ, съ опасностью, сломать себѣ шею, къ нимъ доѣхать надо иногда вплавь черезъ бурную рѣку, бѣшено сбѣгающую съ окрестъ — лежащихъ горъ; — въ нихъ наконецъ можно встрѣтить иногда какого-нибудь татарина искателя азіатскихъ впечатлѣній, съ обритой головой, съ мѣткой винтовкой и съ любопытнымъ, пытливымъ, въ своемъ родѣ, характеромъ. Все это, разумѣется, нѣсколько охлаждаетъ рвеніе къ наукѣ, все это объявляетъ почему нѣкоторые памятники исторіи въ другихъ мѣстахъ, породили бы цѣлые томы объясненій, на Кавказѣ только упоминаются вскользь, иногда даже не упоминаются вовсе. Къ числу таковыхъ надо приписать остатки первообразнаго общественнаго жилья, безчетное число пещеръ, изрытыхъ въ землѣ и изсѣченныхъ въ камнѣ, слѣды нравовъ до историческихъ, не записанныхъ никакою лѣтописью, но пощаженныхъ временемъ, и ясно и выпукло свидѣтельствующихъ о какомъ-то загадочномъ бытѣ. Таковыхъ пещеръ много на Кавказѣ, какъ и вообще въ мѣстахъ гористыхъ, но нигдѣ онѣ не представляютъ такого громаднаго объема, не расположены такъ симметрически, въ особенности не обнаруживаютъ такихъ слѣдовъ искусства какъ въ извѣстныхъ, или лучше сказать, въ мало-извѣстныхъ развалинахъ Уплисъ-цихе. Въ окрестностяхъ г. Гори теченіе Куры, вышедшей изъ боржомскаго тѣнистаго ущелья, окаймлено

обнаженными изколмленными равнинами, изъ которыхъ нѣкоторыя обрывисто оканчиваются надъ рѣкою, образуя желтоватые утесы изъ твердаго песчаника. Уплисъ-цихе не что иное какъ подобная скала, у подножія которой расположена небольшая деревенька въ видѣ ярко-зеленаго оазиса посреди выжженной степи. Деревенька Уплисъ-цихе лежитъ въ 7 верстахъ отъ города Гори, внизъ по теченію Куры на лѣвомъ берегу. Проѣхавъ деревню вы видите влѣво высокую стѣну самаго утеса, въ которомъ кое-гдѣ, какъ глазныя впадины въ черепѣ, мрачно выглядываютъ пещеры когда-то выдолбленныя людьми, но уже давно неприступныя. Грузинскій географъ Вахуштъ, писавшій въ началѣ прошедшаго вѣка, упоминаетъ объ этихъ недосягаемыхъ впадинахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Къ западу находится крутой обрывъ, въ которомъ вырыто въ камнѣ множество огромныхъ пещеръ, нынѣ недоступныхъ. Тамъ бываютъ мухи. Тамъ же видно выступленіе войска ратниковъ вооруженныхъ копьями и луками, и снаряженныхъ всадниковъ. Говорятъ, что это талисманъ».

Надо сознаться, что это свѣденіе нѣсколько неясно. О какихъ мухахъ и какихъ воинахъ, о какомъ талисманѣ говоритъ географъ. Мухъ особенныхъ нигдѣ въ Уплисъ-цихе незамѣтно, зато тамъ скользятъ и вьются особаго рода ящерицы, настоящіе граждане безмолвнаго города.— Выступленіе войска было вѣроятно изображено

а можетъ-быть сохранилось еще понынѣ въ барельефахъ на стѣнѣ одной изъ пещеръ, куда никакой археологъ еще не отваживался вскарабкаться во славу науки. Такимъ образомъ цѣлая часть города вырытаго въ землѣ торчитъ на воздухѣ, другая же часть доступна, и съ берега къ ней ведетъ вдавившаяся желобомъ въ камень тропинка, образующая по мѣрѣ подъема узкій каменный корридоръ. Эта тропинка огибаетъ гору. И тутъ вамъ представляется влѣво уже не обрывъ, а совершенно отлогій отклонъ, весь изрытый пещерами съ сѣнями, которыя, какъ черныя разинутыя пасти зѣваютъ на всѣ стороны.—Какое-то странное, непостижимое чувство овладѣваетъ вами въ этой неразгаданной обители, посреди которой возвышается, выстроенная изъ кирпича небольшая церковь, ветхая и почти развалившаяся, но очевидно построенная только нѣсколько вѣковъ, тогда какъ самъ городъ существуетъ нѣсколько тысячелѣтій. И какой, чудный, какой фантастической городъ. Прежде всего васъ поразитъ рядъ правильныхъ покоевъ, обтесанныхъ въ видѣ параллелограммовъ. Съ лѣваго края надъ сѣнями выдвигается угломъ, или верхней частью фронтона крыша, нижній слой ея вырѣзанъ въ видѣ шашечницы, съ украшеніями въ каждомъ четырехъ-угольникѣ. Эта рѣзьба очевидно принадлежитъ древнему греческому стилю. Повыше вы входите въ большую залу, съ правильными по бокамъ арками, съ

слѣдами пилястровъ,—съ круглымъ отверстіемъ на потолкѣ, перерѣзаннымъ уступомъ, въ который упирались пилястры, и съ круглымъ отверстіемъ. Къ этой залѣ примыкаютъ съ двухъ сторонъ ниши.—Умъ теряется въ догадкахъ на счетъ этой залы Была-ли она языческимъ храмомъ, или пріемной какого-нибудь властелина или просто дарбазомъ—пускай это объяснитъ когда-нибудь археологія, призваніе которой дополнять исторію и разгадывать ея загадки.— Другая пещера меньшаго объема правильно вытесана сводомъ или палаткой, раздѣленной четырьмя дугами, которыя соединяются на потолкѣ въ круглымъ арабескѣ. Тутъ явно вліяніе арабскаго зодчества...Еще весьма оригинально одно жилье въ 2 этажа, расположенныхъ не одинъ надъ другимъ, а на-искось. Верхняя комната отличается изящно-вытесаннымъ въ параллелограммахъ плафономъ, а съ полу, временемъ или искусствомъ, пробита широкая щель къ нижнему покою, совершенно простому по обдѣлкѣ. Всѣхъ пещеръ никто не пересчиталъ, многихъ, какъ сказано выше, давно никто и не видѣлъ. Главныхъ, изящныхъ пещеръ, требующихъ особаго изученія, насчитано 12 Онѣ описаны были до сего времени только однимъ извѣстнымъ путешественникомъ Дюбуа, къ которому мы и обращаемъ своихъ читателей. Но описаніе г. Дюбуа далеко не кончено и неудовлетворительно. Нашъ фельетонъ конечно неполнѣе и неудовлетвори-

тельнѣе; но фельетону предоставлено право говорить обо всѣмъ слегка, и конечно никому не придетъ въ голову требовать отъ статьи фельетонной археологической точности. Мы видѣли Уплисъ-цихе на-скоро и поверхностно. Іюльское солнце жарило неумолимо. Нашъ проводникъ, старый грузинъ, по лѣтамъ едва-ли не принадлежавшій еще къ Троглодитамъ, показывалъ намъ и ворота, и городскую стѣну, канавы, улицы, духаны, лѣстницы, покои, ниши и скамьи въ покояхъ, и все это разбросанное, перебитое, громоздящееся другъ надъ другомъ не могло отчетливо врѣзаться въ нашей памяти; но мы вынесли изъ этого хаоса глубокое впечатлѣніе, мы пробыли нѣсколько времени лицомъ къ лицу съ народомъ и бытомъ, съ искусствомъ, съ жизнію давнымъ-давно исчезнувшими. Когда ходишь по кладбищу, то все-таки чувствуешь себя между своими, понимаешь сколько тревогъ и печалей, сколько волненій и суетъ успокоилось тутъ, подъ этимъ понятными намъ могилами. Но фантастическій городъ, въ который занесла насъ наша кочующая судьба, явился намъ громадной гробницей, совершенно-чуждой нашимъ понятіямъ. Жилье еще цѣло, но жильцы намъ вовсе незнакомы, вовсе необъяснимы. Отъ этой могилы вѣетъ какой-то страшной пустотой, но не возбуждается никакого человѣческаго сочувствія. И въ-самомъ-дѣлѣ видны признаки роскоши, богатства, искусства, но не видно близкихъ намъ призна-

ковъ человѣческихъ, понятнаго намъ общежитія. Что за люди были эти Троглодиты, во что они вѣровали, кому они повиновались. И къ чему и зачѣмъ вырыть въ скалѣ съ такимъ трудомъ, съ такимъ терпѣніемъ, такой странный замокъ, такой странный городъ? Грузинская лѣтопись объ этомъ умалчиваетъ, и довольствуется только бѣглымъ указаніемъ. Не углубляясь въ болѣе—отдаленную древность—она начинаетъ съ потопа.

Отъ Ноева сына Іафета произошелъ въ 3-мъ или 4-мъ колѣнѣ, что еще окончательно учеными не рѣшено, родоначальникъ армянъ и грузинъ Таргамосъ. У Таргамоса было 8 сыновъ, изъ нихъ Картлосъ оставилъ имя свое карталинцамъ. Сынъ Картлоса, Михетосъ, построилъ городъ Михетъ, древнюю столицу Грузіи Сынъ Михетоса, Уплосъ, построилъ города Каснъ, Урбнисъ и Уплисъ-цихе, то есть, замокъ Уплоса. Уплисъ-цихе былъ городомъ до нашествія Чингисъ-хана. Построеніе его было изумительное, заключалось въ покояхъ высѣченныхъ въ скалѣ. Одна изъ таковыхъ пещеръ простиралась до Мтквари, то есть, до Куры.

Вотъ едва-ли не всѣ свѣдѣнія, которыми подарила насъ исторія. До какой степени они справедливы, пускай объ этомъ судятъ другіе. Происходитъ-ли названіе Уплисъ-цихе отъ Ноева праправнука Уплоса, или отъ грузинскаго слова

Упало (Господь), въ какомъ случаѣ Уплисъ-цихе значило бы Господній замокъ, то это, вѣроятно, останется навсегда тайной какъ и самая судьба таинственнаго города. Одно только неопровержимо, вѣрно, что Уплисъ-цихе самая замѣчательная древность на Кавказѣ, и что она заслуживаетъ вполнѣ тщательнаго, совѣстнаго и подробнаго обслѣдованія. Намъ кажется, что пора положить конецъ этому обидному забвенію, въ которомъ до сего времени оставалось Уплисъ-цихе, пора археологіи заглянуть хоть не хотя во всѣ его пещеры, порыться въ его почвѣ — поскоблить его стѣны, снять всему вѣрные планы и рисунки, словомъ сдѣлать для Уплисъ-цихе, то что сдѣлано для Помпеи, для Керчи, для египетскихъ и индійскихъ древностей. Теперь пора поверхностнаго знакомства съ Кавказомъ уже прошла. Знакомство сдѣлано. Очерковъ, взглядовъ, дневниковъ, напечатано вдоволь. Начинается эпоха изученія, и Уплисъ-цихе не нужно забыть, оно для Грузіи и для грузинъ должно быть въ особенности драгоцѣнно. Оно послужило образцомъ для Вардзіи, для дворца Тамары, который тоже былъ выдолбленъ въ скалѣ. Великую жену не могло не поразить величіе здѣшняго подземнаго города, и она вырѣзала ему по-

добіе въ утесѣ Вардзіи, но съ благочестивой мыслью христіанской вѣры, съ великолѣпнымъ храмомъ, который по византійской живописи, по величественнымъ размѣрамъ, составляетъ и понынѣ одну изъ главныхъ святынь и достопримѣчательностей Грузіи, внушающую путнику умилительное чувство, тогда какъ отъ Уплисъ-цихе остается безотрадное хотя и поражающее впечатлѣніе.